

ГАРРИ ПОТТЕР

И

УЗНИК АЗКАБАНА

3

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

И
УЗНИК АЗКАБАНА

3

ПРИЗЕР ДУХИНА

ДЖ.К. РОУЛІНГ

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и узник Азкабана

*Посвящается Джилл Пруитт и Анье Кили,
крестным «Свинга»*

Глава первая

Совиная почта

По всем статьям Гарри Поттер был весьма необычным ребенком. Взять хотя бы то, что он ненавидел летние каникулы. Или то, что он честно готовил каникулярные домашние задания, но только тайно, под покровом ночи. А еще он был колдун.

Уже почти наступила полночь, а Гарри, в палатке из одеяла, лежал на животе и при свете карманного фонарика читал подпертую подушкой книгу в кожаном переплете («Историю магии» Батильды Бэгшот). Гарри водил кончиком орлиного пера над страницей и, насупив брови, выискивал что-нибудь полезное для сочинения на тему «Бессмысленность сожжения ведьм в четырнадцатом столетии».

Перо зависло над подходящим параграфом. Гарри поправил на носу круглые очки, поднес фонарик поближе и прочитал:

Не владеющие магией люди (более известные как муглы) в Средние века особенно боялись колдовства, однако не обладали даром распознавать оное. В редких случаях, когда им удавалось поймать настоящих ведьм или колдунов, сожжение не приносило ожидаемого результата. Колдун или ведьма прибегали к базовому заклятию заморозь-огонь и притворно вопили от боли, в действительности испытывая лишь легкую щекотку. Например, Убожка Уэнделин так любила жариться на костре, что под разными обличьями позволяла отловить себя не менее сорока семи раз.

Гарри зажал перо зубами и полез под подушку за чернильницей и свитком пергамента. Медленно и очень осторожно он отвинтил крышечку, обмакнул перо в чернильницу и начал писать, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, – если кто-то из Дурслеев по пути в ванную услышит скрип пера, Гарри, скорее всего, запрут в чулане под лестницей до конца каникул.

Из-за семейства Дурслеев, проживавшего в доме № 4 по Бирючинной улице, Гарри и ненавидел летние каникулы. Дядя Вернон,

тетя Петуния, их сын Дудли – у Гарри не осталось другой родни. Все трое были муглы и очень по-средневековому относились к колдунам. О погибших родителях Гарри – а те как раз были колдун и ведьма – в стенах дома на Бирючинной улице упоминать не полагалось. Многие годы тетя Петуния и дядя Вернон надеялись жестким воспитанием выбить из Гарри магические таланты. К их великому возмущению, ничего не вышло, и теперь они жили в постоянном страхе: вдруг кто узнает, что племянник вот уже два года учится в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Дурслеям только и оставалось, что в первый же день каникул запереть в чулане книги заклинаний, волшебную палочку, котел и метлу и запретить мальчику разговаривать с соседями.

Недоступность учебников стала настоящим бедствием, потому что в «Хогварце» на каникулы задавали много. Одна работа, особенно сложная, про уменьшительные отвары, предназначалась для самого нелюбимого учителя, профессора Злея, а тот лишь возрадовался бы поводу наложить на Гарри суровое взыскание на месяц-другой. Что же, никуда не денешься – пришлось воспользоваться первым удобным случаем. В самом начале каникул, пока дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли восхищались в саду новой служебной машиной дяди Вернона (нарочито громко, дабы никто из соседей не пропустил новости), Гарри прокрался на первый этаж, вскрыл замок чулана под лестницей, схватил книжки, сколько мог унести, и спрятал их у себя в комнате. Если не заляпает простыни чернилами, Дурслеи и не узнают, что он по ночам изучает магию.

Сейчас Гарри вовсе не хотелось раздражать дядю с тетей. Они и без того злились: спустя неделю после начала каникул ему осмелился позвонить по телефону приятель-колдун.

Рон Уизли, лучший друг Гарри по «Хогварцу», происходил из колдовской семьи. Рон с детства знал много всякого, о чем Гарри и не подозревал, зато никогда еще не пользовался телефоном. По совсем уж несчастливому совпадению трубку снял дядя Вернон.

– Вернон Дурслей слушает.

Гарри, в это время оказавшийся в комнате, прямо замер, услышав голос Рона:

– АЛЛО? АЛЛО? ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? ПОЗОВИТЕ – ПОЖАЛУЙСТА – ГАРРИ – ПОТТЕРА!

Рон так орал, что дядя Вернон подпрыгнул, отодвинул трубку от уха на фут и воззрился на нее в гневе и тревоге.

– КТО ГОВОРИТ? – проревел он в направлении микрофона. – ВЫ КТО?

– РОН – УИЗЛИ! – надрывно прокричал Рон, будто они с дядей Верноном разговаривали через целое футбольное поле. – Я – ДРУГ – ГАРРИ – ПО ШКОЛЕ...

Маленькие дядины глазки метнулись к Гарри. Ноги у мальчика словно приросли к полу.

– ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ГАРРИ ПОТТЕРА! – прогрехотал дядя. Теперь он держал трубку еще дальше, словно боялся, что она вот-вот взорвется. – НЕ ЗНАЮ, О КАКОЙ ТАКОЙ ШКОЛЕ ВЫ ГОВОРИТЕ! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЗВОНИТЕ СЮДА! И НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ К МОЕМУ ДОМУ И МОЕЙ СЕМЬЕ!

И бросил трубку на рычаг – будто ядовитого паука отшвырнул.

После этого разразился грандиознейший из скандалов.

– КАК ТЫ ПОСМЕЛ СООБЩИТЬ НАШ НОМЕР ТАКИМ... ТАКИМ... ТАКИМ, КАК ТЫ! – вопил дядя Вернон, обрызгивая Гарри слюной.

Рон, очевидно, понял, что навлек на друга неприятности, и больше не звонил. И лучшая подруга Гарри по «Хогварцу», Гермиона Грейнджер, тоже не объявлялась. Гарри подозревал, что Рон посоветовал ей не звонить, и это было очень жалко: Гермиона, самая умная девочка у них в классе, родилась в семье муглов, прекрасно умела пользоваться телефоном и, наверное, догадалась бы не сообщать, из какой она школы.

В общем, пять долгих недель Гарри не получал от друзей известий, и лето оборачивалось немногим лучше предыдущего. Одно только радовало: поклявшись, что не станет писать друзьям, Гарри получил разрешение ночами выпускать сову Хедвигу. Дядя Вернон сдался, потому что Хедвига от постоянного сидения в клетке дурела и ночью никому не давала спать.

Гарри дописал про Убожку Уэнделин и снова прислушался. Тишину в спящем доме нарушали только отдаленные раскаты – храпел Дудли, двоюродный брат. Наверное, уже очень поздно. Глаза от усталости чесались. Может, закончить завтра ночью?..

Гарри завинтил крышку на чернильнице, вытащил из-под кровати старую наволочку, сложил туда фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и чернила, встал и, приподняв половицу под кроватью, всё спрятал. Затем выпрямился и потянулся. На тумбочке светился циферблат будильника.

Час ночи. В животе екнуло. Оказывается, ему уже час как тринадцать.

Вот еще одна странность: к своим дням рождения Гарри был безразличен. За всю жизнь он не получил ни единой открытки. Дурслеи не поздравляли его уже два года, вряд ли и на этот раз вспомнят.

В темноте Гарри подошел к раскрытому окну. Облокотился на подоконник. После долгого сидения под одеялом прохладный ночной ветерок приятно освежал лицо. Большая совиная клетка пустовала – Хедвиги не было уже две ночи подряд. Гарри не беспокоился – она и раньше так улетала, – но очень ее ждал. В этом доме только сова не шарахалась от колдунов.

Гарри оставался невысоким и худеньким для своего возраста, но все же подрос за год на пару дюймов. А вот его угольно-черные волосы по-прежнему упрямо топорщились, что ты с ними ни делай. Из-за очков смотрели все те же ярко-зеленые глаза, а на лбу сквозь челку отчетливо проглядывал тонкий зигзагообразный шрам.

Шрам был главной особенностью Гарри – но отнюдь не наследием автокатастрофы, якобы убившей его родителей, как десять лет подряд лгали Дурслеи. Лили и Джеймс Поттеры погибли вовсе не в аварии. Их убил самый страшный злой колдун последнего столетия, Лорд Вольдеморт. А вот Гарри при этом получил всего-навсего шрам на лбу. Проклятие Вольдеморта не убило мальчика – оно отрикошетило в того, кто его наслал. Еле живой, Вольдеморт исчез...

Но Гарри встретился с ним лицом к лицу в «Хогварце». И сейчас, у окна, вспоминая их последнюю встречу, Гарри вынужден был признать, что, раз он сумел дожить до тринадцатилетия, ему крупно повезло.

Он обвел глазами звездное небо, поискал Хедвигу. Вдруг она уже летит к нему с дохлой мышью в клюве и ждет похвалы? Рассеянно скользя взглядом по крышам, Гарри не сразу осознал, что видит.

Силуэтом против золотой луны, с каждым мгновением увеличиваясь, к нему неровными скачками приближалось непонятное кривобокое создание. Гарри стоял неподвижно и следил, как оно снижается. Долю секунды он колебался, держась за шпингалет, не захлопнуть ли окно. Но тут странное создание влетело в круг света над фонарем на Бирючинной улице, и Гарри, разглядев, что это такое, отпрыгнул в сторону.

В окно влетели три совы. Две поддерживали между собой третью – та, кажется, была в обмороке. С мягким «плюх» они приземлились на кровать. Средняя птица, большая и серая, завалилась на бок и застыла. К ее лапкам был привязан большой сверток.

Гарри сразу же узнал несчастного филина – звали его Эррол, и принадлежал он семейству Уизли. Гарри кинулся к кровати, отвязал от Эррола сверток и отнес измученную птицу в клетку Хедвиги. Эррол открыл мутный глаз, еле слышно благодарно ухнул и начал жадно глотать воду.

Гарри обернулся к двум другим совам. Одна, снежно-белая, – его Хедвига. Она тоже принесла пакет и была чрезвычайно горда собой. Когда хозяин освободил ее от ноши, она любовно его ущипнула и перелетела к Эрролу.

Третью сову, красивую рыжевато-коричневую, Гарри не знал, но понял, откуда она прилетела: помимо посылки она принесла письмо с гербом «Хогварца». Когда Гарри все у нее забрал, она важно распушила перья, расправила крылья и вылетела через окно в ночь.

Гарри сел на кровать, схватил пакет, принесенный Эрролом, разорвал оберточную бумагу и обнаружил подарок в золотой упаковке, а также первую в жизни поздравительную открытку. Дрожащими пальцами он распечатал конверт. Оттуда выпало два листка – письмо и газетная вырезка.

Вырезка была явно из волшебной газеты «Оракул», потому что люди на черно-белой фотографии двигались. Гарри разгладил вырезку и прочитал:

***РАБОТНИК МИНИСТЕРСТВА МАГИИ ВЫИГРЫВАЕТ
ГЛАВНЫЙ ПРИЗ***

Артур Уизли, начальник отдела неправомерного использования мугл-артефактов, выиграл главный приз в ежегодной лотерее

«Оракула».

Довольный мистер Уизли сообщил нашему корреспонденту: «Мы потратим деньги на летнее путешествие в Египет, где наш старший сын Билл работает взломщиком заклятий в банке “Гринготтс”».

Семья проведет в Египте месяц и возвратится к началу учебного года в школу «Хогварц», которую в настоящее время посещают пятеро детей Уизли.

Гарри поглядел на фотографию, и широкая улыбка расплзлась по его лицу: ему отчаянно махали все девятеро Уизли. Они позировали перед огромной пирамидой. Маленькая и пухленькая миссис Уизли; высокий, лысеющий мистер Уизли; шестеро сыновей и одна дочка, все (хоть на черно-белой фотографии и не видно) огненно-рыжие. Прямо посередине стоял Рон, долговязый и нескладный, с ручной крысой Струпиком на плече. Одной рукой он обнимал за плечи младшую сестренку Джинни.

Семейство Уизли, пожалуй, как никто нуждалось в крупном выигрыше. Они были невероятно милые и невероятно бедные люди. Гарри развернул письмо Рона.

Привет, Гарри!

С днем рождения!

Слушай, я страшно извиняюсь за тот звонок. Надеюсь, муглы тебя не сожрали? Я спросил у папы, он говорит, я зря так орал.

В Египте здорово. Билл водил нас по гробницам – там от древних жрецов столько всяких заклятий, не поверишь! В последнюю гробницу мама даже не пустила Джинни. Там скелеты-мутанты – муглы, которые туда когда-то влезли, а теперь у них выросли лишние головы и все в таком роде.

Я прямо обалдел, когда папа выиграл в лотерею «Оракула». Семьсот галлеонов! Они, правда, почти целиком ушли на поездку. Но мне все равно купят новую палочку.

Гарри прекрасно помнил, при каких обстоятельствах сломалась старая волшебная палочка Рона. Это случилось, когда автомобиль, на котором они с Роном прилетели в «Хогварц», врезался в дерево на школьном дворе.

Мы вернемся за неделю до начала учебного года и поедем в Лондон за палочкой и учебниками. Может, встретимся?

Не сдавайся муглам без боя!

И постарайся приехать в Лондон.

Рон

P.S. Перси у нас старший староста. На той неделе прислали уведомление.

Гарри снова поглядел на фотографию. Перси, который пойдет в седьмой, последний, класс «Хогварца», и правда смотрится щеголем. Значок «Старший староста» приколот к феске, лихо сидящей на прилизанных волосах. Очки в роговой оправе сверкают на ярком египетском солнце...

Гарри распаковал подарок. Внутри оказался какой-то стеклянный волчок. А под ним – еще одна записка от Рона.

Гарри! Это карманный горескоп. Если рядом с тобой человек, которому нельзя доверять, волчок должен светиться и вращаться. Билл, правда, говорит, что это барахло для туристов и на самом деле горескоп ненадежный, потому что вчера за ужином только и делал, что светился и вертелся. Но Билл не знал, что Фред с Джорджем накидали ему жуков в суп.

Ну пока!

Рон

Гарри поставил карманный горескоп на тумбочку. Горескоп застыл, балансируя на острой вершине. В нем отразились светящиеся стрелки будильника. Счастливый Гарри еще посмотрел на горескоп, а потом занялся свертком, который принесла Хедвига.

Там тоже был запакованный подарок, открытка и письмо, на сей раз от Гермионы.

Дорогой Гарри!

Рон написал мне, как говорил по телефону с твоим дядей Верноном. Очень надеюсь, что ты еще жив.

Я сейчас во Франции и не знала, как отправить тебе посылку – что, если вскроют на таможне, – но тут вдруг появилась Хедвига! По-моему, ей очень хотелось, чтобы ты наконец что-то получил ко дню рождения. Я заказала подарок по совиной почте; увидела рекламу в «Оракуле» (мне его сюда доставляют; приятно быть в курсе событий колдовского мира). Видел неделю назад фотографию Рона и его родных? Наверняка он сейчас узнаёт много нового, мне даже завидно – древнеегипетские жрецы владели удивительными секретами.

Тут тоже своя, местная, история колдовства. Я заново переписала сочинение по истории магии, включила то, что выяснила здесь. Надеюсь, профессор Биннз не сочтет сочинение слишком длинным – получилось на два свитка больше, чем он задавал.

Рон говорит, что на последней неделе каникул приедет в Лондон. А ты приедешь? Дядя и тетя отпустят? Очень-очень надеюсь, что у тебя получится. А если нет, увидимся в «Хогварц-экспрессе» первого сентября!

С любовью,

Гермиона

P.S. Рон говорит, что Перси теперь старший староста. Не сомневаюсь, что Перси очень гордится. А вот Рон, по-моему, не в восторге.

Гарри посмеялся, отложил письмо и взял подарок. Очень тяжелый. Зная Гермиону, Гарри не сомневался, что внутри толстенная книга про какие-нибудь сложнейшие заклинания, но оказался неправ. Сердце у него сладостно сжалось, когда он сорвал обертку и увидел черный, мягчайшей кожи чемоданчик. Серебряные буквы на крышке гласили: «Набор для техобслуживания метел».

– Ух ты! Ну, Гермиона! – восторженно прошептал Гарри и расстегнул молнию.

Внутри лежала большая банка шикблеска фабрики «Короход» для полировки древка, сверкающий секатор для подравнивания хвостовых хворостин, миниатюрный медный компас, прикрепляемый к древку на время длительных полетов, а также «Карманный справочник по техническому обслуживанию метлы».

В каникулы Гарри ужасно скучал не только по друзьям, но и по квиддишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира – очень опасной и очень увлекательной. В нее играли на метлах. Гарри оказался превосходным игроком, самым молодым за столетие, допущенным в школьную команду. Гоночная метла «Нимбус-2000» была одним из драгоценнейших его сокровищ.

Гарри отложил кожаный чемоданчик и взял последнюю посылку. Он сразу же узнал неровные каракули на коричневой бумаге: почерк Огрида, хранителя ключей «Хогварца». Гарри сорвал верхний слой упаковки, разглядел что-то кожистое, зеленое, но как следует распаковать не успел: сверток странно содрогнулся и то, что находилось внутри, громко клацнуло – будто зубами.

Гарри замер. Вряд ли Огрид намеренно прислал что-то опасное, но, с другой стороны, у Огрида свой взгляд на то, что опасно, а что нет. Огрид водил дружбу с гигантскими пауками, покупал свирепейших трехголовых псов у случайных собутыльников в пабе и контрабандой носил в свою хижину яйца драконов.

Гарри опасно потыкал сверток. Снова раздалось клацанье. Гарри схватил лампу с тумбочки и занес над головой. Затем другой рукой сдернул остатки упаковки.

Из свертка выпала... книга. Гарри едва разглядел красивый зеленый переплет с блистающей золотой надписью «Чудовищная книга чудовищ», и тут книга перевернулась обрезом вниз и споро, покрабьи, побежала по кровати.

– Ой-ой, – бормотнул Гарри.

Книга грохнулась с кровати и быстро заковыляла по комнате. Гарри крался за ней. Книга спряталась в темноте под письменным столом. Молясь про себя, чтобы не проснулись Дурслеи, Гарри опустился на четвереньки и потянулся за беглянкой.

– Ай!

Книга, хлопнувшись, укусила его за руку и проскочила мимо, ловко перебирая обложками. Гарри на четвереньках побежал за ней, бросился всем телом и сумел прижать книгу к полу. В соседней комнате дядя Вернон громко заворчал во сне.

Хедвига и Эррол с интересом наблюдали, как Гарри, крепко обнимая книгу, спешит к комоду, достает ремень и туго стягивает норовистое создание. «Чудовищная книга» сердито задергалась, но

больше не могла хлопать и кусаться, так что Гарри кинул ее на кровать и наконец прочитал открытку Огрида.

Дорогой Гарри!

С днем рождения!

Думаю, эта книга скоро пригодится тебе для учебы. Больше ничего пока не буду говорить. Скажу, когда увидимся.

Муглы не слишком донимают?

Всего самого-самого,

ОGRID

То, что ОGRID счел кусачую книгу полезной для занятий, показалось Гарри зловещим предзнаменованием, но он, улыбаясь шире прежнего, положил открытку от Огрида к открыткам Рона и Гермионы. Осталось письмо из «Хогварца».

Обратив внимание на то, что пакет значительно толще, чем обычно, Гарри вскрыл конверт, вынул первый лист пергамента и про читал:

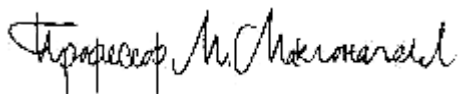
Уважаемый мистер Поттер!

Уведомляем Вас, что учебный год начинается первого сентября. «Хогварц-экспресс» отправится в 11 часов утра с вокзала Кингз-Кросс, платформа 9³/₄.

Сообщаем также, что учащимся третьего года обучения позволяется посещать деревню Хогсмед по определенным выходным дням. Для этого родители или опекуны должны подписать разрешение.

Соответствующий документ и список необходимой литературы прилагаются.

Искренне Ваша,

заместитель директора

Гарри достал разрешение. И перестал улыбаться. Было бы прекрасно ходить в Хогсмед по выходным; Гарри знал, что Хогсмед – деревня, где живут одни колдуны, и раньше никогда там не бывал. Но как, спрашивается, убедить тетю Петунию или дядю Вернона подписать пергамент?

Он взглянул на часы. Уже два ночи.

Решив, что о Хогсমেде он подумает завтра, когда проснется, Гарри забрался в постель и вычеркнул еще один день из настенного самодельного календарика, показывавшего, сколько осталось до возвращения в «Хогварц». Затем снял очки и лег, любуясь на поздравительные открытки.

Каким бы необыкновенным ни был Гарри, сейчас он, как любой другой на его месте, был счастлив впервые в жизни, что у него день рождения.

Глава вторая

Большая ошибка тети Марджи

Когда наутро Гарри спустился к завтраку, Дурслеи уже восседали за кухонным столом. Они смотрели телевизор последней модели – подарок для Дудли по случаю его приезда на каникулы, а то раньше сынок все жаловался, что от телевизора в гостиной до холодильника очень далеко ходить. Почти все лето Дудли проводил на кухне. Его свиные глазки были постоянно прикованы к экрану, а все пять подбородков тряслись от неустанного жевания.

Гарри сел между Дудли и дядей Верноном, крупным и мясистым, почти совсем без шеи, зато с длинными усами. Мало того что Гарри не поздравили с днем рождения, при его появлении никто из домашних и ухом не повел. Впрочем, Гарри это не волновало – он давно привык. Он взял гренок и посмотрел на теледиктора, который заканчивал репортаж о сбежавшем заключенном:

«...Предупреждаем общественность, что Блэк вооружен и чрезвычайно опасен. Организована специальная телефонная горячая линия. При обнаружении Блэка просьба немедленно сообщить».

– О чем тут предупреждать! – фыркнул дядя Вернон, сурово глядя поверх газеты на фотографию заключенного. – Все и так ясно! Только посмотрите, какой грязный! Одни волосы чего стоят!

И он брезгливо покосился на Гарри, чьи непослушные волосы постоянно его раздражали. Впрочем, если сравнивать с изображением в телевизоре – изможденное лицо беглого преступника обрамляли длинные и тусклые свалывшиеся космы, – Гарри был очень даже аккуратно причесан.

На экране вновь появился диктор:

«Министерство сельского хозяйства и рыболовства сегодня намерено объявить...»

– Эй, постойте! – гневно гаркнул дядя Вернон диктору. – Вы даже не сказали, откуда сбежал маньяк! Что это за новости за такие? Может, он бродит прямо по нашей улице!

Тетя Петуния, костлявая женщина с лошадиным лицом, круто развернулась и уставилась в окно. Гарри понимал, что тетя Петуния была бы счастлива первой позвонить по горячей линии. Она, самая любопытная дама на свете, только и делала, что шпионила за скучными, законопослушными соседями.

– Ну когда же до них наконец *дойдет*, – тут дядя Вернон стукнул по столу громадным сизым кулаком, – что таких мерзавцев надо вешать и только вешать!

– Совершенно справедливо, – кивнула тетя Петуния, подозрительно щурясь на увитый горошком соседский забор.

Дядя Вернон допил чай, посмотрел на часы и сказал:

– Мне, наверное, лучше поторопиться, Петуния. Поезд Марджи приходит в десять.

Гарри, который мысленно любовался «Набором для техобслуживания метел», больно свалился с небес на землю.

– Тетя Марджи? – выпалил он. – Она... что, приезжает?

Тетя Марджи приходилась дяде Вернону родной сестрой. Она не была кровной родственницей Гарри (чья мама – сестра тети Петунии), но его всю жизнь заставляли называть ее тетей. Она жила в деревне, в доме с большим садом, выращивала там бульдогов и не очень часто гостила на Бирючинной улице, поскольку не могла надолго оставить своих драгоценных собачек, но каждый ее визит оставлял в памяти Гарри отдельный ужасный след.

На пятый день рождения Дудли тетя Марджи пребольно побила Гарри палкой по ногам, чтобы он прекратил обыгрывать «нашего крошку» в «море волнуется». Несколькими годами позже она появилась на Рождество с электронным роботом для Дудли и коробкой собачьего корма для Гарри. В последний ее приезд, за год до того как Гарри поступил в «Хогварц», он нечаянно наступил на хвост любимой тетиной собаке. Рваклер загнал Гарри на дерево в саду, и тетя Марджи отказывалась отозвать пса до самой ночи. Воспоминание об этом веселило Дудли до слез по сей день.

– Марджи пробудет неделю, – рыкнул дядя Вернон, – и, раз уж мы затронули эту тему, – он угрожающе наставил на Гарри жирный палец, – до ее приезда нам нужно кое-что обсудить.

Дудли осклабился и оторвал замутненный взор от телевизора. Дудли обожал смотреть, как папа третирует Гарри.

– Во-первых, – прогрохотал дядя Вернон, – следи за своим поганым языком, когда будешь разговаривать с Марджи.

– Ладно, – горько сказал Гарри, – если она тоже последит.

– Во-вторых, – продолжал дядя Вернон, будто не услышал, – поскольку Марджи ничего не знает о твоей *ненормальности*, чтоб никаких... дурацких штук, пока она здесь. Изволь вести себя прилично, ясно?

– Если она тоже будет вести себя прилично, – процедил Гарри.

– А в-третьих, – продолжал дядя Вернон, багровея, и его злобные маленькие глазки превратились в щелки, – мы сказали Марджи, что ты учишься в заведении святого Грубуса – интернате строгого режима для неисправимых преступников.

– Что?! – заорал Гарри.

– И ты подтвердишь это, парень, а то пожалеешь! – рявкнул дядя Вернон.

Гарри сидел, побелев от ярости, отказываясь верить в происходящее. Тетя Марджи приезжает на целую неделю! Худший подарок ко дню рождения, какой только могли преподнести Дурслеи, – даже если принять во внимание ту пару старых носков дяди Вернона.

– Что ж, Петунья, – произнес дядя, тяжело поднимаясь на ноги, – я поехал на вокзал. Хочешь покататься, Дудличка?

– Не-а, – ответил тот. Дядя Вернон прекратил ругать Гарри, и Дудли вновь вперился в телевизор.

– Дудлику надо принарядиться для тетушки, – промурлыкала тетя Петунья, разглаживая его светлые густые волосы. – Мамочка купила ему красивенький новенький галстучек.

Дядя Вернон хлопнул сына по жирному плечу:

– Тогда до встречи, – и вышел из кухни.

Парализованного от ужаса Гарри внезапно посетила идея. Он бросил гренок, вскочил и кинулся следом за дядей.

Тот натягивал дорожную куртку.

– Тебя не звали, – буркнул он, заметив, что Гарри стоит у него за спиной.

– А мне и не надо, – холодно ответил Гарри. – Я хочу кое о чем попросить.

Дядя Вернон с подозрением смерил его взглядом.

– Третьеклассникам в «Хог...» – в моей школе – разрешается посещать ближайшую деревню, – сказал Гарри.

– И что? – бросил дядя Вернон, снимая ключи от машины с крючочка у двери.

– Мне нужно, чтобы вы подписали разрешение, – поспешно закончил Гарри.

– С какой еще стати? – скривился дядя Вернон.

– Ну-у, – протянул Гарри, тщательно подбирая слова, – мне будет нелегко притворяться перед тетей Марджи, что я учусь в этом, святом Как-его-там...

– Грубесе – интернате строгого режима для неисправимых преступников! – пророкотал дядя Вернон, и Гарри с удовольствием уловил в его голосе откровенную панику.

– Совершенно верно, – сказал Гарри, спокойно глядя в огромное багровое дядино лицо. – Очень длинное название. А ведь нужно, чтоб она поверила, правда? И вдруг я случайно о чем-нибудь проговорюсь?

– *Тогда я из тебя всю начинку вытрясу, понял?* – загремел дядя Вернон и пошел на Гарри с поднятыми кулаками.

Но Гарри не уступал.

– Это не поможет тете Марджи забыть, что я ей скажу, – хмуро проговорил он.

Дядя Вернон остановился, не опуская кулаков, и лицо его стало гадкого красно-коричневого цвета.

– А если вы подпишете разрешение, – поспешно продолжил Гарри, – я поклянусь, что запомню, где якобы учусь, и буду вести себя как муг... как нормальный, в общем.

Дядя Вернон оскалил зубы, и на виске у него билась жилка, но было ясно, что он обдумывает предложение.

– Идет, – бросил он в конце концов, – но я намерен внимательно следить за твоим поведением, пока Марджи будет здесь. Если ты до самого конца будешь ходить по струночке и придерживаться моей версии, я подпишу это идиотское разрешение.

Он развернулся, распахнул входную дверь, а потом захлопнул ее за собой с такой силой, что из верхнего витража выпало стеклышко.

Гарри не стал возвращаться в кухню. Он пошел в свою комнату. Если предстоит вести себя по-мугловому, лучше начать прямо сейчас. Медленно и печально он собрал все свои подарки и открытки и

спрятал их под половицей вместе с сочинением. Затем подошел к совиной клетке. Эррол совсем очухался; они с Хедвигой спали рядышком, сунув головы под крылья. Гарри вздохнул и потыкал пальцем обоих.

– Хедвига, – мрачно сказал он, – тебе придется убраться отсюда на неделю. Лети с Эрролом. Рон за тобой присмотрит. Я напишу ему и все объясню. И не смотри на меня так (большие янтарные глаза Хедвиги глядели с укором), я не виноват. Иначе меня не пустят в Хогсмед с Роном и Гермионой.

Через десять минут Эррол и Хедвига (с запиской к Рону на лапке) вылетели из окна и скрылись из виду. В глубоком унынии Гарри убрал клетку в шкаф.

Однако у него практически не осталось времени на размышления о своей печальной судьбе. Прошло всего ничего, а снизу уже вопила тетя Петуния – велела Гарри спуститься и встречать гостью.

– Сделай что-нибудь с волосами! – рявкнула она, едва он вышел в холл.

Гарри не понимал одного: зачем? Тетя Марджи обожала его критиковать, и чем неряшливей он, тем ей приятнее.

И очень скоро со двора донеслось шуршание гравия – это въезжала машина дяди Вернона; затем хлопнули дверцы, и на садовой дорожке послышались шаги.

– Открой дверь! – приказала тетя Петуния.

С черным мраком на душе Гарри повиновался.

На пороге стояла тетя Марджи. Она была точной копией дяди Вернона: большая, мясистая, багровая, даже с усами, правда, не такими кустистыми, как у брата. В одной руке она несла необъятный чемодан, а другой держала под мышкой старого бульдога с чрезвычайно дурным характером.

– Где тут мой Дуделька? – забасила тетя Марджи. – Где тут мой племяшечек?

В холл, загребая ногами, вошел Дудли: блондинистые волосы плотно облепили жирную голову, галстук-бабочку трудно разглядеть под многочисленными подбородками. Тетя Марджи пихнула чемодан в живот Гарри, вышибив из него дух, одной рукой сжала Дудли и посадила ему на щеку влажный поцелуй.

Гарри прекрасно знал, что Дудли терпит ласки тети Марджи только потому, что получает за это неплохие деньги. В самом деле, когда объятие распалось, у Дудли в толстом кулаке оказалась двадцатифунтовая банкнота.

– Петуния! – вскричала тетя Марджи, проходя мимо Гарри, словно он вешалка для шляп. Дамы поцеловались, точнее, тетя Марджи мощной челюстью стукнулась о костлявую щеку тети Петунии.

С радостной улыбкой на устах вошел дядя Вернон и закрыл дверь.

– Чайку, Мардж? – спросил он. – А Рваклера чем побаловать?

– Рваклер попьет чаю из моего блюдечка, – ответила тетя Марджи, и все трое направились в кухню, оставив Гарри одиноко стоять в холле с чемоданом. Гарри не жаловался; что угодно, лишь бы поменьше быть с тетей Марджи. Он потащил чемодан вверх в комнату для гостей, стараясь потянуть время.

Когда он вернулся в кухню, тетю Марджи уже снабдили чаем и фруктовым кексом. В углу Рваклер шумно лакал из блюдечка. Гарри увидел, что тетя Петуния едва заметно морщится всякий раз, когда капли чая и слюны падают на ее чистейший пол. Тетя Петуния ненавидела животных.

– А кто присматривает за остальными собаками, Мардж? – поинтересовался дядя Вернон.

– А, я оставила при них полковника Бруствера, – загремела в ответ тетя Марджи. – Старик теперь в отставке, ему полезно чем-нибудь заняться. Но беднягу Рваклера пришлось взять с собой. Он без меня чахнет.

Рваклер заворчал, увидев, что Гарри сел за стол. И лишь тогда тетя Марджи в первый раз обратила внимание на мальчика.

– Ну! – пролаяла она. – Все еще здесь?

– Да, – ответил Гарри.

– Что за тон! – гаркнула тетя Марджи. – Скажи спасибо Вернону и Петунии, что оставили тебя в доме! Я бы не стала. Если б тебя подбросили *ко мне* на порог, ты бы отправился напрямик в приют.

Гарри так и подмывало сказать, что вот и прекрасно, лучше уж в детском доме, чем у Дурслеев, но он вспомнил про Хогсмед. И через силу улыбнулся.

– Чего улыбишься?! – взорвалась тетя Марджи. – Вижу, с прошлого раза несколько не исправился. А я-то надеялась, что в школе тебе

вобьют чуточку хороших манер. – Она основательно отхлебнула из чашки и утерла усы. – Как там это называется, куда вы его отослали, а, Вернон?

– В «Святой Грубус», – заторопился дядя Вернон. – Первокласное заведение для безнадежных случаев.

– Понятно. А скажи-ка нам, мальчишка, там, в твоём «Святом Грубусе», розги не забывают? – рывкнула она Гарри через стол.

– Ммм...

За спиной сестры дядя Вернон коротко кивнул.

– Нет, – ответил Гарри. А затем, решив, что обязан сыграть роль как следует, добавил: – Никогда.

– Вот и отлично, – одобрила тетя Марджи. – Я не признаю все эти сюсюпуси – дескать, нельзя бить детей, даже если они заслужили. Хорошая плетка – лучший учитель в девяносто девяти случаях из ста. Ну а *тебя* часто наказывают?

– О да, – подтвердил Гарри, – ещё как часто.

Тетя Марджи сердито прищурилась.

– Все-таки не нравится мне твой тон, – заявила она. – Уж больно спокойный. Видать, плохо били. Петуния, на твоём месте я бы им написала. Скажи, пускай применяют к мальчишке самые суровые наказания, ты не против.

Похоже, дядя Вернон опасался, что Гарри забудет об их сделке; во всяком случае, он резко переменял тему:

– Слыхала утром новости, Мардж? Как тебе нравится этот сбежавший преступник, а?

Тетя Марджи быстро обустроивалась на новом месте, а Гарри ловил себя на том, что чуть ли не с ностальгической тоской думает о жизни в доме № 4 без нее. Дядя Вернон и тетя Петуния радовались, если племянник не путался у них под ногами, и Гарри это более чем устраивало. А вот тетя Марджи, наоборот, предпочитала, чтобы он был перед глазами, и постоянно вносила громогласные предложения по его исправлению. Она обожала сравнивать Гарри и Дудли, с великим удовольствием покупала Дудли дорогие подарки и, вручая, пожирала глазами Гарри, словно только и ждала, когда тот решится спросить, отчего подарка не досталось и ему. И она постоянно мрачно намекала на то, почему же Гарри вырос настолько неудобоваримой личностью.

– Не вини себя за то, каким стал этот мальчишка, Вернон, – сказала она за обедом на третий день. – Если нутро с гнильцой, тут уж ничего не поделаешь.

Гарри очень старался сосредоточиться на еде, но руки у него затряслись, а лицо от гнева горело. «Помни о разрешении, – твердил он про себя. – Думай о Хогсমেде. Не злись...»

Тетя Марджи потянулась за бокалом.

– Один из основных принципов племенного дела, – изрекла она. – У собак то же самое. Если с сукой что-то не так, непременно что-то не так и со щен...

Тут бокал у нее в руке взорвался. Повсюду разлетелись осколки. Тетя Марджи захлебнулась и заморгала. По багровому лицу текли капли.

– Марджи! – возопила тетя Петунья. – Марджи! Ты не поранилась?

– Ерунда, – пророкотала тетя Марджи, промокая физиономию салфеткой. – Видно, чересчур сдавила. На днях то же самое было у полковника Бруствера. Не суетись, Петунья... у меня слишком крепкая рука.

Однако тетя Петунья и дядя Вернон подозрительно уставились на Гарри, и тот решил не есть десерт, а лучше смыться из-за стола подобру-поздорову.

Он вышел из холла и прислонился к стене, тяжело дыша. Уже очень давно он не терял над собой контроль настолько, чтобы случались взрывы. Больше он не может себе такого позволить. И даже не из-за Хогсмеда: если продолжить в том же духе, жди неприятностей с министерством магии.

Ведь Гарри все еще был несовершеннолетним. Законы колдовского мира запрещали ему заниматься магией вне школы. А за ним уже водились кое-какие грешки. В прошлом году, например, он получил очень четкое официальное предупреждение о том, что новых случаев колдовства на Бирючинной улице министерство магии не потерпит. Любой проступок – и Гарри рискует вылететь из «Хогварца».

Мальчик услышал, что Дурслеи встают из-за стола, и поспешил убраться наверх.

Следующие три дня Гарри держался, заставляя себя мысленно цитировать «Карманный справочник по техническому обслуживанию метлы» всякий раз, когда тетя Марджи начинала его воспитывать.

Помогало хорошо, но, кажется, от этого у него стекленели глаза – тетя Марджи вслух допускала, что Гарри умственно отсталый.

Наконец пришел долго-долго-жданный прощальный вечер. Тетя Петуния приготовила необыкновенный ужин, а дядя Вернон откупорил несколько бутылок доброго вина. Суп и лосось были съедены без единого упоминания о недостатках Гарри; за лимонным воздушным тортом дядя Вернон долго и утомительно рассказывал о «Груннингсе», своей фирме, производящей сверла; затем тетя Петуния приготовила кофе, и дядя Вернон достал бутылочку бренди.

– Соблазнишься, Мардж?

Тетя Марджи уже порядочно выпила. Ее огромное лицо покраснело очень сильно.

– По маленькой, давай, – хихикнула она. – Ну, еще чуть-чуть, не жадничай... еще... так-так-так... вот и отлично.

Дудли уминал четвертый кусок торта. Тетя Петуния, оттопырив мизинчик, малюсенькими глоточками тянула кофе. Гарри ужасно хотел незаметно слинять в свою комнату, но поймал сердитый взгляд дяди Вернона и понял, что придется высидеть до конца.

– А-ах, – протянула довольная тетя Марджи, причмокнула и поставила пустой бокал на стол. – Великолепное угощение, Петуния. Я-то обычно по вечерам успеваю лишь наспех перекусить, с моей-то сворой... – Она сыто отрыгнула и похлопала рукой по могучему твидовому животу. – Прошу прощения. И, должна признаться, очень приятно смотреть на упитанных детей, – продолжила она, подмигнув Дудли. – Ты вырастешь настоящим солидным мужчиной, Дуделечек, таким же, как твой папочка. Да, пожалуйста, еще са-а-амую малость бренди, Вернон... А что касается вот этого...

Она дернула головой в сторону Гарри, и у того немедленно свело живот. *Справочник*, быстро подумал он.

– Злобный карлик! То же самое и с собаками. В прошлом году попросила полковника Бруствера утопить одного такого. Вот был крысеныш! Слабак. Недоделанный.

Гарри лихорадочно вспоминал страницу двенадцать: «Заклинание против заедания заднего хода».

– Я тут как-то на днях уже говорила: все дело в породе. Дурная кровь себя проявит. Не подумай, я ничего не имею против твоей семьи, Петуния, – она похлопала тетю Петунию по костлявой руке ладонью,

похожей на лопату, – но твоя сестра – паршивая овца. Даже в лучших семьях они бывают. К тому же сбежала с каким-то бандюгой – и вот результат, прямо перед нами.

Гарри неподвижно смотрел в тарелку. В ушах стоял странный звон. *Крепко ухватитесь за хвост метлы*, твердил он про себя. Но что дальше, уже не помнил. Голос тети Марджи вонзался в мозг, как дядины сверла.

– Этот ее Поттер, – громким басом выкрикнула тетя Марджи, схватила бутылку и плеснула бренди себе в бокал и на скатерть, – чем он, собственно, занимался? Вы никогда не говорили.

Дядя Вернон и тетя Петуния ужасно напряглись. Даже Дудли поднял глаза от торта и вытаращился на родителей.

– Да... ничем, – ответил дядя Вернон, едва взглянув на Гарри. – Он был безработный.

– Так я и думала! – Тетя Марджи победно отхлебнула бренди и утерла подбородок рукавом. – Никчемный, бесполезный бездельник, попрошайка, который...

– Ничего подобного, – внезапно выпалил Гарри. Все затихли. Гарри дрожал с головы до ног. Он в жизни так не злился.

– ЕЩЕ БРЕНДИ! – заорал дядя Вернон, сильно побелев. – А ты, парень, – рявкнул он на Гарри, – марш в постель, быстро...

– Нет уж, Вернон... – икнула тетя Марджи, поднимая руку. Ее красные глазки злобно вперились в Гарри. – Давай, дружок, продолжай. Гордишься родителями, да? Они, значит, разбиваются на машине по пьяной, я так понимаю, лавочке...

– Они вовсе не разбились на машине! – крикнул Гарри. Он уже вскочил – сам не заметил как.

– Они погибли в автокатастрофе, мерзкий врунишка, а ты тяжелой обузой свалился на своих добропорядочных, трудолюбивых родственников! – завопила тетя Марджи, раздуваясь от злости. – Ты наглый, неблагодарный...

Но тут она осеклась. Сначала казалось, что у нее нет слов от возмущения. Ее раздувало от невыразимого гнева – и раздувало неостановимо. Громадное красное лицо распухло, глазки выкатились, рот растянулся слишком широко и уже не мог произносить слова, а вот и пуговицы с твидового пиджака выстрелили по стенам – тетя

превратилась в гигантский воздушный шар, живот вырвался из плена твидового пояса, пальцы напоминали салями...

– МАРДЖИ! – закричали хором дядя Вернон и тетя Петунья, когда тело тети Марджи взмыло с кресла и полетело к потолку. Она стала абсолютно шарообразной – живой бакен со свинячьими глазками, – а руки-ноги по-дурацки торчали в разные стороны. Тетя плыла по воздуху, апоплексически чпокая. Рваклер ворвался в комнату юзом. Он лаял как сумасшедший.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Дядя Вернон ухватил сестру за ногу и потянул вниз, но сам чуть не улетел. Через мгновение Рваклер бросился и вонзил зубы в ногу дяди Вернона.

Пока никто не помешал, Гарри сорвался с места и ринулся к чулану под лестницей. Дверцы волшебным образом распахнулись, стоило ему протянуть руку, и за две секунды Гарри подтащил свой сундук к входной двери. Потом взлетел на второй этаж и нырнул под кровать. Откинул половицу и выволок наволочку с книжками и подарками. Извиваясь угрем, вылез из-под кровати, подхватил пустую совиную клетку и понесся вниз к сундуку. В этот миг из столовой выбежал дядя Вернон с окровавленными лохмотьями вместо брючины.

– ВЕРНИСЬ! – вопил он. – ВЕРНИСЬ И ИСПРАВЬ ЕЕ!

Но мальчиком владела безрассудная ярость. Он пинком раскрыл сундук, выдернул волшебную палочку и наставил ее на дядю.

– Она это заслужила, – часто дыша, сказал Гарри, – она получила по заслугам. Не приближайтесь.

Он зашарил у себя за спиной в поисках дверной задвижки.

– Я ухожу, – объявил Гарри. – С меня хватит.

И вскоре уже брел по пустынной ночной улице, с клеткой под мышкой, волоча за собой сундук.

Глава третья

«ГрандУлет»

Гарри успел пройти несколько улиц и в Магнолиевом проезде опустил без сил на низкую каменную ограду. Он тяжело отдувался – тащить сундук было нелегко. Гарри сидел совершенно неподвижно, и гнев захлестывал волнами, а сердце бешено билось в груди.

Однако десять минут одиночества на темной улице принесли с собой панику. Как ни взгляни, ему еще не доводилось попадать в худший переплет. Совсем один, ночью, в мире муглов. Идти некуда. И самое ужасное – наколдовал столько, что из «Хогварца» исключат наверняка. Гарри так основательно нарушил Декрет о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, что оставалось удивляться, почему представители министерства до сих пор не явились и не схватили его прямо здесь.

Гарри содрогнулся и оглядел Магнолиевый проезд. Что теперь будет? Арестуют? Или он станет изгоем? Он подумал о Роне с Гермионой и совсем пал духом. Гарри не сомневался, что друзья помогли бы ему – и не важно, преступник он или нет, – но они оба за границей, а Хедвиги нет, и с ними никак не свяжешься.

К тому же у него совсем нет мугловых денег. В кошельке на дне сундука лежит горстка колдовского золота, но все родительское наследство хранится в сейфе банка «Гринготтс» в Лондоне. Гарри ни за что не дотащить этот сундук до Лондона. Если только...

Он взглянул на палочку, которую все еще сжимал в руке. Раз уж его так или иначе исключат (сердце забилось быстрее и болезненнее), можно поколдовать еще немного. У него есть отцовский плащ-невидимка: что, если сделать сундук легким как перышко, привязать его к метле, накрыться плащом и полететь в Лондон? Забрать остаток денег из банка и... начать жить изгнанником. Перспектива, что и говорить, безрадостная, но не сидеть же ему вечно на этой ограде, а то еще, чего доброго, придется объяснять мугловой полиции, чем он тут

занимается среди ночи и для чего ему метла и сундук книг с заклинаниями.

Гарри открыл сундук и пошарил внутри, но, не успев найти плащ-невидимку, вдруг выпрямился и оглянулся.

В затылке и шее странно покалывало – за ним как будто наблюдали. Однако улица была пуста и свет не горел в окрестных домах, больших и прямоугольных.

Мальчик снова наклонился над сундуком и тут же снова выпрямился, крепко сжав в кулаке палочку. Он скорее ощутил, чем услышал: позади, в узком проходе между гаражом и забором, стоял кто-то... или что-то. Гарри прищурился, всмотрелся в черноту. Если б оно пошевелилось, он бы понял, что это – бродячая кошка или... что-то другое.

– Люмос, – пробормотал Гарри и чуть не ослеп от света волшебной палочки. Он поднял ее высоко над головой. По усеянным каменной крошкой стенам дома № 2 пробежал отсвет; тускло блеснула дверь гаража, и у забора Гарри очень отчетливо разглядел сгорбленный силуэт кого-то очень большого, с широко расставленными горящими глазами.

Гарри отшатнулся. Споткнулся о сундук, упал. Подставил руку, выронил палочку и тяжело шмякнулся на обочину.

Раздалось оглушительное «БАММ!», и пришлось загородиться от невесть откуда взявшегося ярчайшего света...

Гарри заорал, откатился на тротуар – и как раз вовремя. Секунду спустя две сверкающих фары и два гигантских колеса с душераздирающим скрежетом застыли ровно там, где он только что лежал. Гарри задрал голову – колеса и фары принадлежали трехэтажному, ядовито-фиолетовому автобусу, который возник буквально из воздуха. Поверх ветрового стекла шла золотая надпись: «ГрандУлет».

Гарри решил, что от удара о землю у него галлюцинации. Но тут из автобуса выскочил кондуктор в фиолетовом мундире и громко заговорил в пространство:

– Добро пожаловать в «ГрандУлет», спасательный экипаж для колдунов и ведьм, оказавшихся в затруднительном положении. Выставите палочку, взойдите на борт, и мы отвезем вас куда

пожелаете. Меня зовут Стэн Самосвальт, этой ночью я буду вашим проводни...

Кондуктор резко оборвал свою речь. Он только теперь заметил Гарри, по-прежнему сидевшего на земле. Гарри подобрал палочку и поднялся на ноги. Вблизи он разглядел, что Стэн Самосвальт всего на несколько лет старше его самого, от силы лет восемнадцати-девятнадцати. У кондуктора были большие оттопыренные уши и порядочно прыщей.

– Чёй-та ты тут делаешь? – спросил Стэн, оставив профессиональный тон.

– Упал, – ответил Гарри.

– А чевоу-та ты упал? – ухмыльнулся Стэн.

– Я не специально, – раздраженно пояснил Гарри. Джинсы порвались на коленке, а рука саднила и кровоточила. Он вдруг вспомнил, почему упал, и оглянулся. Фары «ГрандУлета» заливали светом проход между гаражом и забором, и там никого не было.

– Чёй-та ты туда зыришь? – заинтересовался Стэн.

– Там было что-то большое и черное, – сказал Гарри, неуверенно показывая в проход. – Вроде собаки... только крупнее...

Он посмотрел на Стэна. Тот слегка приоткрыл рот. Гарри стало неловко – взгляд кондуктора отыскал шрам на лбу.

– А чёй-та у ты на башке? – резко спросил Стэн.

– Ничего. – Гарри поспешно пригладил челку. Если министерство магии уже объявило розыск, он не собирается облегчать им задачу.

– Как ты звать? – не отступал Стэн.

– Невилл Лонгботтом, – брякнул Гарри первое, что пришло в голову. И поспешно сменил тему, стараясь отвлечь Стэна: – А что, этот автобус... ты сказал, он отвезет, куда я *пожелаю*?

– Ага, – гордо сказал Стэн, – куда пожелаешь, ежели на земле. А под водой мы ничё не моём. Слушь, – подозрительно спросил он, – ты вить вправду нам *сигналил*, верноть? Выставил палочку, все дела? А?

– Да, – заверил его Гарри. – Сколько стоит доехать до Лондона?

– Одиннадцать сиклей, – сказал Стэн, – тока за тринадцать те еще дадут какавы, а за пятнадцать – ‘орячей воды и зубную щетку какова хошь цвету.

Гарри еще раз пошарил в сундуке, извлек кошель и сунул монеты Стэну в ладонь. Затем они вместе подняли сундук – клетка Хедвиги

баланси́ровала на крышке – и по ступенькам занесли его в автобус.

Кресел внутри не было; у занавешенных окон стояло с полдюжины латунных кроватей. Свечи над кроватями озаряли деревянную обшивку стенок. В глубине автобуса крохотный колдун в ночном колпаке пробормотал во сне: «Не сейчас, спасибо, я мариную улиток» – и перевернулся на другой бок.

– Ты ‘авай сюда, – шепнул Стэн, заталкивая сундук Гарри под кровать прямо за водительским креслом. – Ета наш шофер, Эрни Катастрофель. А ета Невилл Лонгботтом, Эрн.

Эрни Катастрофель, пожилой колдун в очках с очень толстыми стеклами, кивнул Гарри. Тот опять нервно пригладил челку и сел на кровать.

– Погна́ли, Эрн, – сказал Стэн, усаживаясь в кресло рядом с шоферским.

Раздалось еще одно впечатляющее «БАММ!», и Гарри повалился на спину, отброшенный назад бешеным стартом «ГрандУлета». Кое-как приподнявшись, Гарри выглянул в окно и увидел, что автобус мчится по совсем другой улице. Стэн с большим удовольствием следил за ошарашенным лицом нового пассажира.

– Ета мы отсюдова приката́ли, када ты просигналил, – объяснил он. – Гдей-та мы, Эрн? Гдей-та в Уэльсе?

– Ага, – буркнул Эрни.

– А почему муглы не слышат ваш автобус? – поинтересовался Гарри.

– Муглы! – презрительно хмыкнул Стэн. – Да слушать не умеют! И смотреть тоже. Ни́че́ ника́да не замечают, куды им.

– Ты б разбудил мадам Марш, Стэн, – вмешался Эрн. – Вот-вот прибудем в Абергавенни.

Стэн прошел мимо Гарри, взобрался по узкой деревянной лестнице и исчез наверху. Гарри смотрел в окно и нервничал все сильнее. Эрни, похоже, не слишком-то здорово владел рулем. «ГрандУлет» постоянно заезжал на тротуар, хотя при этом ни во что не врезался: фонари, почтовые ящики, мусорные баки отпрыгивали перед ним, а после вставали на место.

Вернулся Стэн. За ним приковыляла бледная до зелени ведьма, укутанная в дорожный плащ.

– Прибыли, мадам Марш, – радостно объявил Стэн.

Эрн вдавил тормоз в пол; кровати съехали на фут к передним дверям. Мадам Марш, зажимая рот носовым платочком, засеменила вниз по ступенькам. Стэн выбросил ей вслед сумку и со всей молодецкой силы захлопнул дверь; снова раздалось оглушительное «БАММ!», и автобус загромыхал по узкой деревенской дороге, а деревья запрыгали в стороны.

Гарри не заснул бы, даже если б автобус не грохотал и не скакал туда-сюда на сотни миль в секунду. Нутро ходило ходуном. Гарри снова погрузился в размышления о том, что с ним теперь будет и удалось ли Дурслеям снять с потолка тетю Марджи.

Стэн развернул «Оракул» и стал читать, прикусив кончик языка. Изможденное лицо человека со свалявшимися тусклыми космами медленно подмигнуло Гарри с большой фотографии на первой полосе. Он показался мальчику странно знакомым.

– Это же он! – На миг Гарри позабыл о своих горестях. – Он был в новостях у муглов!

Стэнли сложил газету, взглянул на первую полосу и хмыкнул.

– Сириус Блэк, – кивнул он. – Ясно, был в новостях. Ты чё, с луны свалился, Невилл?

Гарри ответил ему растерянным взглядом, и Стэн опять хмыкнул, очень снисходительно. Протянул Гарри первую полосу:

– ‘Азеты читать надо, Невилл.

Гарри поднес газету к свету и прочитал:

БЛЭК ЕЩЕ НЕ ПОЙМАН

По данным, полученным от министерства магии, Сириусу Блэку – пожалуй, самому известному узнику крепости Азкабан – по-прежнему удастся избежать ареста.

«Мы делаем все возможное, чтобы схватить Блэка, – заявил утром министр магии Корнелиус Фудж, – и настоятельно просим всех граждан магического сообщества сохранять спокойствие».

Ранее Фудж подвергся резкой критике со стороны некоторых членов Международной Конфедерации Чародейства за то, что проинформировал об инциденте премьер-министра муглов.

«Вы что, не понимаете? Я был вынужден, – ответил раздраженный Фудж. – Блэк – сумасшедший. Он опасен для всякого, кто с ним столкнется, равно для колдуна и мугла. Премьер-министр заверил

меня, что ни единым словом не обмолвится о магических способностях Блэка. И давайте посмотрим правде в глаза: даже если обмолвится, кто ему поверит?»

Муглам было объявлено, что Блэк вооружен пистолетом – подобием металлической волшебной палочки, которым муглы убивают друг друга, – а колдовское сообщество между тем пребывает в страхе: не повторится ли бойня на манер той, что Блэк устроил двенадцать лет назад, одним заклятием уничтожив целых тринадцать человек?

Гарри заглянул в запавшие глаза Сириуса Блэка – только они и оставались живы на этом лице. Гарри никогда не встречал вампиров, но на уроках по защите от сил зла видел их на картинках, и Блэк, с его восковой кожей, выглядел точь-в-точь как вампир.

– Страшенный чувак, скажи? – Стэн наблюдал за Гарри, пока тот читал.

– Он убил *тринадцать человек*? – спросил Гарри, возвращая ему газету. – *Одним проклятием*?

– Угу, – ответил Стэн, – при свидетелях, все дела. Середь бела дня. Таких делов понаделал, беда, скажи, Эрн?

– Ага, – мрачно подтвердил Эрн.

Стэн развернулся в кресле, оперся на спинку и вгляделся в Гарри.

– Блэк был приспешник Сааешь-Каво, – сообщил он.

– Что, Вольдеморта? – бухнул Гарри, не подумав.

У Стэна даже прыщи побелели; Эрн так крутанул рулем, что из-под колес автобуса шарахнулась целая ферма.

– С дуба ты рухнул, чё ли? – заверещал Стэн. – Чё ты имя-то 'ооришь?

– Прости, – быстро сказал Гарри, – прости, я... я забыл...

– Он забыл! – ослабевшим голосом простонал Стэн. – К'шмар, у меня аж сердце зашло!

– Значит, Блэк был на стороне Сам-Знаешь-Кого? – покаянно подсказал Гарри.

– Ага. – Стэн все еще хватался за сердце. – Эт-точно. Оч' был близко к Сааеш-Каму, гряд. Ну ить сирано, када малыш 'Арри Поттер его победил... (Гарри снова нервно пригладил челку) которые были за Сааешь-Каво, всех их выследили, скажи, Эрн? Они-то дотумкали, что, раз Сааешь-Каво нету, всё, конец, и почапали себе смирененько в тюрьгу. Но не Сириус Блэк, нет. Я слыхал, он хотел принять

командование, как Сааешь-Каво не стало. Короче, Блэка окружили посередь улицы, кру'ом полно муглов, и тада Блэк хватъ палку и пол-улицы – ха-бах! – взорвал. Оот. Одного колдуна уделало, ну, и дюжину муглов. Жуть, скажи? А знаешь, чё Блэк апосля сделал? – спросил Стэн драматическим шепотом.

– Чего?

– *Заржал*, – сказал Стэн. – От так вот стоял и ржал, приставляшь? А када подоспело подкрепление с м'стерства, он с ими пошел тихо, как овечка, тока ржал как псих. Эт'тому он псих и есть, скажи, Эрн?

– Если и не был, то, как отправился в Азкабан, точно уж псих, – медленно проговорил Эрн. – Я б лучше взорвался, а туда ни ногой! Ну, да так ему и надо... после того, чего он натворил...

– Оот была забота, за им подчищать, скажи, Эрн? – перебил Стэн. – Вся улица на воздух, муглы в куски. Чё там, грили, случилось?

– Взрыв газа, – буркнул Эрн.

– Оот, а терь он убег. – Стэн разглядывал изможденное лицо Блэка на фотографии. – Раньше из Азкабана не бегали, скажи, Эрн? Я ваще не пойму, как ета он? Убегта? Жуть, скажи? Правда, навряд у его хоть какой шанс есть, против азкабанских-та стражников, а, Эрн?

Эрн внезапно содрогнулся.

– Давай-ка про чёнь-ть другое, Стэн, будь другом. У меня от этих азкабанских стражников мурашки.

Стэн неохотно отложил газету, а Гарри боком привалился к окну «ГрандУлета». Ему стало совсем плохо. Он ясно представлял себе, что будет рассказывать пассажирам Стэн через пару-тройку дней. «Слыхали про 'Арри Поттера, а? Надул тетку! Он у нас прям оот тут был, скажи, Эрн? Хотел убечь, подумать тока!»

Он, Гарри, как и Сириус Блэк, нарушил колдовской закон. Интересно, за то, что он надул тетю Марджи, его посадят в Азкабан? Гарри ничего не знал про колдовскую тюрьму, но все упоминали о ней испуганным шепотом. Огрид, лесник и хранитель ключей «Хогварца», в прошлом году провел там целых два месяца. Вряд ли Гарри удастся забыть, как смертельно перепугался Огрид, узнав, куда его отправляют, а ведь он один из храбрейших людей на свете.

«ГрандУлет» катил в темноте, распугивая кусты и урны, телефонные будки и деревья, а несчастный Гарри беспокойно ворочался на пуховой постели. Немного погодя Стэн вспомнил, что

Гарри заплатил за какао, но все вылил ему на подушку, когда автобус перепрыгнул из Энгелси в Абердин. Один за другим колдуны и ведьмы в халатах и шлепанцах спускались с верхних этажей и покидали автобус, не скрывая радости, что наконец уходят.

В конце концов в автобусе остался один Гарри.

– Ну оот, Невилл, – хлопнул в ладоши Стэн, – куда те в Лондон?

– На Диагон-аллею, – решил Гарри.

– Ладненько, – сказал Стэн, – тада держися!

БАММ!

И они уже гроыхали по Чаринг-Кросс-роуд. Гарри сидел и смотрел, как здания и парапеты набережной жмутся, пропуская «ГрандУлет». Небо слегка посветлело. На пару часиков придется затаиться, а потом он отправится в «Гринготтс», прямо к открытию, а потом поедет... он не знал куда.

Эрн вдавил тормоза в пол, «ГрандУлет» пошел юзом и замер перед небольшим, захудалого вида заведением. «Дырявый котел» – паб, за которым располагался волшебный вход на Диагон-аллею.

– Спасибо, – поблагодарил Гарри шофера.

Затем прыгнул со ступеней и помог Стэну спустить на мостовую сундук и клетку Хедвиги.

– Что ж, – сказал Гарри, – пока!

Но Стэн не слушал. Он застыл в дверях автобуса и пялился на затемненный вход в «Дырявый котел».

– *Наконец-то*, Гарри, – произнес чей-то голос.

Не успел Гарри обернуться, ему на плечо опустилась рука. А Стэн заорал:

– Ух ты! Эрн, вали сюда! *Сюда* давай, ну!

Гарри взглянул на обладателя руки и почувствовал, будто ему в желудок засыпают колотый лед – целое ведерко. Он наткнулся на самого Корнелиуса Фуджа, министра магии.

Стэн соскочил на мостовую.

– Как вы назвали Невилла, министр? – возбужденно выкрикнул он.

Фудж, невысокий дородный человек в длинном полосатом плаще, похоже, замерз и очень вымотался.

– Невилла? – нахмурился он. – Это Гарри Поттер.

– Я так и знал! – возликовал Стэн. – Эрн! Эрн! Угадай, кто в самделе Невилл? 'Арри Поттер! Я вить видел – шрам!

– Верно, – поджав губы, сказал министр. – Что ж, я очень рад, что «ГрандУлет» подобрал Гарри, но теперь нам с ним надо в «Дырявый котел»...

Фудж сильнее сжал плечо мальчика и подтолкнул его в паб. У задней двери показалась сутулая фигура с фонарем – Том, сморщенный и беззубый хозяин заведения.

– Вы нашли его, министр! – воскликнул он. – Вам что-нибудь подать? Пиво? Бренди?

– Наверное, чаю... чайник, – попросил Фудж, по-прежнему не отпуская Гарри.

Сзади запыхтели, и что-то громко заскрежетало. Стэн с Эрни, взволнованно озираясь, втащили сундук и клетку.

– А чё ж ты нам-та не сказал, кто ты вообще такой, а, Невилл? – спросил Стэн, радостно улыбаясь Гарри. Из-за его плеча по-совиному выглядывал Эрни.

– И *отдельный* кабинет, пожалуйста, Том, – с нажимом добавил Фудж.

– Пока! – упавшим голосом сказал Гарри Стэну и Эрни.

Том с фонарем поманил Фуджа за собой по узкому коридору. В маленькой гостиной щелкнул пальцами, и в очаге загорелся огонь. Хозяин с поклоном удалился.

– Садись, Гарри, – сказал Фудж, показав на кресло у камина.

Гарри сел. Руки у него покрылись гусиной кожей, несмотря на тепло очага. Фудж снял и отбросил полосатый плащ, оставшись в бутылочно-зеленом костюме; затем поддернул брюки и уселся напротив.

– Я – Корнелиус Фудж, Гарри. Министр магии.

Гарри это было известно; однажды он уже видел Фуджа, но скрывался тогда под плащом-невидимкой, о чем Фуджу знать не следовало.

Вновь появился Том, в фартуке поверх пижамной куртки и с подносом – чай и блюдо сдобных лепешек. Поставил все на столик между Гарри и Фуджем и снова вышел, прикрыв за собой дверь.

– Ну, Гарри, – начал Фудж, разливая чай, – задал же ты нам работы, скажу честно. Подумать только, сбежать от дяди и тети, да еще вот так! Я уж было подумал... но ты цел и невредим, а это главное.

Фудж намазал себе лепешку маслом и подтолкнул тарелку к Гарри.

– Ешь, Гарри, а то ты как ходячий мертвец. Ну что ж... Хочу тебя порадовать: мы сумели устранить последствия случайного вздутия мисс Марджори Дурслей. Двое представителей департамента по размагичиванию в чрезвычайных ситуациях несколько часов назад были направлены на Бирючинную улицу. Мисс Дурслей проткнули, ее память модифицировали. У нее не осталось абсолютно никаких воспоминаний о происшествии. Так что было и сплыло. Все хорошо, что хорошо кончается.

Фудж улыбнулся Гарри поверх чашки, на манер доброго дядюшки, беседующего с любимым племянником. Гарри, который не верил собственным ушам, открыл было рот, однако не придумал, что сказать, и закрыл снова.

– А, ты, видимо, хочешь знать, как отреагировали твои дядя и тетя? – догадался Фудж. – Не стану скрывать – они рассержены донельзя. Тем не менее они готовы взять тебя обратно следующим летом, при условии, что ты останешься в «Хогварце» на рождественские и пасхальные каникулы.

У Гарри разлепилось горло.

– Я *всегда* остаюсь в «Хогварце» на рождественские и пасхальные каникулы, – сказал он, – и никогда больше не хочу возвращаться на Бирючинную улицу.

– Ну, полно, полно, я уверен, ты успокоишься и передумаешь, – встревожился Фудж. – В конце концов, это твоя семья, я уверен, что вы любите друг друга... ммм... в *глубине* души.

Гарри не стал разубеждать министра. Гораздо важнее узнать, что за судьба его ожидает.

– Таким образом, – продолжал Фудж, намазывая маслом вторую лепешку, – остается лишь решить, где ты проведешь последние три недели каникул. Рекомендую снять комнату здесь, в «Дырявом котле», и...

– Подождите, – выпалил Гарри. – А наказание?

Фудж моргнул.

– Наказание?

– Я же нарушил закон! – объяснил Гарри. – Декрет о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних!

– Ох, мой дорогой мальчик, не станем же мы наказывать тебя за такие пустяки! – вскричал Фудж, отмахнувшись лепешкой. – Это же

был несчастный случай! Если бы мы отправляли в Азкабан всех, кто надувает своих тетей!

Все это как-то не вязалось с прошлым опытом Гарри – он ведь уже сталкивался с министерством.

– Год назад я получил официальное предупреждение только потому, что домовый эльф свалил с холодильника пудинг в доме моего дяди! – сообщил он Фуджу, нахмурившись. – Министерство магии сказала, что меня исключат из «Хогварца», если у Дурслеев произойдет еще хоть что-нибудь волшебное!

Либо Гарри обманывало зрение, либо Фудж вдруг сильно сконфузился.

– Обстоятельства меняются, Гарри... необходимо принимать во внимание... в теперешней обстановке... Ты ведь *не хочешь*, чтобы тебя исключили?

– Конечно нет, – согласился Гарри.

– Тогда в чем же дело? – беспечно засмеялся Фудж. – Давай, ешь лепешку, а я пойду взгляну, успел ли Том приготовить для тебя комнату.

Фудж вышел из гостиной. Гарри посмотрел ему вслед. Творилось что-то совершенно непонятное. Зачем Фудж дожидался его у «Дырявого котла», если не затем, чтобы наказать за содеянное? И вообще, если вдуматься, вряд ли это входит в обязанности министра магии – разбираться с колдовством несовершеннолетних.

Вернулся Фудж, а с ним Том.

– Одиннадцатый номер свободен, Гарри, – сообщил Фудж. – Я думаю, тебе там будет очень удобно. Одна-единственная вещь... надеюсь, ты поймешь меня правильно... не выходи в мугловую часть Лондона. Вообще не уходи с Диагон-аллеи, хорошо? И по вечерам возвращайся до темноты. Ты умный мальчик, ты все понимаешь. Том за тобой присмотрит.

– Ладно, – медленно проговорил Гарри, – но почему?..

– Мы ведь не хотим, чтобы ты снова потерялся, правда? – от души засмеялся Фудж. – Нет-нет... лучше уж мы будем знать, где ты... то есть... – Он громко откашлялся и взял свой полосатый плащ. – Что ж, мне пора, масса дел, знаешь ли...

– А с Блэком что-нибудь удалось? – спросил Гарри.

Пальцы Фуджа соскочили с серебряной застёжки плаща.

– О чем ты? А, ты в курсе... что ж, нет, пока нет, но это лишь вопрос времени. Стражники Азкабана не знают поражений... и они в жизни так не злились. – Фуджа слегка передернуло. – Итак, будем прощаться.

Он протянул руку. Во время рукопожатия Гарри посетила неожиданная мысль.

– Э-э-э... министр? Можно вас попросить?

– Разумеется, – улыбнулся Фудж.

– Знаете, третьеклассникам в «Хогварце» можно посещать Хогсмед, но мои дядя и тетя не подписали разрешение. Вы не могли бы?..

Фудж смутился.

– Ах, – пробормотал он. – Нет, нет, извини, Гарри, но, поскольку я не являюсь ни твоим родителем, ни опекуном...

– Но вы ведь министр магии, – с жаром возразил Гарри, – если вы разрешите...

– Нет, Гарри, прости, но закон есть закон, – сухо сказал Фудж. – Возможно, ты сможешь посещать Хогсмед в следующем году. На самом деле я думаю, оно и к лучшему... да... все, мне пора. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Последний раз улыбнувшись и пожав ему руку, Фудж удалился. Том выступил вперед, лучась и сияя.

– Не будете ли так любезны последовать за мной, мистер Поттер, – пригласил он. – Я уже отнес наверх ваши вещи...

Гарри прошел за Томом вверх по красивой деревянной лестнице к двери с медным номером «11», которую Том отпер и отворил перед ним.

Внутри обнаружилась очень удобная на вид кровать и тщательно отполированная дубовая мебель, в камине весело потрескивал огонь, а на платяном шкафу...

– Хедвига! – выдохнул Гарри.

Снежно-белая сова защелкала клювом и слетела ему на руку.

– Очень умная эта ваша сова, – хмыкнул Том. – Прибыла через пять минут после вас. Если что-нибудь понадобится, мистер Поттер, не стесняйтесь обращаться.

Он еще раз поклонился и ушел.

Гарри долго сидел на кровати и рассеянно перебирал пальцами перья Хедвиги. Небо за окном быстро сменило глубокую бархатистую синеву на холодную стальную бледность, а затем медленно порозовело и пустило золотые побеги. Гарри сам себе не верил, что покинул Бирючинную улицу всего несколько часов назад, что его не исключили, что теперь его ждут три недели без всяких Дурслеев.

– Это была очень странная ночь, Хедвига, – зевнул он.

И, даже не сняв очки, повалился на подушки и уснул.

Глава четвертая

В «Дырявом котле»

Несколько дней Гарри привыкал к новой, нереальной свободе. Никогда раньше он не мог вставать когда захочется и есть что вздумается. И даже ходить куда угодно, пусть только в пределах Диагон-аллеи. Но на этой извилистой улице было полно самых удивительных волшебных магазинов – у Гарри не возникало желания нарушить данное Фуджу слово и отправиться гулять по мугловому миру.

По утрам Гарри завтракал в «Дырявом котле». Ему нравилось наблюдать за другими постояльцами: смешными деревенскими ведьмами, приехавшими на денек за покупками; почтенными колдунами, жарко спорившими над свежей статьей в «Современных превращениях»; диковатыми ведунами; буйными карликами. Однажды приехало нечто, подозрительно напоминавшее лешего, и заказало сырую печенку, так и не показавшись из-под толстого вязаного шлема.

После завтрака Гарри шел на задний двор, доставал волшебную палочку, стучал по третьему кирпичу слева над мусорным баком, отступал и смотрел, как в стене открывается сводчатый проход на Диагон-аллею.

Длинные летние дни Гарри коротал, обследуя магазины или закусывая у кафетериев за столиками под яркими разноцветными зонтиками. Те, кто ел по соседству, показывали друг другу покупки («Это луноскоп, приятель, – не надо возиться с картами Луны, понимаешь?») или обсуждали дело Сириуса Блэка («Лично я детей на улицу одних не выпущу, пока его не вернут в Азкабан»). Больше не нужно было работать над домашними заданиями под одеялом при свете карманного фонарика – теперь Гарри сидел на солнце у входа в кафе-мороженое Флорина Фортескью и дописывал все свои сочинения при содействии самого Флорина, который обладал богатыми познаниями о сжигании ведьм в Средние века и к тому же бесплатно угощал Гарри мороженым – примерно каждые полчаса.

С тех пор как Гарри, заглянув в сейф «Гринготтса», пополнил в кошеле запас золотых галлеонов, серебряных сиклей и бронзовых кнудов, требовался строжайший ежеминутный самоконтроль, чтобы не истратить все единым махом. Гарри постоянно напоминал себе, что впереди еще целых пять лет учебы в «Хогварце» и каково это будет, если деньги на книги заклинаний придется просить у Дурслеев; иначе он непременно купил бы набор тяжелых золотых побрякушей (в волшебном мире в них играли почти так же, как у муглов играют в шарики, только побрякуши выпускали вонючую жидкость в лицо игроку, потерявшему очко). Еще его болезненно влекла прекрасная в своем совершенстве движущаяся модель галактики, заключенная в большой прозрачный шар, – купил модель, и можно больше не учить астрономию. Однако сильнейшему искушению его стоицизм подвергся в любимом магазине «Все лучшее для квидиша» через неделю после приезда в «Дырявый котел».

Перед магазином собралась огромная возбужденная толпа. Гарри, заинтересовавшись, протиснулся к витрине, и перед ним возникла только что установленная подставка с метлой, прекраснее которой он еще ничего не видел.

– Только выпустили... опытный образец... – говорил своему приятелю колдун с квадратной челюстью.

– Это самая быстросходная метла в мире, да, пап? – пищал какой-то мальчик помладше Гарри, едва не отрывая отцу руку.

– Ирландская интернациональная сборная только что заказала семь таких красоток! – гордо известил толпу владелец магазина. – А они, между прочим, фавориты Кубка мира!

Крупная дама, стоявшая перед Гарри, отошла, и он прочел рекламное объявление рядом с метлой:

«ВСПЛОХ»

Суперсовременная гоночная метла с древком обтекаемой формы из отборного ясеня. Покрытие древка обладает алмазной твердостью, на каждое вручную нанесен уникальный регистрационный номер. Хвостовое оперение состоит из тщательно подобранных березовых хворостин, притертых друг к другу, что обеспечивает идеальные аэродинамические характеристики. «Всполох» обладает непревзойденной балансировкой и редкой точностью движений.

Разгоняется до 150 миль/ч за 10 секунд и оборудован неразбиваемым Тормозным Заклятием. Цена сообщается по запросу.

Цена по запросу... Гарри и думать не хотелось, сколько золота может уйти на это произведение искусства. Ничего в жизни он не желал так сильно – но, с другой стороны, ведь и на «Нимбусе-2000» он еще ни разу не проигрывал. Какой же смысл опустошать сейф в «Гринготтсе», если у него и так уже очень хорошая метла? Гарри не стал интересоваться ценой, но с тех пор чуть не каждый день приходил постоять перед витриной и полюбоваться на «Всполох».

Однако были и такие вещи, которые просто необходимо купить. В аптеке он пополнил запас ингредиентов для зелий, и, поскольку школьные мантии сделались ему коротки на несколько дюймов, пришлось посетить «Мадам Малкин – мантии на все случаи жизни» и купить размером побольше. Теперь оставалось самое важное – покупка учебников, среди которых на этот раз были книги по двум новым предметам: по уходу за магическими существами и по прорицанию.

Взглянув на витрину книжного магазина, Гарри очень удивился. Вместо обычной выставки громадных, размером с плиту мостовой, томов с золотым тиснением за стеклом стояла большая железная клетка. По ней металось штук сто «Чудовищных книг чудовищ». Во все стороны летели вырванные листы – книги самозабвенно сражались друг с другом, схватываясь в яростных поединках и громко клацая переплетами.

Гарри достал из кармана список необходимой литературы и впервые внимательно его прочитал. Выяснилось, что «Чудовищная книга чудовищ» необходима для занятий по уходу за магическими существами. Теперь ясно, почему Огрид написал, что книга будет полезна. Гарри вздохнул, у него отлегло от сердца; он уж было заподозрил, что Огриду нужна помощь с каким-нибудь новым страшным питомцем.

Гарри вошел в магазин Завитуша и Клякца, и ему навстречу поспешил продавец.

– «Хогварц»? – спросил он отрывисто. – Учебники?

– Да, – ответил Гарри. – Мне нужны...

– Отойдите, – нетерпеливо перебил продавец и отодвинул Гарри в сторону. Затем надел очень толстые перчатки, взял большую суковатую

палку и направился к клетке с «Чудовищными книгами чудовищ».

– Погодите, – быстро сказал Гарри, – это у меня уже есть.

– Есть? – Неимоверное облегчение разлилось по физиономии продавца. – Хвала небесам! Меня с утра уже пять раз укусили...

Громкий треск прорезал воздух: две «Чудовищные книги» схватили третью и принялись рвать ее на части.

– Прекратить! Прекратить! – закричал продавец, тыча палкой сквозь прутья решетки и пытаясь разогнать драчуний. – Никогда больше не буду их заказывать, ни-ког-да! Это сущий бедлам! А я-то думал, что худшее мы уже пережили, когда приобрели двести экземпляров «Невидимой книги невидимости», – стоили целое состояние, но мы их так и не нашли... да... Так могу я чем-то быть полезен?

– Да, – сказал Гарри, просматривая список. – Мне нужно «Растуманивание будущего» Кассандры Ваблатской.

– А, начинаете изучать прорицание? – спросил продавец, стаскивая перчатки.

Он провел Гарри в глубь магазина, в уголок, посвященный предсказанию судьбы. На столике, заваленном книжками, лежали интересные произведения – к примеру, «Предсказание непредсказуемого: защититесь от шока» и «Битые яйца: когда судьба поворачивается задом».

– Прошу, – сказал продавец, слазив на стремянку за толстым томом в черном переплете. – «Растуманивание будущего». Отличное руководство по всем видам предсказаний – тут и хиромантия, и хрустальный шар, и птичьи внутренности...

Но Гарри не слушал. Его взгляд упал на другую книжку: «Смертные знамения: как быть, если грядет неминуемое».

– Ой, на вашем месте я не стал бы это читать, – небрежно заметил продавец, перехватив взгляд Гарри. – Сразу начнете повсюду видеть знамения. А это любого запугает до смерти.

Гарри не отрывал глаз от обложки: там была изображена черная собака с горящими глазами, огромная как медведь. Ее облик был смутно знаком.

Продавец сунул «Растуманивание будущего» в руки мальчику.

– Что-нибудь еще?

– Да, – ответил Гарри, оторвав взгляд от собаки и в ошеломлении просматривая список. – Мне... э-э-э... нужны «Превращения для продолжающих» и «Сборник заклинаний. Часть третья».

Через десять минут он вышел от Завитуша и Клякца с новыми учебниками под мышкой и побрел назад в «Дырявый котел», толком не замечая, куда идет, и врезаясь в прохожих.

Тяжело протопав по лестнице, он вошел к себе и свалил книжки на кровать. В комнате уже убрали; окна были распахнуты, все заливало солнце. Гарри слышал, как по незримой мугловой улице катят автобусы, как шумит незримая толпа на Диагон-аллее. Заметил себя в зеркале над раковиной.

– Это не могло быть смертное знамение, – вызывающе сказал он отражению. – Я был в панике, когда увидел это чучело в Магнолиевом проезде... может, просто бродячая собака...

Он машинально попытался пригладить волосы.

– Дохлый номер, юноша, – одышливо прохрипело зеркало.

Время летело, и вот уже Гарри на прогулках поглядывал по сторонам – не видно ли где Рона и Гермионы? Начало семестра надвигалось, и многие ученики «Хогварца» приезжали в эти дни на Диагон-аллею. У магазина «Все лучшее для квидиша» Гарри встретил своих одноклассников Шеймаса Финнигана и Дина Томаса – те тоже пялились на «Всполох». Возле Завитуша и Клякца Гарри столкнулся с настоящим Невиллом Лонгботтомом, круглолицым мальчиком, который вечно все забывал. Гарри не остановился поболтать, потому что Невилл, судя по всему, куда-то подевал список книг, за что ему сурово выговаривала его очень грозная бабушка. Оставалось лишь надеяться, что до нее никогда не дойдут слухи о том, как Гарри в бегах притворялся Невиллом.

В последний день каникул Гарри проснулся и подумал, что завтра точно увидится с Роном и Гермионой в «Хогварц-экспрессе». Он встал, оделся, в последний раз сходил взглянуть на «Всполох» и уже размышлял, где бы пообедать. И тут кто-то громко его окликнул:

– Гарри! ГАРРИ!

Он обернулся. Вот они оба – сидят у входа в кафе-мороженое Флорина Фортескью: Рон необычайно веснушчатый, Гермиона шоколадно-коричневая. Оба вовсю махали руками.

– Ну наконец-то! – сказал Рон, улыбаясь во весь рот. Гарри подошел и сел рядом. – Мы были в «Дырявом котле», но нам сказали, что ты ушел. Тогда мы сходили к Завитушу и Клякцу, и к мадам Малкин, и...

– Я все купил на прошлой неделе, – объяснил Гарри. – А откуда вы узнали, что я живу в «Дырявом котле»?

– Папа, – коротко ответил Рон.

Мистер Уизли работал в министерстве магии и, конечно, не мог не знать про тетю Марджи.

– Ты и правда надул свою тетю? – строго спросила Гермиона.

– Я не хотел, – сказал Гарри, а Рон покатился со смеху. – Я просто... потерял контроль.

– Это не смешно, Рон, – резко бросила Гермиона. – Честное слово, я поражена, как это Гарри не исключили.

– Я сам поражен, – признался Гарри. – Да что там исключили – я думал, меня вообще арестуют. – Он посмотрел на Рона. – Твой папа не сказал, почему Фудж меня отпустил, нет?

– Может, потому, что ты – это ты? – пожал плечами Рон, продолжая хихикать. – Знаменитый Гарри Поттер и тэ дэ и тэ пэ. А представь, что бы министерство сделало со мной, если б я надул тетю. Правда, им пришлось бы меня сначала откопать, потому что мама убила бы меня первая. Но ты можешь сам спросить у папы вечером. Мы тоже остановились в «Дырявом котле»! Завтра вместе поедem на Кингз-Кросс! И Гермиона с нами!

Гермиона, сияя, кивнула:

– Мама с папой привезли меня утром со всеми вещами.

– Здорово! – воскликнул Гарри. – А новые учебники вы уже купили?

– Смотри. – Рон достал из рюкзака длинную узкую коробку и открыл. – Новехонькая палочка. Четырнадцать дюймов, ивовая, с волоском единорога. Книжки мы тоже все купили. – Он показал на большую сумку под стулом. – Как тебе понравились «Чудовищные книги»? Продавец чуть не расплакался, когда узнал, что нам нужно две.

– А это что такое, Гермиона? – Гарри показал на раздутые сумки – не одну, а целых три, – громоздящиеся на стуле рядом с ней.

– У меня ведь будет больше новых предметов, чем у вас, – ответила она. – Здесь книжки по арифмантике, по уходу за магическими существами, прорицанию, древним рунам, мугловедению...

– Мугловедение-то тебе зачем? – спросил Рон, покосившись на Гарри и закатив глаза. – Ты же муглорожденная! У тебя мама-папа муглы! Ты и так все знаешь!

– Но это же потрясающе интересно – изучить их с колдовской точки зрения, – серьезно сказала Гермиона.

– А есть и спать ты в этом году собираешься? – спросил Гарри, а Рон усмехнулся.

Гермиону это не смутило.

– Еще осталось десять галлеонов, – объявила она, порывшись в кошельке. – У меня день рождения в сентябре, мама с папой дали денег, чтоб я заранее купила себе подарок.

– Как насчет хорошей *книжки*? – невинно похлопал глазами Рон.

– Нет, не думаю, – спокойно ответила Гермиона. – Я вообще-то хочу сову. У Гарри есть Хедвига, у тебя Эррол...

– Не у меня, – перебил Рон. – Эррол принадлежит всей семье. А у меня есть Струпик. – Он вытащил ручную крысу из кармана. – Кстати, я хочу, чтоб его осмотрели, – добавил он, поместив Струпика на стол. – По-моему, Египет ему не пошел впрок.

Струпик и в самом деле отощал, и усики у него пообвисли.

– Тут недалеко есть магазин магических существ, – сказал Гарри, изучивший Диагон-аллею вдоль и поперек. – Посмотришь, нет ли у них чего для Струпика, а Гермиона купит сову.

Они расплатились за мороженое, перешли улицу и попали в «Заманчивый зверинец».

Внутри почти совсем не было места. Каждый дюйм стены занимали клетки. В магазине едко пахло и стоял жуткий галдеж: обитатели клеток ухали, квакали, каркали и шипели. Ведьма за прилавком консультировала колдуна по поводу ухода за двусторонними тритонами – Гарри, Рону и Гермионе пришлось подождать. Они стали рассматривать клетки.

Две огромные пурпурные жабы влажно сглатывали, лакомясьдохлыми мясными мухами. У окна гигантская черепаха сверкала панцирем, инкрустированным бриллиантами. Ядовитые оранжевые улитки медленно стекали по стенке аквариума; жирный белый кролик

с громким хлопком превращался в шелковый цилиндр, а затем обратно. Еще там были кошки всех цветов, очень шумная вольера с воронами, корзина забавных меховых шариков цвета заварного крема – шарики громко гудели, – а на прилавке стояла просторная клетка с гладкими черными крысами, которые играли в скакалки, прыгая через свои длинные, голые хвосты.

Владелец двусторонних тритонов удалился, и Рон подошел к прилавку.

– У меня тут крыса, – сообщил он ведьме. – Она что-то полиняла после Египта.

– Швыряйте на прилавок, – сказала ведьма, доставая из кармана очки в тяжелой черной оправе.

Рон вытащил Струпика из внутреннего кармана и положил рядом с клеткой его соплеменников, которые перестали скакать и сгруппировались у решетки, чтобы лучше рассмотреть пришельца.

Как и все, чем владел Рон, Струпик был подержанный (раньше он принадлежал Перси, старшему брату Рона) и довольно потрепанный. По сравнению с лоснящимися крысами в клетке бедняга выглядел особенно удручающе.

– Хм, – сказала ведьма, поднимая Струпика. – Сколько ему лет?

– Не знаю, – ответил Рон. – Но он довольно старый. Достался мне от брата.

– Что он умеет? – спросила ведьма, пристально изучая Струпика.

– Э-э-э... – Правда состояла в том, что у Струпика не наблюдалось талантов.

Ведьма перевела взгляд с разорванного левого уха крысы на правую лапку, где отсутствовал один коготь, и громко зацокала языком.

– Прошел огонь, воду и медные трубы, бедолага, – констатировала она.

– Я его таким и получил, – стал оправдываться Рон.

– Обыкновенные, или садовые, крысы живут года три, – объяснила ведьма. – Так что, если хотите приобрести что-нибудь более долгоиграющее, возможно, вы обратите внимание на... – Она показала на черных крыс, которые тут же бодро запрыгали и заскакали.

– Показушники, – проворчал Рон себе под нос.

– Что ж, если не хотите замену, можете попробовать вот этот крысотоник. – Ведьма потянулась под прилавок и извлекла красную

бутылочку.

– Ладно, – сказал Рон. – Сколько... ОЙ!

Он резко пригнулся: нечто огромное и оранжевое сигануло с самой верхней клетки, приземлилось ему на голову, а затем, злобно шипя, ринулось на Струпика.

– СТОЙ, КОСОЛАПСУС, СТОЙ! – закричала ведьма. Струпик выскользнул у нее из рук, как кусок мыла, свалился на пол – лапки враспопырку – и драпанул к двери.

– Струпик! – выкрикнул Рон, кинувшись за ним; Гарри направился следом.

На поимку крысы ушло добрых десять минут – перепуганное животное скрылось под урной у магазина «Все лучшее для квидиша». Наконец Рон запихал дрожащее создание в карман и выпрямился, потирая голову.

– Что это было?

– Не то гигантская кошка, не то карликовый тигр, – сказал Гарри.

– А где Гермиона?

– Наверное, покупает сову.

Они стали медленно пробираться по запруженной улице к «Заманчивому зверинцу». И в дверях столкнулись с Гермионой, но та несла вовсе не сову. Обеими руками она обнимала громадного рыжего кота.

– Ты *купила* этого монстра? – разинул рот Рон.

– Красавец, правда? – просияла Гермиона.

Дело вкуса, подумал Гарри. Рыжий мех отличался отменной густотой и пушистостью, но кот был на редкость криволапый, а морда недовольная и сплюснутая, будто он с разбегу врезался в кирпичную стену. Однако теперь, без Струпика в поле зрения, кот довольно урчал на руках у новой хозяйки.

– Гермиона, да он же чуть не снял с меня скальп! – воскликнул Рон.

– Он не нарочно, правда, Косолапсус? – промурлыкала Гермиона.

– А как быть со Струпиком? – Рон ткнул в нагрудный карман. – Ему нужен покой! А откуда его взять, если рядом такая зверюга?

– Кстати, ты забыл крысотоник, – вспомнила Гермиона, плюхнув красную бутылочку Рону на ладонь. – И не дергайся, Косолапсус будет спать у меня в спальне, а Струпик – у тебя. В чем проблема? Бедняжка

Косолапсус, эта ведьма сказала, он у нее целую вечность; никто не хотел его покупать.

– Интересно почему, – саркастически хмыкнул Рон.

И они отправились в «Дырявый котел».

Возле барной стойки сидел мистер Уизли и читал «Оракул».

– Гарри! – радостно улыбнулся он, подняв глаза. – Как поживаешь?

– Спасибо, хорошо, – ответил Гарри.

Ребята со всеми покупками подсели к мистеру Уизли. Тот положил газету на стойку, и Гарри увидел теперь уже хорошо знакомое лицо Сириуса Блэка.

– Так и не поймали? – спросил он.

– Нет, – очень мрачно ответил мистер Уизли. – Нас всех сорвали по тревоге с обычных мест работы, привлекли к поискам, но пока безрезультатно.

– А если мы его поймаем, нам дадут вознаграждение? – поинтересовался Рон. – Было бы неплохо получить еще денег...

– Не смейся, Рон, – сказал мистер Уизли, при ближайшем рассмотрении донельзя утомленный. – Тринадцатилетнему колдуну с Блэком не справиться. Это под силу только стражникам Азкабана, они его и схватят, помяните мое слово.

В бар вошла нагруженная пакетами миссис Уизли. За ней тащились близнецы Фред и Джордж, уже пятиклассники «Хогварца»; только что избранный старшим старостой Перси; а также самая младшая в семье и к тому же единственная дочь, Джинни.

Джинни, с первого взгляда вспыхавшая к Гарри нежными чувствами, на этот раз смутилась еще больше обычного – возможно, потому, что в прошлом учебном году он спас ей жизнь. Она ужасно покраснела и пробормотала «привет», даже не осмелившись поднять глаза. Перси же, наоборот, с пресерьезным видом протянул руку, словно они с Гарри никогда раньше не встречались, и изрек:

– Гарри. Очень рад тебя видеть.

– Привет, Перси, – ответил Гарри, сдерживая смех.

– Надеюсь, ты здоров? – помпезно продолжил Перси.

Гарри как будто познакомили с мэром.

– Вполне здоров, спасибо...

– Гарри! – заорал Фред, отпихивая Перси локтем и низко кланяясь. – *Несказанно* счастлив тебя видеть, дорогой друг...

– Восхищен, – встрял Джордж, в свою очередь отпихивая Фреда и хватая Гарри за руку, – неописуюсь от восторга...

Перси поджал губы.

– Ну хватит, – бросила миссис Уизли.

– Мама! – просиял Фред, притворившись, будто только что ее заметил, и тоже хватая за руку. – Обалденно рад видеть...

– Я сказала, хватит. – Миссис Уизли свалила покупки на свободный стул. – Здравствуй, Гарри, мой милый. Ты ведь уже в курсе наших потрясающих новостей? – Она показала на сверкающий серебряный значок «Старший староста» на груди у Перси. – Второй старший староста в нашей семье! – похвасталась она, раздувшись от гордости.

– И последний, – вполголоса проворчал Фред.

– Я в этом и не сомневаюсь, – внезапно нахмурилась миссис Уизли. – Насколько мне известно, вас двоих старостами пока не назначили.

– Это еще зачем? – Кажется, Джорджа от одной мысли воротило. – Чтоб жизнь медом не казалась?

Джинни захихикала.

– С вас сестра берет пример! – укорила миссис Уизли.

– Для этого у Джинни есть другие братья, мама, – надменно заявил Перси. – Я пойду переоденусь к ужину...

Он удалился, а Джордж тяжело вздохнул.

– Мы хотели заточить его в пирамиду, – поведал он Гарри. – Жаль, мама засекла.

Ужин получился очень приятным. Том в гостиной составил вместе три стола, за которыми семеро Уизли, Гарри и Гермиона умяли пять перемен блюд.

– А как мы завтра будем добираться до Кингз-Кросс, пап? – спросил Фред, когда все вгрызлись в пышный шоколадный пудинг.

– Министерство дает нам две машины, – ответил мистер Уизли.

Все подняли головы.

– Почему? – удивился Перси.

– Из-за тебя, конечно, – серьезно ответил Джордж. – На капоте будут такие флажки, с буквами «Ст. Ст.»...

– В смысле: «Стыдобушка Стуканутая», – прибавил Фред.

Все, кроме миссис Уизли и самого Перси, хрюкнули в пудинг.

– Так почему министерство дает нам машины, пап? – снова спросил Перси, не теряя достоинства.

– Ну, поскольку у нас самих больше нет машины, – объяснил мистер Уизли, – и поскольку я на них работаю, они в виде любезности...

Он сказал это очень небрежно, но Гарри поневоле заметил, что у мистера Уизли покраснели уши – совсем как у Рона в затруднительных ситуациях.

– И очень хорошо, – живо добавила миссис Уизли. – Вы себе представляете, сколько у нас багажа? Всех бы муглов в метро распугали... Вы, кстати, упаковали вещи?

– Рон еще не сложил сундук, – утомленно наябедничал Перси. – Свалил свое добро мне на кровать.

– Тогда иди и соберись как следует, Рон, потому что утром не будет времени! – повысив голос, крикнула миссис Уизли на другой конец стола. Рон скорчил Перси рожу.

За ужином они объелись и захотели спать. Один за другим дети расходились по комнатам, чтобы проверить, все ли собрано. Рон с Перси остановились в соседнем с Гарри номере. Он как раз запер свой сундук, но тут услышал за стенкой сердитые голоса и пошел взглянуть, в чем дело.

Дверь номера двенадцать была распахнута. Перси кричал:

– Он был *здесь*, на тумбочке, я снял его, чтобы отполировать...

– Я его не трогал, понял? – орал в ответ Рон.

– Что случилось? – поинтересовался Гарри.

– Мой значок пропал, – рявкнул на него Перси.

– Ну, так и крысотоник тоже пропал, – сказал Рон, выбрасывая вещи из своего сундука, – может, я его оставил в баре...

– Никуда не пойдешь, пока не найдешь значок! – завопил Перси.

– Схожу поищу тоник, я уже упаковался, – сказал Гарри Рону и отправился вниз.

На полпути к бару, где уже погасили свет, он услышал из гостиной еще два сердитых голоса. Секунду спустя он сообразил: ругались мистер и миссис Уизли. Гарри застыл – не хватало им догадаться, что он слышал, как они ссорятся, – но тут до него донеслось его собственное имя, и он подошел поближе к двери.

– Нет никакого смысла скрывать от него, – горячо говорил мистер Уизли. – Гарри вправе знать. Я пытался объяснить Фуджу, но он считает, что Гарри – младенец. А парню уже тринадцать...

– Артур, правда его напугает! – пронзительно воскликнула миссис Уизли. – Ты что, хочешь, чтобы мальчик пошел в школу с таким ужасным камнем на душе? Ради всего святого! Он *счастлив в неведении!*

– Я не хочу, чтоб он стал несчастен, но хочу, чтоб он был настороже! – возразил мистер Уизли. – Ты же знаешь, какие они, и Гарри, и Рон, вечно лезут куда не надо – они даже в Запретный лес угодили! Но теперь такого нельзя допустить! Мне дурно делается при мысли о том, что могло с ним случиться, когда он убежал из дому! Готов поклясться: если б не «ГрандУлет», Гарри убили бы раньше, чем его нашло министерство!

– Но его *не* убили, с ним все в порядке, так какой смысл...

– Молли, все говорят, что Сириус Блэк сумасшедший, но, заметь, у него хватило ума сбежать из Азкабана, хотя считается, что это невозможно. Уже месяц прошел – и ни следа Блэка, что бы там ни рассказывал Фудж «Оракулу». Мы не ближе к поимке Блэка, чем к изобретению самозаклинающей волшебной палочки! Мы знаем лишь одно – за кем охотится Блэк...

– Но в «Хогварце» Гарри будет в безопасности...

– Мы думали, что и Азкабан – абсолютно надежная крепость. Если Блэк сумел вырваться из Азкабана, он сумеет проникнуть в «Хогварц».

– Но ведь никто не знает наверняка, что Блэку нужен именно Гарри...

Раздался грохот – очевидно, мистер Уизли стукнул кулаком по столу.

– Сколько раз тебе повторять, Молли! В прессе не объявляют, потому что Фудж против. Но в ту ночь, когда Блэк сбежал, Фудж побывал в Азкабана. Стражники рассказали, что Блэк давно уже разговаривал во сне. И всегда одно и то же: «Он в “Хогварце”... он в “Хогварце”...» Блэк не в своем уме, Молли, и он хочет убить Гарри. Видно, считает, что тогда Сама-Знаешь-Кто вернется к власти. В ту ночь, когда Гарри победил Сама-Знаешь-Кого, Блэк все потерял, и у него было целых двенадцать лет, чтобы подумать об этом в Азкабана...

Воцарилось молчание. Гарри ближе склонился к двери, желая услышать еще что-нибудь.

– Ну, Артур, поступай, как считаешь нужным. Только не забывай об Альбусе Думбльдоре. Вряд ли Гарри что-то угрожает, пока Думбльдор – директор школы. Он ведь, наверное, в курсе?

– Конечно, в курсе. Нам пришлось спрашивать у него разрешения поставить стражников Азкабана у входов на школьную территорию. Он, разумеется, не был дико счастлив, но согласился.

– Не был счастлив? Но почему – они же поймают Блэка?

– Думбльдор не любит азкабанских стражников, – тяжело проговорил мистер Уизли. – Да и кто их любит? Но против Блэка можно объединиться с кем угодно.

– Если они защитят Гарри...

– То я больше не скажу против них ни единого дурного слова, – устало сказал мистер Уизли. – Поздно, Молли, пора ложиться...

Задвигались стулья. Гарри тихонько спрятался. Дверь в гостиную отворилась, и спустя несколько минут до него донеслись шаги – супруги Уизли поднимались по лестнице.

Бутылочка крысотоника лежала под столом, за которым все ужинали. Гарри подождал, пока не захлопнулась дверь в номер мистера и миссис Уизли, и понес свою находку наверх.

Фред и Джордж притаились в тени на лестничной площадке, корчась от смеха, – они подслушивали, как Перси разоряет комнату в поисках значка.

– Он у нас, – шепнул Фред, – мы его немножко подправили.

Теперь на значке было написано: «Страшный стыроста».

Гарри выдавил смешок, сходил отдать Рону тоник, а потом закрылся у себя и лег на кровать.

Стало быть, Сириус Блэк охотится за ним. Это все объясняет. Фудж проявил снисходительность, радуясь, что Гарри вообще жив. Велел не уходить с Диагон-аллеи, где полно колдунов. Отличный присмотр. Ну и завтра машины от министерства, чтобы Уизли благополучно посадили его в поезд.

Гарри лежал, рассеянно слушал приглушенные крики за стенкой и недоумевал, почему ему не очень-то страшно. Сириус Блэк убил тринадцать человек одним проклятием; мистер и миссис Уизли явно считали, что Гарри впадет в панику, если узнает правду. Но Гарри был

искренне согласен с миссис Уизли: где Думбльдор – там и самое безопасное место на земле. Все ведь утверждали в один голос, что Думбльдор – единственный человек, которого боялся Лорд Вольдеморт, так? А раз Сириус Блэк – правая рука Вольдеморта, значит, он должен бояться Думбльдора не меньше?

И потом, пресловутые азкабанские стражники. Похоже, они так страшны, что один их вид лишает рассудка; если их расставят вокруг школы, шансы Блэка проникнуть внутрь весьма невелики.

Нет, в общем и целом Гарри больше переживал за собственные шансы попасть в Хогсмед. Увы, они равнялись нулю. Никто не согласится выпустить Гарри с территории замка, пока не поймают Блэка. Гарри подозревал, что, пока опасность не минует, за каждым его шагом будут пристально следить.

Он нахмурился, глядя в темный потолок. За кого они его держат? Он что, не в силах за себя постоять? Не такой уж он никчемный, раз трижды спасся от Лорда Вольдеморта...

Перед мысленным взором возник непрошенный образ зверя во мраке Магнолиевого проезда. *Как быть, если грядет неминуемое...*

– Я не дам себя убить, – громко сказал Гарри.

– Вот и молодец, – сонно отозвалось зеркало.

Глава пятая

Дементор

Наутро Том, как обычно, приветствовал Гарри беззубой улыбкой и чашкой чаю. Гарри оделся и уговаривал капризничавшую Хедвигу залезть в клетку, когда в комнату ворвался Рон. Он на ходу натягивал через голову толстовку и явно злился.

– Скорей бы в поезд, – ворчал он. – По крайней мере, в «Хогварце» я избавлюсь от Перси. Теперь он обвиняет меня в том, что я, видите ли, пролил чай на фотографию Пенелопы Дdiamант! Ну, знаешь, – Рон скорчил рожу, – его *девушки*. Она прячется за рамкой, потому что у нее нос пошел пятнами...

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – начал Гарри, но осекся: близнецы заглянули поздравить Рона с тем, что ему снова удалось взбесить Перси.

Все отправились завтракать. Мистер Уизли, нахмутив брови, читал первую полосу «Оракула». Миссис Уизли рассказывала Гермионе и Джинни про любовное зелье, которое готовила в юные годы, и все три пребывали в чрезвычайно смешливом настроении.

– Так что ты там говорил? – спросил Рон за столом.

– После, – буркнул Гарри. В дверь влетел Перси.

Гарри так и не представился шанс поговорить с Роном в предотъездном хаосе; слишком много сил ушло на то, чтобы спустить к выходу по узким гостиничным лестницам многочисленные сундуки. Сверху водрузили клетки с Хедвигой и Гермесом, сипухой Перси. Сбоку, возле пирамиды сундуков, громко шипела плетеная корзинка.

– Не волнуйся, Косолапсус, – ворковала Гермиона в дырочки между прутьями, – в поезде я тебя выпущу.

– Нет, непустишь, – резко возразил Рон. – Забыла про бедного Струпику?

Он показал на оттопыренный нагрудный карман, где комочком свернулась крыса.

Мистер Уизли, ожидавший прибытия министерских машин на улице, просунул голову внутрь.

– Приехали, – объявил он. – Гарри, пошли.

От двери гостиницы до первого из двух старомодных темно-зеленых автомобилей Гарри прошел под конвоем мистера Уизли. За рулем в обеих машинах сидели плутоватого вида колдуны в изумрудных бархатных костюмах.

– Давай-ка садись, – сказал мистер Уизли, внимательно оглядев толпу на улице.

Гарри забрался на заднее сиденье. Вскоре к нему присоединились Гермиона, Рон и, к величайшему неудовольствию Рона, Перси.

Поездка до вокзала Кингз-Кросс была ничем не примечательна, особенно в сравнении с путешествием в «ГрандУлете». Впрочем, Гарри заметил, что машинам министерства магии, на первый взгляд самым обыкновенным, удастся проскальзывать в такие узкие щели, куда новый служебный автомобиль дяди Вернона ни за что бы не протиснулся. На вокзал они прибыли с двадцатиминутным запасом; министерские водители подвезли тележки, выгрузили багаж, молча отсалютовали мистеру Уизли и уехали, умудрившись сразу очутиться во главе неподвижной очереди машин, застывшей у светофора.

Всю дорогу до здания вокзала мистер Уизли не отходил от Гарри.

– Итак, – он оглядел своих подопечных, – пойдем парами, раз нас так много. Сначала мы с Гарри.

Мистер Уизли непринужденно направился к барьеру между платформами девять и десять, очень заинтересованно разглядывая поезд «Интерсити-125», только что прибывший на девятую платформу. Многозначительно поглядев на Гарри, мистер Уизли небрежно облокотился о барьер. Гарри сделал то же самое.

Через секунду оба боком провалились сквозь металлическое ограждение на платформу девять и три четверти. Их взорам предстал малиновый паровоз «Хогварц-экспресса». Клубы дыма плыли над платформой, до отказа забитой ведьмами и колдунами, провожавшими детей в школу.

За спиной у Гарри возникли Перси и Джинни. Они запыхались – видимо, прорывались с разбега.

– А, вот и Пенелопа! – воскликнул Перси, приглаживая волосы и обильно розовея.

Джинни переглянулась с Гарри, и оба поскорей отвернулись, чтобы Перси не заметил, как они хихикают. Но тот уже зашагал навстречу девочке с длинными кудрями, посильнее выпятив грудь, чтобы Пенелопа ни в коем случае не проглядела сияющий серебряный значок.

Когда появились остальные Уизли и Гермиона, Гарри и мистер Уизли пошли в конец состава, мимо уже занятых купе, к пустому вагону. Все погрузили сундуки, надежно разместили Хедвигу и Косолапсуса на багажной полке и вышли на платформу попрощаться.

Миссис Уизли перецеловала своих детей, потом Гермиону и, наконец, Гарри. Он смутился, но ему все равно было ужасно приятно, когда миссис Уизли обняла его еще разок.

– Ты ведь будешь осторожен, правда, Гарри? – спросила она, отстраняясь. Ее глаза подозрительно ярко блестели. Она открыла свою необъятную сумку и сказала: – Я всем сделала бутерброды... Это тебе, Рон... нет, не солонина... Фред? Где Фред? Это тебе, милый...

– Гарри, – тихонько окликнул мистер Уизли, – подойди ко мне на минуточку.

Он мотнул подбородком в сторону, и Гарри зашел за колонну. Все прочие остались около миссис Уизли.

– Мне нужно тебе кое-что сказать до того, как вы уедете, – напряженно заговорил мистер Уизли.

– Не волнуйтесь, мистер Уизли, – перебил Гарри, – я уже знаю.

– Знаешь? Что ты знаешь?

– Я... э-э-э... я слышал ваш разговор с миссис Уизли вчера вечером. Случайно, – поспешно добавил Гарри. – Извините...

– Я бы предпочел, чтобы ты узнал об этом иначе, – встревожился мистер Уизли.

– Да нет, правда, все нормально. Зато вы не нарушили обещание Фуджу, а я в курсе событий.

– Гарри, ты, наверное, до смерти напуган...

– Вовсе нет, – искренне ответил Гарри. – *Честно*, – добавил он, потому что мистер Уизли смотрел недоверчиво. – Я не геройствую, но, серьезно, Сириус Блэк ведь не может быть хуже Вольдеморта?

Мистер Уизли от страшного имени вздрогнул, но ничего не сказал.

– Гарри, я знал, что ты крепче, чем думает Фудж, и я очень рад, что ты не напуган, но...

– Артур! – крикнула миссис Уизли, уже загоняя остальных детей в поезд. – Артур, что вы там застряли? Поезд отправляется!

– Сейчас, Молли! – откликнулся мистер Уизли, но, снова повернувшись к Гарри, продолжал тише и торопливее: – Слушай, пообещай мне...

– Что я буду хорошим мальчиком и не выйду из замка? – мрачно договорил за него Гарри.

– Не совсем, – возразил мистер Уизли. Он был очень серьезен – Гарри его таким не видал. – Поклянись, что не станешь сам искать Блэка.

Гарри вытаращил глаза:

– Что?

Раздался громкий свисток. Проводники шли вдоль поезда, захлопывая двери вагонов.

– Обещай мне, Гарри, – мистер Уизли заговорил еще быстрее, – что ни в коем случае...

– Зачем мне искать того, кто хочет меня убить? – растерялся Гарри.

– Что бы ты ни услышал, поклянись мне...

– Артур, скорее! – крикнула миссис Уизли.

Дым валил из трубы паровоза; состав тронулся. Гарри добежал до двери, Рон распахнул ее и отступил, пропуская его внутрь. Ребята высунулись из окна и махали мистеру и миссис Уизли, пока поезд не свернул и фигурки не скрылись из виду.

– Мне нужно поговорить с вами наедине, – тихонько шепнул Гарри Рону и Гермионе, когда поезд набрал скорость.

– Уйди, Джинни, – приказал Рон.

– Вот это здорово, – обиженно буркнула Джинни и ушла.

Гарри, Рон и Гермиона отправились искать пустое купе, но всюду кто-то сидел, за исключением купе в самом конце состава.

Здесь был только один пассажир – он беспробудно спал у окна. Ребята замерли на пороге. Обычно в «Хогварц-экспрессе» ездили одни школьники, и раньше взрослых здесь не встречалось, кроме, конечно, ведьмы, развозившей тележку с едой.

Незнакомец был на вид крайне больной и истощенный, одет в невероятно изношенную, залатанную мантию. Вроде бы довольно молод, но волосы подернуты сединой.

– Это еще кто? – прошептал Рон, когда ребята бесшумно закрыли за собой дверь и сели подальше от окна.

– Профессор Р. Дж. Люпин, – сразу же ответила Гермиона, тоже шепотом.

– Откуда ты знаешь?

– Написано на сундуке, – ответила девочка, указывая на багажную полку над головой молодого человека. Там стоял потертый сундучок, стянутый веревкой, аккуратно связанной из обрывков. На уголке сундука наискосок был проставлен облупленный штамп «Профессор Р. Дж. Люпин».

– Интересно, по какому он предмету? – наморщил лоб Рон, глядя на мертвенно-бледный профиль Люпина.

– Но это же очевидно, – прошептала Гермиона. – В школе одна вакансия. Защита от сил зла.

У ребят уже было два разных учителя по этому предмету, но каждый продержался в школе только год. Ходили слухи, что сама должность заговорена.

– Надеюсь, он знает свое дело, – с сомнением сказал Рон. – У него такой вид... проклятие посильней добьет его окончательно. Ну да ладно... – И он повернулся к Гарри: – Что ты хотел сказать?

Гарри рассказал о подслушанном споре родителей Рона и о предостережении мистера Уизли. Когда закончил, Рон молчал как громом пораженный, а Гермиона ладонями зажимала рот. Наконец она опустила руки и произнесла:

– Сириус Блэк сбежал, чтобы найти *тебя*? Ой, Гарри... пожалуйста, будь очень, очень осторожен. Не нарывайся на неприятности...

– Я не нарываюсь на неприятности, – раздраженно ответил Гарри, – это неприятности обычно нарываются *на меня*.

– Что они себе думают, ты совсем дурак – разыскивать психопата, который хочет тебя убить? – дрожащим голосом пролепетал Рон.

Друзья восприняли новость гораздо хуже, чем Гарри ожидал. Оказывается, и Рон, и Гермиона боялись Блэка больше, чем он сам.

– Никто не знает, как он выбрался из Азкабана, – тревожно проговорил Рон, – раньше это никому не удавалось. А он к тому же сидел в камере усиленного режима.

– Но ведь его поймают, – серьезно сказала Гермиона. – Муглы тоже повсюду его ищут...

– Что за шум? – вдруг спросил Рон.

Откуда-то доносился слабый металлический свист. Ребята осмотрелись.

– Это из твоего сундука, Гарри, – догадался Рон, встал, потянулся к багажной полке и вытащил из-под одежды карманный горескоп. Прибор очень быстро вращался у Рона на ладони и ослепительно сиял.

– Это и есть *горескоп*? – с интересом спросила Гермиона и привстала, чтобы получше рассмотреть.

– Ага... только учти, очень дешевый, – ответил Рон. – Он так и зашелся, когда я привязывал его Эрролу к ноге, чтобы к Гарри отправить.

– А ты в это время делал что-то плохое? – проницательно сощурилась Гермиона.

– Нет! Хотя... вообще-то я не должен был брать Эррола. Ты же знаешь, он не годится для дальних перелетов... но что мне оставалось? Надо же было подарок послать...

– Сунь его назад в сундук, – посоветовал Гарри. Горескоп пронзительно свистел. – А то разбудим этого.

И Гарри кивнул на профессора Люпина. Рон запихнул горескоп в особенно отвратительную пару старых носков дяди Вернона, которые приглушили звук, и захлопнул крышку сундука.

– Можно проверить его в Хогсমেде, – сказал Рон, садясь на место. – Такие штуки продаются у Дервиша и Гашиша, где волшебные инструменты. Фред с Джорджем говорили.

– А ты много знаешь про Хогсмед? – У Гермионы загорелись глаза. – Я читала, это единственное в Британии поселение, где нет ни одного мугла...

– Да, наверно, – небрежно бросил Рон, – но я не потому туда хочу. Мне бы в «Рахатлукулл»!

– А что это? – спросила Гермиона.

– Это такая кондитерская, – лицо у Рона мечтательно затуманилось, – там есть *все на свете*... Перечные постреляки – от них рот дымится, еще большие толстые шокошары – у них внутри земляничный мусс и топлёные сливки, а еще ужасно вкусные

сахарные перья – можно сосать в классе, как будто размышляешь, о чем дальше писать...

– Но ведь Хогсмед – очень интересное место! – гнула свое Гермиона. – В книжке «По местам колдовской славы» сказано, что местная гостиница в 1612 году, во время восстания гоблинов, была штаб-квартирой, а в Шумном Шалмане, говорят, больше привидений, чем в любом другом строении Британии...

– И такие громадные пузыри из шербета, – пока рассасываешь, взлетаешь на несколько дюймов над полом, – продолжал Рон, явно не слушая Гермиону.

Та обернулась к Гарри:

– Здорово, да? Можно будет иногда выбираться из школы и гулять в Хогсмеде.

– Наверное, здорово, – тяжело вздохнул Гарри. – Когда узнаете, расскажете.

– В смысле? – не понял Рон.

– Мне нельзя. Дурслеи не подписали разрешение, и Фудж тоже.

Рон пришел в ужас.

– Тебе нельзя в Хогсмед? Но... как же так... Макгонаголл или еще кто тебе разрешат...

Гарри безрадостно рассмеялся. Профессор Макгонаголл, куратор колледжа «Гриффиндор», была очень и очень строгой дамой.

– Или можно спросить у Фреда с Джорджем, они знают все секретные ходы-выходы...

– Рон! – резко оборвала Гермиона. – Вряд ли Гарри следует тайком уходить из школы, пока Блэк на свободе...

– Угу, и Макгонаголл, если я попрошу разрешения, скажет то же самое, – горько заметил Гарри.

– Но если он будет *с нами*, – горячо заспорил Рон, – Блэк не осмелится...

– Ой, Рон, не говори ерунды, – отрезала Гермиона. – Блэк убил уже кучу народу, прямо в толпе на улице. Ты правда думаешь, что *из-за нас* он побоится напасть на Гарри?

Произнося эту тираду, она сражалась с завязками на корзинке Косолапсуса.

– Не выпускай это чучело! – крикнул Рон, но было поздно: Косолапсус выскользнул из корзинки, потянулся, зевнул и вспрыгнул

Рону на колени; комок в нагрудном кармане задрожал, и Рон сердито столкнул Косолапсуса прочь: – Пошел вон!

– Рон, не делай так! – рассердилась Гермиона.

Рон собрался было ответить, но тут профессор Люпин пошевелился. Ребята тревожно уставились на него, но он лишь повернул голову и продолжил спать с приоткрытым ртом.

«Хогварц-экспресс» двигался на север, и пейзаж за окном, довольно уже дикий, постепенно мрачнел, а облака на небе сгущались. За дверью купе туда-сюда носились школьники. Косолапсус устроился на пустом сиденье, обратив приплюснутую морду к Рону и не сводя желтых глаз с его кармана.

В час дня в дверях купе появилась толстушка ведьма с тележкой еды.

– Может, надо его разбудить? – Рон неловко мотнул головой на профессора Люпина. – Он какой-то, прямо скажем, недокормленный.

Гермиона осторожно приблизилась к профессору Люпину.

– Э-э-э... профессор? – позвала она. – Извините... профессор?

Тот не пошевелился.

– Не беспокойся, милая, – сказала ведьма, протягивая Гарри большую упаковку котлокексов. – Если он будет голоден, когда проснется, найдет меня впереди, у машиниста.

– А он вообще *спит*? – тихо спросил Рон, когда дверь за ведьмой закрылась. – Я имею в виду – он, часом, не умер?

– Нет, нет, дышит, – шепнула Гермиона, взяв протянутый Гарри котлокекс.

Конечно, профессор Люпин – не слишком веселая компания, но его присутствие в купе имело свои плюсы. Во второй половине дня, когда дождь размыл перекаты холмов за окном, в коридоре раздались шаги, и вскоре в дверях появились трое наименее симпатичных людей: Драко Малфой и два его телохранителя, Винсент Краббе и Грегори Гойл.

Драко Малфой и Гарри стали врагами с самой первой поездки на «Хогварц-экспрессе». Малфой, обладатель бледного, острого, надменного лица, учился в колледже «Слизерин»; кроме того, он был Ловчим слизеринской квидишной команды (а Гарри – Ловчим «Гриффиндора»). Краббе и Гойл, казалось, родились на свет лишь для того, чтобы служить у Малфоя на посылках. Оба они были квадратные и мускулистые; Краббе повыше ростом, стриженный под горшок и с

могучей шеей; Гойл – с короткими, жесткими волосами и длинными, как у гориллы, ручищами.

– Вы только посмотрите, кто здесь! – открыв дверь купе, процедил Малфой в обычной ленивой манере. – Уизгляк и Потрох.

Краббе и Гойл гоготнули, точно парочка троллей.

– Я слышал, твой папаша летом наконец-то узнал, что такое деньги, Уизли, – продолжил Малфой. – А мамаша что? Умерла от шока?

Рон вскочил так быстро, что опрокинул на пол кошачью корзинку. Профессор Люпин всхрапнул.

– Кто это? – спросил Малфой, при виде Люпина машинально попятившись.

– Новый учитель, – ответил Гарри, тоже поднявшись на ноги – вдруг понадобится оттащить Рона. – Что-что ты там говорил, Малфой?

Блеклые глаза Малфоя сузились; ему хватало ума не затевать драку под носом у преподавателя.

– Пошли отсюда, – с обидой пробормотал он Краббе и Гойлу, и они исчезли.

Гарри с Роном сели. Рон массировал костяшки.

– Я больше не собираюсь терпеть Малфоя, – злобно заявил он. – Серьезно. Еще вякнет о моей семье, и я ему голову оторву и... – Рон бешено взмахнул рукой.

– Рон, – зашептала Гермиона, показывая на профессора Люпина, – *тише...*

Но профессор Люпин крепко спал.

Чем севернее продвигался поезд, тем сильнее лило; окна затянуло непроглядной серостью, и она постепенно чернела. Наконец в коридорах и над багажными полками зажглись фонари. Колеса стучали, дождь барабанил, ветер ревел, а профессор Люпин спал и спал.

– Мы, наверно, почти приехали, – сказал Рон, выглядывая из-за профессора в почерневшее окно.

Не успел он договорить, поезд начал притормаживать.

– Классно. – Рон встал, осторожно обходя Люпина и вглядываясь в законный мрак. – Я уже умираю с голоду. Хорошо бы поскорей на пир...

– Мы не могли так быстро доехать, – возразила Гермиона, сверившись с часами.

– Тогда чего мы встали?

Поезд все замедлял ход. Когда стих шум поршней, громче завыл ветер и застучал дождь по стеклам.

Гарри, сидевший у двери, встал и выглянул в коридор. По всему вагону из дверей купе высовывались любопытные лица.

Поезд, дернувшись, замер, и вдалеке загрохотало – видно, с полок попадавал багаж. Затем вдруг погасли лампы, и все погрузилось в темноту.

– В чем дело? – спросил Рон за спиной у Гарри.

– Ой! – вскрикнула Гермиона. – Рон, это моя нога!

Гарри ощупью вернулся на сиденье.

– Как думаете, поезд сломался?

– Понятия не имею...

Что-то скользко скрипнуло, и Гарри смутно различил черный силуэт Рона. Тот протер ладонью стекло и вглядывался во тьму.

– Там что-то движется, – сообщил он. – По-моему, садятся в поезд...

Дверь в купе внезапно отворилась, и кто-то пребольно свалился Гарри на ноги.

– Простите, вы не знаете, в чем дело? Ой... простите...

– Привет, Невилл. – Гарри пошарил в темноте и поднял Невилла за шкуру.

– Гарри? Это ты? А что происходит?

– Понятия не имею. Садись...

Раздалось громкое шипение и крик: Невилл уселся на Косолапсу.

– Схожу к машинисту, спрошу, в чем дело, – сказал голос Гермионы.

Гарри почувствовал, как она проходит мимо, услышал, как дверь скользнула вбок, затем донеслись глухой удар и два коротких вопля.

– Кто это?

– А *это* кто?

– Джинни?

– Гермиона?

– Ты что делаешь?

– Я Рона ищу...

– Входи и садись...

– Не сюда! – поспешно заорал Гарри. – Здесь я!

– Ой! – сказал Невилл.

– Тихо! – вдруг вмешался хриплый голос.

Кажется, профессор Люпин наконец-то проснулся. Гарри слышал, как он двигается в уголке. Все умолкли.

Что-то негромко затрещало, и мерцающий свет наполнил купе. Профессор Люпин держал на ладони небольшой костерок. Огонь освещал его усталое серое лицо, но глаза глядели остро и настороженно.

– Оставайтесь на местах, – сказал он по-прежнему хрипло и медленно поднялся, держа перед собой пригоршню огня.

Дверь открылась, не успел Люпин до нее добраться.

На пороге, освещаемая дрожащим пламенем в ладони Люпина, высилась до потолка фигура в плаще. Лицо скрывалось под капюшоном. Глаза Гарри испуганно метнулись ниже, и он похолодел от ужаса. Из-под плаща высывалась рука – сероватая, поблескивающая какой-то слизью, вся в струпьях, точно у сгнившего в воде мертвеца...

Но руку было видно лишь миг. Существо в капюшоне словно почувствовало взгляд Гарри и втянуло ее в складки одеяния.

А затем существо, кто бы оно ни было, медленно, судорожно, со свистом вдохнуло, будто поглощая все сразу, не только воздух.

Повеяло ледяным холодом. У Гарри перехватило дыхание. Холод проникал под кожу, забирался внутрь, в грудь, в самое сердце...

Глаза у Гарри закатились. Он уже ничего не видел. Он тонул в ледяном мраке. В ушах стоял шум, как на большой глубине. Его утаскивало вниз, грохот нарастал...

И тогда издалека он услышал крики, страшные, ужасающие, испуганные мольбы. Он хотел помочь тому, кто кричал, пытался пошевелиться, но не мог... густой белый туман клубился вокруг и внутри...

– Гарри! Гарри! Что с тобой?

Кто-то бил его по щекам.

– Ч-что?

Гарри открыл глаза; над ним горели фонари, и пол равномерно вибрировал – «Хогварц-экспресс» поехал, снова зажегся свет. Гарри,

оказывается, соскользнул с сиденья на пол. Возле него на коленях стояли Рон и Гермиона, а над ними возвышались Невилл и профессор Люпин. Гарри было очень плохо; поправляя очки, он обнаружил, что все лицо у него в холодном поту.

Рон с Гермионой заволокли его на сиденье.

– Ты как? – обеспокоенно спросил Рон.

– Ничего, – ответил Гарри и глянул на дверь. Существо в плаще исчезло. – А что это было? Где этот... этот ужас? И кто кричал?

– Никто не кричал, – ответил Рон, еще сильнее забеспокоившись.

Гарри обвел взглядом ярко освещенное купе. Джинни с Невиллом смотрели на него круглыми глазами, оба очень бледные.

– Но я же слышал...

От громкого треска все подпрыгнули. Профессор Люпин разламывал на кусочки огромную плитку шоколада.

– Вот, – сказал он, протягивая Гарри самый большой кусок. – Съешь. Это поможет.

Гарри взял шоколад, но есть не стал.

– А что это было? – спросил он у Люпина.

– Дементор, – ответил Люпин, раздавая шоколад остальным. – Азкабанский стражник.

Дети уставились на него. Профессор Люпин скомкал обертку и сунул в карман.

– Ешьте, – повторил он. – Это помогает. Извините, мне нужно переговорить с машинистом...

Он прошел мимо Гарри и исчез в коридоре.

– Ты уверен, что с тобой все хорошо? – Гермиона тревожно глядела на Гарри.

– Я не понимаю... Что случилось-то? – спросил тот, утирая пот со лба.

– Ну... этот... стражник – дементор – стоял на пороге и смотрел... то есть я так думаю, что смотрел, лица не было видно... а ты... ты...

– Я думал, у тебя припадок, что ли, – вмешался Рон. Он все еще был испуган. – Ты весь окостенел, упал с сиденья и давай трястись...

– А профессор Люпин перешагнул через тебя, подошел к дементору, вытащил палочку, – продолжала Гермиона, – и сказал: «Никто из нас не прячет под одеждой Сириуса Блэка. Уходите». Но дементор даже не пошевелился. А профессор Люпин что-то

пробормотал, из его палочки выстрелила какая-то серебристая штука, и тогда дементор развернулся и уплыл...

– Это было ужасно, – тоненько проговорил Невилл. – Вы почувствовали, как стало холодно, когда эта гадость вошла?

– Мне так странно было, – передернулся Рон. – Как будто затосковал навсегда...

Джинни съежилась в уголке и выглядела немногим лучше, чем Гарри себя чувствовал. Она всхлипнула. Гермиона подошла и обняла ее.

– А никто больше... не свалился с сиденья? – неловко спросил Гарри.

– Нет. – Рон опять тревожно взглянул на него. – Джинни, правда, тряслась как ненормальная...

Гарри ничего не понимал. Он очень ослабел и мелко дрожал, точно после сильного гриппа, и еще его одолевал стыд. С какой стати он один так перетрусил?

Вернулся профессор Люпин. Он замер на пороге, обвел их взглядом и, чуть улыбнувшись, заметил:

– Между прочим, шоколад не отравленный...

Гарри откусил, и, к его удивлению, по телу до самых кончиков пальцев разлилось тепло.

– Мы прибудем на платформу через десять минут, – сказал профессор Люпин. – Ты как, Гарри?

Гарри не стал спрашивать, откуда профессор Люпин знает его имя.

– Нормально, – смущенно пробормотал он.

До прибытия они почти не разговаривали. Наконец поезд остановился у платформы «Хогсмед», и в дверях образовалась давка – все торопились выйти; совы ухали, кошки мяукали, ручная жаба Невилла громко квакала у него под шляпой. На крошечной платформе было очень холодно; с неба рушилась ледяная дождевая пелена.

– Пер'клашки, сюда! – прокричал знакомый голос. Гарри, Рон и Гермиона обернулись и на другом конце платформы разглядели очертания гигантской фигуры Огрида. Тот манил за собой перепуганных первоклассников: им предстояло традиционное путешествие по озеру. – Как делишки, троица? – заорал Огрид поверх голов.

Ребята помахали ему, но поговорить не удалось: их повлекло по платформе вместе с потоком. Гарри, Рон и Гермиона вслед за толпой сошли на размытую глинистую дорогу, где их ожидало никак не менее сотни дилижансов. Оставалось только предположить, что в каждый дилижанс впряжены невидимые лошади, – едва ребята вскарабкались внутрь и закрыли за собой дверцы, карета тронулась сама по себе, подпрыгивая и раскачиваясь на ходу.

Внутри пахло плесенью и сеном. После шоколада Гарри полегчало, но он все еще был очень слаб. Рон и Гермиона то и дело косились на него, словно опасаясь, что он опять грохнется в обморок.

Когда они подъехали к великолепным чугунным воротам между двумя каменными колоннами с крылатыми кабанами на вершинах, Гарри увидел еще двух высоких дементоров под капюшонами, стоявших на страже с флангов. Волна ледящей тошноты грозила снова накрыть его с головой; он откинулся на комковатое сиденье и не открывал глаз, пока дилижанс не миновал ворота. На подъезде к замку, на длинном пологом склоне, экипаж набрал скорость. Гермиона высунулась в оконце и смотрела, как приближаются многочисленные башни и башенки. Наконец карета, качнувшись, остановилась. Рон с Гермионой вышли.

Когда выходил Гарри, ему в уши ударил тягучий, но ликующий голос:

– Ты упал в *обморок*, Поттер? Лонгботтом не врет? Ты правда *бухнулся в обморок*?

Малфой локтем оттолкнул Гермиону и преградил Гарри дорогу на каменной лестнице; его лицо сияло, а бледные глаза злобно сверкали.

– Отвали, Малфой, – бросил Рон, сжав челюсти.

– Ты тоже упал в обморок, Уизли? – громко спросил Малфой. – Бяка дементор и тебя напугал?

– Что-то не так? – раздался мягкий голос.

Из соседней кареты вышел профессор Люпин.

Малфой окинул его высокомерным взором, мгновенно подметил и заплатки, и потрепанный сундук. С еле уловимым намеком на сарказм он ответил:

– Ой нет, что вы... *профессор*, – а затем подмигнул Краббе с Гойлом и первым направился в замок.

Гермиона ткнула Рона в спину, чтобы пошевеливался, и трое друзей влились в толпу, поднялись по ступеням, прошли сквозь огромные дубовые двери, потом в гулкий вестибюль, освещенный факелами, – оттуда величественная мраморная лестница вела на верхние этажи.

Справа распахивались двери в Большой зал; Гарри, влекомый толпой, шагнул было туда, но успел лишь одним глазком взглянуть на зачарованный потолок – нынче вечером черный и затянутый тучами, – как раздался голос:

– Поттер! Грейнджер! Оба ко мне!

Гарри и Гермиона удивленно оглянулись. Поверх голов к ним обращалась профессор Макгонаголл, преподаватель превращений и куратор колледжа «Гриффиндор». Это была суровая ведьма с тугим пучком на голове; пронизательные глаза строго смотрели из-за квадратной оправы очков. Гарри сквозь толчею продрался к ней, охваченный неприятным предчувствием: при одном виде профессора Макгонаголл ему всегда казалось, будто он в чем-то провинился.

– Незачем так пугаться – я просто хочу сказать вам пару слов у себя в кабинете, – успокоила она. – А вы идите, Уизли.

Рон растерянно посмотрел, как профессор Макгонаголл уводит Гарри и Гермиону сквозь оживленно болтающую толпу; вслед за куратором они прошли через вестибюль, вверх по мраморной лестнице и по коридору.

У себя в кабинете – небольшой комнате с широким камином, где уютно пылал огонь, – профессор Макгонаголл жестом пригласила Гарри и Гермиону садиться. Сама она уселась за свой стол и сказала отрывисто:

– Профессор Люпин прислал из поезда сову – сообщил, что вам стало плохо, Поттер.

Не успел Гарри ответить, в дверь негромко постучали и в кабинет ворвалась фельдшерица мадам Помфри.

Гарри залился краской. Мало того что он упал в обморок или что там с ним произошло, так нет же, они еще устраивают вокруг него суматоху.

– Со мной все в порядке, – сказал он, – мне ничего не надо...

– А, вот это кто! – воскликнула мадам Помфри, не обратив ни малейшего внимания на его слова, и наклонилась заглянуть ему в

лицо. – Что, снова геройствуем?

– Дементор, Поппи, – пояснила профессор Макгонаголл.

Они мрачно переглянулись, и мадам Помфри неодобрительно зацокала языком.

– Подумайте, ставить дементоров около школы, – ворчала она, отводя со лба Гарри волосы и щупая ему лоб. – Это у нас будет не единственный обморок. Так и есть, весь липкий. Ужасные твари эти дементоры, а уж как они действуют на людей и без того хрупких...

– Я не хрупкий! – сварливо огрызнулся Гарри.

– Разумеется, нет, – рассеянно согласилась мадам Помфри, щупая ему пульс.

– Что ему нужно? – решительно спросила профессор Макгонаголл. – В постель? Может, стоит провести ночь в лазарете?

– Со мной все нормально! – взвился Гарри. Невыносимо даже думать, что скажет Драко Малфой, если Гарри упекут в лазарет.

– Ну хотя бы шоколад, – решила мадам Помфри, пытаясь заглянуть в зрачки пациента.

– Я уже съел, – сказал Гарри. – Мне дал профессор Люпин. Он нам всем дал шоколада.

– Вот как? – одобритительно произнесла мадам Помфри. – У нас наконец-то появился преподаватель защиты от сил зла, который знает свое дело?

– Вы уверены, что с вами все нормально, Поттер? – строго спросила профессор Макгонаголл.

– Да, – ответил Гарри.

– Очень хорошо. Тогда будьте любезны, подождите за дверью, пока я коротко побеседую с мисс Грейнджер о ее расписании. А потом мы вместе пойдем на пир.

Гарри вышел в коридор вместе с мадам Помфри, и та отправилась назад в лазарет, бормоча себе под нос. Ждать пришлось всего несколько минут; затем из кабинета выскочила ужасно довольная Гермиона, а следом за ней вышла профессор Макгонаголл, и они вдвоем по мраморной лестнице спустились в Большой зал.

Им предстало море остроконечных шляп: по периметрам столов всех четырех колледжей сидели ученики, и их лица мерцали в свете тысяч свечей, парящих в воздухе над столами. Профессор Флитвик,

миниатюрный колдун с копной седых волос, выносил из зала древнюю шляпу и трехногий табурет.

– Ой, – тихо сказала Гермиона, – мы пропустили Распределение!

Новых учеников «Хогварца» распределяла по колледжам («Гриффиндор», «Вранзор», «Хуффльпуфф» и «Слизерин») Шляпа-Распределница. Примеряешь ее – и она выкрикивает название колледжа, куда ты подходишь больше всего. Профессор Макгонаголл прошествовала к своему креслу за учительским столом, а Гарри с Гермионой как можно тише прошмыгнули в другую сторону, к столу «Гриффиндора». Они крадучись пробирались по стеночке, но на них все оглядывались, а некоторые показывали на Гарри пальцами. Неужели история о том, как он потерял сознание из-за дементора, разлетелась так быстро?

Гарри с Гермионой сели по обе стороны от Рона, который занял для них места.

– Что от вас хотели? – уголком рта спросил он у Гарри.

Гарри начал шепотом объяснять, но тут директор школы встал, собираясь произнести речь, и Гарри умолк.

Профессор Думбльдор, хотя и невероятно старый, всегда производил впечатление очень энергичного человека. У него были длинные, в несколько футов, серебристые волосы и борода, очки со стеклами-полумесяцами и чрезвычайно крючковатый нос. Про него часто говорили, что он величайший чародей столетия, но Гарри уважал его не за это. Альбусу Думбльдору поневоле доверяли безоговорочно, и сейчас от одной его лучистой улыбки Гарри впервые после встречи с дементором стало по-настоящему спокойно.

– Добро пожаловать! – сказал Думбльдор. Свет свечей мерцал в серебристой бороде. – Добро пожаловать в «Хогварц» на очередной учебный год! Я хочу сделать пару объявлений, и поскольку одно из них очень серьезно, пожалуй, от него лучше отделаться сразу, пока вас не разморило наше великолепное пиршество... – Думбльдор прочистил горло и продолжил: – Как вы все уже знаете, после обыска в «Хогварц-экспрессе» наша школа принимает у себя азкабанских дементоров. Они находятся здесь по делам министерства магии.

Он ненадолго умолк, и Гарри вспомнил слова мистера Уизли: мол, Думбльдор недоволен, что дементоры охраняют школу.

– Дементоры размещены возле каждого входа на территорию школы, – сказал Думбльдор, – и, пока они здесь, я хочу, чтобы всем было предельно ясно: школу нельзя покидать без разрешения. Дементоров не проведешь никакими трюками и переодеваниями – и даже плащами-невидимками, – добавил он мягко, и Гарри с Роном переглянулись. – И не в природе дементоров внимать мольбам или извинениям. Посему предупреждаю вас всех – не давайте им повода причинить вам вред. Я надеюсь, старосты колледжей, а также наши новые старшие старосты проследят за тем, чтобы ученики не вздумали шутить шутки с дементорами.

Перси, сидевший неподалеку от Гарри, опять выпятил грудь и важно осмотрелся. Думбльдор помолчал, очень серьезно оглядел присутствующих; никто не шелохнулся и не издал ни звука.

– И, на более радостной ноте, – снова заговорил директор, – я счастлив представить вам двух новых преподавателей, влившихся в этом году в наш славный коллектив. Во-первых, профессор Люпин, который любезно согласился занять пост преподавателя защиты от сил зла.

Послышались разрозненные, довольно неохотные аплодисменты. Только те, кто ехал в одном купе с Люпином, хлопали как следует, и Гарри среди них. Профессор Люпин выглядел особенно убого рядом с остальными учителями, надевшими свои лучшие наряды.

– Погляди на Злея! – прошипел Рон на ухо Гарри.

Профессор Злей, преподаватель зельеделия, пристально смотрел на профессора Люпина. Все знали, что Злей жаждет заполучить место преподавателя защиты от сил зла, но сейчас даже Гарри, ненавидевший Злея, поразился, увидев, какой гримасой искажено это худое землистое лицо. То был даже не гнев – то было отвращение. Гарри очень хорошо знал эту гримасу: она появлялась у Злея всякий раз при встрече с ним, Гарри.

– Что касается второго назначения, – снова заговорил Думбльдор, когда стихли вялые приветствия в адрес профессора Люпина, – я с огорчением вынужден довести до вашего сведения, что профессор Мольюбит, который преподавал уход за магическими существами, вышел на пенсию, дабы насладиться жизнью, пока у него остались хоть какие-то конечности. Однако я счастлив сообщить, что его место займет не кто иной, как Рубеус Огрид, который согласился добавить

обязанности учителя к уже имеющимся у него обязанностям хранителя ключей и лесника.

Гарри, Рон и Гермиона ошеломленно уставились друг на друга. А затем присоединились к оглушительным – особенно за гриффиндорским столом – овациям. Гарри перегнулся через соседей и посмотрел на Огрида. Тот сидел с багряным лицом и внимательно изучал свои громадные ладони. Широкая улыбка пряталась в космах черной бороды.

– Надо было догадаться! – вопил Рон, молотя по столу. – Кто еще включит в список кусачую книгу?

Гарри, Рон и Гермиона прекратили хлопать последними и, когда профессор Думбльдор вновь заговорил, увидели, что Огрид утирает глаза скатертью.

– Что же, по-моему, все важное я сказал, – заключил профессор Думбльдор. – Давайте теперь пировать!

Дожидавшиеся своего часа золотые блюда и кубки внезапно наполнились едой и питьем. Гарри, вдруг оголодавший как волк, набросился на все, до чего только мог дотянуться.

Было необыкновенно вкусно; по залу носилось эхо разговоров, смеха, стука ножей и вилок. И все же Гарри, Рон и Гермиона с нетерпением ждали, когда пир закончится, – им хотелось пообщаться с Огридом. Они знали, как много для него значит новая работа. Огрид не закончил колдовского образования; в третьем классе его исключили из «Хогварца» за преступление, которого он не совершал. Гарри, Рон и Гермиона в прошлом году смыли позор с его имени.

Наконец, когда последние кусочки тыквенного торта испарились с золотых блюд, Думбльдор объявил, что настало время отправляться в постель, и тогда ребята воспользовались случаем.

– Поздравляем, Огрид! – крикнула Гермиона, когда они подошли к учительскому столу.

– Это все вы трое, – отозвался Огрид, утирая лоснящееся лицо салфеткой. – Прямо не верится... великий человек, Думбльдор... сразу пришел ко мне, как только профессор Мольюбит сказал, что с него хватит... я ж всю жисть об этом мечтал...

От полноты чувств он зарылся лицом в салфетку, и профессор Макгонаголл погнала ребят спать.

В хвосте плотного потока гриффиндорцев они поднялись по мраморной лестнице и, уже очень уставшие, направились по коридорам и снова по лестницам к потайному входу в гриффиндорскую башню. Большой портрет полной дамы в розовых шелках спросил у них:

– Пароль?

– Пустите, дайте пройти! – закричал сзади Перси. – Новый пароль: «Майор Фортуна»!

– Ой нет, – печально охнул Невилл Лонгботтом. Он всегда с большим трудом запоминал новое.

Протиснувшись в дыру за портретом и пройдя сквозь общую гостиную, мальчики и девочки разошлись в разные стороны. Гарри карабкался по винтовой лестнице, и в голове была одна-единственная мысль: как же он счастлив вернуться в школу! Они вошли в родную круглую спальню с пятью кроватями под балдахинами, и Гарри, оглядевшись, почувствовал, что наконец-то дома.

Глава шестая

Когти и чайная гуща

Когда наутро Гарри, Рон и Гермиона пришли на завтрак в Большой зал, первым делом им попался на глаза Драко Малфой, который развлекал большую компанию каким-то анекдотом. Когда ребята шли мимо слизеринцев, Малфой под восторженный рев комично изобразил, будто падает в обморок.

– Не обращай внимания, – в спину Гарри сказала Гермиона. – Просто не замечай, оно того не стоит.

– Эй, Поттер! – завизжала Панси Паркинсон, слизеринка с лицом мопса. – Поттер! Дементоры идут, Поттер! У-у-у-у-у-у!

Гарри плюхнулся за гриффиндорский стол рядом с Джорджем Уизли.

– Новое расписание третьего класса, – объявил тот, передавая листы. – Что это с тобой, Гарри?

– Малфой, – усаживаясь по другую сторону от Джорджа, объяснил Рон. Он испепелял глазами стол «Слизерина».

Джордж посмотрел туда же и успел заметить, как Малфой снова изображает припадок.

– Жалкое дрянцо, – спокойно сказал Джордж. – Вчера, когда дементоры обыскивали наш вагон, он был не такой храбрый. Примчался прятаться к нам в купе, верно, Фред?

– Чуть не обмочился, – бросил Фред, презрительно глянув на Малфоя.

– Да я и сам, признаться, был не очень-то, – добавил Джордж. – Жуткие они, эти дементоры...

– Как будто замораживают тебя изнутри, – проговорил Фред.

– Но ты ведь не упал в обморок, – тихо заметил Гарри.

– Да забудь! – подбодрил его Джордж. – Папе однажды пришлось побывать в Азкабанае, помнишь, Фред? Так вот он говорил, что ничего хуже с ним в жизни не случилось. Вернулся домой ослабевший и весь

дрожал... Эти дементоры, они высасывают всю радость вокруг. Большинство заключенных сходят с ума.

– И вообще, посмотрим, что будет с Малфоем после первого квидишного матча, – заявил Фред. – «Гриффиндор» против «Слизерина» – первая игра сезона, не забыли?

Единственный раз, когда Гарри и Малфой встретились на квидишном поле, Малфоем определенно не поздоровилось. Немного повеселев, Гарри положил себе сосисок с тушеными помидорами.

Гермиона изучала свое новое расписание.

– О-о-о, здорово, сегодня уже начнутся новые предметы! – радостно воскликнула она.

– Гермиона, – Рон нахмурился, заглянув через плечо девочки в ее листок, – они тебе что-то перепутали. Смотри – у тебя по десять уроков в день. На это просто *времени* не хватит.

– Я справлюсь. Я договорилась с профессором Макгонаголл.

– Но ты посмотри, – засмеялся Рон, – вот, например, сегодня утром. Девять часов – прорицание. А внизу: девять часов – мугловедение. И еще, – Рон, не веря своим глазам, наклонился ближе, – *смотри* – под всем этим арифмантика *в девять часов!* Я, конечно, знаю, что ты у нас очень умная, но *не до такой же степени*. Как ты можешь быть на трех уроках одновременно?

– Не глупи, – бросила Гермиона. – Конечно, я не буду на трех уроках одновременно.

– А тогда как?..

– Передай мармелад, – попросила она.

– Но...

– Ой, Рон, какое тебе дело до моего расписания? – огрызнулась Гермиона. – Я же сказала, я обо всем договорилась с профессором Макгонаголл.

Тут в Большой зал вошел Огрид в длинном плаще из чертовой кожи. В громадной руке он рассеянно крутил дохлого хорька.

– Нормалек? – бодро вскричал Огрид, по дороге к учительскому столу задержавшись возле ребят. – Вы у меня на самом первом уроке! Прямо после обеда! С пяти утра на ногах – матерьял подготавливал... чтоб все путем... Я – да вдруг учитель... во дела, чес' слово!

Он широко ухмыльнулся и пошел есть, от избытка чувств размахивая хорьком.

– Интересно, что это он там подготавливал? – с некоторым беспокойством произнес Рон.

Зал постепенно пустел – школьники расходились по классам. Рон сверился с расписанием.

– Пора идти, смотрите, кабинет прорицания на самом верху Северной башни. Туда минут десять тащиться...

Они поспешно доели, попрощались с Фредом и Джорджем и направились к дверям. Когда они проходили мимо слизеринского стола, Малфой в очередной раз изобразил обморок. Взрывы хохота преследовали Гарри до самого вестибюля.

Добраться до Северной башни и впрямь оказалось непросто. За два года в «Хогварце» они не успели досконально изучить замок и в башне еще не бывали.

– Где-то... здесь... можно... срезать... – пропыхтел Рон, когда они вскарабкались по седьмой длинной лестнице и очутились на незнакомой площадке, где висела одна-единственная большая картина с изображением пустой лужайки.

– Мне кажется, нам сюда, – сказала Гермиона, всматриваясь в безлюдный коридор справа.

– Не может быть, – откликнулся Рон, – это же юг. Вон, даже озеро видно из окна...

Гарри рассматривал картину. На лужайку приковывал толстый, серый в яблоках пони – теперь он равнодушно жевал траву. Гарри давно привык, что в «Хогварце» герои картин двигаются и даже ходят друг к другу в гости, но всегда наблюдал с удовольствием. Мгновение спустя на полотне с лязгом ворвался коренастый рыцарь в доспехах. На металлических наколенниках зеленели травяные пятна – видимо, он только что упал со своего пони.

– Ага! – выкрикнул он, завидев ребят. – Кто сии злодеи, что вторглись в мою вотчину? Явились позлорадствовать над моим падением? Оставьте меня, жалкие псы, простолюдины!

Ребята изумленно открыли рты, а маленький рыцарь вытянул из ножен меч и угрожающе им потряс, от ярости подпрыгивая. Меч, однако, был для него слишком длинен; от одного особо широкого замаха рыцарь потерял равновесие и рухнул на траву ничком.

– Вы не ушиблись? – спросил Гарри, подходя ближе.

– Уйди, презренный лицемер! Прочь, негодяй!

Рыцарь снова схватил меч и, опираясь на него, поднялся на ноги. К несчастью, лезвие ушло глубоко в землю, и, хотя воин тянул со всей силы, оружие прочно застряло. В конце концов рыцарь задом плюхнулся на траву и откинул забрало, чтобы утереть пот со лба.

– Послушайте, – сказал Гарри, пользуясь утомлением рыцаря, – мы ищем Северную башню. Вы случайно не знаете, как туда пройти?

– В поход! – Гнев сурового воина бесследно испарился. Он с кляцаньем вскочил на ноги и завопил: – За мной, достославные друзья! Узнаем, судьба ли нам цель обрести иль храбро погибнуть в пути! – Он еще раз – без всякого результата – потянул меч, попробовал (тоже безрезультатно) оседлать пони, махнул рукой и крикнул: – Тогда пешком, храбрые сэры и любезная леди! Вперед! Вперед!

Затем, громко лязгая, кинулся влево и скрылся за рамой.

Ребята побежали по коридору на бряцание доспехов. То и дело им удавалось засечь бегущего рыцаря на картинах впереди.

– Мужайтесь сердцем, худшее грядет! – заорал рыцарь, вынырнув перед стайкой взволнованных дам в кринолинах на картине возле узкой винтовой лестницы.

Шумно пыхтя, Гарри, Рон и Гермиона взобрались по круто завинчивающимся ступенькам – отчего головы кружились все сильнее, – услышали наверху журчание голосов и поняли, что наконец-то нашли нужный кабинет.

– Прощайте! – крикнул рыцарь, высунув голову посреди зловещего соборища монахов. – Прощайте, друзья по оружию! Случись вам нужда в благородном сердце и стальных мускулах, зовите сэра Кэдогана!

– Ага, позовем, – пробормотал Рон, когда рыцарь исчез из виду, – случись нам нужда в чуме болотной и психе ненормальном.

Они одолели последние ступеньки и очутились на малюсенькой площадке, где уже столпилось большинство их одноклассников. Дверей на площадке не было, но Рон ткнул Гарри под ребра и показал на потолок. Там находился круглый люк с медной табличкой.

– «Сибилла Трелони, прорицание», – прочел Гарри. – И как же туда забираться?

Словно в ответ на его вопрос люк распахнулся, и к ногам Гарри спустилась серебристая лестница. Все затихли.

– После вас, – ухмыльнулся Рон, и Гарри пришлось карабкаться по лестнице первым.

Таких странных классных комнат он еще не видел. Не аудитория, а нечто среднее между чердаком и старомодной чайной. В комнату было втиснуто штук двадцать круглых столиков, возле каждого – обитые ситцем кресла и толстые пуфики. Помещение заливал тусклый малиновый свет; окна задернуты шторами, многочисленные лампочки задрапированы бордовыми платками. Стояла одуряющая жара, но под уставленной безделушками каминной полкой, исходя тяжелым, тошнотворным ароматом, полыхал огонь. На огне кипел большой медный чайник. Полки по круглым стенам забиты пыльными перьями, свечными огарками, грудями потрепанных карточных колод, бесчисленными серебристыми хрустальными шарами и великим множеством чайных чашек.

За плечом у Гарри появился Рон, вокруг уже собрался весь класс. Все зашептались.

– Ну и где она? – спросил Рон.

Из полумрака неожиданно раздался тихий, загадочный голос.

– Добро пожаловать, – промолвил он. – Как приятно наконец узреть всех вас в физическом воплощении!

Поначалу Гарри почудилось, что перед ним большое сверкающее насекомое. Профессор Трелони вступила в круг света перед камином, и все увидели, что она чрезвычайно худа. Огромные очки в несколько раз увеличивали ее глаза, тело окутывала газовая шаль с блестками. Бесчисленные цепочки и бусы свисали с тонюсенькой шейки, а руки и запястья украшали разнообразные браслеты и кольца.

– Присаживайтесь, дети мои, присаживайтесь, – пригласила она.

Одни неловко забрались в кресла, другие опустились на пуфики. Гарри, Рон и Гермиона сели за один столик.

– Добро пожаловать в прорицательский класс, – произнесла профессор Трелони, устроившись в кресле перед камином. – Меня зовут профессор Трелони. Вполне возможно, вы со мной еще не встречались. По моему убеждению, слишком частые визиты вниз, в суету и маету главного здания, затуманивают мой Внутренний Взор.

На столь экстраординарное заявление никто ничего не ответил. Профессор Трелони изящно поправила шаль и продолжила:

– Итак, вы решили изучать прорицание, сложнейшее из всех колдовских искусств. Я должна предупредить: если вам не дано

Видеть, я смогу обучить вас лишь очень и очень немногoму. Книги... книги не помогут зайти дальше определенной грани...

Гарри с Роном, широко ухмыляясь, взглянули на Гермeиону. Известие о том, что книги здесь мало чем помогут, девочку, похоже, ошарашило.

– Многие колдуны и ведьмы, сколь бы ни были талантливы в сфере взрывов, запахов и внезапных исчезновений, все же не обладают способностью проникать сквозь туманную завесу грядущего, – монотонно бубнила профессор Трелони, мерцающим взором скользя по встревоженным лицам. – Это Дар, данный избранным. Вот ты, мальчик, – внезапно обратилась она к Невиллу, и тот чуть не упал с пуфика. – Твоя бабушка здорова?

– Наверно, – дрожащим голосом ответил Невилл.

– На твоём месте я бы не была так уверена, – сказала профессор Трелони, и огонь камина сверкнул, отразившись в её длинных изумрудных серьгах. Невилл громко сглотнул. Профессор Трелони как ни в чём не бывало продолжила: – В этом году мы будем изучать основные методы прорицания. Первый триместр мы посвятим гаданию на чайной гуще. А в следующем перейдём к хиромантии. Между прочим, тебе, милая, – вдруг выпалила она, обращаясь к Парвати Патил, – стоит остерегаться рыжеволосого мужчины.

Парвати испуганно глянула на Рона, сидевшего у неё за спиной, и отодвинула стул подальше.

– Во втором триместре, – продолжила профессор Трелони, – мы перейдём к хрустальному шару, если, конечно, успеем закончить огненные знамения. В феврале, к несчастью, занятия будут прерваны из-за эпидемии гриппа. Лично у меня пропадет голос. А в районе Пасхи один из нас покинет класс навсегда.

Повисло очень напряжённое молчание, но профессор Трелони будто и не заметила.

– Деточка, – обратилась она к сидевшей ближе всех Лаванде Браун, и та вжалась в кресло, – не могла бы ты передать мне самый большой серебряный чайник?

Лаванда с облегчением встала, сняла с полки гигантский чайник и поставила на стол перед преподавательницей.

– Благодарю, милая. Кстати, событие, которое тебя страшит, произойдет в пятницу, шестнадцатого октября.

Лаванда содрогнулась.

– А сейчас вам всем предстоит разбиться на пары. Возьмите с полки чашки и подойдите ко мне, я налью чаю. Затем садитесь и пейте, пока не останутся одни чайники. Взболтайте их левой рукой на дне чашки три раза, переверните чашку на блюдечко, подождите, пока стечет вода, а затем отдайте чашку соседу, чтобы он прочел ваше будущее. Фигуры интерпретируйте по образцам на страницах пять и шесть в книге «Растуманивание будущего». Я буду ходить по классу и помогать. И кстати, друг мой, – она схватила Невилла за руку, едва он собрался встать, – когда уронишь первую чашку, будь любезен взять другую, с голубым рисунком! Мне очень дороги розовые.

И точно, как только Невилл подошел к полке, раздался звон разбитого фарфора. Профессор Трелони подлетела к нему с веником и совком:

– С голубым рисунком, дорогой, если не возражаешь... спасибо...

Наполнив чашки, Гарри с Роном вернулись к столику и попытались поскорее выпить кипятка. Затем поболтали гущей согласно инструкции, перевернули и обменялись чашками.

– Так, – сказал Рон, когда оба открыли страницы пять и шесть. – Что там у меня?

– Куча мокрой коричневой дряни.

Тяжелый ароматный дым, наполнявший комнату, усыплял и одурманивал.

– Расширьте горизонты разума, дети мои, позвольте своим глазам узреть неземное! – взывала профессор Трелони из мрака.

Гарри попробовал встряхнуться.

– Так, что мы имеем? Кривоватый такой крест... – Он заглянул в книгу. – Это значит, что тебя ждут «испытания и страдания» – уж извини, – но вот тут еще другая штуковина... похоже на солнце... подожди... это значит «большое счастье»... стало быть, ты сильно пострадаешь, но будешь очень счастлив по этому поводу...

– По-моему, тебе срочно надо к Внутреннему Окулисту, – заявил Рон, и оба поспешили подавить смех: на них как раз уставилась профессор Трелони. – Теперь моя очередь... – Рон уставился в чашку Гарри, наморщив лоб от усердия. – Тут какаято штука вроде шляпы... котелка, – решил он. – Может, ты пойдешь работать в министерство магии... – Он развернул чашку по-другому. – А с этой стороны больше

похоже на желудь... а это что? – Он просмотрел страницу в «Растуманивании будущего». – «Нечаянная радость, внезапное наследство». Отлично, одолжишь мне денег... И вот тут еще штука, – он снова повернул чашку, – похожа на какое-то животное... ага, вот голова... вроде гиппопотам... нет, баран...

Гарри гоготнул, и профессор Трелони резко обернулась.

– Позволь взглянуть, мальчик, – укоризненно обратилась она к Рону, подошла, колыхая одеждами, и забрала у него чашку Гарри. Все затихли и стали наблюдать.

Профессор Трелони внимательно смотрела в чашку, вращая ее против часовой стрелки.

– Сокол... мой милый, у тебя есть смертельный враг.

– Но *это* и так все знают, – громко прошептала Гермиона. Профессор Трелони воззрилась на нее. – А что, правда же, – упрямо сказала Гермиона. – Все знают про Гарри и Сами-Знаете-Кого.

Гарри с Роном посмотрели на нее в удивлении пополам с восхищением. Они еще не слышали, чтобы Гермиона так разговаривала с учителем. Профессор Трелони не сочла нужным отвечать. Вперила огромные глаза в чашку, еще повертела.

– Булава... «нападение». Мой золотой, это несчастливая чашка...

– А я думал, это котелок, – робко вставил Рон.

– Череп... «опасность на твоём пути»...

Все как замороженные следили за преподавательницей. А она повернула чашку в последний раз, судорожно вздохнула и закричала.

Снова зазвенел разбившийся фарфор: Невилл раскокал вторую чашку. Профессор Трелони обессиленно опустилась в свободное кресло, закрыв глаза и сверкающей рукой хватаясь за сердце.

– Мой дорогой мальчик... мой бедный, несчастный мальчик... нет... лучше не говорить... нет... даже не спрашивай...

– В чем дело, профессор? – тут же заинтересовался Дин Томас. Все повскакали, и довольно скоро вокруг столика Рона и Гарри образовалась толпа. Ученики сгрудились за спиной профессора Трелони, заглядывая в чашку.

– Деточка, – профессор Трелони драматически расширила и без того огромные глаза, – у тебя Сгубит.

– У меня что? – не понял Гарри.

Было ясно, что он не единственный ничего не понимает: Дин Томас, поймав его взгляд, пожал плечами, Лаванда Браун смотрела озадаченно. Правда, все остальные в ужасе зажали рты руками.

– Сгубит, дитя мое, Сгубит! – закричала профессор Трелони, шокированная невежеством Гарри. – Гигантская собака-призрак, что таится в церковных дворах! Мой бедный мальчик, это знамение! Самое страшное смертное знамение!

В животе у Гарри екнуло. Собака на обложке «Смертных знамений» у Завитуша и Клякца – собака в темноте Магнолиевого проезда... Теперь Лаванда Браун тоже зажимала рот ладонью. Все уставились на Гарри – все, кроме Гермионы; та поднялась и зашла за спину профессора Трелони.

– По-моему, это не похоже на Сгубита, – преспокойно заявила она.

Профессор Трелони оглядела Гермиону с нарастающей неприязнью.

– Надеюсь, любезная, ты извинишь меня за такие слова, но я почти не ощущаю вокруг тебя ауры. Очень низкая восприимчивость к резонансу грядущего.

Шеймас Финниган так и сяк повертел головой.

– Это похоже на Сгубита, если смотреть вот так, – сказал он, почти совсем зажмурившись, – но вот отсюда больше напоминает осла, – продолжил он, наклоняясь влево.

– Можно уже прекратить рассуждать, умру я или нет! – выпалил Гарри, сам удивившись. Теперь все отводили глаза.

– Я думаю, на этом мы сегодня закончим, – загадочнейшим тоном обронила профессор Трелони. – Да... пожалуйста, соберите вещи...

Все молча сдали учительнице чашки, собрали книжки и застегнули рюкзаки. Даже Рон избегал смотреть на Гарри.

– До следующей встречи, – еле слышно попрощалась профессор Трелони, – да хранит вас судьба. И кстати... ты, мальчик, – она указала на Невилла, – в следующий раз ты опоздаешь. Позанимайся дополнительно, чтобы не отстать.

Гарри, Рон и Гермиона молча спустились по лестнице из люка, а потом по винтовой лестнице и направились на превращения к профессору Макгонаголл. До ее кабинета они добирались так долго, что, хотя их и отпустили с прорицания пораньше, все равно едва успели.

Гарри сел в самом дальнем углу – и как будто под прожектор угодил: все постоянно украдкой на него косились, словно ждали, что он вот-вот упадет замертво. Ему никак не удавалось сосредоточиться на рассказе профессора Макгонаголл об анимагах (колдунах, которые умеют превращаться в животных по собственному желанию), и он даже не посмотрел, как она у всех на глазах обернулась кошкой с очковыми отметинами вокруг глаз.

– Что это на вас сегодня нашло? – в сердцах воскликнула профессор Макгонаголл, с еле слышным хлопком вернувшись к своему нормальному облику, и обвела взглядом класс. – Не то чтобы это было для меня важно, но я впервые не слышу аплодисментов.

Снова все головы повернулись к Гарри, и никто не произнес ни слова. Наконец Гермиона подняла руку.

– Позвольте спросить, профессор? У нас только что было прорицание, мы изучали гадание на чайной гуще, и...

– А! Теперь понятно. – Профессор Макгонаголл внезапно нахмурилась. – Можете не продолжать, мисс Грейнджер. Признавайтесь, кому из вас предстоит умереть в этом году?

Все в ответ изумленно вытаращились.

– Мне, – после паузы сказал Гарри.

– Ясно. – Профессор Макгонаголл вперила в мальчика свои птичьи глаза. – Тогда вам следует знать, Поттер, что Сибилла Трелони с первого своего дня в школе ежегодно предсказывает смерть кого-нибудь из учащихся. И пока никто еще не умер. Смертное знамение – ее любимый способ познакомиться с новым классом. Я никогда не говорю плохого о коллегах, иначе... – Профессор Макгонаголл осеклась; ноздри у нее отчетливо побелели. Немного овладев собой, она продолжила: – Прорицание – одна из самых неточных областей магии. Не стану скрывать, что подобные занятия выводят меня из себя. Подлинные провидцы встречаются очень редко, а профессор Трелони... – Она снова умолкла, а затем сказала как бы между прочим: – На мой взгляд, Поттер, вы абсолютно здоровы, поэтому, надеюсь, не обидитесь, если я не освобожу вас от домашнего задания. В случае вашей смерти его не потребуется сдавать.

Гермиона засмеялась. Гарри немного полегчало. Здесь, вдали от загадочного красного освещения и одуряющих ароматов, как-то сложно было бояться горстки спитого чая. Однако речь профессора

Макгонаголл убедила не всех. Рон по-прежнему тревожно хмурился, а Лаванда Браун прошептала:

– Но как же чашка Невилла?

Когда превращения закончились, ребята влились в толпу, с грохотом несущуюся в Большой зал на обед.

– Рон, веселей! – окликнула Гермиона, подтолкнув к нему блюдо с тушеным мясом. – Ты же слышал, что сказала профессор Макгонаголл.

Рон навалил мяса на тарелку и взял вилку, но есть не стал.

– Гарри, – спросил он тихо и очень серьезно, – ты нигде не видел огромной черной собаки, нет?

– Видел, – ответил Гарри. – В ту ночь, когда сбежал от Дурслеев.

Рон с грохотом уронил вилку.

– Бродячая собака, подумаешь, – спокойно произнесла Гермиона.

Рон посмотрел на Гермиону так, будто она не в своем уме.

– Гермиона, если Гарри видел Сгубита, это... это плохо, – прошептал он. – Мой... дядя Вредни тоже его видел и... умер через сутки!

– Совпадение, – беззаботно ответила Гермиона, наливая себе тыквенный сок.

– Ты сама не понимаешь, о чем говоришь! – рассердился Рон. – Все колдуны до смерти боятся Сгубита!

– Ну так в этом все и дело, – отрезала несгибаемая Гермиона. – Они видят Сгубита и умирают от испуга. То есть Сгубит – не знамение, а причина смерти! Гарри, как видишь, все еще с нами! А почему? Потому что он не такой дурак, чтоб сказать себе – мол, все, видел Сгубита, задвигаю кеды в угол!

Рон беззвучно, но выразительно ответил что-то одними губами, а Гермиона открыла рюкзак, достала новехонький учебник по арифмантике и поставила его перед собой, оперев на кувшин с соком.

– По-моему, прорицание – очень расплывчатая наука, – изрекла она, отыскивая нужную страницу. – Все вилами по воде.

– Сгубит в чашке был очень даже четкий! – с горячностью возразил Рон.

– Помнится, ты решил, что это баран, – холодно уронила Гермиона.

– Профессор Трелони сказала, что у тебя неправильная аура! Ты просто не в силах вынести, что в чем-то ты не лучшая!

Он задел за живое. Гермиона с силой бухнула книгой по столу, и повсюду разлетелись мясо и морковка.

— Если для того, чтобы быть лучшей в прорицании, надо придуряться, будто видишь смертные знамения в чайной гуще, я не уверена, что буду долго изучать этот предмет! Совершенная чепуха по сравнению с арифмантикой!

Она подхватила рюкзак и удалилась.

Рон нахмурился ей вслед.

— О чем это она? — спросил он у Гарри. — У нее же еще не было арифмантики.

После обеда Гарри с удовольствием вышел из замка на воздух. Вчерашний дождь прекратился, бледно-серое небо было ясно, а трава влажно пружинила под ногами, когда класс отправился на первый урок к Огриду.

Рон и Гермиона друг с другом не разговаривали. Гарри молча брел рядом с ними по травянистому склону к хижине на окраине Запретного леса. И только увидев впереди три знакомые спины, Гарри сообразил, что заниматься они, похоже, будут вместе со слизеринцами. Малфой оживленно беседовал с Краббе и Гойлом, и те глупо ржали. Нетрудно было догадаться, о чем они разговаривают.

Огрид с Клыком ждал учеников у дверей хижины. Великан стоял на пороге в плаще чертовой кожи, и ему явно не терпелось начать.

— Д'вайте, д'вайте, поторапливайтесь! — выкрикнул он, когда ребята приблизились. — У меня тут для вас подарочек! Вот будет у нас урок так урок! Все в сборе? Так! Д'вайте за мной!

Гарри заподозрил, что их сейчас поведут в лес, и его пробрала дрожь; Гарри пережил в этом лесу столько неприятных мгновений, что хватит на всю жизнь. Однако Огрид зашагал по опушке, и спустя пять минут класс уже стоял у ограды какого-то пастбища. Внутри никого не было.

— Соберитесь вокруг забора! — крикнул Огрид. — Вот так, чтоб всем видно... Ну, теперь первым делом открывайте учебники.

— Как? — язвительно спросил ледяной, тягучий голос Драко Малфоя.

— А? — растерялся Огрид.

— Как открыть учебники? — повторил Малфой. Он достал свою «Чудовищную книгу чудовищ», туго связанную веревкой. Остальные

тоже достали книги: некоторые подобно Гарри перетянули их ремнями; другие использовали крепкие мешки или зажимы.

– А чего... никто не дотумкал, как их открывают? – удрученно спросил ошарашенный Огрид.

Все дружно затрясли головами.

– Их нужно погладить, – сказал Огрид так, словно это очевидно любому дураку. – Глядите-ка...

Он взял учебник у Гермионы и сорвал с него колдоленту. Книжка собралась было кусаться, но Огрид провел великанским пальцем по переплету – книжка задрожала, раскрылась и замерла у него на ладони.

– Подумайте, какие мы все идиоты! – фыркнул Малфой. – Надо было их *погладить*! И как это мы не догадались?

– Я думал... они смешные, – неуверенно обратился Огрид к Гермионе.

– О да, до чертиков! – огрызнулся Малфой. – Очень остроумно – дать нам учебник, который руки оттяпывает!

– Заткнись, Малфой, – тихо сказал Гарри. Огрид расстроился, а Гарри хотелось, чтоб его первый урок прошел удачно.

– Ну ладно, – заговорил Огрид, по всей видимости потеряв нить, – в общем... в общем, у вас есть учебники и... и... теперь нужны магические существа. Да. Пойду и приведу их. Погодите...

Он пошел в лес и вскоре скрылся из виду.

– Святое небо, школа катится в тартарары, – громко заявил Малфой. – В учителях этакий кретин! У моего отца будет удар, когда он узнает...

– Заткнись, Малфой, – повторил Гарри.

– Не шали, Поттер, дементор заберет!

– О-о-о-о-о-о-о-о! – завизжала Лаванда Браун, тыча пальцем в дальний угол загона.

Оттуда приближалась дюжина немыслимо странных созданий. Лошадиные тела, задние ноги и хвосты – но передние ноги, головы и крылья явно заимствованы у гигантских орлов. Стальные клювы крупны и зловещи, оранжевые глаза сверкают. Когти на передних ногах – с полфута и явно смертоносны. На шеях – толстые кожаные ошейники с длинными цепями. Все цепи сходились в огромных ладонях Огрида, который вприпрыжку поспешал за стадом.

– Но-о-о, давай поближе! – взревел он, трясая цепями и гоня животных к ограде, где собрались ученики. Все непроизвольно отодвинулись, стоило Огриду подвести тварей поближе. – Гиппогрифы! – радостно пророкотал Огрив, тыча в них рукой. – Красавцы, а?

Гарри в общем-то понимал восторг Огрида. После первого шока при виде гибрида лошади с птицей глаз вдруг различал красоту перьев, незаметно переходящих в шкуру, и разный окрас – серо-грозовой, бронзовый, розовато-чалый, блестящий гнедой, чернильно-вороной...

– Ну, – сказал Огрив, потирая руки и лучась улыбкой, – может, хотите подойти...

Но никто не захотел. Только Гарри, Рон и Гермиона опасливо приблизились к изгороди.

– Теперь, это... первое дело, чего надо знать про гиппогрифов, – они гордые, – поведал Огрив. – Очень обидчивые, гиппогрифы... Никогда их не обижайте, потому как это может оказаться последнее, что вы сделаете в жизни.

Малфой с Краббе и Гойлом не слушали; они шептались, и Гарри заподозрил, что они сговариваются сорвать урок.

– Всегда ждите, пока гиппогриф сделает первый шаг, – продолжал Огрив. – Это вежливо, ясно? Подходите, кланяетесь и ждете. Ежели он в ответ поклонится, значит, можно его потрогать. А ежели не кланяется, чешите от него подальше, потому как когти у него – будь-будь. Ну, кто первый?

В ответ большинство ребят только попятились. Даже Гарри, Рон и Гермиона заробели. Гиппогрифы мотали свирепыми головами и расправляли мощные крылья: им явно не нравилось на привязи.

– Никто не хочет? – спросил Огрив, глядя умоляюще.

– Я хочу, – решился Гарри.

Сзади кто-то судорожно вздохнул; Лаванда и Парвати хором зашептали:

– Ой, нет, Гарри, вспомни чайную гущу!

Гарри не обратил на них внимания. И перелез через ограду.

– Молоток, Гарри! – загудел вслед Огрив. – Тогда так – поглядим, как вы поладите с Конькуром.

Он отстегнул одну цепь, отвел серого гиппогрифа в сторону и снял с него кожаный ошейник. Ребята за оградой затаили дыхание. Малфой

злобно сощурился.

– Тихо, Гарри, осторожно, – вполголоса инструктировал Огрид. – Смотри ему в глаза и старайся не моргать... Гиппогриф не доверяет, ежели слишком часто моргаешь...

Глаза у Гарри немедленно заслезились, но он не моргнул. Конькур склонил набок большую остроклювую голову и уставился на незваного гостя свирепым оранжевым глазом.

– Ооот так, – ворковал Огрид, – ооот так... теперь кланяйся...

Гарри не хотелось подставлять незащитный затылок Конькуру, но он сделал, как ему велели, – коротко поклонился и взглянул на животное.

Гиппогриф взирал надменно. И не шевелился.

– А, – сказал Огрид обеспокоенно. – Так, отходи, давай Гарри, полегоньку...

Но тут, к величайшему удивлению Гарри, гиппогриф внезапно преклонил чешуйчатые колени в глубоком поклоне.

– Отлично, Гарри! – в экстазе вскричал Огрид. – Давай, можешь погладить! Похлопай по клюву, давай!

Возможность быстро-пребыстро удалиться была бы куда большей наградой, но Гарри медленно подошел к гиппогрифу и протянул руку. Несколько раз провел ладонью по клюву, и гиппогриф лениво прикрыл глаза – видимо, наслаждался.

Класс дружно зааплодировал – за исключением Малфоя, Краббе и Гойла, глядевших крайне разочарованно.

– Молодчага, Гарри! – похвалил Огрид. – Может, он тебя покатает?

Вот на это Гарри, мягко говоря, не рассчитывал. Он привык летать на метле; вряд ли гиппогриф – то же самое.

– Залазь вон туда, откуда крылья растут, – объяснил Огрид, – и гляди не выдерни перо, он этого не любит...

Гарри поставил ногу на крыло Конькура и взобрался ему на спину. Непонятно, как тут держаться, – вся шея в перьях.

– Пошел! – крикнул Огрид, шлепнув гиппогрифа по крупу.

По бокам внезапно распростерлись двенадцатифутовые крылья; Гарри едва успел обхватить гиппогрифа за шею, как они взмыли. Ничего общего с ровным ходом родного «Нимбуса-2000», и на метле стократ лучше: крылья гиппогрифа ходили ходуном, били под коленки, отчего создавалось впечатление, что он вот-вот тебя сбросит; гладкие

перья выскальзывали из пальцев, но Гарри не осмеливался ухватиться покрепче, и его мотало взад-вперед – круп гиппогрифа поднимался и опускался в такт движению крыльев.

Конькур описал круг над пастбищем и направился к земле. Вот этого Гарри опасался больше всего; когда гладкая шея стала опускаться, он отклонился назад, боясь перелететь через голову гиппогрифа. Затем почувствовал, как две пары мало подходящих друг к другу ног тяжело стукнулись о землю, и рывком выпрямился, удержавшись лишь чудом.

– Отлично сработано, Гарри! – завопил Огрид. Все, кроме Малфоя, Краббе и Гойла, одобрительно закричали. – Ну лады, кто еще хочет прокатиться?

Осмелев после успеха Гарри, остальные тоже полезли через ограду. Огрид по одному отвязывал гиппогрифов, и скоро по всему пастбищу нерешительно закланялись головы. Невилл то и дело отбегал назад, потому что его гиппогриф преклонять колени не желал. Рон и Гермиона практиковались на гнедом, а Гарри наблюдал.

Малфой, Краббе и Гойл выбрали Конькура. Гиппогриф поклонился Малфоя, и тот, презрительно кривясь, водил рукой по клюву.

– Ну и ничего сложного, – цедил Малфой так, чтобы Гарри расслышал. – Оно и понятно. Если уж Поттер справился... Не такой уж ты страшный, а? – обратился он к гиппогрифу. – Не страшный, говорю, ты, уродина?

Сверкнули стальные когти – Малфой пронзительно завопил. Спустя мгновение Огрид уже впихивал Конькура в ошейник и оттаскивал от Малфоя, а тот скорчился на траве. Пятно крови расцветало на его мантии.

– Умираю! – закричал Малфой. Все испугались. – Смотрите, я умираю! Он меня убил!

– Ничего ты не помираешь! – рявкнул совершенно побелевший Огрид. – Помогите кто-нибудь – надо его унести...

Гермиона побежала открыть калитку. Огрид легко поднял Малфоя. Когда они проходили мимо, Гарри увидел на руке у Малфоя длинную, глубокую рану; кровь лилась на траву. Огрид со своей ношей побежал вверх по склону в замок.

Следом брели потрясенные ребята. Слизеринцы наперебой ругали Огрида.

– Его надо сразу уволить! – рыдала Панси Паркинсон.

– Малфой сам виноват! – огрызнулся Дин Томас.

Краббе и Гойл угрожающе напрягли мускулы.

По каменным ступеням ребята взошли в пустынный вестибюль.

– Пойду узнаю, как он там! – вскричала Панси и кинулась вверх по мраморной лестнице.

Все проводили ее глазами. Слизеринцы, продолжая осыпать Огрида проклятиями, направились в подземелье в свою общую гостиную. Гарри, Рон и Гермиона зашагали по лестнице в гриффиндорскую башню.

– Как думаешь, он поправится? – взволнованно спросила Гермиона.

– А куда он денется? Мадам Помфри лечит порезы в одну секунду, – отозвался Гарри, которому фельдшерица волшебным образом вылечивала раны и посерьезнее.

– Но Огриду на первом уроке крупно не повезло, а? – нервно заметил Рон. – Уж Малфой постарался напортить...

Они чуть ли не первыми явились в Большой зал ужинать – надеялись встретить Огрида, но тот не появился.

– Его ведь не уволят? – с тревогой спросила Гермиона, даже не прикасаясь к мясному пудингу.

– Еще не хватало, – сказал Рон. Он тоже ничего не ел.

Гарри следил за слизеринским столом. Там собралась целая толпа, в том числе Краббе с Гойлом, и все жарко что-то обсуждали. Гарри не сомневался, что они сочиняют собственную версию произошедшего.

– М-да, нельзя сказать, что первый день года вышел скучный, – мрачно заметил Рон.

После ужина они поднялись в переполненную общую гостиную и приступили к домашнему заданию по превращениям, но постоянно отвлекались и поглядывали в окно башни.

– У Огрида в окне свет, – объявил вдруг Гарри.

Рон взглянул на часы.

– Если поторопимся, успеем его повидать. Еще не поздно...

– Ну, я не знаю, – протянула Гермиона.

Гарри поймал ее взгляд.

– *Во двор* не страшно, – сказал он с нажимом. – Сириус Блэк пока еще не прошел мимо дементоров, если помнишь.

Они отложили учебники, вылезли в дыру за портретом и, к счастью, по пути к парадной двери никого не встретили – они не знали точно, можно ли им выходить.

Влажная трава чернела в сумерках. Ребята дошли до хижины, постучали и услышали ворчанье:

– Открыто.

Огрид в рубашке сидел за струганым деревянным столом; немецкий дог Клык положил голову ему на колени. С первого взгляда стало понятно, что Огрид решил напиться: перед ним стояла кружка размером с ведро и он с явным трудом фокусировал зрение.

– Эт-та ваще рекорд, – невнятно заявил он, когда признал гостей. – Навряд у их был учитель, к’трый протянул всего день.

– Тебя же не уволили, Огрид? – ужаснулась Гермиона.

– П’ка нет, – горестно икнул Огрид, от души глотнув из кружки. – Но абажжите, еще уволят, п’сле Малфоя-то...

– Как он, кстати? – спросил Рон, когда они расселись за столом. – Рана не серьезная, нет?

– Мадам Помфри п’клдовала над им как п’ложено, – пробубнил Огрид, – тока он все одно, грит, помираю... агония... весь в бинтах, стонет...

– Притворяется, – мигом определил Гарри. – Мадам Помфри лечит все. Она мне в прошлом году вырастила кости! Но уж Малфой за каждую царапинку отыграется.

– С’бщили в пр’вление школы, яс’дело, – пожаловался Огрид. – Грят, я начал с трудного. Над’ было гиппогрифов на попожже... Над’ было скучечервей брать или чёнь-ть... Я-то думал, так будет интересно... Сам виноват...

– Это *Малфой* виноват, а не ты! – серьезно сказала Гермиона.

– Мы свидетели, – поддержал ее Гарри. – Ты предупреждал, что гиппогрифы обидчивые и нападают. А Малфой не слушал. Мы расскажем Думбльдору, как все было.

– Ага, не волнуйся, Огрид, мы за тебя постоим, – сказал Рон.

У Огрида тут же промокли морщинки вокруг глаз-жуков. Он обхватил руками Гарри с Роном и сгреб их в сокрушительном объятии.

– По-моему, тебе хватит пить, Огрид, – категорично заявила Гермиона. Забрала кружку со стола и вышла опорожнить ее за порогом.

– А вить пр'ва, – согласился Огрид, выпуская Гарри и Рона, и оба отшатнулись, потирая ребра. Огрид тяжело поднялся и побрел во двор. Мальчики услышали громкий всплеск.

– Что он делает? – нервно спросил Гарри у Гермионы, когда та вернулась с пустой кружкой.

– Мочит голову в бочке, – ответила Гермиона, пряча кружку.

Вернулся Огрид. По космам и бороде текла вода. Огрид утирал глаза.

– Так-та лушше. – Он встряхнул башкой, как собака, и окатил всех. – Слушайте, пасиб вам, что пришли утешить, я вить...

Он осекся на полуслове и воззрился на Гарри, словно только что его разглядел.

– ВЫ ЧЁ ТВОРИТЕ, А?! – загрохотал он, и от неожиданности ребята подскочили. – ГАРРИ, ТЕ НЕЛЬЗЯ ПО ТЕМНОТЕ БРОДИТЬ! А ВЫ ОБА ДВА КУДА СМОТРЕЛИ? ПОЗВОЛЯЕТЕ ЕМУ!

Огрид схватил Гарри за руку и поволок к двери.

– П'шли! – сердито проворчал великан. – Отведу вас в школу. И нечего ко мне в ночи шастать, ясно? Я того не стою!

Глава седьмая

Вризрак в шкафу

Малфой появился только в четверг перед обедом, посреди пары по зельеделию, на которой гриффиндорцы занимались вместе со слизеринцами. Он враскачку вошел в подземелье, бережно неся на перевязи правую руку, всю в бинтах. Он держался героем, который чудом уцелел в нечеловечески жестоком сражении.

– Ну что, Драко? – жеманно посочувствовала Панси Паркинсон. – Сильно болит?

– Да, – стоически ответил Малфой.

Но Гарри заметил, как он подмигнул Краббе и Гойлу, едва Панси отвернулась.

– Садись, садись, – лениво сказал профессор Злей.

Гарри с Роном хмуро переглянулись. Если бы опоздал кто-то из них, Злей никогда бы не сказал «садись», а назначил бы наказание. Однако в классе профессора Злея Малфою все сходило с рук: Злей был куратором «Слизерина» и потакал учащимся своего колледжа.

Сегодня все стряпали новое зелье – раствор-уменьшитель. Малфой поставил котел рядом с котлом Гарри и Рона, так что они готовили ингредиенты на одном столе.

– Сэр, – позвал Малфой, – сэр, мне нужна помощь, я не смогу нарезать корневища маргаритки: моя рука...

– Уизли, нарежьте корневища для Малфоя, – не подняв глаз, приказал Злей.

Рон стал кирпичного цвета.

– Ничего страшного с твоей рукой, – прошипел он Малфою.

Малфой ослабился:

– Уизли, ты же слышал профессора Злея. Режь корни.

Рон схватил нож, подгреб к себе корни и грубо порубил – все кусочки получились разного размера.

– Профессор, – наябедничал Малфой, – Уизли искромсал мои корневища, сэр.

Злей подошел к столу, поверх крючковатого носа оглядел корневища, а затем одарил Рона неприятной улыбкой из-под завесы длинных и сальных черных прядей:

– Обменяйтесь корневищами с Малфоем, Уизли.

– Но, сэр!..

Рон аккуратно шинковал свои корневища добрых пятнадцать минут.

– Без разговоров, – процедил Злей весьма угрожающим тоном.

Рон пихнул свою красоту Малфоем через весь стол и снова вытащил нож.

– Ах да, сэр, мне еще нужно очистить фигисмаслом, – прибавил Малфой. В его голосе почти неприкрыто играл издевательский смех.

– Поттер, почистите фигисмаслом для Малфоя, – велел Злей с глубочайшим отвращением, которое у него всегда имелось про запас специально для Гарри.

Гарри взял у Малфоя фигисмаслом, а Рон между тем пытался возместить ущерб, нанесенный корешкам, которые ему теперь предстояло использовать. Гарри побыстрее снял шкурку с фигисмаслома и, не глядя, запулил его по столу. Малфой скалился во весь рот.

– Давно видел своего дружка Огрида? – негромко спросил он.

– Тебя не касается, – огрызнулся Рон, не поднимая головы.

– Боюсь, он не долго продержится в учителях, – протянул Малфой, изображая глубокую печаль. – Папа вовсе не в восторге от моей раны...

– Поговори еще, Малфой, и узнаешь, что такое рана, – грозно пообещал Рон.

– Он подал жалобу в правление школы. И в министерство магии *тоже*. Папа, знаете ли, очень влиятельный. А у меня такая серьезная травма, – он выпустил тяжкий, горестный вздох, – кто знает, заработает ли вообще рука?

– Так вот зачем тебе этот театр, – сказал Гарри, случайно обезглавив мертвую гусеницу – руки у него дрожали от ярости. – Чтобы Огрида уволили.

– Хм, – Малфой понизил голос практически до шепота, – *отчасти*, Поттер. Но есть и другие плюсы. Уизли, нарежь мне гусеницу, будь любезен.

Через несколько столов от них Невилл тяжело страдал. На уроках зельеварения у него вечно все шло кувырком; предмет и так ему не давался, а великий страх перед профессором Злеем только усугублял ситуацию. Вот и теперь зелье, которое должно было получиться ядовито-зеленым, отчего-то сделалось...

— Оранжевое, Лонгботтом, — объявил Злей, зачерпнул зелья и выплеснул обратно в котел, чтобы все посмотрели. — Оранжевое. Скажите мне, юноша, хоть что-нибудь проникает под этот ваш непробиваемый череп? Вы что, не слышали, как я четко и ясно сказал: нужна всего одна крысиная селезенка? Я же внятно предупредил, что достаточно самой малости пиявкового сока? Что мне сделать, чтобы до вас дошло, Лонгботтом?

Невилл весь порозовел и трясся с головы до ног. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Пожалуйста, сэр, — взмолилась Гермиона, — пожалуйста, позвольте, я помогу Невиллу все исправить...

— Не помню, чтобы просил вас умничать, мисс Грейнджер, — ледяным тоном отрезал Злей, и Гермиона порозовела, как Невилл. — Лонгботтом, в конце урока мы дадим несколько капель этого зелья вашей жабе и посмотрим, что получится. Может быть, это вдохновит вас как следует потрудиться.

Злей отошел, а Невилл от страха чуть не задохнулся.

— Помоги мне! — простонал он, глядя на Гермиону.

— Эй, Гарри, — сказал Шеймас Финниган, оборачиваясь, чтобы одолжить у Гарри медные весы, — слыхал новости? В «Оракуле» было сегодня утром — говорят, Сириуса Блэка видели.

— Где? — хором спросили Гарри с Роном.

На другом конце стола Малфой поднял глаза и прислушался.

— Неподалеку отсюда, — с восторгом ответил Шеймас. — Какая-то мугланка. Она, конечно, не знала, в чем дело. Муглы думают, он обыкновенный преступник. Позвонила по горячей линии. Но пока представители министерства добрались до места, Блэк уже скрылся.

— Неподалеку отсюда... — повторил Рон, многозначительно посмотрев на Гарри. Он повернулся и поймал пристальный взгляд Малфоя. — Чего, Малфой? Шкурку снять?

Но Малфой, не отрывая злобно горящих глаз от Гарри, перегнулся через стол:

– Хочешь сам поймать Блэка, Поттер?

– Ага, мечтаю, – небрежно ответил Гарри.

Тонкогубый рот Малфоя изогнулся в зловещей улыбке.

– Между прочим, если бы дело касалось меня, – негромко произнес он, – я бы давно начал действовать. Я бы не отсиживался в школе, как паинька, я бы уже его искал.

– О чем ты, Малфой? – рявкнул Рон.

– А ты что, *не знаешь*, Поттер? – едва выдохнул Малфой, и его бледные глаза сузились.

– Чего не знаю?

Малфой тихо, презрительно усмехнулся.

– Ты, наверное, трусишь, – сказал он. – Хочешь предоставить дело дементорам? Если б речь шла обо мне, я бы жаждал мести. Я бы выследил его сам.

– Да о чем ты? – сердито выпалил Гарри, но тут Злей громко объявил:

– Вы уже должны были положить все ингредиенты. Перед тем как пить, это зелье следует потомить на медленном огне. Пока приберись на столах, а потом мы проверим, что нам приготовил Лонгботтом...

Краббе с Гойлом открыто заржали, глядя, как вспотевший Невилл лихорадочно мешает зелье. Гермиона инструктировала его уголком рта, чтобы не заметил Злей. Гарри с Роном убрали непригодившиеся ингредиенты и пошли мыть руки и черпаки в каменной раковине в углу.

– Что такое нес Малфой? – задумчиво спросил Гарри у Рона, сунув ладони под ледяную струю, бьющую изо рта горгульи. – За что я должен мстить Блэку? Он мне ничего не сделал... пока.

– Малфой все выдумал, – свирепо сказал Рон. – Хочет, чтоб ты глупостей понаделал...

Приближался конец урока. Злей направился к Невиллу, и тот съезжился за котлом.

– Все подойдите ближе, – сказал Злей, сверкая черными глазами, – и смотрите, что произойдет с жабой Лонгботтота. Если ему удалось создать уменьшитель, жаба превратится в головастика. А если, в чем я не сомневаюсь, он где-нибудь ошибся, жаба, скорее всего, будет отравлена.

Гриффиндорцы глядели испуганно. Слизеринцы пришли в восторг. Злей взял жабу по кличке Тревор в левую руку и ложечкой зачерпнул позеленевшее зелье, после чего залил несколько капель Тревору в горло.

В напряженной тишине было слышно только, как сглотнул Тревор; затем раздалось тихое «пхх!» – и вот уже на ладони у Злея извивался головастик Тревор.

Гриффиндорцы бурно зааплодировали. Злей с кислой гримасой извлек из кармана пузырек, вылил на Тревора несколько капель, и тот снова стал полноценной взрослой жабой.

– Минус пять баллов с «Гриффиндора», – объявил Злей, и улыбки исчезли с лиц. – Я же велел не подсказывать, мисс Грейнджер. Занятия окончены.

Гарри, Рон и Гермиона вскарабкались по ступенькам в вестибюль. Гарри размышлял о словах Малфоя, а Рон исходил гневом по поводу Злея.

– Снять пять баллов с «Гриффиндора» только за то, что зелье получилось как надо! Почему ты не соврала, Гермиона? Сказала бы, что Невилл все поправил сам!

Гермиона не ответила. Рон осмотрелся.

– А где она?

Гарри тоже осмотрелся. Они стояли на вершине лестницы и глядели, как одноклассники направляются в Большой зал на обед.

– Она же была прямо здесь, за нами, – нахмурился Рон.

Мимо прошествовал Малфой, с Краббе и Гойлом по бокам. Он ухмыльнулся Гарри и исчез.

– Вон она, – сказал Гарри.

Гермиона немножко запыхалась, взбегая по лестнице; одной рукой она прижимала к себе рюкзак, а другой запихивала что-то за пазуху.

– Как тебе это удастся? – осведомился Рон.

– Что? – подбежав, спросила Гермиона.

– Только что ты шла за нами по пятам и вдруг – раз! – уже опять поднимаешься по лестнице с самого низу.

– Что? – немного смешалась Гермиона. – А! Забыла кое-что. Ой нет!..

Рюкзак у нее разошелся по шву. Гарри это совсем не удивило; из рюкзака вывалилась по меньшей мере дюжина толстенных книг.

– Зачем ты их с собой таскаешь? – поинтересовался Рон.

– Ты же знаешь, сколько у меня занятий, – задыхаясь, ответила Гермиона. – Не поддержишь?

– Но... – Рон вертел книжки и читал заглавия. – У тебя же нет этих занятий сегодня. После обеда только защита от сил зла.

– А, ну да, – неопределенно ответила Гермиона, но убрала в рюкзак все учебники. – Хорошо бы на обед что-нибудь вкусненькое, умираю с голоду, – добавила она и бодро направилась в Большой зал.

– Гермиона от нас что-то скрывает, тебе не кажется? – спросил Рон у Гарри.

Когда ребята пришли на первый урок по защите от сил зла, профессора Люпина еще не было. Все расселись, достали учебники, перья и пергаменты и мирно болтали, дожидаясь учителя. Войдя, он неуверенно улыбнулся и положил на стол старый потрепанный портфель. Все в той же бедной одежде смотрелся Люпин, однако, уже поздоровее, чем в поезде, – видно, школьная еда шла на пользу.

– Добрый день, – сказал он. – Уберите, пожалуйста, ваши вещи в рюкзаки. Сегодня у нас практическое занятие. Вам потребуются только волшебные палочки.

Убирая вещи, ребята с любопытством переглядывались. Это будет их первое практическое занятие по защите от сил зла, если, конечно, не считать незабываемого прошлогоднего урока, когда учитель принес в класс клетку с эльфейками и выпустил их на свободу.

– Прекрасно, – сказал профессор Люпин, когда все приготовились. – За мной, будьте добры.

Озадаченные и заинтригованные, ребята встали из-за парт и направились следом за профессором Люпином. В безлюдном коридоре они свернули за угол и тут же наткнулись на полтергейста Дрюзга. Тот висел вверх ногами в воздухе и залеплял жвачкой замочную скважину.

Дрюзг никого не замечал, пока профессор Люпин не подошел почти вплотную; тогда полтергейст засучил ножками, поджав пальцы, и разразился песней.

– Глюпый хлюпик Люпин, – распевал он. – Глюпый хлюпик Люпин, глюпый хлюпик Люпин...

Неуправляемый грубиян Дрюзг обычно все-таки выказывал некоторое уважение преподавателям. Все с интересом поглядели на профессора Люпина. Тот, как ни странно, по-прежнему улыбался.

– На твоём месте я бы вытащил жвачку из замка, Дрюзг, – любезно заметил он, – иначе мистер Филч не сможет добраться до метел.

Филч, смотритель «Хогварца», колдун-неудачник весьма дурного нрава, вел нескончаемую войну с учениками, а также и с Дрюзгом. Полтергейст между тем не обратил на слова профессора Люпина ни малейшего внимания и только неприлично фыркнул в ответ.

Профессор Люпин тихонько вздохнул и достал волшебную палочку.

– Небольшое, но полезное заклинание, – через плечо сказал он ребятам. – Следите внимательно.

Он поднял палочку, произнес: «Ваддиваси!» – и указал на Дрюзга.

Комочек жевательной резинки пулей вылетел из замочной скважины напрямик в левую ноздрю полтергейсту; тот перевернулся и с проклятиями унесся прочь.

– Клево, сэр! – восхитился Дин Томас.

– Спасибо, Дин. – Профессор Люпин спрятал палочку. – Пойдем дальше?

И они отправились дальше. Теперь класс взирал на оборванного профессора Люпина с уважением. Тот провел их еще одним коридором и остановился напротив учительской.

– Заходите, пожалуйста, – пригласил он, открыв дверь и посторонившись.

В учительской – длинной, обшитой панелями комнате, полной старых, разрозненных стульев, – был лишь один человек. Профессор Злей, сидевший в низком кресле, обернулся. Глаза его сверкнули, а на губах заиграла недобрая ухмылка. Когда профессор Люпин вошел последним и собрался было закрыть дверь, Злей заговорил:

– Не закрывайте, Люпин. Я не хочу смотреть на ваши забавы.

Он встал и направился к двери. Полы его черной мантии колыхались. На пороге Злей развернулся и сказал:

– Возможно, вас не предупредили, Люпин, но в этом классе имеется некто Невилл Лонгботтом. Настоятельно рекомендую не поручать ему ничего сложного. Во всяком случае, если рядом не будет мисс Грейнджер.

Невилл побагровел. Гарри гневно уставился на Злея: мало того что он третирует Невилла у себя на занятиях, так еще издевается при других учителях.

Профессор Люпин поднял брови.

– А я как раз надеялся, что Невилл поможет мне на первом этапе задания, – ответил он, – и я не сомневаюсь, что он превосходно справится.

Лицо Невилла покраснело сильнее, хотя, казалось бы, дальше уже некуда. Губы Злея изогнулись в усмешке, но он удалился, с силой захлопнув за собой дверь.

– Что ж, начнем. – И профессор Люпин поманил ребят в угол.

Там не было ничего, кроме старого шкафа, где учителя хранили сменные мантии. Когда профессор Люпин приблизился, шкаф вдруг заходил ходуном и застучал об стену.

– Ничего страшного, – успокоил профессор тех, кто испуганно отшатнулся. – Внутри вризрак.

Большинство, судя по всему, считало, что это как раз очень даже страшно. Невилл уставился на профессора Люпина с неприкрытым ужасом, а Шеймас Финниган подозрительно разглядывал содрогающуюся дверную ручку.

– Вризраки любят темные замкнутые пространства, – заговорил профессор Люпин. – Гардеробы, щели под кроватями, шкафчики под раковинами. Однажды я встретил вризрак, который жил в напольных часах. *Этот* поселился здесь вчера днем, и я попросил у директора разрешения оставить его до поры до времени, чтобы третьеклассники попрактиковались. Первый вопрос, который мы должны себе задать, таков: что есть вризрак?

Гермиона подняла руку.

– Это сменобраз, – сказала она. – Он принимает образ, который, по его мнению, больше всего напугает того, кто его видит.

– Пожалуй, я и сам не ответил бы лучше, – похвалил профессор Люпин, и Гермиона просияла. – Следовательно, сидя в темноте, вризрак не может заранее решить, какую форму принять. Он еще не понял, чего больше всего боится тот, кто стоит за дверью. Никто не знает, как выглядит вризрак наедине сам с собой, но стоит только его выпустить, как он сразу же притворится тем, чего больше всего боится каждый из нас. А это означает, – продолжал профессор Люпин, делая вид, будто не заметил вопль ужаса, вырвавшийся у Невилла, – что, пока вризрак не выпущен на свободу, у нас перед ним огромное преимущество. Понятно какое, Гарри?

Отвечать на вопрос рядом с Гермионой, которая размахивала рукой и от нетерпения пританцовывала на цыпочках, было не так-то легко, но Гарри постарался:

– Э-э-э... раз нас так много, он не поймет, чем притвориться?

– Совершенно верно, – сказал профессор Люпин, и Гермиона в некотором разочаровании опустила руку. – Иметь дело с вризраком лучше всего в компании. Тогда вризрак теряется. Кем ему быть – трупом без головы или плотоядным слизнем? Мне довелось видеть, как вризрак совершил именно такую ошибку – хотел напугать двоих людей одновременно и превратился в полслизняка. Ни капельки не страшно... Заклинание, отпугивающее вризрак, очень простое, однако требует некоторого напряжения мысли. Понимаете, вризрак приканчивает *смех*. Поэтому надо сделать его потешным. Давайте сначала потренируемся без палочек. Повторяйте за мной, пожалуйста... риддикулюс!

– Риддикулюс! – хором прокричал класс.

– Хорошо, – одобрил профессор Люпин. – Очень хорошо. Боюсь только, что это самая простая часть работы. Понимаете, одного слова недостаточно. И вот тут наступает твой черед, Невилл.

Шкаф снова задрожал – правда, не так сильно, как сам Невилл, который выступил вперед весь белый, будто отправлялся на виселицу.

– Что ж, Невилл, – сказал профессор Люпин, – начнем с главного: чего ты боишься больше всего на свете?

Невилл пошевелил губами, но звука не получилось.

– Прости, не расслышал, – весело признался профессор Люпин.

Невилл обвел класс диким взором, словно моля о помощи, а затем прошептал еле слышно:

– Профессора Злея.

Раздался дружный смех. Даже сам Невилл робко и покаянно улыбнулся. Профессор Люпин, напротив, задумался.

– Профессора Злея... хммм... Невилл, насколько я знаю, ты живешь с бабушкой?

– Э-э-э... да, – нервно ответил Невилл. – Но... чтобы вризрак превратился в нее, мне тоже не хотелось бы.

– Нет-нет, ты меня не так понял, – улыбнулся профессор Люпин. – Не мог бы ты рассказать, как твоя бабушка одевается?

Невилл явно удивился вопросу, но ответил:

– Ну... она всегда носит одну и ту же шляпу. Такую высокую, с чучелом ястреба. Длинное платье... обычно зеленое... иногда лисье боа.

– И дамская сумочка? – подсказал профессор Люпин.

– Да, большая и красная.

– Отлично. Можешь ясно представить себе эту одежду? Увидеть мысленным взором?

– Да, – неуверенно произнес Невилл, совершенно не понимая, к чему идет дело.

– Когда вризрак вырвется из шкафа и увидит тебя, он станет профессором Злеем, – объяснил Люпин. – Тогда ты поднимешь волшебную палочку – вот так, – крикнешь: «Риддикулус!» – и изо всех сил сосредоточишься на бабушкиной одежде. Если все пройдет как надо, профессор Вризрак Злей предстанет перед нами в шляпе с чучелом, зеленом платье и с красной сумкой.

Раздался взрыв хохота. Шкаф затрясся сильнее.

– Если у Невилла все получится, вризрак, скорее всего, переключится на других, по очереди, – предупредил профессор Люпин. – Пока же представьте себе то, чего вы больше всего боитесь, и подумайте, как сделать образ комичным...

В учительской стало тихо. Гарри задумался... Чего же он боится больше всего?

Вольдеморта, первым делом решил он. Вольдеморта, обретшего былое могущество. Но, прежде чем он начал обдумывать план контратаки на вризрака Вольдеморта, в сознании всплыл другой кошмарный образ...

Отвратительная гниющая рука, которую словно засосало под черный плащ... долгий, спазматический, скрежещущий вдох незримого рта... и холод, такой всепроникающий, что в нем тонешь...

Гарри содрогнулся и заозирался, надеясь, что никто не заметил. Большинство ребят зажмурилось. Рон бормотал: «Ноги пообрывать». Гарри знал, о чем речь. Больше всего на свете Рон боялся пауков.

– Все готовы? – спросил профессор Люпин.

Гарри обдало волной страха. Он не был готов. Как сделать дементора не таким страшным? Но он не хотел просить дополнительного времени на размышления; все уже кивали и засучивали рукава.

– Невилл, мы отойдем подальше, – предупредил профессор Люпин. – Чтобы расчистить поле битвы, хорошо? Потом я вызову следующего... Давайте, ребята, отойдите, чтобы не мешать Невиллу...

Все отступили, встали по стенкам, оставив Невилла одного перед шкафом. Бедняга был бледен и напуган, однако засучил рукава мантии и держал палочку наготове.

– На счет «три», Невилл, – сказал профессор Люпин, сам целясь палочкой в дверную ручку. – Раз-два-три – *пошел!*

Фонтан искр выстрелил из палочки и ударил по ручке двери. Шкаф распахнулся. Оттуда выступил профессор Злей, крючконосый и злобный. Он вперился в Невилла горящим взглядом.

Невилл отшатнулся. Наставив на Злея палочку, он что-то беззвучно бормотал. Злей надвигался, шаря в складках мантии.

– Р... р... риддикулус! – пискнул Невилл.

Что-то щелкнуло, будто ударил кнут. Злей споткнулся; теперь он оказался в длинном, отороченном кружевами платье и высокой шляпе с объединенным молю ястребом. Он угрожающе махал красной дамской сумкой.

Класс заревел от смеха; взизрак замер в замешательстве, а профессор Люпин закричал:

– Парвати! Вперед!

Парвати решительно выскочила вперед. Злей развернулся к ней. Снова щелкнул кнут, и на месте Злея возникла забинтованная окровавленная мумия; ее безглазое лицо обратилось к Парвати, и мумия медленно направилась к девочке, волоча ноги, заноса загипсованную руку...

– Риддикулус! – выкрикнула Парвати.

Бинты на ногах у мумии размотались; она запуталась в них, упала ничком, и ее голова откатилась в сторону.

– Шеймас! – взревел профессор Люпин.

Шеймас выскочил перед Парвати.

Щелк! Мумию сменила женщина с черными волосами до полу и обглоданным, с прозеленью лицом-черепом – банши. Она широко разинула рот, и потусторонние завывания наполнили комнату, протяжные стоны, от которых у Гарри волосы встали дыбом...

– Риддикулус! – крикнул Шеймас.

Банши охнула и схватилась за горло: она потеряла голос.

Щелк! Банши стала крысой и принялась гоняться за собственным хвостом, потом – щелк! – гремучей змеей, шипящей и извивающейся, которая – щелк! – превратилась в окровавленное глазное яблоко.

– Он запутался! – закричал Люпин. – Мы у цели! Дин!

Дин поспешил вперед.

Щелк! Глазное яблоко сделалось отрубленной рукой, и та слепо захлопала по полу, а потом крабом побежала по комнате.

– Риддикулюс! – заорал Дин.

Что-то хрустнуло, и рука попала в мышеловку.

– Отлично! Рон, ты!

Выскочил Рон.

Щелк! Многие завизжали. Гигантский паук, шести футов в высоту, покрытый шерстью, надвигался на Рона, угрожающе клацая челюстями. Гарри сначала показалось, что Рона от страха парализовало. Но тут...

– *Риддикулюс!* – прогремел голос Рона, и у паука отвалились ноги; паучье тело покатилося, Лаванда Браун с воплем отскочила, и безногий шар оказался перед Гарри. Тот поднял палочку и приготовился, но...

– Сюда! – вдруг крикнул профессор Люпин, торопливо выбежав вперед.

Щелк! Паук-инвалид исчез. Секунду все дико озирались, не находя вризрака. Затем увидели серебристый шар, зависший в воздухе перед Люпином. Тот довольно лениво произнес:

– Риддикулюс!

Щелк!

– Давай, Невилл, прикончи его! – воскликнул Люпин, когда вризрак в виде таракана упал на пол к его ногам.

Щелк! Вернулся Злей. На сей раз Невилл ринулся к нему очень решительно.

– Риддикулюс! – завопил он, и Злей в платье с кружевами предстал ребятам лишь на долю секунды, потому что Невилл сразу же издал издевательское «Ха!» – и вризрак взорвался, распался на тысячу крошечных клочков дыма и рассеялся.

– Замечательно! – закричал профессор Люпин, а класс зааплодировал. – Великолепно, Невилл! Все молодцы! Так, давайте-ка подумать... по пять баллов «Гриффиндору» за каждого, кто справился

с вризраком. Невиллу – десять, поскольку он сделал это дважды... и по пять Гарри и Гермионе.

– Я же ничего не сделал, – сказал Гарри.

– Вы с Гермионой правильно ответили на мои вопросы в начале урока, – беззаботно ответил Люпин. – Очень хорошо, я вами доволен, отличный урок. Домашнее задание – будьте добры, прочитайте главу о вризраках и составьте краткий конспект... это к понедельнику. Вот и все.

Оживленно галдя, класс покинул учительскую. Гарри, однако, общего веселья не разделял. Профессор Люпин нарочно не дал ему встретиться с вризраком. Почему? Потому что видел, как Гарри упал в обморок в поезде, и решил, что ему не выдержать? Побоялся, что Гарри снова потеряет сознание?

Но никто ничего не заметил.

– Видали, как я управился с банши? – кричал Шеймас.

– А я с рукой? – перебивал его Дин, размахивая собственной кистью.

– А Злей в этой шляпе!

– А моя мумия!

– Интересно, почему профессор Люпин боится хрустальных шаров? – задумчиво протянула Лаванда.

– Лучше урока по защите от сил зла еще не бывало, правда? – сказал Рон, когда они направились обратно в кабинет за вещами.

– Похоже, он очень хороший преподаватель, – одобрительно отозвалась Гермиона. – Жалко только, что мне не досталось вризрака...

– А у тебя он кем бы стал? – ухмыльнулся Рон. – Домашней работой, за которую поставили девять из десяти?

Глава восьмая

Бегство толстой тети

Защита от сил зла быстро стала любимым предметом почти для всех. Один лишь Драко Малфой и его слизеринское окружение говорили гадости о профессоре Люпине.

– Вы гляньте, в каком тряпье он ходит! – громким шепотом восклицал Малфой, когда профессор шагал мимо. – Хуже, чем наш бывший домовый эльф.

Но больше никого не волновала залатанная и потрепанная одежда профессора Люпина. У него на уроках всегда было интересно. После взрзиков изучали красношапов, отвратительных гоблиноподобных созданий, которые шныряют повсюду, где проливалась кровь, – в подземельях замков, в окопах на полях былых сражений – и норовят огреть дубинкой заблудившихся. От красношапов перешли к каппам. Эти гадкие существа обитают под водой, смахивают на чешуйчатых мартышек с перепончатыми лапками и только и мечтают задушить тех, кто случайно оказался в водоеме.

Гарри оставалось только пожалеть, что не со всеми предметами дела обстоят так же хорошо. Особенно допекало зельеделие. Злей нынче пребывал в сверхмстительном настроении – и понятно почему. История о том, как взрзак притворился Злеем, а Невилл нарядил его в бабушкину одежду, распространилась по школе со скоростью лесного пожара. Злея, судя по всему, она не позабавила. При одном лишь упоминании о профессоре Люпине его глаза угрожающе сверкали, а Невилла он обижал хуже прежнего.

Гарри теперь страшился занятий в душном кабинете прорицания, где приходилось мучительно долго расшифровывать кривобокие фигуры и непонятные символы, стараясь не замечать, что при каждом взгляде на него огромные глаза профессора Трелони наполняются слезами. Профессор Трелони ему вовсе не нравилась, хотя у многих его одноклассников она пользовалась уважением на грани благоговения. Парвати Патил и Лаванда Браун взяли привычку

навещать прорицательницу в обеденные перерывы и всегда возвращались с таким видом, будто им свыше даровано тайное знание, что раздражало до безумия. Ко всему прочему, они завели манеру говорить с Гарри приглушенными голосами, будто он лежал на смертном одре.

Никого по-настоящему не увлекали занятия по уходу за магическими существами: после богатого событиями первого урока все дальнейшие сделались до отвращения однообразны. Видимо, Огрид разуверился в себе. Теперь урок за уроком они изучали особенности ухода за скучечервями – самыми, пожалуй, неинтересными созданиями во вселенной.

– Кому, скажите на милость, придет в голову за ними *ухаживать*? – спросил однажды Рон после того, как целый час заталкивал нашинкованный латук в скользкие глотки скучечервей.

В начале октября, однако, у Гарри появилось нечто для души, и оно разгоняло тоску на занятиях. Приближался квидишный сезон, и Оливер Древ, капитан команды «Гриффиндора», как-то в четверг созвал игроков, дабы обсудить новую тактику.

В квидишной команде играли семеро: три Охотника, чья задача – забивать Кваффл (красный мяч размером с футбольный) в кольца противника (кольца на верхушках пятидесятифутовых шестов располагались на противоположных концах поля); двое Отбивал с увесистыми битами для отражения атак Нападал (двух тяжелых черных мячей – они носились повсюду, атакуя игроков); Охранник, который защищал кольца; и Ловчий, которому приходилось труднее всего: он должен был поймать Золотого Проныру – крылатый мячик размером с грецкий орех. Поимка Проныры приносила команде дополнительные сто пятьдесят очков и означала конец игры.

Оливер Древ, крепкий семнадцатилетний юноша, учился уже в седьмом, последнем, классе «Хогварца». Когда в холодной раздевалке возле квидишного поля, над которым быстро сгущались сумерки, он обратился к членам своей команды, в его голосе сквозило тихое отчаяние.

– Это наш последний шанс – мой последний шанс – выиграть кубок, – заговорил он, расхаживая перед игроками взад и вперед. – В этом году я заканчиваю школу. Другой возможности мне не выпадет... «Гриффиндор» не выигрывает вот уже семь лет. Что поделаешь, нам

сильно не везло – травмы, – а в прошлом году отменили турнир... – Древ сглотнул, словно при одном воспоминании у него в горле встал комок. – Но ведь мы с вами отлично знаем, что у нас *самая – лучшая – команда – во всей – школе*. – При каждом слове он впечатывал в ладонь кулак, и в его глазах горел маниакальный огонь. – У нас три *великолепных* Охотницы. – Древ указал на Алисию Спиннет, Ангелину Джонсон и Кэти Белл. – У нас двое *непобедимых* Отбивал.

– Оливер, шалунишка, мы краснеем, – хором запищали Фред и Джордж Уизли, притворяясь, что смущены.

– Кроме того, у нас Ловчий, который не подводил *ни разу!* – захохотал Древ и обжег Гарри взглядом яростного восхищения. – И еще я, – добавил он, будто только что вспомнил.

– Ты тоже очень хорош, Оливер, – сказал Джордж.

– Офигительно классный Охранник, – сказал Фред.

– Мы знаем, – продолжал Древ, снова заходя в зад-вперед, – что последние два года на квидишном кубке должны были писать «Гриффиндор». С тех пор как Гарри пришел в команду, я был уверен, что кубок у нас в кармане. Тем не менее мы его не получили, и если мы хотим, чтобы на кубке выгравировали наше имя, в этом году последний шанс...

Древ произнес это с таким убитым видом, что его пожалели даже близнецы.

– Оливер, этот год – наш, – заверил Фред.

– У нас получится, Оливер! – поддержала Ангелина.

– Обязательно, – пообещал Гарри.

Преисполнившись решимости, команда тренировалась три раза в неделю. Погода становилась все хуже, дни все короче, но никакая грязь, никакой дождь или ветер не омрачали чудесной картины, что стояла у Гарри перед глазами: команде «Гриффиндора» наконец-то вручают громадный серебряный квидишный кубок.

Однажды вечером после тренировки Гарри, замерзший, усталый, но довольный результатами, вернулся в общую гостиную «Гриффиндора». Вся комната гудела.

– Что случилось? – спросил Гарри у Рона с Гермионой. Те заняли два лучших кресла у камина и заканчивали звездные карты по астрономии.

– В выходные – первый поход в Хогсмед. – Рон показал на объявление, появившееся на старой обшарпанной доске. – Конец октября. Хэллоуин.

– Здорово, – сказал Фред, вслед за Гарри пролезая в дыру за портретом. – Мне надо к Зонко. У меня почти закончились вонючие бомбочки.

Гарри рухнул в кресло рядом с Роном. Его хорошее настроение будто утекало сквозь пальцы. Гермиона, похоже, прочла его мысли.

– Гарри, наверняка в следующий раз ты уже сможешь пойти, – утешила она. – Блэка скоро поймают! Один раз его уже видели.

– Блэк не такой дурак, чтоб устраивать бучу в Хогсমেде, – сказал Рон. – Спроси у Макгонаголл – вдруг тебе можно пойти на этот раз. А то следующий когда еще будет...

– *Рон!* – укорила Гермиона. – Гарри нельзя покидать *территорию школы*...

– И что, он не пойдет один-единственный из третьего класса? – отмахнулся Рон. – Давай, Гарри, попроси Макгонаголл...

– Да, пожалуй, – решил Гарри.

Гермиона открыла было рот и хотела возразить, но тут к ней на колени легко вспрыгнул Косолапсус. Из пасти у него свисал дохлый паук.

– Обязательно это есть у нас перед носом? – скривился Рон.

– Умненький, храбренький Косолапсус, неужели ты сам-пресам его поймал? – закурлыкала Гермиона.

Косолапсус медленно жевал паука, презрительно уставившись на Рона желтыми глазами.

– Главное, пускай сидит и не лезет никуда, – раздраженно сказал Рон, возвращаясь к звездной карте. – У меня в рюкзаке Струпик спит.

Гарри зевнул. Глаза слипались, но, к сожалению, он сам еще не сделал звездную карту. Он подтащил к себе рюкзак, достал пергамент, чернила и перо и принялся за работу.

– Перерисуй у меня, если хочешь, – предложил Рон, украсив завитушкой последнюю звездочку и подталкивая свою карту к Гарри.

Гермиона, не одобрявшая списывания, поджала губы, но ничего не сказала. Косолапсус не сводил немигающего взгляда с Рона и подергивал кончиком хвоста. И вдруг ни с того ни с сего бросился в атаку.

– ОЙ! – вскричал Рон и кинулся отбирать рюкзак у Косолапсуса, который вцепился всеми четырьмя лапами и свирепо драл ткань. – ПОШЕЛ ПРОЧЬ, ТУПОЕ ЖИВОТНОЕ!

Рон тянул рюкзак, но Косолапсус не отпускал, шипел, снова и снова замахивался когтями.

– Рон, не бей его! – завизжала Гермиона.

Все взгляды в гостиной были прикованы к сражению: Рон размахивал рюкзаком, на рюкзаке висел Косолапсус, а потом оттуда вылетел Струпик...

– ЛОВИТЕ КОТА! – заорал Рон: Косолапсус отлепился от останков рюкзака, перепрыгнул через стол и погнался за улепетывающим Струпиком.

Джордж Уизли ринулся на Косолапсуса, но промахнулся. Струпик стремглав пролетел между двадцатью парами ног и бросился под старый комод. Косолапсус резко затормозил и, стоя на полусогнутых, яростно зашарил под комодом лапой.

Подроспели Рон с Гермионой; Гермиона схватила кота под брюхо и оттащила; Рон бросился на живот и с огромными трудностями извлек Струпика за хвост.

– Посмотри! – гневно обратился он к Гермионе, потрясая Струпиком у нее перед носом. – Кожа да кости! Держи своего кота подальше, ясно?

– Косолапсус не понимает, что это плохо! – дрожащим голосом сказала Гермиона. – Коты всегда ловят крыс, Рон!

– Странный у тебя кот! – бросил Рон, заманивая Струпика в нагрудный карман. Струпик только бешено извивался. – Он понял, когда я сказал, что Струпик у меня в рюкзаке!

– Какая чушь! – возмутилась Гермиона. – Косолапсус его *почуял*, Рон, а ты что подумал...

– Твой кот что-то затаил против моего Струпика! – заявил Рон, не замечая, что собравшиеся вокруг ребята захихикали. – А Струпик первый здесь появился, и потом, он *болен*!

Рон в ярости прошагал к лестнице и удалился в спальню.

На следующий день Рон все еще злился на Гермиону. На гербологии он едва перемолвился с ней парой слов, хотя они втроем – Гарри, Рон и Гермиона – вместе работали над одним вспухобом.

– Как Струпик? – робко спросила Гермиона, когда они счищали со стручков толстую розовую кожуру и высыпали блестящие горошины в деревянную бадью.

– Прячется у меня в ногах кровати и весь дрожит, – сердито ответил Рон и просыпал горошины мимо бадьи. Они раскатились по теплице.

– Осторожнее, Уизли, осторожнее! – крикнула профессор Спарж; горошины тут же взялись прорастать.

Следующим уроком были превращения. Гарри решил попросить у профессора Макгонаголл разрешения пойти вместе со всеми в Хогсмед и теперь стоял у кабинета, обдумывая, как аргументировать свою просьбу. Его, впрочем, отвлекло происходившее в начале шеренги.

Лаванда Браун плакала. Парвати обнимала ее и что-то объясняла Шеймасу Финнигану и Дину Томасу. Те глядели крайне серьезно.

– Что с тобой, Лаванда? – встревоженно спросила Гермиона. Она, Гарри и Рон подошли узнать, в чем дело.

– Утром ей пришло письмо из дома, – прошептала Парвати, – про ее кролика Бинки. Его съела лиса.

– Ой, – расстроилась Гермиона, – мне так жаль, Лаванда.

– Надо было догадаться! – трагически произнесла та. – Ты знаешь, какое сегодня число?

– Э-э-э...

– Шестнадцатое октября! «То событие, которое тебя страшит, произойдет в пятницу, шестнадцатого октября». Помнишь? Она была права, права!

Вокруг Лаванды уже собрался весь класс. Шеймас серьезно тряс головой. Гермиона по-мялась, а затем спросила:

– Тебя страшило, что лиса съест Бинки?

– Ну, необязательно *лиса*, – ответила Лаванда, поднимая на Гермиону заплаканные глаза, – но я *очень* боялась, что он умрет!

– А, – сказала Гермиона. И снова помолчала. Затем осторожно поинтересовалась: – Бинки был *старый* кролик?

– Н-нет! – всхлипнула Лаванда. – Он... он был еще крольчонок!

Парвати обняла ее крепче.

– Тогда почему ты страшилась, что он умрет? – спросила Гермиона.

Парвати обожгла ее гневным взглядом.

– Взгляните на это логически, – обратилась Гермиона ко всем собравшимся. – Бинки ведь умер не сегодня, правда? Лаванда только узнала сегодня... (Лаванда громко зарыдала) и она никак не могла этого *страшиться*, потому что известие оказалось неожиданным...

– Не обращай внимания на Гермиону, Лаванда, – громко перебил Рон, – ей чужие любимцы по барабану.

Тут профессор Макгонаголл открыла дверь своей аудитории – и, пожалуй, кстати: Рон с Гермионой смотрели друг на друга волком. В классе они сели по разные стороны от Гарри и не разговаривали до конца занятия.

Гарри так и не решил, что сказать профессору Макгонаголл, а уже прозвенел колокол, возвещавший конец урока. Но она заговорила о Хогсмеде сама.

– Минуточку, пожалуйста! – крикнула она, когда ученики собрались уходить. – Вы все в моем колледже и должны до Хэллоуина представить мне разрешения от родителей на походы в Хогсмед. Не забудьте: если нет разрешения, в деревню ходить нельзя!

Невилл поднял руку:

– Профессор, извините, я... я, кажется, потерял...

– Твоя бабушка прислала разрешение мне лично, Лонгботтом, – сказала профессор Макгонаголл. – Видимо, она решила, что так надежнее. Что ж, это все, можете расходиться.

– Попроси ее сейчас, – прошипел Рон.

– Но ведь... – начала Гермиона.

– Давай, Гарри, – упрямо сказал Рон.

Гарри подождал, пока все уйдут, а затем, нервничая, приблизился к столу Макгонаголл.

– Что, Поттер?

Гарри глубоко вдохнул.

– Профессор, мои дядя и тетя... э-э-э... забыли подписать разрешение, – пробормотал он.

Профессор Макгонаголл глянула на него поверх квадратных очков, но ничего не сказала.

– Поэтому... э-э-э... как вы думаете, может быть, я... может быть, мне... можно пойти в Хогсмед?

Профессор Макгонаголл опустила глаза и начала перебирать пергаменты на столе.

– Боюсь, что нет, Поттер, – ответила она. – Вы же слышали. Если разрешения нет, то в деревню ходить нельзя. Таковы правила.

– Но... профессор, мои дядя с тетей... вы же знаете, они муглы, они не понимают про... про «Хогварц» и разрешения, – замямлил Гарри, а Рон подбадривал его энергичными кивками. – Если бы разрешили вы...

– Но я не разрешаю, – отрезала профессор Макгонаголл, вставая и аккуратно складывая пергаменты в ящик стола. – Разрешение должно быть подписано родителем или опекуном. – Она поглядела на него странно. С жалостью, что ли? – Извините, Поттер, но это мое окончательное решение. И поторопитесь, а то опоздаете на следующий урок.

Ничего не поделаешь. Рон одарил профессора Макгонаголл множеством прозвищ, сильно разозливших Гермиону. Гермиона ходила с гримасой «все к лучшему», из-за чего еще больше злился Рон, а Гарри пришлось терпеть всеобщие громкие и радостные беседы о том, кто что предпримет первым делом в Хогсমেде.

– Зато будет пир, – попытался утешить Рон. – Вечером. Хэллоуин же.

– Угу, – мрачно ответил Гарри. – Классно.

Пир на Хэллоуин – всегда замечательное событие – был бы куда приятнее, если б Гарри, подобно остальным, пришел туда после целого дня в Хогсмеде. Как его ни утешали, легче не становилось. Дин Томас, прекрасно владевший пером, предложил подделать подпись дяди Вернона, но, поскольку Гарри уже сказал профессору Макгонаголл, что разрешение не подписано, толку от предложения Дина не было никакого. Рон неохотно посоветовал воспользоваться плащом-невидимкой, но Гермиона зарубила идею на корню, напомнив Рону слова Думбльдора – мол, дементорам это не помешает. Неудачнее всех утешал, пожалуй, Перси.

– Все так суетятся по поводу Хогсмеда, – сказал он серьезно, – но, уверяю тебя, Гарри, там нет ничего особенного. Ну да, в кондитерской очень здорово, но вот «Хохмазин» Зонко попросту опасен. Шумной Шалман, конечно, стоит разочек посетить, но, честное слово, Гарри, кроме этого – ничего интересного.

Утром в Хэллоуин Гарри проснулся вместе с остальными и пошел завтракать в глубочайшем унынии, но стараясь вести себя как обычно.

– Мы тебе принесем всяких сладостей из «Рахатлукулла», – пообещала Гермiona, умирая от сострадания.

– Ага, кучу, – поддержал ее Рон. Пред лицом мучений Гарри они с Гермioniой наконец-то позабыли свою ссору из-за Косолапсуca.

– Да вы не переживайте, – сказал Гарри как можно небрежнее. – Увидимся на пиру. Желаю вам приятно провести время.

Он проводил друзей до вестибюля, где у дверей смотритель Филч проставлял галочки против имен в списке, подозрительно всматриваясь в лица, чтобы наружу не пробрались те, кому не положено.

– Дома лучше, Поттер? – крикнул Малфой из очереди, где он стоял с Краббе и Гойлом. –

Боишься проходить мимо дементоров?

Гарри не обратил на него внимания и одиноко направился вверх по мраморной лестнице. Пустынными коридорами он вернулся в гриффиндорскую башню.

– Пароль? – спросила Толстая Тетя, пробужденная от сладкой дремоты.

– «Майор Фортуна», – вяло ответил Гарри.

Портрет задрался кверху, и Гарри через дыру пробрался в общую гостиную. Там галдели первоклассники и второклассники, а также сидели старшие ребята – очевидно, они часто посещали Хогсмед и он растерял для них всякую прелесть.

– Гарри! Гарри! Э-гей!

Это крикнул второклассник Колин Криви, боготворивший Гарри и никогда не упускавший возможности с ним поговорить.

– А ты не пошел в Хогсмед, Гарри? А почему? Эй, – Колин с энтузиазмом показал на своих друзей, – хочешь посидеть с нами, Гарри?

– Э-э-э... нет, спасибо, Колин, – отказался Гарри, не расположенный демонстрировать свой шрам восхищенной широкой публике. – Мне... мне надо в библиотеку, у меня... много работы.

После этих слов оставалось только развернуться и отправиться туда, откуда пришел.

– Стоило ради этого меня будить! – возмутилась ему вслед Толстая Тетя.

В тоске Гарри побрел к библиотеке, но на полпути передумал: ему вовсе не хотелось заниматься. Он развернулся и лицом к лицу столкнулся с Филчем – тот, судя по всему, уже проводил в Хогсмед последних отпускников.

– Ты что тут делаешь? – с подозрением рявкнул Филч.

– Ничего, – честно ответил Гарри.

– Ничего! – рявкнул Филч, и его подбородки противно затряслись. – Так я и поверил! Рыскаешь тут... Почему не в Хогсмеде, не купаешь вонючие бомбочки, рыгучий порошок и гремучих гусениц, как твои отвратительные дружки?

Гарри пожал плечами.

– Тогда отправляйся в свою гостиную, где тебе и место! – приказал Филч. И не сводил с Гарри яростного взгляда, пока тот не скрылся из виду.

Но в гостиную Гарри не пошел; он вскарабкался вверх по лестнице со смутной мыслью навестить Хедвигу в совяльне и побрел по коридору. И вдруг из ближайшего класса донесся чей-то голос:

– Гарри?

Гарри обернулся посмотреть, кто его окликнул; из класса выглядывал профессор Люпин.

– Ты что тут делаешь? – спросил Люпин совсем не так, как Филч. – А где Рон и Гермиона?

– В Хогсмеде, – с деланой небрежностью ответил Гарри.

– А, – сказал Люпин. Он молча оглядел Гарри. – Может, зайдешь? Мне только что доставили загрыбаста для следующего занятия.

– Кого? – переспросил Гарри.

Он прошел в кабинет Люпина. В углу стоял очень большой аквариум. Отвратительное зеленое создание с острыми рогами прижимало морду к стеклу, гримасничало и шевелило длинными тонкими пальцами.

– Водяной демон, – объяснил Люпин, внимательно рассматривая загрыбаста. – Я думаю, сложностей с ним не будет – мы ведь уже изучили капп. Хитрость в том, чтобы разбить его хватку. Видишь, у него ненормально длинные пальцы? Сильные, но очень хрупкие.

Загрыбаст оскалил зеленые зубы и зарылся под клубок водорослей в углу аквариума.

– Выпьешь чаю? – спросил Люпин, озираясь в поисках чайника. – Я как раз собирался заварить.

– Ладно, – неуклюже согласился Гарри.

Люпин постучал по чайнику волшебной палочкой, и из носика внезапно повалил пар.

– Присаживайся, – сказал Люпин, снимая крышку с запыленной жестяной банки. – Боюсь, у меня только пакетики... но заварки, я полагаю, с тебя уже довольно?

Гарри взглянул на него. Глаза у Люпина хитро поблескивали.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался Гарри.

– Профессор Макгонаголл рассказала, – объяснил Люпин, передавая Гарри щербатую кружку с чаем. – Ты ведь не испугался?

– Нет, – ответил Гарри.

Он собрался было рассказать профессору Люпину о собаке в Магнолиевом проезде, но передумал. Не хотелось выставиться трусом, тем более что Люпин и так уже считает, будто Гарри не справится с вризраком.

Эти раздумья, видимо, отразились у него на лице, потому что Люпин спросил:

– Тебя что-то тревожит, Гарри?

– Нет, – соврал тот. Отпил чаю, посмотрел, как загрыбаст грозит ему кулаком. – Да, – внезапно признался он, опустив кружку на стол. – Помните тот день, когда мы боролись с вризраком?

– Да, – медленно кивнул Люпин.

– Почему вы не позволили мне вступить? – выпалил Гарри.

Люпин поднял брови.

– Я думал, это очевидно, – удивленно сказал он.

Гарри, ожидавший, что Люпин будет все отрицать, растерялся.

– Почему? – снова спросил он.

– Хм. – Люпин слегка нахмурился. – Я решил, что при виде тебя вризрак примет обличье Лорда Вольдеморта.

Гарри вытаращился. Он не ждал подобного ответа, но мало того – Люпин вслух назвал Вольдеморта по имени. Кажется, раньше на такое, кроме самого Гарри, отваживался один лишь Думбльдор.

– Очевидно, я ошибался, – продолжал Люпин, глядя на Гарри и хмурясь. – Я просто подумал, что вряд ли Лорду Вольдеморту стоит материализоваться в учительской. Я боялся, ребята запаникуют.

– Я сначала подумал о Волдеморте, – честно признался Гарри. – Но потом я... я вспомнил дементоров.

– Понятно, – задумчиво протянул Люпин. – Хм... это впечатляет. – Он едва заметно улыбнулся, заметив удивление Гарри. – Это значит, что больше всего на свете ты боишься самого страха. Очень мудро.

Гарри не знал, что ответить, поэтому отпил еще чаю.

– Стало быть, ты решил, будто я считаю, что ты неспособен справиться с вризраком? – проницательно осведомился Люпин.

– Ну... да, – признался Гарри. Ему вдруг сильно полегчало. – Профессор Люпин, вы знаете дементоров...

Его перебил стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Люпин.

Дверь открылась, и вошел Злей. Он нес слегка дымившийся кубок. При виде Гарри Злей остановился и сузил черные глаза.

– А-а, Злотеус, – улыбнулся Люпин. – Огромное спасибо. Будьте любезны, поставьте на стол.

Злей поставил дымящийся кубок, перебегая взглядом от Люпина к Гарри и обратно.

– Я показывал Гарри моего загрыбаста, – учтиво поведал Люпин, показывая на аквариум.

– Завораживает, – буркнул Злей, даже не взглянув. – Надо выпить прямо сейчас, Люпин.

– Да-да, обязательно, – заверил тот.

– Я сделал полный котел, – продолжил Злей, – на случай, если вам понадобится еще.

– Я, скорее всего, выпью еще завтра. Большое спасибо, Злотеус.

– Не стоит благодарности, – ответил Злей, но его взгляд Гарри сильно не понравился. Злей отбыл, пятясь, настороженно и без улыбки.

Гарри с любопытством посмотрел на кубок. Люпин улыбнулся.

– Профессор Злей любезно приготовил для меня одно зелье, – сказал он. – Сам я никогда не был в этом особенно силен, а тут состав вообще невероятно сложный. – Он взял кубок и понюхал. – Жалко, что с сахаром оно теряет силу, – добавил он, осторожно глотнув и сильно передернувшись.

– А зачем?.. – начал Гарри.

Люпин посмотрел на него и ответил на незаконченный вопрос:

– Последнее время мне что-то не по себе. Помогает только это снадобье. Мне очень повезло, что вместе со мной работает профессор Злей; не так-то много колдунов способны это приготовить.

Профессор Люпин отхлебнул еще, и Гарри посетило безумное желание выбить кубок у него из рук.

– Профессор Злей очень интересуется силами зла, – выпалил он.

– Правда? – равнодушно переспросил Люпин и снова глотнул.

– Некоторые считают... – Гарри замялся, но потом решительно продолжил: – Некоторые считают, что он готов на все, лишь бы стать преподавателем защиты от сил зла.

Люпин осушил кубок и скривился.

– Отвратительно, – сказал он. – Что ж, Гарри, мне нужно поработать. Увидимся на пиру.

– Ну да, – ответил Гарри, ставя на стол кружку.

Пустой кубок еще дымился.

– Это тебе, – сказал Рон. – Набрали, сколько смогли унести.

К Гарри на колени посыпался разноцветный сладкий дождь. Уже наступили сумерки, и Рон с Гермионой только что ввалились в общую гостиную, розовощекие от холодного ветра и страшно довольные.

– Спасибо, – сказал Гарри и взял пакетик с маленькими черными перечными постреляками. – И как Хогсмед? Где вы побывали?

Они побывали – везде! В магазине волшебного оборудования Дервиша и Гашиша; в «Хохмазине» у Зонко; в «Трех метлах» – пили горячий усладэль из больших кружек; и много где еще.

– А почтовое отделение, Гарри! Там сотни две сов, все сидят на полках, на каждой цветовой код – скорость доставки!

– А в «Рахатлукулле» новый сорт ирисок; они бесплатно давали попробовать, вот кусочек, смотри!..

– Кажется, мы видели *людоеда*, честно, в «Трех метлах» кого только нет!..

– Жалко, что нельзя было принести тебе усладэля, так здорово согревает...

– А ты что делал? – озабоченно спросила Гермиона. – Уроки?

– Нет, – ответил Гарри. – Пил чай с Люпином у него в кабинете. А потом пришел Злей...

И он рассказал про кубок. Рон разинул рот.

– *И Люпин выпил?* – поразился он. – Совсем рехнулся?

Гермиона поглядела на часы:

– Знаете, лучше бы нам поторопиться, пир через пять минут...

Они поскорее вылезли в дыру за портретом и влились в толпу, продолжая обсуждать Злея.

– Если он... ну, вы понимаете... – Гермиона понизила голос и испуганно оглянулась, – если он хотел отравить Люпина... он не стал бы это делать на глазах у Гарри.

– Да, наверно, – согласился тот.

Они спустились в вестибюль и прошли в Большой зал – многие сотни тыкв со свечами внутри, облака трепещущих крылышками летучих мышей и многочисленные оранжевые ленты, что блестящими водяными змеями лениво плавали под штормовым потолком.

Угощение было великолепным; даже Рон с Гермионой, до отвала наевшиеся сладостей в «Рахатлукулле», ухитрились умять по две порции всего. Гарри посматривал на учительский стол. Профессор Люпин был весел и выглядел не хуже обычного; он оживленно беседовал с крошечным профессором Флитвиком, преподавателем заклинаний. Гарри перевел взгляд дальше, на Злея. Ему мерещится или Злей чересчур часто косится на Люпина?

Пир закончился спектаклем, устроенным привидениями «Хогварца». Они дружно выплыли из стен и продемонстрировали строевое скольжение; большой успех выпал на долю Почти Безголового Ника, гриффиндорского призрака – он разыграл сцену собственного незадавшегося обезглавливания.

В такой приятный вечер даже Малфой не сумел испортить Гарри настроения, хотя и прокричал на весь зал:

– Дементоры велели кланяться, Поттер!

Гарри, Рон и Гермиона вслед за остальными гриффиндорцами отправились к себе в башню, но в коридоре, который упирался в портрет Толстой Тети, обнаружили столпотворение.

– Почему никто не проходит? – удивился Рон.

Гарри поверх голов постарался разглядеть, в чем дело. Похоже, портрет закрыт.

– Пропустите, пожалуйста, – донесся голос Перси, и вот уже он сам важно протиснулся вперед. – Почему задержка? Не могли же вы все забыть пароль?! Позвольте, я старший староста...

И тут мертвое молчание овладело собравшимися, стремительно заморозило толпу с самых ближних к портрету рядов. Стало слышно, как Перси очень звонко сказал:

– Кто-нибудь, позовите профессора Думбльдора. Скорее.

Головы повернулись; задние ряды встали на цыпочки.

– Что случилось? – только подойдя, спросила Джинни.

Секунду спустя профессор Думбльдор прибыл и устремился к портрету; гриффиндорцы прижались друг к другу, освобождая путь, а Гарри, Рон и Гермиона продвинулись вперед, чтобы посмотреть, в чем дело.

– Ой ма... – Гермиона схватила Гарри за руку.

Толстая Тетя исчезла с портрета, изрезанного так жестоко, что пол усеяли ошметки холста; большие куски были начисто оторваны.

Думбльдор глянул на изуродованную картину, сильно помрачнел, обернулся и встретился взглядом с профессорами Макгонаголл, Люпином и Злеем, подбежавшими ближе.

– Нужно ее найти, – приказал Думбльдор. – Профессор Макгонаголл, пожалуйста, немедленно отыщите мистера Филча и попросите его обыскать все картины замка – нет ли где Толстой Тети.

– Повезет вам, если ее найдете! – раздался гадкий голос.

Это выкрикнул полтергейст Дрюзг. Он барахтался в воздухе, явно наслаждаясь жизнью, как, впрочем, и всегда при виде разрушений и несчастий.

– То есть, Дрюзг? – спокойно спросил Думбльдор, и ухмылка слиняла с лица полтергейста. Он не осмеливался дразнить Думбльдора. Он заговорил еле слышно – выходило, впрочем, ничуть не лучше гаденького хихиканья.

– Ей стыдно, ваше директорство, сэр. Не хочет показываться на глаза. Видел, как она убегала по пейзажу на четвертом этаже, сэр, петляя между деревьями. Кричала ужасно, – радостно поведал Дрюзг. – Бедняжка, – неубедительно прибавил он.

– Она сказала, кто это сделал? – тихо спросил Думбльдор.

– О да, всепрофессорший, – ответил Дрюзг таким тоном, словно баюкал на руках огромную бомбу. – Понимаете, он жутко разозлился, когда она его не пропустила. – Дрюзг кувыркнулся в воздухе и ухмыльнулся профессору Думбльдору между собственных ног. – Ужасный у него нрав, у этого Сириуса Блэка.

Глава девятая

Сгубительное поражение

Профессор Думбльдор отослал гриффиндорцев обратно в Большой зал, где к ним десять минут спустя присоединились до крайности растерянные учащиеся «Хуффльпуффа», «Вранзора» и «Слизерина».

– Нам с вашими преподавателями нужно тщательно обыскать замок, – сказал профессор Думбльдор. Профессор Макгонаголл и профессор Флитвик между тем запирали все двери в зал. – Боюсь, вам для вашей же безопасности придется переночевать здесь. Старосты, встаньте, пожалуйста, на страже у дверей. За главных останутся старшие старосты. Если обнаружите что-то подозрительное, немедленно докладывайте лично мне, – велел он Перси, который надулся от важности и гордости. – С донесениями посылайте призраков. – У порога профессор Думбльдор помедлил: – Ах да, вам понадобится...

Один небрежный взмах волшебной палочки – и длинные столы отпрыгнули к стенам; еще один взмах – и пол устлали сотни мягких пурпурных спальных.

– Спокойной ночи, – пожелал профессор Думбльдор и закрыл дверь.

Зал тут же возбужденно загудел: гриффиндорцы рассказывали остальным, что случилось.

– По мешкам! – закричал Перси. – Хватит болтать! Через десять минут свет погаснет!

– Пошли, – шепнул Рон Гарри и Гермионе; они схватили мешки и оттащили их в угол.

– Как думаете, Блэк еще в замке? – озабоченно прошептала Гермиона.

– Думбльдор подозревает, что да, это же ясно, – ответил Рон.

– Удачно, что он выбрал сегодняшний день, – сказала она. Все трое уже забрались, не раздеваясь, в спальные мешки и лежали, опираясь на локти. – Как раз когда в башне никого не было...

– Наверно, он в бегах потерял счет времени, – сказал Рон. – Забыл, что сегодня Хэллоуин. А то бы ворвался прямо в зал.

Гермиона содрогнулась.

Отовсюду доносился один и тот же вопрос: *«Как он сюда пробрался?»*

– Видно, умеет аппарировать, – произнес поблизости кто-то из «Вранзора». – Ну, знаете, из воздуха появляться.

– А может, замаскировался, – протянул пятиклассник из «Хуффльпуффа».

– А может, прилетел по воздуху, – продолжил Дин Томас.

– Я не понимаю, я что, *единственная* удосужилась прочитать «Историю “Хогварца”»? – сердито спросила Гермиона у Рона с Гарри.

– Скорее всего, – пожал плечами Рон. – А что?

– А то, что замок, знаешь ли, защищен не только *стенами*, – сказала Гермиона. – Он зачарован всеми возможными чарами, чтобы тайком никто не пробрался. Сюда нельзя аппарировать. И хотела бы я увидеть маскировку, которая обдурит дементоров. А они у каждого входа-выхода. Увидели бы Блэка, если б он прилетел. А Филч знает все секретные ходы, и они тоже под охраной...

– Свет выключается! – крикнул Перси. – Ну-ка, народ, по мешкам и чтоб больше никаких разговоров!

Все свечи разом погасли. Теперь светились только серебристые привидения, что скользили по воздуху и серьезно переговаривались со старостами, да еще зачарованный потолок, усеянный звездами, как и небо сегодня. Эти звезды, шепотки отовсюду – Гарри будто ночевал под открытым небом на легком ветру.

Раз в час заходил кто-нибудь из учителей – проверить, все ли в порядке. Около трех, когда многие наконец-то заснули, пришел профессор Думбльдор. Гарри следил, как он озирается в поисках Перси. Тот бродил между мешками и выговаривал ученикам за недозволенную болтовню. Он как раз был неподалеку от Гарри, Рона и Гермионы, и те срочно притворились спящими, едва приблизились шаги Думбльдора.

– Нашли Блэка, профессор? – прошептал Перси.

– Нет. Здесь все тихо?

– Ситуация под контролем, сэр.

– Хорошо. Сейчас уже нет смысла поднимать ребят. Я нашел временного стража для гриффиндорской башни. Завтра переведете их обратно.

– А что с Толстой Тетей, сэр?

– Прячется на карте Аргайллшира на втором этаже. Судя по всему, она отказалась впустить Блэка без пароля и тогда он напал. Бедняжка ужасно перенервничала. Как только успокоится, попрошу мистера Филча ее отреставрировать.

Гарри услышал, как скрипнула дверь. Раздались еще чьи-то шаги.

– Директор? – Вошел Злей. Гарри весь превратился в слух. – Третий этаж обыскан. Его нет. Филч обшарил подzemелья, там тоже ничего подозрительного.

– А кабинет профессора Трелони? Астрономическая башня? Совяльня?

– Все обыскали...

– Очень хорошо, Злотеус. Я и не ожидал, что Блэк здесь задержится.

– У вас есть предположения, как он сюда пробрался, профессор? – спросил Злей.

Гарри чуть-чуть приподнял голову, чтобы слышать и вторым ухом.

– У меня их много, Злотеус, одно другого неправдоподобнее.

Гарри еле заметно приоткрыл глаза и осторожно взглянул на профессоров; Думбльдор стоял к нему спиной, зато Гарри видел сосредоточенно застывшее лицо Перси и сердитый профиль Злея.

– Директор, помните ли вы нашу беседу перед... хм... началом семестра? – спросил Злей почти не разжимая губ, словно пытаясь исключить Перси из разговора.

– Помню, Злотеус, – ответил Думбльдор, и в голосе его как будто засквозило предостережение.

– Мне представляется... практически невероятным... что Блэк проник в школу без чьей-то помощи изнутри. Я, помнится, ясно выразил свои опасения, когда вы назначили...

– Я не верю, что хоть одна живая душа в замке стала бы помогать Блэку, – отрезал Думбльдор так окончательно, что Злей не решился возразить. – Мне нужно переговорить с дементорами, – продолжил Думбльдор. – Я обещал известить их, когда мы завершим поиски.

– А они не хотели помочь, сэр? – поинтересовался Перси.

– Ну разумеется, – холодно ответил Думбльдор. – Боюсь, однако, дементорам не суждено переступить порог замка, пока я тут директор.

Перси немного сконфузился. Думбльдор бесшумно и быстро вышел. Злей постоял, с глубокой обидой глядя ему вслед, а затем тоже удалился.

Гарри искоса поглядел на Рона и Гермиону. Глаза у обоих были открыты, и в них отражался звездный потолок.

– О чем это они? – одними губами проговорил Рон.

Несколько дней в школе только и говорили, что о Сириусе Блэке. Теории, объяснявшие его проникновение в замок, становились все абсурднее; Ханна Аббот из «Хуффльпуфа» всю гербологию объясняла каждому, кто соглашался послушать, что Блэк, вероятнее всего, обернулся цветущим кустом.

Растерзанный холст Толстой Тети сняли и заменили портретом сэра Кэдогана и его жирного серого пони. Никто особо не обрадовался. Сэр Кэдоган без устали вызывал на дуэли кого ни попадя, а в оставшееся время изобретал несусветно сложные пароли, которые к тому же менял по два раза на дню.

– Он совершеннейший псих, – сердито пожаловался Шеймас Финниган Перси. – Нельзя нам кого-нибудь другого?

– Никто из картин не согласился на эту работу, – объяснил Перси. – Боятся повторить участь Толстой Тети. Вызвался только сэр Кэдоган – больше никому не достало мужества.

У Гарри, однако, хватало бед и помимо сэра Кэдогана. За Гарри пристально следили. Учителя под надуманными предлогами сопровождали его по коридорам, а Перси Уизли (следуя, подозревал Гарри, наставлениям матери) повсюду ходил за ним хвостом, словно величественная сторожевая собака. В довершение ко всему профессор Макгонаголл призвала Гарри к себе в кабинет с таким трагичным видом, что мальчик решил, будто кто-то умер.

– Нет смысла и дальше от вас скрывать, Поттер, – изрекла она очень серьезно. – Я понимаю, для вас это будет шоком, но Сириус Блэк...

– Я знаю, что он охотится за мной, – устало ответил Гарри. – Я случайно слышал, как папа Рона говорил его маме. Мистер Уизли работает в министерстве магии.

Эти слова ошеломили профессора Макгонаголл. Минуту-другую она молча смотрела на Гарри, а затем сказала:

– Понятно. Что ж, в таком случае, Поттер, вы поймете, почему мне кажется, что вам следует прекратить вечерние тренировки. Вечером, на поле, рядом только ваша команда – это очень рискованно, Поттер...

– Но в субботу первый матч! – возмутился Гарри. – Мне нужно тренироваться, профессор!

Профессор Макгонаголл пристально вгля-дывалась в его лицо. Гарри знал, как сильно она сама заинтересована в успехе гриффиндорской команды; изначально она и рекомендовала его в Ловчие. Он ждал, затаив дыхание.

– Хмм... – Профессор Макгонаголл встала и выглянула в окно. Квидишное поле было еле видно из-за дождя. – Что ж... одному небу известно, как я хочу, чтобы мы наконец-то выиграли кубок... но все равно, Поттер... мне как-то спокойнее, если на поле будет кто-то из учителей. Я попрошу мадам Самогони наблюдать за тренировками.

Чем ближе подходил день первого квидишного матча, тем хуже становилась погода. И все же несгибаемая гриффиндорская команда под бдительным оком мадам Самогони усердно тренировалась. На последней тренировке перед субботним матчем Оливер Дреव сообщил своим подопечным неприятные новости.

– Мы не будем играть со «Слизерином»! – в гневе сказал он. – Ко мне только что приходил Флинт. Мы играем с «Хуффльпуффом».

– Почему? – спросил дружный хор.

– Флинт утверждает, что у их Ловчего еще не в порядке рука, – сказал Древ, гневно играя желваками. – Но на самом деле все ясно. Не хотят играть в плохую погоду. Боятся, что это снизит им шансы...

Целый день дул сильный ветер и лил дождь, а при последних словах Древа вдалеке громыхнуло.

– *Ничего страшного* у Малфоя с рукой! – рассвирепел Гарри. – Он притворяется!

– Я знаю, но как докажешь? – горько отозвался Древ. – А ведь мы тренировались, думая, что будем играть со «Слизерином»; у хуффльпуффов совсем иная манера. Плюс новый капитан, он же Ловчий, Седрик Диггори...

Ангелина, Алисия и Кэти вдруг захихикали.

– Что? – повернулся к ним Древ, нахмурившись, – легкомыслия он не одобрял.

– Это такой высокий и красивый, да? – спросила Ангелина.

– Сильный и молчаливый, – добавила Кэти, и девочки снова приснули.

– Молчаливый, потому что не может связать двух слов, – нетерпеливо вмешался Фред. – Не понимаю, чего ты дергаешься, Оливер, хуффльпуффцы – слабаки! Последний раз, когда мы с ними играли, Гарри поймал Проныру в пять минут, помнишь?

– Тогда были совершенно другие условия! – воскликнул Древ, выкатывая глаза. – Диггори очень усилил команду! Он великолепный Ловчий! Я так и думал, что вам всё хиханьки! Нам нельзя расслабляться! Нужно быть в постоянном напряжении! «Слизерин» хочет нас обдурить! Мы *должны* выиграть!

– Оливер, успокойся! – От такой горячности Фред слегка перепугался. – Мы относимся к «Хуффльпуфффу» очень серьезно. *Серьезно.*

Накануне матча ветер уже завывал вовсю, а лило как из ведра. В классах и коридорах так потемнело, что пришлось зажечь дополнительные факелы и фонари. Игроки слизеринской команды ходили с нахальным видом, а Малфой изгалялся больше всех.

– Ах, если бы не моя рука! – восклицал он, когда буря колотила в окна.

У Гарри в голове не осталось места для других тревог, кроме исхода завтрашнего матча. На каждой перемене Оливер Древ подбегал к нему с новыми советами. В третий раз, когда это случилось, Древ говорил ужасно долго, и Гарри не сразу сообразил, что урок по защите от сил зла идет уже целых десять минут. Он пустился бежать, а Древ вопил вслед:

– У Диггори очень крутой разворот, Гарри, может, имеет смысл попытаться загнать его в петлю...

Гарри резко затормозил у кабинета, потянул дверь на себя и прошмыгнул внутрь.

– Извините, я опоздал, профессор Люпин, я...

Но из-за учительского стола на него поднял глаза вовсе не Люпин, а Злей.

– Урок начался десять минут назад, Поттер, поэтому, я полагаю, будет справедливо, если мы снимем с «Гриффиндора» десять баллов. Садитесь.

Но Гарри не пошевелился.

– Где профессор Люпин? – спросил он.

– Он сказал, что плохо себя чувствует и не сможет провести занятие. – Губы Злея изогнулись в ухмылке. – Мне кажется, я велел вам сесть?

Гарри не двинулся с места.

– А что с ним?

Черные глаза Злея сверкнули.

– Ничего смертельного, – ответил он так, будто желал обратного. – Еще пять баллов с «Гриффиндора», а скоро будет и все пятьдесят, если мне еще раз придется просить вас сесть.

Гарри медленно прошел к своему месту и сел. Злей оглядел класс.

– Перед тем как Поттер перебил меня, я говорил, что профессор Люпин не оставил никаких записей относительно того, какие темы вы успели пройти...

– Пожалуйста, сэр: мы прошли вризраков, красношапов, капп и загрыбастов, – затараторила Гермиона, – и должны были начать...

– Тише, – холодно перебил Злей. – Я ни о чем не спрашивал. Я лишь отмечал отсутствие организованности у профессора Люпина.

– Он лучший учитель по защите от сил зла! – храбро заявил Дин Томас, и по рядам пробежал согласный шепоток.

Злей свирепо скривился.

– Вам легко угодить. У Люпина вы явно не перенапрягаетесь. В моем понимании красношапы и загрыбасты – занятие для первоклассников. Сегодня мы с вами поговорим про...

Гарри следил, как Злей пролистывает книгу до самого конца, к главе, которую они наверняка не проходили.

– ...оборотней, – решил Злей.

– Но, сэр, – вмешалась неугомонная Гермиона, – мы еще не дошли до оборотней, мы должны были начать финтиплюхов...

– Мисс Грейнджер, – невозмутимо и зловеще сказал Злей, – до сих пор я пребывал в уверенности, что учитель здесь я, а не вы. И я хочу, чтобы вы открыли страницу триста девяносто четыре. – Он снова обвел глазами класс. – Все! *Быстро!*

Корча разнообразные оскорбленные гримасы и возмущенно бормоча, класс открыл книги.

– Кто может ответить, как отличить оборотня от настоящего волка? – спросил Злей.

Все застыли в молчании – все, кроме Гермионы, чья рука, по обыкновению, выстрелила вверх.

– Кто может ответить? – повторил Злей, игнорируя Гермиону. – Вы что хотите сказать, профессор Люпин даже не научил вас, каковы основные различия между...

– Вам же объяснили, – неожиданно выпалила Парвати, – мы еще не дошли до оборотней, мы остановились на...

– Тихо! – прикрикнул Злей. – Так-так-так, не думал я, что встречу третьеклассников, неспособных распознать оборотня. Не забыть бы уведомить профессора Думбльдора о вашем отставании...

– Пожалуйста, сэр, – не выдержала Гермиона, не опуская руки, – оборотни отличаются от настоящих волков по нескольким неприметным признакам. У оборотня нос...

– Вы второй раз заговорили без разрешения, мисс Грейнджер, – ледяным тоном произнес Злей. – Пять баллов с «Гриффиндора» за то, что вы такая выскочка и всезнайка.

Гермиона густо покраснела, опустила руку и полными слез глазами уставилась в пол. Вдруг стало ясно, до чего здесь ненавидят Злея, – его гневно сверлил взглядами весь класс, хотя каждый когда-нибудь и сам обзывал Гермиону всезнайкой, а Рон, обзывавший ее всезнайкой минимум два раза в неделю, громко сказал:

– Вы задали вопрос, а Гермиона знала ответ! Зачем спрашивать, если не хотите, чтоб вам отвечали?

Все сразу поняли, что Рон переборщил. Злей медленно наступал на него. Ребята затаили дыхание.

– Взыскание, Уизли, – маслянистым голосом проговорил Злей, очень близко надвинувшись на Рона. – И если я еще раз услышу, что вы критикуете мою манеру преподавать, вы очень, очень пожалеете.

До конца урока никто не проронил ни слова. Ребята сидели и конспектировали главу про оборотней, а Злей ходил по рядам и проверял, чем они занимались с профессором Люпином.

– Какие жалкие объяснения... А это вообще неверно, каппы гораздо чаще встречаются в Монголии... Профессор Люпин поставил

за это восемь? Из десяти? Я не поставил бы и трех...

Прозвонил колокол, но профессор Злей задержал класс.

– Напишите сочинение «Как распознать и убить оборотня». Не меньше двух свитков. Сдать к утру в понедельник. Пора навести у вас дисциплину. Уизли, останьтесь, нам нужно разобраться с вашим наказанием.

Гарри с Гермионой вышли вместе со всеми, – отойдя подальше, класс разразился гневными тирадами по поводу Злея.

– Злей, конечно, хочет эту должность, но он никогда не вел себя так с другими учителями по защите от сил зла, – сказал Гарри Гермионе. – Чего он взъелся на Люпина? Из-за вризрака? Как думаешь?

– Не знаю, – задумчиво протянула Гермиона, – но очень надеюсь, что профессор Люпин скоро поправится...

Рон догнал их пять минут спустя – от гнева его все сильнее трясло.

– Вы представляете, этот... – тут Рон назвал Злея словом, от которого Гермиона воскликнула: «Рон!» – ...назначил мне утки в лазарете мыть! *Без магии!* – Рон глубоко дышал и сжимал кулаки. – И почему Блэк не спрятался в кабинете у Злея? Мог бы прикончить его за нас!

Наутро Гарри проснулся очень рано – так рано, что было еще темно. Сначала он подумал, что его разбудили завывания бури. Потом затылок обдало холодным ветром, и Гарри рывком сел в постели – рядом в воздухе плавал полтергейст Дрюзг и с силой дул ему в ухо.

– Вот зачем так делать? – возмущенно спросил Гарри.

Дрюзг округлил щеки, громко выпустил воздух и задом улетел из комнаты, гнусно хихикая.

Гарри нашарил будильник и взглянул на циферблат. Полпятого. Проклинаая Дрюзга, он повернулся на другой бок и попробовал вновь заснуть, но теперь уже было трудно не обращать внимания на оглушительные раскаты грома, на грохот ветра о стены замка, на далекий скрип деревьев в Запретном лесу. Через несколько часов ему предстоит сражаться с противником на квидишном поле посреди этого кошмара. Отчаявшись уснуть, мальчик встал, оделся, взял «Нимбус-2000» и тихонько вышел из спальни.

Когда Гарри открыл дверь, мимо проскользнуло что-то мохнатое. Он нагнулся, едва успел схватиться за пушистый хвост и вытащил Косолапсуса из спальни.

– Знаешь, мне кажется, Рон был прав, – с подозрением обратился Гарри к коту. – В замке полно мышей, иди-ка поохотись за ними. Давай, давай, – он ногой подтолкнул кота вниз по винтовой лестнице. – Оставь Струпику в покое.

В общей гостиной грохотало сильнее. Гарри понимал, что игру не отменят; из-за ерундовой грозы – никогда. И все-таки он сильно тревожился. Древ как-то показал ему в коридоре Седрика Диггори; тот учился в пятом классе и был гораздо крупнее Гарри. Обычно Ловчими назначали легких и быстрых игроков, но в такую погоду вес, несомненно, даст Диггори ощутимое преимущество – меньше вероятность, что его сдует с курса.

До рассвета Гарри просидел в кресле у камина, периодически вставая и отгаскивая Косолапсуса от лестницы в спальню мальчиков. После томительного ожидания он наконец решил, что уже должны были подать завтрак, и одиноко направился к дыре за портретом.

– Остановись и прими бой, шелудивая деревенщина! – заорал сэр Кэдоган.

– Да заткнись ты, – зевнул Гарри.

Над большой тарелкой овсянки он немного оживился, а когда приступил к гренкам, подтянулись и остальные игроки.

– Тяжеленько нам придется, – сказал Древ. Он ничего не ел.

– Да не волнуйся, Оливер, – утешила его Алисия, – подумаешь, какой-то дождик.

Но, к сожалению, то был не просто «какой-то дождик». Конечно, из-за популярности квидиша смотреть матч собралась вся школа, но от замка к полю школьники бежали, пригнув головы под ураганным ветром и вцепившись в зонтики, то и дело улетающие из рук. Входя в раздевалку, Гарри увидел, что Малфой, Краббе и Гойл смеются и показывают на него пальцами. Сами они шли на стадион под широченным зонтом.

Гриффиндорская команда переделалась в малиновую форму и ждала, когда Древ толкнет ободряющую речь, но так и не дождалась. Древ несколько раз пробовал заговорить, но лишь чудно булькал, потом безнадежно тряхнул головой и поманил за собой игроков.

Ветер был так силен, что по дороге к стадиону ребят сносило. Если с трибун и долетали приветственные крики, их заглушали громовые

раскаты. Дождь залеплял очки. И как, спрашивается, Гарри разглядеть Проныру?

К ним через поле приближались хуффльпуффцы в канареечных мантиях. Капитаны сошлись и обменялись рукопожатиями; Диггори улыбнулся Древу, но у того, похоже, свело челюсти – он едва кивнул. Гарри увидел, как на губах мадам Самогони складываются слова: «По метлам». Он вытянул правую ногу из разлезшейся глины – чавк! – и перебросил через древко. Мадам Самогони поднесла свисток к губам и с силой дунула. Свисток прозвучал пронзительно и как будто издалека. Игроки взлетели.

Гарри быстро набирал высоту, но «Нимбус-2000» на ветру слегка заносило. Стараясь держать метлу ровно, он развернулся и сощурился, всматриваясь в пелену дождя.

За каких-нибудь пять минут Гарри вымок до нитки, заоченел и не то что Проныру – игроков своей команды не различал. Он летал взад и вперед вдоль поля среди размытых малиновых и желтых пятен и слабо себе представлял, как идет игра. Комментатора не было слышно за шумом бури. Публика пряталась под плащами и истрепанными зонтиками. Вода так залепила очки, что Гарри не видел Нападад, и они дважды чуть было не скинули его с метлы.

Он потерял счет времени. С каждой минутой становилось все труднее держать метлу ровно. Небо темнело, будто день сегодня решил смениться ночью досрочно. Два раза Гарри чудом избежал столкновения с другими игроками, даже не поняв, свои это или чужие, – все так промокли, а дождь висел настолько густой пеленой, что невозможно было отличить одних от других...

С первой вспышкой молнии раздался свисток мадам Самогони. Гарри с трудом разглядел, что Древу ему машет – мол, спускайся. Все игроки команды поплюхались в грязь.

– Я попросил тайм-аут! – проревел Древ. – Давайте-ка сюда...

Ребята сгруппировались под большим зонтом на краю поля; Гарри снял очки и торопливо вытер их полый мантии.

– Какой счет?

– Мы ведем, впереди на пятьдесят очков, – сказал Древ, – но если вскорости не поймает Проныру, придется играть в темноте.

– Так у меня нет шансов, – измученно пожаловался Гарри, помахав очками.

В это самое мгновение появилась Гермиона; она держала плащ над головой и непонятно почему сияла.

– У меня идея! Дай скорей очки!

Он протянул ей очки. На глазах у недоумевавшей команды Гермиона постучала по ним палочкой и сказала:

– Импервиус! На! – Она протянула очки обратно. – Теперь они водоотталкивающие!

Древ готов был ее расцеловать.

– Гениально! – хрипло воскликнул он, когда Гермиона уже растворилась в толпе. – Все, ребята, навалимся!

Заклятие Гермионы сработало. Конечно, Гарри окоченел от холода и промок до костей, зато хотя бы обрел зрение. Вновь полный решимости, он погнал метлу сквозь турбулентные завихрения, озираясь в поисках Проныры, увертываясь от Напада, поднырнул под Диггори, который скользил навстречу...

Еще раз гроыхнуло, и сразу сверкнула раздвоенная молния. Находиться на поле становилось все опаснее. Нужно засечь Проныру как можно скорее...

Гарри развернулся, собравшись лететь обратно, к центру поля, но в этот миг очередная вспышка осветила трибуны, и то, что он увидел, совершенно отвлекло его от игры, – четко отпечатавшись на фоне неба, на самом верхнем, пустом ряду трибун застыл силуэт громадного, косматого черного пса.

Онемевшие руки соскользнули с древка метлы, и «Нимбус» резко нырнул на несколько футов. Смахнув мокрую челку со лба, Гарри опять всмотрелся в трибуны. Пес исчез.

– Гарри! – страдальчески завопил Древ от колец «Гриффиндора». – Гарри, сзади!

Гарри дико оглянулся. Седрик рванул к центру поля. В дожде между Ловчими замерцала крошечная золотая точка...

Во внезапной панике Гарри пригнулся к древку и бросился за Пронырой.

– Давай! – орал он «Нимбусу». Струи хлестали по лицу. – *Быстреей!*

Но случилось что-то странное. Звонящая тишина повисла над стадионом. Ветер, хоть и не ослабел, позабыл, как выть. Словно кто-то выключил звук или Гарри внезапно оглох... В чем дело?

Вдруг до жути знакомая ледяная волна окатила его, пролилась внутрь – под ним на поле двигалось нечто...

Не успев как следует подумать, Гарри отвел взгляд от Проныры.

Снизу из-под капюшонов глядели лица дементоров, не меньше сотни. Замораживая внутренности, в груди поднималась ледяная вода. И тогда Гарри снова услышал... кто-то кричал, кричал у него в голове... женщина...

– *Только не Гарри, только не Гарри, пожалуйста, только не Гарри!*

– *Отойди, глупая девчонка... отойди сейчас же...*

– *Только не Гарри, пожалуйста, возьми меня, убей лучше меня...*

Клубящийся белый туман опутал мысли... Что он тут делает? Зачем летает? Ей надо помочь... иначе она умрет... ее убьют...

Он падал, падал в ледяной туман.

– *Только не Гарри! Пожалуйста... сжался... пощади...*

Пронзительный голос хохотал, женщина кричала, а больше Гарри ничего не запомнил.

– Хорошо, что земля такая мягкая.

– Я думал, он точно разобьется.

– А у него даже очки целые.

Гарри слышал тихие голоса, но слова лишились смысла. Он не понимал, где находится, как сюда попал, чем занимался до этого. Он понимал только, что все тело разрывается от боли, словно его долго били.

– Это было так страшно, страшнее всего на свете.

Страшно... страшнее всего... черные фигуры в капюшонах... холод... крик...

Глаза у него распахнулись. Он лежал на больничной койке. Вокруг собралась квидишная команда «Гриффиндора», все с головы до ног в грязи. Вот и Рон с Гермионой здесь – такие, словно только выбрались из бассейна.

– Гарри! – воскликнул Фред. Под слоем грязи он был мертвенно-бледен. – Ты как?

Память Гарри будто промотали на большой скорости. Молния – Сгубит – Проныра – дементоры...

– Что произошло? – спросил он, сев в постели так внезапно, что все охнули.

– Ты упал, – ответил Фред. – Футов этак с... пятидесяти.

– Мы боялись, ты умер, – сказала Алисия. Ее трясло.

Гермиона тихонько взвизгнула. У нее были совершенно красные глаза.

– А матч? – продолжал расспрашивать Гарри. – Что?.. Будем переигрывать?

Никто не ответил. Ужасная правда опустилась на него могильной плитой.

– Мы же не... проиграли?

– Проныру поймал Диггори, – сказал Джордж. – Сразу, как ты упал. Седрик даже не понял, что случилось. Потом оглянулся, увидел, что ты лежишь на земле, и попытался отозвать результаты. Хотел переигрывать. Но выигрыш честный... даже Днев признал.

– А где Днев? – спросил Гарри, вдруг заметив, что капитана нет.

– В душе, – ответил Фред. – Наверно, хочет утопиться.

Гарри уткнулся лицом в колени и вцепился руками в волосы. Фред схватил его за плечо и потряс:

– Перестань, Гарри, ты же еще ни разу не упустил Проныру.

– Хотя бы раз должно было не получиться, – сказал Джордж.

– Еще не все потеряно, – добавил Фред. – Мы проиграли сто очков, так? Значит, если «Хуффльпуфф» проиграет «Вранзору», а мы побьем «Вранзор» и «Слизерин»...

– Тогда «Хуффльпуфф» должен отстать на двести очков минимум, – подхватил Джордж.

– Но если они выиграют у «Вранзора»...

– Никогда, «Вранзор» слишком хорошая команда. Вот если «Слизерин» проиграет «Хуффльпуффу»...

– Все зависит от того, сколько очков, – так и так разница в сто...

Гарри лежал, не произнося ни слова. Они проиграли... он впервые проиграл квидишный матч.

Минут через десять вошла мадам Помфри и велела оставить его в покое.

– Мы заглянем попозже, – пообещал Фред. – Не грызи себя, Гарри, ты все равно гениальный Ловчий, лучше у нас не было.

Команда гуськом вышла из палаты, оставив за собой след жидкой грязи. Мадам Помфри с гримасой крайнего неодобрения закрыла за ними дверь. Рон и Гермиона придвинулись ближе к постели.

– Думбльдор вне себя, – сказала Гермиона зареванным голосом. – Я его таким еще не видела. Когда ты стал падать, он выбежал на поле, взмахнул палочкой и замедлил падение. Ты упал, а он наставил палочку на дементоров. Выстрелил в них какой-то серебряной штукой. Они сразу слиняли... Он был в ярости, что они вошли на территорию. Мы слышали, как он...

– Потом он наколдовал тебе носилки, – вмешался Рон, – и пошел к замку, а носилки плыли рядом. Все думали, ты...

Его голос оборвался, но Гарри почти не заметил. Он думал о том, что с ним сделали дементоры... вспоминал женский крик. Он поднял глаза. Друзья смотрели встревоженно – пришлось срочно придумывать, что бы им сказать, простое, обыденное.

– Кто-нибудь подобрал мой «Нимбус»?

Рон с Гермионой быстро переглянулись.

– Э-э-э...

– Что? – Гарри переводил взгляд с одного на другую.

– Ну... когда ты упал, «Нимбус» сдуло, – нерешительно начала Гермиона.

– И?

– И он попал... он попал... ой, Гарри!.. Он попал в Дракучую иву.

У Гарри внутри все оборвалось. Дракучая ива, что росла посреди двора, была очень свирепым деревом.

– И? – Он боялся услышать ответ.

– Ты же знаешь Дракучую иву, – сказал Рон. – Она не любит, когда по ней попадают.

– Профессор Флитвик принес обломки как раз перед тем, как ты пришел в себя, – очень тихо проговорила Гермиона.

Она медленно подняла с пола мешочек и перевернула его над койкой. На одеяло высыпалось с дюжину щепок и хворостинок – все, что осталось от верной, теперь уже навеки побежденной метлы.

Глава десятая

Карта Каверзника

Мадам Помфри настояла на том, чтобы Гарри остался в лазарете до конца выходных. Он не спорил и не жаловался, но не разрешил ей выбросить останки «Нимбуса-2000». Он понимал, что это глупо, знал, что метлу починить не удастся, но ничего не мог с собой поделать; он словно потерял близкого друга.

К нему потоком шли посетители. Все старались его развеселить. Огрид прислал букет цветов, похожих то ли на ухверток, то ли на желтые кочанчики капусты; Джинни Уизли, отчаянно краснея, вручила самодельную открытку с пожеланием выздоровления, и та распевала что-то пронзительное, пока Гарри не засунул ее под вазу с фруктами. В воскресенье утром снова явилась гриффиндорская команда, на сей раз вместе с капитаном, и Древ заверил Гарри (глухим, безжизненным голосом), что не винит его «ни вот столечко». Рон с Гермионой покидали свой пост у его постели только на ночь. Но, что бы они ни делали и ни говорили, порадовать больного не могли – им ведь была известна лишь половина его тревог.

Никому, даже Рону с Гермионой, он не рассказал о Сгубите: он знал, что Рон запаникует, а Гермиона посмеется. Однако Сгубит являлся ему уже дважды, и всякий раз за этим следовали происшествия с почти смертельным исходом: в первый раз его чуть не переехал «ГрандУлет», во второй он упал с пятидесяти футов. Сгубит что, будет ходить по пятам, пока Гарри и в самом деле не умрет? И Гарри весь остаток жизни предстоит оглядываться через плечо?

А самое ужасное – дементоры. При одной мысли о них накатывала тошнота и унижительное бессилие. Все говорили, что дементоры чудовищны, но никто, кроме Гарри, не падал от них в обморок... ни у кого в голове не звучало эхо криков погибающей матери.

Кому принадлежал голос, у Гарри не было сомнений. Крик этой женщины возвращался к нему снова и снова, пока он лежал по ночам без сна, разглядывая полосы лунного света на потолке. Когда

дементоры приблизились, перед Гарри пронеслись последние мгновения жизни его матери: она пыталась спасти сына, а Лорд Вольдеморт хохотал и вскоре убил ее... Гарри беспокойно задремывал – скользкие гниющие руки, жалобные мольбы, – вздрагивал, просыпался и вновь вспоминал мамин голос.

Он вздохнул с облегчением, в понедельник вернувшись к шумной суете школьной жизни – это отвлекало, хоть и приходилось сносить издевательства Драко Малфоя. Тот был вне себя от счастья по случаю поражения «Гриффиндора». Он наконец-то снял повязки и праздновал возможность пользоваться обеими руками, вдохновенно изображая, как Гарри падает с метлы. На первом же занятии у Злея Малфой пол-урока расхаживал по подземелью, представляя дементора. Рон в конце концов не выдержал и швырнул в Малфоя большим и скользким крокодильим сердцем – он попал Малфою в лицо, и Злей вычел у «Гриффиндора» пятьдесят баллов.

– Если на защите от сил зла снова будет Злей, я прогуляю, – заявил Рон после обеда на подходе к кабинету Люпина. – Посмотри, кто там, Гермiona.

Гермиона заглянула в кабинет.

– Порядок!

Профессор Люпин вернулся к работе. Похоже, он действительно тяжело болел. Поношенная мантия болталась как на вешалке, под глазами залегли глубокие тени; однако он ласково улыбнулся ребятам, когда те расселись по местам. И тут же на него потоком обрушились жалобы.

– Это нечестно, профессор Злей только заменял, почему он нам задал на дом?

– Мы ничего не знаем про оборотней...

– ...два свитка!

– А вы объяснили профессору Злею, что мы их еще не проходили? – чуть-чуть нахмурившись, спросил Люпин.

Снова поднялся галдеж.

– Да, но он сказал, что мы очень отстаем...

– ...он не слушал...

– ...целых два свитка!

Профессор Люпин улыбнулся столь дружному возмущению:

– Не переживайте. Я поговорю с профессором Злеем. Сочинение можете не писать.

– Ой, – расстроилась Гермиона, – а я уже написала!

Урок был очень интересный. Профессор Люпин принес в класс аквариум с финтиплюхом, маленьким и одноногим. Он как будто весь был из дыма, довольно хрупкий и безобидный.

– Заманивает путников в трясину, – рассказывал Люпин, а ребята записывали, – видите, у него на руке фонарик? Он прыгает впереди – люди идут следом, а потом...

Финтиплюх очень красноречиво приклепнул ладошкой стекло.

Когда прозвонил колокол, все собрали вещи и направились к двери, и Гарри тоже, но...

– Подожди минутку, Гарри, – позвал Люпин, – мне нужно с тобой поговорить.

Гарри вернулся и посмотрел, как профессор Люпин накрывает тряпкой аквариум с финтиплюхом.

– Мне рассказали о матче, – профессор Люпин вернулся к столу и начал складывать книжки в портфель, – мне очень жаль, что твоя метла... Есть надежда починить?

– Нет, – ответил Гарри, – дерево ее разнесло в щепки.

Люпин вздохнул.

– Дракучую иву посадили в тот год, когда я поступил в «Хогварц». Мы тогда играли в такую игру – кто сумеет подобраться и потрогать ствол. Кончилось тем, что один мальчик, Дэйви Просстак, чуть глаза не лишился, и нам запретили приближаться к дереву. Никакая метла, конечно, не выдержала бы столкновения.

– А про дементоров вы слышали? – через силу спросил Гарри.

Люпин глянул на него и отвел глаза.

– Да, слышал. По-моему, никто еще не видел профессора Думбльдора в таком гневе. Дементоры в последнее время стали беспокойны... сердились, что их не пускают на школьный двор... Ты, видимо, упал из-за них?

– Да, – признался Гарри. Мгновение он колебался, но вопрос, который очень хотелось задать, выскочил раньше, чем Гарри успел прикусить язык. – *Почему?* Почему они на меня так действуют? Я что, просто?..

– Слабость тут ни при чем, – резко ответил профессор Люпин, как будто прочитав его мысли. – Дементоры действуют на тебя сильнее, потому что ты пережил ужасы, каких не выпадало остальным.

Луч зимнего солнца проник в класс, высветив седину Люпина и морщины на его молодом лице.

– Дементоры – одни из самых отвратительных созданий на земле. Они населяют самые темные, самые омерзительные закуты, они процветают там, где царит упадок и отчаяние, они отовсюду высасывают мир, надежду, счастье. Даже муглы их чувствуют, хотя и не видят. Подойди к дементору слишком близко – и очень скоро в тебе не останется ничего светлого, ничего доброго, никаких радостных воспоминаний, ничего. Если ему удастся, дементор будет питаться твоими эмоциями, пока ты сам не станешь таким же... бездушным и злобным. С тобой останется лишь худшее. А от худших событий *твоей* жизни, Гарри, кто угодно упадет с метлы. Тебе абсолютно нечего стыдиться.

– Когда они приближаются, – Гарри уставился в стол, и его горло сжалось, – я слышу, как Вольдеморт убивает мою маму.

Люпин потянулся к Гарри, будто хотел взять за плечо, но передумал. Помолчав, Гарри сказал горько:

– Что они забыли на матче?

– Проголодались, – хладнокровно объяснил Люпин и щелкнул застежкой портфеля. – Думбльдор не пускал их в школу, запас человеческих жертв постепенно истощился... Видимо, они просто не удержались от искушения – на стадионе-то собралась толпа. Столько эмоций, столько возбуждения... пир для дементоров.

– В Азкабанах, наверное, невыносимо, – пробормотал Гарри.

Люпин мрачно кивнул:

– Крепость на крошечном островке посреди моря, но, чтобы удержать преступников, не нужны ни стены, ни вода – все они и так заперты у себя в головах, и ни одной радостной мысли у них нет. Большинство сходит с ума в первые же недели.

– Но ведь Сириус Блэк от них сбежал, – медленно заметил Гарри. – Он ведь как-то спасся...

Портфель соскользнул со стола. Люпин быстро за ним нагнулся.

– Да, – сказал он, выпрямляясь, – Блэк, судя по всему, нашел способ им противостоять. Не думал я, что такое возможно...

Считается, что дементоры лишают колдуна силы, если пробывать с ними чересчур долго...

– Но *вы* же отбились от дементора в поезде, – вдруг вспомнил Гарри.

– Можно воздвигнуть некоторую... защиту, – ответил Люпин, – но там был всего один дементор. Чем их больше, тем труднее им противостоять.

– Какую защиту? – тут же заинтересовался Гарри. – Вы меня научите?

– Не стану притворяться экспертом по борьбе с дементорами, Гарри... совсем напротив...

– Но если дементоры снова придут на квидишный матч, надо же мне уметь с ними бороться...

Люпин поглядел в его решительное лицо, поразмыслил, а затем сказал:

– Что ж... ладно. Попробую тебе помочь. Но, боюсь, с этим придется подождать до следующего семестра. Перед каникулами у меня полно дел. Некстати я заболел.

Люпин обещал научить защищаться от дементоров; Гарри, возможно, больше и не придется слышать, как умирает мать; кроме того, «Вранзор» в конце ноября вчистую разгромил «Хуффльпуфф»; короче говоря, Гарри повеселел. «Гриффиндор» не потерял шансов в борьбе за кубок, хотя больше и не мог себе позволить ни единого поражения. Древ вновь преисполнился маниакальной энергии и заставлял команду тренироваться изо всех сил, невзирая на ледяной дождь, поливавший и в декабре. В школьном дворе дементоры не появлялись. Гнев Думбльдора надежно удерживал их за воротами.

За две недели до конца семестра небо вдруг просветлело до ослепительной опаловой белизны, а раскисшая грязь одним прекрасным утром подернулась сверкающим инеем. В замке запахло Рождеством. Профессор Флитвик, учитель по заклинаниям, уже украсил свой класс мерцающими огоньками, которые оказались настоящими, трепещущими добрыми феями. Школьники с воодушевлением обсуждали планы на каникулы. И Рон, и Гермиона решили остаться в «Хогварце». Рон утверждал, что не в силах вынести две недели в обществе Перси, Гермиона твердила, что ей никак нельзя

без библиотеки, но им не удалось провести Гарри: друзья просто хотели составить ему компанию, за что он был им очень благодарен.

Ко всеобщему (кроме Гарри) восторгу, на последние выходные семестра назначили поход в Хогсмед.

– Купим там подарки к Рождеству! – обрадовалась Гермиона. – Маме с папой обязательно понравятся эти мятные зубные ниткерсы из «Рахатлукулла»!

Смирившись с мыслью, что он будет единственным третьеклассником, который не пойдет в Хогсмед, Гарри одолжил у Древа каталог «Ваша новая метла» и решил весь день изучать модели. На тренировках он пользовался школьной метлой, древней-преддревней «Падающей звездой», но она летала медленно и при этом ужасно дрыгалась; явно нужно покупать свою.

В субботу утром, когда все отправились в Хогсмед, Гарри попрощался с Роном и Гермионой, укутанными в шарфы и плащи, в одиночестве поднялся по мраморной лестнице и направился к гриффиндорской башне. За окнами валил снег, в замке было очень-очень тихо.

– Пссст! Гарри!

Он обернулся. Посреди коридора третьего этажа, из-за статуи горбатой одноглазой ведьмы, выглядывали физиономии Фреда и Джорджа.

– Вы что тут делаете? – удивился Гарри. – Почему не в Хогсмеде?

– Мы сначала хотели преподнести тебе подарочек к празднику. – Фред загадочно подмигнул. – Зайди-ка...

Он кивнул на дверь в пустой класс слева от одноглазой статуи. Гарри вслед за близнецами зашел внутрь. Джордж аккуратно прикрыл дверь, обернулся и просиял.

– Заранее поздравляем с Рождеством, Гарри! Это тебе! – объявил он.

Фред торжественно извлек из-под мантии и положил на парту большой, квадратный, очень потрепанный лист пергамента, на котором не было ни буквы. Гарри заподозрил, что близнецы, как обычно, шутки шутят.

– Ну и что это такое?

– Это, Гарри, секрет нашего успеха. – Джордж любовно похлопал по пергаменту.

– Конечно, сердце разрывается – отдавать тебе такую драгоценность, – сказал Фред, – но мы вечером подумали и решили, что тебе нужнее.

– В любом случае мы давно все выучили наизусть, – продолжил Джордж, – и теперь завещаем тебе. Нам вообще-то уже не нужно.

– А зачем кусок пожелтевшего пергамента мне? – спросил Гарри.

– Кусок пожелтевшего пергамента! – воскликнул Фред, закрывая глаза и кривясь, будто Гарри нанес ему смертельное оскорбление. – Объясни ему, Джордж.

– Ну... когда мы были в первом классе, Гарри, – молодые, беззаботные, наивные...

Гарри фыркнул. Какими-какими, а наивными Фред с Джорджем не были никогда.

– Ну, наивнее, чем сейчас... мы как-то влипли в историю с Филчем...

– Взорвали в коридоре навозную бомбу, а он почему-то так распереживался...

– ...что загнал нас в свой кабинет и давай, как всегда, угрожать...

– ...взысканием...

– ...расчленением...

– ...а мы... не могли не заметить, что в одном шкафу приоткрыт ящик... с наклейкой «Конфискованное. Крайне опасное».

– Только не говорите... – Губы Гарри расползались в улыбке.

– Ну а ты бы как поступил? – спросил Фред. – Джордж его отвлек – кинул еще одну бомбу, – а я выдвинул ящик и схватил.

– Вообще-то не преступление, – пояснил Джордж. – Мы думаем, Филч даже не понял, как с ней обращаться. Но, наверно, подозревал, что дело нечисто, иначе не стал бы конфисковывать.

– А вы знаете, как с ней обращаться?

– О да! – Фред довольно хмыкнул. – Эта малышка учила нас лучше всех учителей, вместе взятых.

– Вы мне голову морочите, – сказал Гарри, недоверчиво глядя на потрепанный пергамент.

– Думаешь? – спросил Джордж.

Он вытащил волшебную палочку, легонько коснулся пергамента и произнес:

– *Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего.*

И в тот же миг от палочки по пергаменту побежали тонкие чернильные линии. Они переплетались, пересекались, заползали в каждый уголок; затем вверху расцвели большие витые зеленые буквы, сложившиеся в слова:

*Господа Лунат, Червехвост,
Мягколап и Рогалис,
основатели Общества вспомоществования
колдунам-смутьянам,
с гордостью представляют
Карту Каверзника*

Карта Каверзника оказалась подробнейшим планом замка и прилегающей территории. Но что замечательнее всего, по ней двигались крохотные чернильные точки, и каждая была помечена микроскопической надписью. Потрясенный Гарри склонился над картой. Меченая точка в левом верхнем углу показывала, что профессор Думбльдор меряет шагами свой кабинет; кошка смотрителя, миссис Норрис, крадется по второму этажу; полтергейст Дрюэг болтается в трофейной. Гарри рассматривал знакомые коридоры, и его глазам открылось кое-что интересное.

На карте обнаружились переходы, где он никогда не бывал. И многие, кажется, вели...

— Прямоком в Хогсмед, — подтвердил Фред, проводя пальцем по одному такому пути. — Всего семь. Значит, так. Филч знает про эти четыре, — он показал на карте, — но мы совершенно уверены, что только нам известно про *вот эти*. Сюда, за зеркало на четвертом этаже, не ходи. До прошлой зимы проход был, но теперь обвалился. Полностью перекрыт. И вряд ли кто пользовался вот этим, потому что у входа растет Дракучая ива. А вот этот, вот здесь, ведет прямо в погреб «Рахатлукулла». Здесь-то мы сто раз шляли. И, как ты, может быть, заметил, вход как раз напротив этого класса, у бабули в горбе.

— Лунат, Червехвост, Мягколап и Рогалис, — вздохнул Джордж, погладив заголовок карты. — Мы им так обязаны.

— Благородные мужи, немало потрудившиеся, чтобы помочь подрастающему поколению нарушителей закона, — патетически

произнес Фред.

– Да, еще, – сказал Джордж. – Не забывай после использования стирать изображение...

– А то кто угодно увидит, – предупредил Фред.

– Стукни по ней еще раз и скажи: «Проделка удалась!» Изображение исчезнет.

– А теперь, юный Гарри, – Фред неподражаемо передразнил Перси, – ступай и помни, что следует всегда вести себя хорошо.

– Увидимся в «Рахатлукулле», – подмигнул Джордж.

И близнецы, довольно ухмыляясь, вышли из класса.

Гарри не сводил глаз с чудесной карты. Он следил за крошечной чернильной миссис Норрис – она повернула налево и задержалась понюхать что-то на полу. Если Филч и впрямь не знает... Гарри вовсе не нужно будет проходить мимо дементоров...

И однако, несмотря на восторг, в мозгу вдруг всплыли слова, однажды сказанные мистером Уизли:

«Не доверяй тому, что способно мыслить, если не понимаешь, где у него мозги».

Мистер Уизли предостерегал как раз против таких опасных магических предметов... Вспомоществование колдунам-смутьянам... но Гарри ведь просто хочет попасть в Хогсмед – он не планирует красть, не собирается ни на кого нападать... да и Фред с Джорджем пользовались картой много лет, и ничего страшного не произошло...

Гарри пальцем проследил маршрут до «Рахатлукулла».

И затем вдруг, словно по приказу, скатал пергамент, засунул под мантию и бросился к двери. Приоткрыл ее на пару дюймов. Снаружи никого. Гарри очень осторожно выскользнул из класса и прошмыгнул за статую одноглазой ведьмы.

Что дальше? Он снова достал карту и, к своему изумлению, увидел, что на ней появилась новая чернильная фигурка, помеченная «Гарри Поттер». Она стояла точно там, где и настоящий Гарри, среди коридора на третьем этаже. Гарри вгляделся. Его маленькое чернильное «я» постучало по статуе микроскопической волшебной палочкой. Гарри послушно достал палочку и постучал по статуе. Ничего не произошло. Он снова посмотрел на карту. Из рта чернильного Гарри Поттера вылетел крошечный пузырек. Внутри появилось слово: «Диссендиум».

– Диссендиум! – прошептал Гарри, вновь постучав по ведьме.

Горб статуи открылся – в дыру мог проскользнуть только очень худой человек. Гарри быстро огляделся, спрятал карту под одежду, сунул в проход голову, а затем пролез целиком.

Он съехал довольно глубоко вниз по скользкому каменному желобу и приземлился на холодную сырую землю. Встал, осмотрелся. Кругом тьма – хоть глаз выколи. Гарри взял палпотрудивочку, шепнул: «Люмос!» – и увидел, что находится в очень узком и низком земляном тоннеле. Он постучал по карте кончиком палочки и шепнул: «Проделка удалась!» Изображение исчезло. Гарри аккуратно скатал пергамент и спрятал под мантию; сердце бешено колотилось. В восторге и страхе он тронулся в путь.

Тоннель изгибался, изворачивался и более всего смахивал на нору гигантского кролика. Гарри торопливо шагал, спотыкаясь на неровном полу и выставив палочку перед собой.

Это длилось вечность, но Гарри утешала мысль о «Рахатлукулле». Прошел как будто час, и тоннель начал подниматься. Задыхаясь, Гарри поднажал. Лицо горело, ноги были ледяными.

Через десять минут он оказался у подножия источенной каменной лестницы, уходившей куда-то ввысь. Стараясь не шуметь, Гарри стал подниматься, глядя под ноги. Сто ступенек, двести ступенек, он уже потерял счет, лестница не кончалась... и вдруг он треснулся макушкой обо что-то твердое.

Судя по всему, крышка люка. Гарри остановился, потирая голову и прислушиваясь. Сверху ни звука не доносилось. Очень осторожно он толкнул крышку и выглянул в щель.

Перед ним был погреб – сплошь деревянные ящики и корзины. Гарри выбрался и опустил крышку на место – она идеально сливалась с пыльным полом, и не разглядишь, где она вообще. Гарри медленно прокрался к деревянной лестнице. Теперь он слышал наверху голоса, не говоря уж о колокольчике и хлопках двери.

Недоумевая, что же делать дальше, Гарри услышал, как дверь открылась где-то рядом; кто-то собирался вниз.

– Принеси еще коробку железных улиток, дорогой, там уже все смели... – сказал женский голос.

По лестнице спускались чьи-то ноги. Гарри шмыгнул за огромную корзину и затаился. Услышал, как у дальней стены переставляют

ящики. Может быть, другого шанса не представится...

Быстро и бесшумно Гарри выскользнул из укрытия и взлетел по лестнице; оглянувшись, он увидел между ящиков необъятную спину и сияющую лысину. Он добрался до двери на вершине лестницы, проскользнул туда и очутился за прилавком «Рахатлукулла». Пригнулся, прокрался вбок и лишь тогда выпрямился.

В кондитерской было столько школьников из «Хогварца», что никто не обратил на Гарри внимания. Он смешался с толпой, огляделся и с трудом сдержал смех, вообразив, какое выражение разлилось бы по свиной физиономии Дудли, если бы он увидел, где Гарри сейчас находится.

Бесконечные полки были заставлены самыми аппетитными лакомствами, какие только можно себе представить. Сливочные плитки нуги, сверкающие розовые кубики кокосового льда, толстые, медового цвета ириски; сотни уложенных ровными рядами шоколадок; большая бочка всевкусных орешков и еще одна — с шипучими шмельками; летательные шербетовые пузыри, о которых рассказывал Рон; вдоль другой стены — сладости со спецэффектами: надувачка Друблуса (наполнявшая комнату голубыми пузырями, которые по многу дней не лопались), странные щепочки мятных зубных ниткерсов, крохотные черные перечные постреляки («Порази друзей огнем!»), мышки-льдышки («Ваши зубки зазудят, застучат и заскрипят!»), мятные кремовые шарики в форме жаб («естественно скачут в животе!»), хрупкие сахарные перья и взрывофетки.

Гарри протиснулся между какими-то шестиклассниками и увидел вывеску в самом дальнем углу: «Странные вкусы». Под ней у подноса леденцов со вкусом крови стояли Рон с Гермионой. Гарри подкрался к ним.

— Брр, нет, Гарри это не понравится, это, наверно, для вампиров, — говорила Гермиона.

— А это? — Рон сунул ей под нос банку с тараканьими гроздьями.

— Вот уж точно нет, — сказал Гарри.

Рон чуть не выронил банку.

— *Гарри!* — взвизгнула Гермиона. — Ты как здесь оказался? Как... откуда...

— Ух ты! — с чувством воскликнул Рон. — Ты научился аппарировать!

– Нет, конечно, – ответил Гарри. Понизив голос, чтобы шестиклассники не слышали, он рассказал друзьям про Карту Каверзника.

– А почему Фред с Джорджем не подарили эту карту *мне*? – возмутился Рон. – Я же их брат!

– Но ведь Гарри не оставит ее у себя! – Похоже, сама эта мысль казалась Гермионе нелепой. – Он отдаст ее профессору Макгонаголл, правда, Гарри?

– Ничего подобного! – возмутился тот.

– Ты что, с ума сошла? – Рон выпучил глаза на Гермиону. – Отдать такую вещь?

– Если я ее отдам, придется сказать, откуда она у меня взялась! Филч узнает, что ее украли Фред с Джорджем!

– А как же Сириус Блэк? – прошипела Гермиона. – Вдруг он по этим тоннелям в школу пробирается? Учителя должны знать!

– Он не ходит по тоннелям, – поспешно сказал Гарри. – На карте всего семь проходов, так? Фред с Джорджем утверждают, что Филч знает про четыре. Остается три. Один завалило, так что никто не пройдет. У входа во второй растет Дракучая ива – туда тоже не войдешь. А по третьему я сейчас пришел и... как вам сказать... очень трудно разглядеть вход внизу, в погребе, так что, если только Блэк про этот тоннель не знает...

Гарри задумался. А если Блэк знает? Рон между тем многозначительно кашлянул и указал на объявление с внутренней стороны двери в кондитерскую.

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ

МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Уважаемые посетители!

Напоминаем вам, что, вплоть до дальнейшего распоряжения, улицы Хогсмед после заката ежедневно патрулируются дементорами. Подобная мера предосторожности принята с целью усиления безопасности жителей деревни и будет отменена после поимки Сириуса Блэка. Рекомендуем вам завершать покупки до темноты.

Веселого Рождества!

– Видишь? – тихо спросил Рон. – Интересно, как это Блэк прорвется в «Рахатлукулл», если деревня кишмя кишит дементорами. И вообще, хозяева «Рахатлукулла» услышат, если кто-то к ним вломится, правда? Они ведь живут над лавкой!

– Да, но... но... – Гермиона искала повод возразить. – Слушай, Гарри все равно нельзя в Хогсмед. У него не подписано разрешение! Если кто узнает, у него будут огромные неприятности! И солнце еще не зашло... что, если Сириус Блэк появится сегодня? Сейчас?

– И вот прямо сразу увидит Гарри среди снегов, – Рон кивнул на решетчатые окна, за которыми кружила метель. – Брось, Гермиона. Сейчас Рождество. Гарри заслужил отдых.

Гермиона в крайнем смятении закусила губу.

– Ты на меня донесешь? – улыбнулся ей Гарри.

– Ой... разумеется, нет... но, честно, Гарри...

– Как тебе шипучие шмельки? – Рон схватил Гарри и повлек его за собой к бочке. – А железные улитки? А кислотные леденцы? Фред меня однажды угостил – мне тогда было семь, – и леденец прожег мне дырку в языке! Помню, мама отстегала его метлой. – Рон мечтательно уставился на коробку с кислотными леденцами. – Как думаете, Фред попробует тараканы гроздя, если сказать, что это арахис?

Рон с Гермионой расплатились за сладости, и все трое вышли из «Рахатлукулла».

Хогсмед походил на рождественскую картинку: крытые соломой домики и магазинчики замело искристым снегом, на дверях висели венки из остролиста, на деревьях горели заколдованные свечи.

Гарри поежился: в отличие от друзей он был без плаща. Они шли по улице, нагнув головы против ветра. Рон и Гермиона выкрикивали сквозь шарфы:

– Это почта...

– Вон там Зонко...

– Можно подняться к Шумному Шалману...

– Знаете что? – сказал Рон, стуча зубами. – Может, зайдем в «Три метлы», выпьем усладэля?

Гарри не потребовалось упрашивать: ветер пробирал до костей, а руки заоченели. Ребята перешли улицу и вскоре уже ступили в крохотный трактирчик.

Внутри толпился народ, было дымно, шумно и тепло. За стойкой фигуристая красивая дамочка обслуживала каких-то буянов.

– Это мадам Росмерта, – сказал Рон. – Я пойду, возьму усладэль, ладно? – добавил он, слегка покраснев.

Гарри с Гермионой прошли в глубь зала к свободному столику между окном и симпатичной елочкой у камина. Через пять минут появился Рон с тремя громадными пенистыми кружками горячего усладэля.

– Счастливого Рождества! – Рон поднял кружку.

Гарри от души глотнул. Усладэль оказался божествен и мгновенно согрел его изнутри.

Внезапный сквозняк взъерошил Гарри волосы – дверь в «Три метлы» снова отворилась. Гарри глянул поверх кружки и поперхнулся.

На пороге паба в снежном вихре появились профессора Макгонаголл и Флитвик. Следом вошел Огрид – он увлеченно беседовал с невысоким дородным господином в лаймовом котелке и полосатом плаще – министром магии Корнелиусом Фуджем.

Рон с Гермионой без промедления надавили ладонями Гарри на макушку и затолкали его под стол. Сидя на корточках с пустой кружкой в руках, Гарри, обкапанный усладэлем, следил, как ноги учителей и министра подошли к стойке бара, постояли, а затем развернулись и направились к нему.

Откуда-то сверху донесся шепот Гермионы:

– Мобилиарбус!

Рождественская елочка приподнялась над полом, проплыла вбок и с мягким шелестом приземлилась напротив, скрыв ребят от посторонних глаз. Сквозь густые нижние ветви Гарри увидел, как ножки четырех стульев отодвинулись от соседнего стола, а затем донеслось кряхтение и пыхтение – учителя и министр рассаживались.

Подошли еще чьи-то ноги в блестящих бирюзовых туфлях на шпильках. Женский голос сказал:

– Ледникала...

– Это мне, – раздался голос профессора Макгонаголл.

– Четыре пинты глинтмеда...

– Спасибо, Росмерта, – поблагодарил Огрид.

– Содовая, вишневый сироп, лед, зонтик...

– Ммм! – только и сказал профессор Флитвик, причмокнув губами.

– Стало быть, красносмородиновый ром ваш, министр.

– Благодарю, Росмерта, дорогуша, – ответил голос Фуджа. – Приятно видеть тебя снова, милая. Не выпьешь с нами? Возьми себе что-нибудь и присоединяйся...

– Сердечно благодарна, министр.

Гарри проводил глазами сверкающие каблучки – они отошли и вновь вернулись. Сердце доставляло массу неудобств, колотясь в самом горле. Как же он не сообразил, что у преподавателей сегодня тоже последняя суббота семестра? Долго они будут тут сидеть? Ему же нужно успеть обратно в «Рахатлукулл», если он вообще хочет вернуться сегодня в школу... Рядом нервно дернулась нога Гермiony.

– Так какими же судьбами в наших краях, министр? – любезно поинтересовался голос мадам Росмерты.

Гарри увидел, как нижняя часть плотного тела Фуджа развернулась на стуле. Видимо, проверял, не подслушивает ли кто. Затем он тихо ответил:

– Сама понимаешь, дорогая, – Сириус Блэк. Надо думать, ты в курсе, что было в школе на Хэллоуин?

– Доходили слухи, – призналась мадам Росмерта.

– Ты что, по всему пабу раззвонил, Огрид? – укоризненно спросила профессор Макгонаголл.

– А вы думаете, министр, что Блэк все еще где-то здесь? – прошептала мадам Росмерта.

– Уверен, – коротко бросил Фудж.

– А вы знаете, что дементоры уже два раза обыскивали мой трактир? – резковато осведомилась мадам Росмерта. – Всех посетителей распугали... Это очень плохо для бизнеса, министр.

– Росмерта, милая, мне они тоже не нравятся, – смутился Фудж. – Но это необходимая мера предосторожности... ужасно, но что поделаешь... Я только что встречался с их представителями. Они страшно злы на Думбльдора – почему он не пускает их на территорию школы.

– Еще не хватало! – возмутилась профессор Макгонаголл. – Как нам учить детей, если вокруг будут кружить эти чудовища?

– Вот-вот! – скрипнул крошечный Флитвик, болтая ногами в футе над полом.

– И тем не менее, – возразил Фудж, – они здесь для того, чтобы защитить вас от еще больших неприятностей... Нам всем известно, на что способен Блэк...

– А знаете, мне до сих пор не верится, – задумчиво протянула мадам Росмерта. – Уж на кого-кого, а на Сириуса Блэка никогда бы не подумала, что он переметнется к силам зла... Я же его помню еще мальчиком, когда он в «Хогварце» учился. Если бы в то время мне кто сказал, кем вырастет Блэк, я бы решила, что этот кто-то перебрал глинтмеда.

– Ты и половины не знаешь, Росмерта, – проворчал Фудж. – Худшего почти никто не знает.

– Худшего? – оживившись, с любопытством переспросила мадам Росмерта. – Вы хотите сказать, хуже убийства тех несчастных?

– Именно это я и хочу сказать, – подтвердил Фудж.

– Я не верю. Что может быть хуже?

– Ты говоришь, что помнишь его школьником, Росмерта, – вполголоса произнесла профессор Макгонаголл. – А ты помнишь, кто был его лучшим другом?

– Конечно, – хохотнула Росмерта. – Не разлей вода! Я их столько раз здесь видела – о-о-о, как же они меня смешили! Вот была парочка клоунов, Сириус Блэк и Джеймс Поттер!

Гарри с грохотом уронил кружку. Рон его пнул.

– Именно, – сказала профессор Макгонаголл. – Блэк и Поттер. Заводилы. Оба талантливые – да что там, исключительно талантливые, – хотя, должна сказать, других таких баламутов я, пожалуй, и не припомню.

– Ну почему, – гоготнул Огрид. – Фред и Джордж Уизли с ними бы запросто посоперничали.

– Прямо как братья были! – прозвенел голосок Флитвика. – Неразлучники!

– Еще бы, – подхватил Фудж. – Поттер доверял Блэку как никому из друзей. И после школы ничего не изменилось. Блэк был шафером на свадьбе Лили и Джеймса. Потом стал крестным отцом Гарри. Гарри, конечно, не знает. Сами понимаете, каково бы ему было узнать.

– Потому что Блэк оказался в команде Сами-Знаете-Кого? – прошептала мадам Росмерта.

– Даже хуже, дорогая моя... – Фудж еще понизил голос и тихо зарокотал: – Немногие в курсе, но Поттерам было известно, что Сами-Знаете-Кто за ними охотится. Думбльдор, который неустанно боролся против Сами-Знаете-Кого, создал сеть весьма полезных осведомителей. Получив информацию от одного из них, он тут же предупредил Лили с Джеймсом. Чтобы спрятались. Но, конечно, от Сами-Знаете-Кого так просто не укроешься. Думбльдор посоветовал Поттерам применить Заклятие Верности.

– А как оно действует? – заинтересовалась мадам Росмерта, от любопытства задышавшись.

Профессор Флитвик прочистил горло.

– На редкость сложное заклинание, – скрипуче сказал он. – Заключает тайну внутрь одной-единственной живой души. Информацию прячут в избранном человеке – Хранителе Тайны, – и с этой минуты ее невозможно раскрыть. Разумеется, если Хранитель сам не выдаст. Если бы Хранитель Тайны молчал, Сами-Знаете-Кто мог бы годами искать Лили и Джеймса в их деревне и не нашел бы, даже уткнувшись носом в окно их гостиной!

– А Блэк был Хранителем Тайны Поттеров? – прошептала мадам Росмерта.

– Разумеется, – ответила профессор Макгонаголл. – Джеймс Поттер заверил Думбльдора, что Блэк скорее умрет, чем предаст, что Блэк тоже собирается прятаться... Но Думбльдор все равно волновался. Помню, предлагал Поттерам себя в Хранители.

– Он подозревал Блэка? – ахнула мадам Росмерта.

– Он был уверен, что какой-то близкий к Поттерам человек информирует Сами-Знаете-Кого об их перемещениях, – мрачно ответила профессор Макгонаголл. – Собственно, он тогда уже некоторое время подозревал, что кто-то из наших стал доносчиком и много чего передает Сами-Знаете-Кому.

– Но Джеймс Поттер настоял, чтобы Хранителем был Сириус?

– Настоял, – удрученно подтвердил Фудж. – А потом... не прошло и недели после наложения Заклятия Верности...

– Блэк их предал? – в ужасе выдохнула мадам Росмерта.

– Да, предал. Блэк устал от роли двойного агента, он уже готов был открыто заявить о переходе на сторону Сами-Знаете-Кого и, видимо, решил приурочить это к гибели Поттеров. Но, как мы все знаем, Сами-

Знаете-Кто нашел свою погибель в малыше Гарри. Лишившись колдовской силы, смертельно ослабевший, Сами-Знаете-Кто исчез. И оставил Блэка в весьма неприятном положении: только он показал свое истинное лицо, как его хозяин тут же оказался низвергнут. Выбора не было, Блэк ударился в бега...

– Грязный, вонючий предатель! – бухнул Огрид, да так громко, что половина посетителей в баре испуганно притихла.

– Ш-ш-ш! – шикнула профессор Макгонаголл.

– Да я ж его там повстречал! – забасил Огрид. – Я ж ведь последний, кто его видал перед убийством всех тех людей! Это ж я забрал Гарри из дома, когда Лили с Джеймсом убили! Вытащил бедняжечку с-под развалин, на лбешничке вот этакий шрамина... а тут является эта гадина, Сириус Блэк, на своем летающем мотоцикле, ну, на каком он всегда летал, помните? А мне-то и в башку не вступи, чего он там ошивается. Я ж не в курсе был, что Лили с Джеймсом его Хранителем Тайны назначили. Думал, он прослышал про нападение Сами-Знаете-Кого и примчался на помощь. Белый весь был, тряся. А я-то, дубина! Знаете, чего я делал? УТЕШАЛ УБИВЦА И ПРЕДАТЕЛЯ!

– Огрид, прошу тебя! – умоляюще воскликнула профессор Макгонаголл. – Говори тише!

– Откуда ж мне было знать, что он вовсе не горюет об Лили с Джеймсом? Он об Сами-Знаете-Ком горевал! А потом мне и говорит: «Отдай Гарри мне, Огрид, я его крестный, я о нем позабочусь...» Ха! Ну, да у меня приказ был от Думбльдора, я так и ответил, нет, мол, Думбльдор сказал, тащи Гарри к дядьке с теткой. Блэк заспорил, а потом сдался. Бери, грит, мой мотоцикл, отвезешь. Мне, говорит, он больше не нужен... Ну как я не допер, что он чего-то затевает? Он же колымагу свою просто обожал, с чего ж мне-то ее отдавать? С какой стати она ему не нужна сделалась? А ить штука в том, что мотоцикл легко выследить. Думбльдор же знал, что Блэк Хранитель Тайны. Блэк и понял, надо бежать, у него, может, пара часов, пока министерство не снарядило погоню... *А чего б было, если б я ему отдал Гарри, а?!* Сбросил бы небось сиротинку с мотоцикла где-нибудь над морем, и адью-покедова! А это ведь сын лучшего друга! Только я так скажу: когда колдун переходит к силам зла, ему тогда никого и ничего уж не жалко...

После этой истории повисло тягостное молчание. Потом мадам Росмерта с удовлетворением сказала:

– Но ему не удалось скрыться, голубчику! Министерство магии схватило его на следующий же день!

– Увы, заслуга вовсе не министерства, – горько возразил Фудж, – а малыша Питера. Питера Петтигрю – тоже друга Поттеров. Он тогда обезумел от горя и, зная, что Блэк был Хранителем Тайны Поттеров, бросился искать его сам.

– Петтигрю... такой толстячок, хвостом за Поттером и его компанией таскался? – спросила мадам Росмерта.

– Боготворил Блэка и Поттера, – пояснила профессор Макгонаголл, – хоть сам не того полета, не очень способный. Должна сказать, я бывала с ним весьма строга. Вы, конечно, понимаете, как... как я теперь сожалею... – Голос у нее вдруг стал насморочный.

– Ну-ну, Минерва, – мягко ответил Фудж, – Петтигрю погиб героем. Свидетели – муглы, конечно, потом пришлось память им стирать – рассказали, как он загнал Блэка в угол. Говорят, он рыдал: «Лили с Джеймсом, Сириус! Как ты мог?» И полез за палочкой. Разумеется, Блэк его опередил. Петтигрю разнесло на кусочки...

Профессор Макгонаголл высморкалась и сказала гнусаво:

– Глупыш... дурачок... дуэлянт он был никудышный... надо было ему дожидаться представителей министерства...

– А я говорю вам, ежели б я добрался до Блэка первым, я б не стал цацкаться со всякими палочками! Я б его голыми – руками – на куски бы – разорвал! – прорычал Огрид.

– Не придумывай, Огрид, – резко оборвал Фудж. – Только у ребят из ударного колдульона бригады защиты магического правопорядка был шанс справиться с Блэком, особенно когда его загнали в угол. Я тогда был младшим министром в департаменте магических катастроф и на место убийства попал одним из первых. Я... я этого никогда не забуду. До сих пор иногда снится. Посреди улицы воронка, такой глубины, что канализацию прорвало. Кругом куски тел. Муглы кричат. А Блэк стоит посреди всего и хохочет, а перед ним лежит то, что осталось от Петтигрю... окровавленная мантия и несколько... несколько фрагментов...

Голос Фуджа оборвался. Пять носов высморкались разом.

– Вот так, Росмерта, – в нос сказал Фудж. – Блэка забрали двадцать ребят из бригады защиты магического правопорядка, Петтигрю наградили орденом Мерлина первой степени, что, я надеюсь, хоть немного утешило его бедную мать. А Блэк с тех пор сидел в Азкабане.

Мадам Росмерта тяжело вздохнула.

– А это правда, что он сумасшедший, министр?

– Хотел бы я быть в этом уверен, – не сразу ответил Фудж. – Безусловно, после поражения хозяина в нем развинтились какие-то винтики. Разумеется, убийство Петтигрю и всех этих несчастных муглов – поступок отчаявшегося человека, оказавшегося в тупике, жестокий и бессмысленный. Но когда я последний раз приезжал с инспекцией в Азкабан, я встречался с Блэком. Знаете, большинство заключенных только бормочут себе под нос в темноте, ничего не понимают... но меня поразило, насколько *нормальным* казался Блэк. Говорил со мной вполне разумно. Я прямо встревожился. Ему как будто было просто скучно – он даже спросил, прочитал ли я уже газету, спокойно так... сказал, давно не видел кроссвордов. Признаюсь, меня совершенно потрясло, сколь мало повлияли азкабанские стражники на Блэка, – и ведь его охраняли гораздо строже других. Дементоры стояли за дверью днем и ночью.

– А зачем, как вы думаете, он сбежал? – спросила мадам Росмерта. – Всемиловитое небо, неужели Сами-Знаете-Кого разыскивать?

– Осмелюсь предположить, что это его... э-э-э... программа максимум, – уклончиво ответил Фудж. – Но мы надеемся поймать Блэка гораздо раньше. Должен сказать, что одинокий, всеми забытый Сами-Знаете-Кто – это одно, но верните ему самого преданного слугу, и страшно подумать, как быстро он поднимется вновь...

Стекло тихонько звякнуло о дерево. Кто-то поставил стакан на стол.

– Знаете, Корнелиус, если хотите успеть на ужин с директором, нам пора возвращаться в замок, – сказала профессор Макгонаголл.

Одна за другой пары ног приняли на себя вес своих владельцев; сверху упали подола плащей, а сверкающие каблучки мадам Росмерты скрылись за стойкой бара. Дверь в «Три метлы» отворилась, опять ворвался вихрь снега – учителя ушли.

– Гарри?

Под столом появились лица Рона и Гермионы. Они смотрели на Гарри молча, не находя слов.

Глава одиннадцатая

«Всполох»

Гарри не очень хорошо помнил, как ему удалось пробраться назад в погреб «Рахатлукулла», пробежать по тоннелю и вернуться в замок. Он только знал, что обратное путешествие не заняло и минуты – ну, так ему показалось; он с трудом понимал, что делает, – в голове стучало от воспоминаний о подслушанном разговоре.

Почему никто никогда и ничего ему не рассказывал? Думбльдор, Огрид, мистер Уизли, Корнелиус Фудж... Почему никто не говорил, что его родителей погубило предательство лучшего друга?

За ужином рядом сидел Перси, и Рон с Гермионой не осмеливались ничего обсуждать и только испуганно следили за Гарри. После ужина они поднялись в переполненную общую гостиную, где Фред с Джорджем в припадке восторга по поводу окончания семестра взорвали несколько навозных бомб. Гарри не хотелось отвечать на расспросы близнецов, удалось ли ему попасть в Хогсмед, и он тихонько прокрался в пустую спальню и направился напрямик к своей тумбочке. Оттолкнул стопку книжек и быстро нашел что искал – кожаный фотоальбом со снимками родителей, который полтора года назад подарил Огрид. Гарри сел на кровать, задернул занавеси и листал, пока наконец...

Он открыл свадебную фотографию. Вот машет рукой сияющий отец – во все стороны торчат черные, совсем как у Гарри, волосы. Вот мама, вся светится от счастья, под руку с отцом... А вот... видимо, это он. Шафер... Раньше Гарри о нем и не задумывался.

Если бы он не знал, что это Блэк, ни за что бы не догадался. Лицо на фотографии не было ни восковым, ни изможденным – нет, на Гарри смотрел красивый и жизнерадостный молодой человек. Интересно, он тогда уже работал на Вольдеморта? Уже планировал убить двоих, что стоят рядом? Понимал, что ему предстоит двенадцать лет в Азкабанае – двенадцать лет, которые изменят его до неузнаваемости?

Но ведь дементоры на него не действуют, напомнил себе Гарри, глядя в это красивое, смеющееся лицо. *Когда они приближаются, он не слышит крика моей мамы...*

Гарри с силой захлопнул альбом, запихал его обратно в тумбочку, снял мантию и очки и забрался в постель, проверив, плотно ли задернуты занавеси.

Открылась дверь.

– Гарри, – неуверенно позвал голос Рона.

Гарри не пошевелился, притворился спящим. Когда Рон ушел, он перекатился на спину и застыл, распахнув глаза.

Невиданная ненависть ядом растекалась по телу. Он так ясно видел смеющееся лицо Блэка, будто кто-то налепил фотографию из альбома ему на глаза. Словно в кино, видел, как Сириус Блэк взрывает Питера Петтигрю (тот походил на Невилла Лонгботтома). Слышал (хотя и не знал, какой у Блэка голос) экстатический шепот: «Это произошло, милорд... Поттеры назначили меня Хранителем Тайны...» И затем другой голос и пронзительный хохот – хохот, который Гарри слышал всякий раз, едва приближались дементоры...

– Гарри, ты... ты выглядишь ужасно.

Гарри не спал до рассвета. Проснулся в опустевшей спальне, оделся и по винтовой лестнице спустился в гостиную, где были только Рон – он жевал мятную жабу и гладил себя по животу – и Гермиона, разложившая домашнюю работу на трех столах.

– А где все? – спросил Гарри.

– Уехали! Первый день каникул, забыл? – откликнулся Рон, пристально его разглядывая. – Скоро обед; я уж собирался тебя будить.

Гарри плюхнулся в кресло у огня. За окнами по-прежнему валил снег. Косолапсус большим рыжим половиком растянулся у камина.

– Выглядишь ты и правда не очень. – Гермиона тревожно всмотрелась ему в глаза.

– Все нормально, – отмахнулся Гарри.

– Гарри, – сказала Гермиона, переглянувшись с Роном, – после того, что мы вчера слышали, все не может быть нормально. Но будь добр, не надо глупостей.

– Каких, например?

– Например, искать Блэка, – выпалил Рон.

Было ясно, что они отрепетировали эту беседу заранее, пока он спал. Гарри ничего не ответил.

– Ты же не будешь, Гарри? Скажи, что не будешь! – воззвала Гермиона.

– Блэк не стоит того, чтобы из-за него умирать, – сказал Рон.

Гарри посмотрел на друзей. Они совсем ничего не понимают.

– Вы знаете, что я слышу всякий раз, когда приближаются дементоры? – Рон с Гермионой испуганно потрясли головами. – Я слышу, как кричит моя мама, как она молит Вольдеморта о пощаде. Если бы вы слышали, как кричит ваша мама, которую сейчас убьют, вы бы тоже вряд ли забыли. А если бы выяснилось, что человек, который притворялся ее другом, предал ее, подослал к ней Вольдеморта...

– Но ты же ничего не можешь сделать! – вскричала потрясенная Гермиона. – Дементоры схватят Блэка, отправят его назад в Азкабан и... так ему и надо!

– Ты же слышала Фуджа. На Блэка дементоры не действуют, как на нормальных людей. Для него это не такое уж и наказание.

– И что? – напрягся Рон. – Ты хочешь... убить Блэка или что?

– Но это же глупо! – в панике закричала Гермиона. – Гарри не будет никого убивать, правда, Гарри?

И снова Гарри не ответил. Он не знал, что будет делать. Знал только, что невыносимо бездействовать, пока Блэк на свободе.

– Малфой все знает, – резко произнес он. – Помните, что он сказал тогда на зельеделии? «Если б речь шла обо мне, я бы жаждал мести. Я бы выследил его сам...»

– То есть совет Малфоя важнее нашего? – разозлился Рон. – А ты знаешь, что получила мать Петтигрю, когда его прикончил Сириус Блэк? Мне папа рассказывал – орден Мерлина первой степени и палец в коробочке. Самый большой кусок, который остался от Петтигрю. Блэк псих, Гарри, он опасен...

– Малфою рассказал его отец, – продолжал Гарри, не слушая Рона. – Он же из близкого окружения Вольдеморта...

– *Давай ты будешь говорить «Сам-Знаешь-Кто»?* – сердито оборвал Рон.

– Само собой, Малфои знают, что Блэк работал на Вольдеморта...

– И Малфой будет счастлив, если тебя, как Петтигрю, разорвет на тысячу кусков! Приди в себя, Гарри! Малфой просто мечтает, чтобы

ты куда-нибудь провалился, лишь бы в квидиш против тебя не играть.

– Гарри, прошу тебя, – глаза Гермионы наполнились слезами, – пожалуйста, будь благоразумен. Блэк совершил ужасное, просто ужасное, но тебе н-нельзя рисковать, Блэку только того и нужно... ну, Гарри, ты же сыграешь ему на руку, если сам начнешь его искать. Твои мама с папой этого бы не хотели, согласись! Они бы не хотели, чтоб ты разыскивал Блэка!

– Я никогда не узнаю, чего бы они хотели, потому что, спасибо Блэку, я с ними ни разу не разговаривал, – сухо ответил Гарри.

Воцарилось молчание. Косолапсус с наслаждением потянулся, выпустив когти. Карман у Рона задрожал.

– Слушайте, – воскликнул Рон, судорожно подыскивая другую тему, – у нас же каникулы! Скоро Рождество! Давайте... давайте пойдем к Огриду. Мы у него сто лет не были!

– Нельзя! – торопливо вмешалась Гермиона. – Гарри нельзя покидать замок.

– Ага, давайте сходим, – Гарри сел прямее, – спрошу, почему он, когда рассказывал мне о родителях, про Блэка ни словом не упомянул!

Дальнейшие обсуждения Сириуса Блэка явно не входили в планы Рона.

– Можно в шахматы поиграть, – поспешно добавил он, – или в побрякуши. Перси оставил...

– Нет, пойдем к Огриду, – решительно сказал Гарри.

Так что они сбегали в спальни за плащами, пролезли в дыру за портретом («Стоять! Готовьтесь к бою, безродные желтопузые трусы!»), прошагали по пустому замку и через дубовые двери вышли на улицу.

Они медленно побрели по склону, оставляя в сверкающем пуховом снегу неглубокие траншеи. Носки и подолы промокли и заledenели. Запретный лес был как заколдованный: деревья наряжены в серебро, хижина Огрида – словно торт с глазурью.

Рон постучал, но ответа не было.

– Не мог же он уйти? – От холода Гермиона дрожала как осиновый лист.

Рон прижал ухо к двери.

– Там что-то странное, – сообщил он. – Сами послушайте – Клык, что ли?

Гарри с Гермионой тоже прижались к двери. Из хижины доносились низкие, спазматические завывания.

– Может, сходить привести кого-нибудь? – занервничал Рон.

– Огрид! – крикнул Гарри, забарабанив в дверь. – Огрид, ты там?

Грузно зашаркали шаги; дверь со скрипом приотворилась. На пороге появился Огрид с красными, опухшими глазами. Слезы струились по лицу и падали на кожаную жилетку.

– Вы слышали! – заголосил он и бросился Гарри на шею.

Получилось не смешно – Огрид был по меньшей мере вдвое крупнее обычного человека. Гарри чуть не рухнул, но его спасли Рон с Гермионой; втроем они подхватили Огрида под руки и с трудом отволокли в хижину. Огрид позволил усадить себя в кресло, уронил голову на стол и безудержно зарыдал. Мокрое лицо блестело, слезы скатывались в косматую бороду.

– Огрид, *что случилось?* – в ужасе спросила Гермиона.

Гарри заметил на столе какое-то официальное письмо.

– Огрид, это что?

Рыдания стали громче. Огрид пихнул письмо Гарри, и тот прочитал вслух:

Уважаемый мистер Огрид!

В отношении нашего расследования по делу о нападении гиппогрифа на учащегося Вашего класса уведомляем Вас, что мы принимаем заверения профессора Думбльдора в том, что Вы не несете ответственности за этот неприятный инцидент.

– Ну так что, здорово, Огрид! – воскликнул Рон, хлопнув его по плечу. Но Огрид не прекратил рыдать, а только замахал лапицей Гарри – мол, читай дальше.

Однако мы должны довести до Вашего сведения, что вышеупомянутый гиппогриф вызывает у нас огромное беспокойство. Мы приняли решение рассмотреть официальную жалобу, поданную мистером Люциусом Малфоем. Таким образом, Ваше дело будет передано на рассмотрение комитета по уничтожению опасных созданий. Слушание назначено на 20 апреля, и мы просим Вас в этот день лично доставить означенного гиппогрифа в Лондон на заседание. До 20 апреля гиппогрифа следует содержать на поводке в изолированном помещении.

С искренним почтением,
Ваши товарищи...

Далее следовали подписи членов правления школы.

– Ой, – сказал Рон. – Но, Огрид, ты ведь говорил, что Конькур – хороший гиппогриф. Я уверен, вы как-нибудь выкрутитесь...

– Ты не представляешь, какие там горгульи, в этом их комитете! – Огрид захлебнулся рыданиями, одновременно утираясь рукавом. – У них зуб на интересных зверьков!

В углу что-то зашуршало, и ребята развернулись. Гиппогриф Конькур лежал, поклеивая нечто, обильно источавшее кровь на пол.

– Не привязывать же его в снегу! – давился слезами Огрид. – Одного! В Рождество!

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись. Они никогда не одобряли увлечения Огрида теми, кого он называл «интересными зверьками» (а прочие – «жуткими монстрами»). Правда, лично Конькур особых опасений не вызывал. Наоборот, если вспомнить другие привязанности Огрида, Конькур был прямо-таки милашка.

– Надо как следует построить защиту, Огрид. – Гермиона села рядом и положила ладонь на его массивное предплечье. – Наверняка ты сможешь доказать, что Конькур безопасен.

– Да без разницы! – всхлипнул Огрид. – Эти комитетские каналы все у Люциуса в кармане! Боятся его! А если мы проиграем, Конькура...

Огрид чикнул пальцем по горлу, издал протяжный вопль и снова уронил голову на руки.

– А что Думбльдор? – спросил Гарри.

– Он и так уж для меня сделал больше некуда, – простонал Огрид. – Ему и без того тяжело – дементоров в замок не пущать, да еще Сириус по округе рыщет...

Рон с Гермионой покосились на Гарри – вдруг он начнет клеймить Огрида позором за то, что не рассказал правды о Блэке. Но Огрид был в таком отчаянии и ужасе – тут как-то не до выяснения отношений.

– Огрид, – сказал Гарри, – ты, главное, не теряй надежды. Гермиона права, нужно правильно построить защиту. Позови нас всех в свидетели...

– По-моему, я читала об одном случае преследования гиппогрифа, – задумчиво произнесла Гермиона, – и гиппогрифа тогда оправдали. Я поищу в книжке и скажу, как обстояло дело.

Огрид завыл еще громче. Гарри и Гермиона посмотрели на Рона, молча взывая о помощи.

– Может... чаю заварить? – предложил Рон.

Гарри уставился на него с укором.

– Мама всегда так делает, если кто-нибудь плачет, – пробормотал Рон, пожав плечами.

Наконец, получив многочисленные заверения в поддержке и дымящуюся чайную кружку, Огрид высморкался в платок размером со скатерть и сказал:

– Вы правы. Нельзя мне сейчас расклеиваться. Надо собраться...

Немецкий дог Клык осторожно вылез из-под стола и положил голову на колени хозяину.

– Последние дни я сам не свой, – признался Огрид, глядя Клыка одной рукой и вытирая лицо другой. – За Конькура душа изболелась, да и уроки мои никто не любит...

– Мы любим! – тут же соврала Гермиона.

– Да, у тебя здорово! – выпалил Рон, скрестив под столом пальцы. – Кстати, а... как поживают скучечерви?

– Сдохли, – мрачно ответил Огрид. – Пере-жрали латука.

– Ой нет! – воскликнул Рон. Губы у него задергались.

– И от дементоров не по себе, – вдруг содрогнулся Огрид. – Каждый раз мимо них хожу, как соберусь в «Три метлы» пропустить стаканчик. Прямо как будто опять в Азкабана...

Он умолк и принялся заглатывать чай. Гарри, Рон и Гермиона наблюдали за ним, затаив дыхание. Раньше Огрид никогда не упоминал о своем коротком пребывании в тюрьме. После паузы Гермиона робко спросила:

– Очень страшно было, Огрид?

– Не представляете, – тихо ответил он. – Жуть. Думал, крыша поехала. Все поминал самое плохое... как из «Хогварца» исключили... как папаша мой помер... как Норберта отправлял...

Его глаза снова увлажнились. Норберта, драконьего детеныша, Огрид выиграл в карты.

– Проходит время, а ты уж и не знаешь, кто ты такой есть. И неясно, зачем живешь. Я, помню, все надеялся, помереть бы во сне... Когда выпустили, я как заново родился, будто в меня хлынул обратно весь мир... такое чувство... А дементоры меж тем не очень-то хотели меня отпускать.

– Ты же был невиновен! – сказала Гермиона.

Огрид фыркнул:

– А им-то что? Им по барабану. Им подавай штук двести человеческих душ, радость да счастье из них сосать, а кто там виноват, кто не виноват – им едино.

Огрид затих на мгновение, застывшими глазами глядя в кружку. Затем негромко произнес:

– Хотел выпустить Конькура... шугал его, шугал, кыш, мол, отсюда... да как объяснишь гиппогрифу, что ему надо скрыться? А еще... боюсь я теперь... нарушать закон-то. – Он поднял на ребят несчастные глаза, слезы вновь заструились по лицу. – Не хочу больше в Азкабан.

Поход к Огриду, хоть его и нельзя было назвать развлечением, подействовал, как и рассчитывали Рон с Гермионой. Конечно, Гарри не забыл о Блэке, но уже не мог постоянно вынашивать планы мести – надо было думать, как помочь Огриду выиграть дело в комитете по уничтожению опасных созданий. На следующий же день они отправились в библиотеку и приволокли в пустынную общую гостиную груду разнообразной литературы, которая могла помочь делу Конькура. Все трое уселись у пылающего огня и принялись медленно листать страницы пыльных томов, выискивая все упоминания о знаменитых делах хищных животных. Время от времени, когда попадалось нечто подходящее, они переговаривались.

– Вот кое-что... дело 1722 года... но тут гиппогрифа приговорили... бррр, вы посмотрите, что с ним сделали, отвратительно...

– Наверное, вот это пригодится, смотрите: в 1296 году мантикора кого-то растерзала, но ее отпустили... Ой, нет, это потому, что никто не решился к ней приблизиться...

Тем временем замок украшали к Рождеству, хотя оценить великолепное убранство было практически некому – мало кто остался в школе на каникулы. По коридорам и переходам висели толстые

гирлянды из омелы и остролиста, внутри рыцарских доспехов мерцали загадочные огоньки, в Большом зале установили двенадцать рождественских елок, мерцавших золотыми звездами. По всему замку разносился заманчивый запах вкуснейших блюд – к сочельнику он стал до того силен, что даже Струпик высунул нос из своего убежища в нагрудном кармане Рона и с надеждой принялся.

Утром в Рождество Гарри проснулся от того, что Рон швырнул в него подушкой.

– Эй! Подарки!

Гарри надел очки и, шурясь со сна в полутьме спальни, разглядел в изножье горку свертков.

Рон уже сорвал обертку со своих подарков.

– Очередной свитер от мамы... *опять* свекольный... у тебя-то свитер есть?

Свитер был. Миссис Уизли прислала Гарри алый свитер с гриффиндорским львом на груди; кроме того, в посылке обнаружились двенадцать домашних сладких пирожков, кусок рождественского пирога и упаковка ореховой карамели. Отодвинув все это в сторону, Гарри заметил под свертками длинную узкую коробку.

– А там что? – Рон уставился на коробку, держа в руках пару свекольных носков.

– Не знаю...

Гарри сорвал упаковку – и задохнулся: на покрывало выкатилась великолепная сверкающая метла. Рон уронил носки и соскочил со своей кровати.

– Не может быть, – сказал он хрипло.

«Всполох» – близнец той самой метлы-грезы, которой Гарри любовался каждый день на Диагон-аллее. Он взял метлу, и рукоять заблистала. Метла легонько завибрировала в ладонях, и Гарри разжал пальцы. «Всполох» завис в воздухе, как раз на нужной высоте, чтобы удобно было сесть. Глаза Гарри пробежали по древку, от золотого регистрационного номера в верхней части до идеально гладких, ровных березовых хворостин.

– Кто тебе это прислал? – глухо спросил Рон.

– Посмотри, там есть открытка или записка?

Рон разодрал упаковку «Всполоха».

– Ничего нет! Мама дорогая, да кто ж потратил на тебя столько денег?

– Ну, – протянул ошарашенный Гарри, – одно могу сказать – не Дурслей.

– Небось Думбльдор, – сказал Рон, ходя кругами вокруг «Всполоха», вбирая глазами это великолепие. – Плащ-невидимку он тоже послал анонимно...

– Плащ был моего папы, – возразил Гарри. – Думбльдор его просто передал мне. Он не тратил на него сотни галлеонов. Не может же он за здорово живешь раздавать ученикам такие подарки...

– Потому и не признался, что это от него! – воскликнул Рон. – А то придурки типа Малфоя скажут, что у Думбльдора есть любимчики. Эй, Гарри! – Рон громко расхохотался. – *Малфой!* Представляешь, что с ним будет! Он сдохнет от зависти! Это метла *международного уровня!*

– Прямо не верится, – бормотал Гарри, водя рукой по «Всполоху», а Рон катался по его кровати, уххатываясь над Малфоем. – *Кто?..*

– Я понял! – заорал Рон, взяв себя в руки. – Я знаю кто – Люпин!

– Чего? – Тут расхохотался Гарри. – *Люпин?* Ты что! Если бы у Люпина было столько денег, уж он, наверное, не ходил бы оборванцем.

– Да, но ты же ему нравишься, – возразил Рон. – Его же не было, когда у тебя «Нимбус» накрылся, а он узнал, решил съездить на Диагон-аллею и купить тебе...

– В каком смысле – съездить? – удивился Гарри. – Он ведь болел.

– Ну, в лазарете его не было, – сказал Рон. – А я был, я же мыл горшки... Помнишь, меня Злей наказал?

Гарри нахмурился.

– И все-таки Люпин не мог себе такого позволить.

– Вы чего смеетесь?

Вошла Гермиона в халате. На руках она держала Косолапсуса, с мишурой на шее; смотрелся кот весьма недружелюбно.

– Не вноси его сюда! – Рон поспешно выхватил Струпика из глубин своей постели и засунул в нагрудный карман пижамы.

Но Гермиона не обратила внимания. Она опустила Косолапсуса на застеленную кровать Шеймаса и с открытым ртом уставилась на «Всполох».

– Ой! Гарри! А *это* кто тебе прислал?

– Понятия не имею, – ответил Гарри. – Ни открытки, ничего.

К его глубокому изумлению, Гермиона не удивилась и не обрадовалась. Напротив, помрачнела и закусил губу.

– Ты чего? – спросил Рон.

– Не знаю, – медленно проговорила Гермиона, – но как-то странно. Это ведь довольно хорошая метла?

Рон раздраженно вздохнул:

– Это лучшая метла на свете, Гермиона.

– То есть она, видимо, очень дорогая...

– Стоит побольше, чем все слизеринские метлы, вместе взятые, – похвастался Рон.

– Вот именно... Кто мог прислать такую дорогую вещь анонимно? – продолжала она.

– Какая разница? – нетерпеливо оборвал ее Рон. – Слушай, Гарри, можно, я прокачусь? Можно?

– Мне кажется, на этой метле пока вообще не надо кататься! – взвизгнула Гермиона.

Гарри с Роном вытаращились на нее.

– А что, по-твоему, ею надо делать? Пол подметать? – возмутился Рон.

Не успела Гермиона ответить, Косолапсус бросился с постели Шеймаса прямо на грудь Рону.

– УБЕРИ – ЕГО – ОТСЮДА! – заорал тот. Когти Косолапсуса драли пижаму, а ошалевший от страха Струпик пытался удрать по плечу хозяина. Рон поймал его за хвост и брыкнул ногой. Целил он в кота, но попал по сундуку у кровати Гарри. Сундук перевернулся, а Рон запрыгал, подвывая от боли.

Шерсть Косолапсуса внезапно встала дыбом: комнату наполнил пронзительный металлический свист. Карманный горескоп выпал из носка дяди Вернона и, сверкая, закрутился на полу.

– Я и забыл про него! – сказал Гарри, подбирая горескоп. – Я стараюсь не носить эти носки...

Горескоп вращался и свистел у него на ладони. Косолапсус шипел и плевался.

– Да забери ты своего кота, Гермиона! – рявкнул Рон. Он сидел у Гарри на кровати и тер ушибленный палец. – И заткни эту штуку! – велел он Гарри, когда Гермиона уже выходила из комнаты. Желтые злые глаза Косолапсуса были по-прежнему прикованы к Рону.

Гарри закинул горескоп обратно в носки и швырнул в сундук. Теперь слышны были только сдавленные стоны Рона. У него в ладонях комочком свернулся Струпик. В последнее время крыса не вылезала из кармана хозяина, и Гарри давно ее не видел. Увы, бедное животное, прежде такое упитанное, совсем отошло; шерсть вылезала клочьями.

– Плоховато он выглядит, да? – сказал Гарри.

– Это нервы! – сказал Рон. – Он бы уже выздоровел, если б этот тупой рыжий меховой бочонок оставил его в покое!

Но Гарри не забыл, как продавщица в «Заманчивом зверинце» говорила, что крысы живут всего три года; если Струпик не скрывает каких-нибудь волшебных свойств, конец его крысиной жизни близок. Рон, конечно, частенько жаловался, что Струпик скучное и бесполезное животное, но Гарри не сомневался: Рон будет очень несчастен, если Струпик умрет.

В то утро в общей гостиной «Гриффиндора» с духом Рождества дела обстояли туго. Гермиона заперла Косолапсуса в спальне, но злилась на Рона за то, что хотел пнуть кота; Рон, в свою очередь, ярился, поскольку Косолапсус снова пытался съесть Струпику. В конце концов Гарри оставил надежду их помирить. Он сосредоточился на «Всплохе», который принес с собой из спальни. Отчего-то Гермиону раздражало и это; она, правда, помалкивала, но мрачно косилась на метлу, будто та тоже критиковала кота.

Они спустились в Большой зал к обеду и обнаружили, что столы колледжей отодвинуты к стенам, а в центре стоит один-единственный стол на двенадцать персон. За ним уже сидели профессора Думбльдор, Макгонаголл, Злей, Спарж и Флитвик, а также смотритель Филч, который снял свою извечную коричневую куртку и облачился в замшелый фрак. Учеников за столом было всего трое: два перепуганных первоклассника и угрюмолицый слизеринец из пятого класса.

– С Рождеством! – сказал Думбльдор Гарри, Рону и Гермионе. – Нас слишком мало, глупо было накрывать столы как обычно... Садитесь, садитесь!

Ребята расселись рядком в конце стола.

– Хлопушки! – с воодушевлением объявил Думбльдор и протянул Злею большую серебряную хлопушку.

Тот неохотно потянул. Раздался грохот, подобный пушечному выстрелу, хлопушка распалась, и из нее вылетела большая остроконечная шляпа с чучелом ястреба.

Гарри, вспомнив вризрак, переглянулся с Роном, и оба ухмыльнулись. Злей поджал губы, подтолкнул подарочек к Думбльдору, и тот с охотой заменил им свою колдовскую шляпу.

– Налетайте! – сказал он, лучась и сияя.

Пока Гарри угощался жареной картошкой, двери отворились. Вошла профессор Трелони и, словно на колесах, заскользила к столу. По торжественному случаю она надела зеленое платье с блестками и еще больше смахивала на сверкающую гигантскую стрекозу.

– Сибилла, какой приятный сюрприз! – воскликнул Думбльдор, вставая.

– Мне, к моему величайшему удивлению, директор, довелось узреть в хрустальном шаре, – поведала профессор Трелони самым загадочным и загробным голосом, – что я оставила свою одинокую трапезу и присоединилась к вам. Кто я такая, чтобы сопротивляться велению судьбы? Я немедленно покинула свою обитель и покорнейше прошу извинить меня за опоздание...

– Конечно, конечно, – ответил Думбльдор, блестя глазами. – Позвольте за вами поухаживать. Вот вам стул...

И он волшебной палочкой нарисовал в воздухе стул. Тот покачался над полом и с грохотом приземлился между Злеем и Макгонаголл. Профессор Трелони, однако, не спешила сесть; огромные глаза пробежали по собранию – и прорицательница испустила тихий вопль.

– Я не смею, директор! Если я сяду к вам, за столом нас окажется тринадцать! Какое несчастливое знамение! Не забывайте: когда тринадцать человек едят за одним столом, первый, кто встанет с места, первым и умрет!

– Ничего, мы рискнем, Сибилла, – нетерпеливо оборвала ее профессор Макгонаголл. – Садитесь, не то индейка совсем остынет.

Профессор Трелони поколебалась, а затем опустилась на стул, зажмурившись и крепко сжав губы, словно ожидая немедленного поражения громом. Профессор Макгонаголл сунула большую ложку в ближайшее блюдо.

– Рубца, Сибилла?

Профессор Трелони оставила предложение без внимания. Вновь открыв глаза, она еще раз оглядела стол и спросила:

– А где же наш дорогой профессор Люпин?

– Боюсь, бедняга снова заболел, – ответил Думбльдор, жестом приглашая всех накладывать кушанья. – Так неудачно, в самое Рождество.

– Но ведь вы об этом уже знали, Сибилла? – подняла брови профессор Макгонаголл.

Профессор Трелони смерила ее очень холодным взглядом.

– Разумеется, – тихо ответила она. – Однако не следует афишировать тот факт, что тебе известно все обо всем. Я часто веду себя так, словно у меня нет Внутреннего Взора, дабы не нервировать окружающих.

– Это многое объясняет, – съязвила профессор Макгонаголл.

Голос профессора Трелони внезапно потерял почти всю свою загробность.

– Если хотите знать, Минерва, мне открылось, что бедный профессор Люпин не пробудет с нами долго. Он, видимо, и сам знает, что его дни сочтены. Он буквально отшатнулся, когда я предложила ему погадать на хрустальном шаре...

– Я его понимаю, – сухо заметила профессор Макгонаголл.

– А я сомневаюсь, – весело вмешался профессор Думбльдор, слегка, впрочем, повысив голос и положив конец беседе дам, – что профессору Люпину всерьез угрожает опасность. Злотеус, вы уже приготовили ему новую порцию зелья?

– Да, директор, – ответил Злей.

– Прекрасно, – сказал Думбльдор, – тогда он очень скоро встанет на ноги... Дерек, ты пробовал чиполату? Обьедение!

Первоклассник, услышав, что к нему обратился сам директор, густо покраснел и трясущимися руками взял блюдо с колбасками.

Два часа, до самого конца обеда, профессор Трелони вела себя почти нормально. Но когда Гарри с Роном, наевшись до отвала и еще не сняв бумажных шляп, поднялись из-за стола, она громко закричала:

– Мальчики мои! Кто из вас встал первым? Кто?

– Не знаю. – Рон неуверенно посмотрел на Гарри.

– Вряд ли это важно, – ледяным тоном произнесла профессор Макгонаголл, – если, конечно, за дверью не притаился сумасшедший

дровосек, желающий зарубить первого, кто выйдет в вестибюль.

Засмеялись все, даже Рон. Профессор Трелони молча оскорбилась.

– Ты идешь? – спросил Гарри у Гермионы.

– Нет, – пробормотала та, – мне нужно переговорить с профессором Макгонаголл.

– Не иначе, хочет еще уроков выпросить, – зевнул Рон. Они вышли в вестибюль, где не обнаружилось ни одного сумасшедшего дровосека.

Сэр Кэдоган на портрете собрал рождественскую вечеринку – пару монахов, нескольких бывших директоров школы и толстого пони. Рыцарь откинул забрало и отсалютовал флягой с медом.

– Веселого – ик! – Рождества! Пароль?

– «Шелудивый пес», – сказал Рон.

– И вам того же, сэр! – прогрехотал сэр Кэдоган, задираясь вверх.

Гарри поднялся в спальню, взял «Всполох» и «Набор для техобслуживания метел», подаренный Гермионой на день рождения, отнес все это в гостиную и попытался устроить метле хоть какое-нибудь техобслуживание; однако хворостины не нуждались в подравливании, а рукоять сверкала так ярко, что не было смысла полировать. Поэтому они с Роном просто сидели и любовались этой совершенной красотой, пока не отворилось портретное отверстие. В гостиную вошла Гермиона, а следом за ней профессор Макгонаголл.

Хотя профессор Макгонаголл и была куратором «Гриффиндора», Гарри видел ее в общей гостиной лишь однажды, и по весьма печальному поводу. Мальчики уставились на преподавательницу, вдвоем вцепившись в древко. Гермиона обогнула их, села и зарылась лицом в первую попавшуюся книжку.

– Стало быть, это она, – изрекла профессор Макгонаголл. Она подошла к камину и вперила в метлу птичьи глаза-бусины. – Мисс Грейнджер проинформировала меня о том, что вам прислали «Всполох», Поттер.

Гарри с Роном оглянулись на Гермиону и увидели, как краснеет полоска ее лба над книжкой, которую Гермиона держала вверх ногами.

– Позвольте? – попросила профессор Макгонаголл, но разрешения не дождалась, а попросту взяла метлу у мальчиков из рук. Внимательно оглядела ее сверху донизу. – Хмм. При ней не было письма, Поттер? Совсем? Открытки? Записки?

– Нет, – пустым голосом ответил Гарри.

– Понятно... – протянула профессор Макгонаголл. – Что ж, боюсь, мне придется это забрать.

– Ч-что? – Гарри вскочил на ноги. – Почему?

– Метлу нужно проверить на заговоренность, – объяснила профессор Макгонаголл. – Я сама, конечно, не специалист, но мадам Самогони и профессор Флитвик все разберут...

– На части? – спросил Рон таким тоном, словно профессор Макгонаголл выжила из ума.

– Всего несколько недель, – сказала профессор Макгонаголл. – Когда мы убедимся, что метла не заговорена, получите ее назад.

– Ничего с ней такого нет! – выкрикнул Гарри слегка дрожащим голосом. – Правда, профессор...

– Вы не можете знать наверняка, Поттер, – почти ласково ответила она, – по крайней мере, пока на ней не полетаете, а этого, я боюсь, мы допустить не можем. Прежде мы должны убедиться, что там ничего не накручено. Я буду держать вас в курсе.

Профессор Макгонаголл развернулась и унесла «Всполох»; отверстие за портретом закрылось. Гарри стоял и смотрел вслед, сжимая в руке банку шикблеска.

Рон повернулся к Гермионе:

– *Ну и зачем ты помчалась к Макгонаголл?*

Гермиона отбросила книжку. Лицо у нее было розовое, но она вскочила и смело взглянула Рону в глаза.

– Затем, что я подумала – и профессор Макгонаголл со мной согласна, – что метлу наверняка прислал Сириус Блэк!

Глава двенадцатая

Заступник

Гарри понимал, что Гермиона хотела как лучше, но все равно злился. Ведь это из-за нее оборвались краткие часы счастья, когда он обладал лучшей метлой на свете. А теперь неизвестно, увидит ли он когда-нибудь свой «Всполох». И если сейчас – в чем Гарри не сомневался – с метлой все в порядке, в каком порядке она будет потом, после антизаговорных проверок?

Рон тоже злился на Гермиону: расчленение новехонького «Всполоха» – сущее уголовное преступление. Гермиона, убежденная, что поступила правильно, теперь избегала появляться в общей гостиной. Гарри с Роном догадывались, что она прячется от них в библиотеке, но не уговаривали ее вернуться. Словом, все они были только рады, когда после Нового года в школу съехались остальные ученики и в гриффиндорской башне опять закипела жизнь.

Накануне начала нового семестра Гарри разыскал Древ.

– Хорошо провел Рождество? – спросил он, но, не дожидаясь ответа, сел и продолжил, понизив голос: – Я тут в каникулы все обдумал... То, что случилось на последнем матче, ну, ты понимаешь... Если дементоры опять появятся... я хочу сказать... мы не можем себе позволить, чтоб ты... ну... – Древ смешался.

– Я над этим работаю, – быстро ответил Гарри. – Профессор Люпин обещал научить меня отгонять дементоров. Мы начнем на этой неделе. Он сказал, после Рождества у него будет время.

– А. – Лицо у Древа прояснилось. – Что ж, тогда... Знаешь, мне ужасно не хотелось бы терять такого Ловчего. Кстати, новую метлу-то заказал?

– Нет, – ответил Гарри.

– Что?! Ты, знаешь ли, поторопись, не играть же тебе против «Вранзора» на «Падающей звезде»!

– Ему на Рождество подарили «Всполох», – вмешался Рон.

– «Всполох»? Иди ты! Серьезно? Настоящий «Всполох»?

– Не радуйся, Оливер, – мрачно сказал Гарри. – У меня его больше нет. Его конфисковали. – И он коротко рассказал о том, что «Всполох» проверяют на заговоренность.

– Заговоренность? С какой еще стати?

– Из-за Сириуса Блэка, – устало объяснил Гарри. – Считается, что он охотится за мной. Поэтому Макгонаголл решила, что «Всполох» прислал он.

Отмахнувшись от сообщения о том, что за Ловчим его команды охотится опасный преступник, Древ воскликнул:

– Блэк не мог купить «Всполох»! Он в бегах! Его ищет вся страна! Как, скажите на милость, они себе это представляют? Блэк что, вот так запросто зашел в магазин и купил метлу?

– Я с тобой согласен, – ответил Гарри, – но Макгонаголл решила, что надо все разобрать...

Древ побелел.

– Я с ней поговорю, – пообещал он. – Постараюсь убедить... «Всполох»... настоящий «Всполох», в нашей команде... Она же не меньше нашего хочет, чтобы «Гриффиндор» выиграл... Я ей докажу... «Всполох»...

На следующее утро начались занятия. Никому, разумеется, не хотелось два часа в январский холод и сырость торчать на улице, но Огрид, чтобы развлечь «детушек», устроил костер с саламандрами, и урок получился на удивление интересный: все с удовольствием собирали хворост, чтобы подкармливать огонь, а пламелюбивые ящерки шныряли туда-сюда по рассыпающимся, добела раскаленным поленьям. На первом занятии по прорицанию развлечений выпало куда меньше; они приступили к хиромантии, и профессор Трелони незамедлительно уведомила Гарри, что за все свое земное существование не видала линии жизни короче, чем у него.

Гарри рвался на защиту от сил зла: после разговора с Древом ему не терпелось научиться отгонять дементоров.

– Ах да, – сказал Люпин после урока, когда Гарри напомнил ему про обещание. – Дай-ка подумать... В восемь вечера в четверг устроит? Кабинет истории магии по размеру нам подойдет... Мне надо хорошенько подумать, как мы поступим... Настоящего дементора в замок привести нельзя...

– Все еще так себе выглядит, да? – заметил Рон по дороге на ужин. – Как думаешь, Гарри, что с ним такое?

Позади раздалось громкое и нетерпеливое «пфф!». Гермиона сидела на корточках под рыцарскими доспехами и перекладывала учебники в рюкзаке. Учебников было так много, что рюкзак никак не закрывался.

– И чего фыркаем? – раздраженно спросил Рон.

– Да так, – высокомерно ответила Гермиона, взваливая рюкзак на плечо.

– Ничего не «так», – сказал Рон. – Я спросил, что с профессором Люпином, а ты...

– Разве это не *очевидно*? – с возмутительной надменностью изрекла Гермиона.

– Не хочешь говорить – не говори, – огрызнулся Рон.

– И пожалуйста, – заносчиво бросила она и гордо удалилась.

– Сама не знает. – Рон обиженно глядел ей вслед. – Просто хотела, чтобы мы снова с ней разговаривали.

В восемь вечера в четверг Гарри вышел из гриффиндорской башни и направился к кабинету истории магии. Там никого не было, свет не горел, но Гарри зажег лампы волшебной палочкой. Через пять минут появился Люпин – он притащил огромный ящик и с трудом водрузил его на письменный стол профессора Биннза.

– Что это? – спросил Гарри.

– Вризрак, – ответил Люпин, расстегивая плащ. – Я со вторника прочесывал замок, и, к счастью, мне попался вот этот – шнырял в картотечном шкафу у Филча. Как ты понимаешь, вризрак для нас – максимальное приближение к дементору. При виде тебя вризрак станет дементором, и мы сможем на нем потренироваться. А в промежутках между занятиями пускай живет у меня в кабинете: там под столом тумбочка – ему понравится.

– Хорошо, – только и сказал Гарри, постаравшись сделать вид, будто вовсе не боится, а наоборот, рад, что профессору Люпину удалось найти такую блестящую замену дементору.

– Итак... – Профессор Люпин достал волшебную палочку и жестом велел Гарри поступить так же. – Заклинание, которому я попробую тебя научить, – из разряда высшей магии, намного выше,

чем Совершенно Обычный Волшебный Уровень. Называется оно Заклятием Заступника.

– А что оно делает? – занервничал Гарри.

– Оно, если все правильно, вызывает Заступника, – объяснил Люпин. – Ставит непроницаемую противодементорную защиту между тобой и дементором.

Гарри представил, как прячется за эдаким Огридом, у которого в руках огромная дубина. Профессор Люпин продолжил:

– Заступник – положительная сила, проекция тех чувств, которыми кормятся дементоры: надежды, счастья, жажды жизни. При этом в отличие от людей Заступнику незнакомо отчаяние, и поэтому дементоры не могут нанести ему вред. Но должен предупредить, Гарри, – может статься, это заклинание для тебя чересчур сложно. У многих умелых колдунов с ним бывают трудности.

– А как выглядит Заступник? – с любопытством спросил Гарри.

– У каждого колдуна он свой.

– А как его вызвать?

– С помощью заклинания. Но оно подействует, только если ты из всех сил сосредоточишься на одном-единственном очень счастливом воспоминании.

Гарри порылся в памяти: что у него там на предмет счастливых воспоминаний? Все, что было у Дурслеев, решительно не годилось. Наконец он остановился на своем первом полете на метле.

– Есть, – сказал он, детально вспоминая упоительную радость парения.

– Заклинание такое... – Люпин откашлялся. – Экспекто патронум!

– Экспекто патронум, – еле слышно повторил Гарри, – экспекто патронум.

– Сосредоточился на счастливом воспоминании?

– Ой! Да... – засуетился Гарри, лихорадочно возвращаясь мыслями к незабываемому полету. – Экспекто патроно... нет, патронум... извините... экспекто патронум, экспекто патронум...

Неожиданно из волшебной палочки пыхнул серебристый дым.

– Вы видели? – разволновался Гарри. – Что-то получилось!

– Замечательно, – улыбнулся Люпин. – Ну что? Готов испробовать на дементоре?

– Да, – решился Гарри, крепко сжал палочку и вышел на середину класса. Он старался думать о полете, но всплывали и другие мысли... Вот-вот он вновь услышит крик своей матери... но об этом нельзя думать, а то и впрямь услышит, а он этого совсем не хочет... или хочет?

Люпин взялся за крышку ящика и потянул.

Из ящика неспешно поднялся дементор, лицо под капюшоном медленно повернулось к Гарри. Из-под плаща тянулась склизкая рука в струпьях. Лампы заморгали и погасли. Дементор вышел из ящика и молча двинулся на Гарри, судорожно втягивая ртом воздух. Мальчика окатила волна пронизывающего холода...

– Экспекто патронум! – завопил Гарри. – Экспекто патронум! Экспекто...

Но и комната, и сам дементор уже исчезли... Гарри падал куда-то в густом белом тумане, а в голове громче прежнего эхом метался голос матери:

– *Только не Гарри! Только не Гарри! Пожалуйста... я сделаю что угодно...*

– *Отойди! Отойди, глупая девчонка!*

– Гарри!

Он вздрогнул и очнулся. Он лежал навзничь на полу. Лампы снова горели. Нечего было спрашивать, что случилось, – и так ясно.

– Извините, – пробормотал он, садясь. Из-под очков тек пот.

– Ты как? – спросил Люпин.

– Нормально... – Ухватившись за ближайшую парту, Гарри с трудом поднялся на ноги.

– Возьми, – профессор Люпин протянул шокогадушку. – Съешь, потом попробуем еще. Я и не ждал, что у тебя получится сразу. Вообще-то я бы страшно удивился, если бы получилось.

– С каждым разом все хуже, – пожаловался Гарри, откусывая шокогадушке голову. – Ее голос был громче, и его тоже – Вольдеморта...

Люпин побледнел.

– Гарри, если ты откажешься продолжать, я пойму...

– Нет, я хочу! – Гарри яростно засунул в рот остатки шокогадушки. – Я должен! А если дементоры придут на матч с

«Вранзором»? Мне больше нельзя падать с метлы! Если мы проиграем на этот раз – прощай, кубок!

– Ну хорошо... – сказал Люпин. – Может, ты выберешь другое воспоминание – в смысле счастливое... Видимо, это было недостаточно сильно...

Гарри поразмыслил и решил, что чувства, которые он испытал в прошлом году, когда «Гриффиндор» выиграл кубок школы, вполне сойдут за очень счастливые воспоминания. Он стиснул палочку и встал посреди класса.

– Готов? – спросил Люпин, взявшись за крышку ящика.

– Готов, – ответил Гарри, цепляясь за радостные мысли о победе «Гриффиндора» и отгоняя тягостные предчувствия того, что будет, когда распахнется крышка.

– Поехали! – Люпин сдернул крышку.

Комната мгновенно потемнела и наполнилась ледяным холодом. Дементор заскользил к Гарри, втягивая воздух; протянул полусгнившую руку...

– Экспекто патронум! – закричал Гарри. – Экспекто патронум! Экспекто патро...

Все заволакивал белый туман... вокруг двигались громадные размытые фигуры... затем раздался новый голос, незнакомый – мужской панический крик:

– *Лили, хватай Гарри и беги! Это он! Скорей! Беги! Я его задержу...*

Спотыкливый топот – грохот распахнувшейся двери – холодный пронзительный смех...

– Гарри! Гарри... очнись...

Люпин с силой хлопал Гарри по лицу. На сей раз мальчик не сразу понял, почему лежит на пыльном полу классной комнаты.

– Я слышал папу, – пробормотал Гарри, – раньше такого не было... он бросился на Вольдеморта, чтобы мама успела убежать...

Он вдруг понял, что на щеках с потом мешаются слезы. Он пригнулся как можно ниже, притворился, будто завязывает шнурки, и украдкой вытер лицо полкой мантии, чтобы профессор Люпин ничего не заметил.

– Ты слышал Джеймса? – странным голосом спросил Люпин.

– Да... – утерев лицо, Гарри поднял голову. – А что... вы ведь не были знакомы с папой?

– Я? Вообще-то был, – ответил Люпин. – Мы вместе учились и дружили. Знаешь, Гарри, пожалуй, на сегодня достаточно. Это заклятие до нелепости сложное... Я зря предложил – это слишком тяжелое испытание...

– Нет! – крикнул Гарри. Он снова встал. – Еще разок! Просто воспоминания не самые счастливые, в этом все дело... Погодите...

Он напряг мозги. Нужно очень-очень-очень счастливое воспоминание... из которого выйдет настоящий, хороший Заступник...

Вот оно! Минута, когда выяснилось, что он колдун, что он уедет от Дурслеев и будет учиться в «Хогварце»! Если уж это не счастливое воспоминание, то непонятно, что ж еще... Очень сосредоточенно вспоминая, как услышал, что покидает Бирючинную улицу, Гарри повернулся к ящику.

– Готов? – спросил Люпин. Похоже, он сильно сомневался, что сейчас поступает правильно. – Сосредоточился? Хорошо... Давай!

И он в третий раз потянул крышку; над ящиком вырос дементор; комната погрузилась в холод и мрак...

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! – заорал Гарри. – ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Голова наполнилась криками, но звучали они словно из плохо настроенного радиоприемника – тише, громче, опять тише... Гарри по-прежнему видел дементора... тот остановился... огромное серебристое облако вылетело из волшебной палочки и повисло между Гарри и дементором. У Гарри подгибались колени, но он держался на ногах – правда, сомневался, что выстоит долго...

– *Риддикулус!* – загрохотал Люпин, стрелой метнувшись вперед.

Раздался громкий щелчок, и дымчатый Заступник исчез вместе с дементором. Гарри упал на стул, обессиленный, будто пробежал целую милю. Ноги дрожали. Уголком глаза Гарри видел, как Люпин палочкой загоняет вризрак обратно в ящик; вризрак снова обернулся серебристым шаром.

– Превосходно! – воскликнул Люпин, подходя к Гарри. – Превосходно! Хорошее начало!

– А можно еще раз попробовать? Всего разок?

– Не сейчас, – твердо сказал Люпин. – На сегодня более чем достаточно. На-ка...

Он протянул Гарри большую плитку лучшего рахатлукуллового шоколада.

– Съешь все, а то мадам Помфри живьем съест меня. Ну что, через неделю в это же время?

– Ага, – подтвердил Гарри.

Он откусил шоколада, наблюдая за Люпином. Тот гасил лампы, которые после исчезновения дементора зажглись вновь. Тут Гарри пришла в голову одна мысль.

– Профессор Люпин? – окликнул он. – Раз вы знали моего папу, то и Сириуса Блэка тоже должны были знать?

Профессор Люпин резко обернулся.

– Почему ты так решил? – жестко спросил он.

– Да так... Просто они тоже дружили в «Хогварце»...

Люпин расслабился.

– Да, я знал Сириуса, – коротко ответил он. – По крайней мере, думал, что знаю. Тебе пора, Гарри, уже совсем поздно.

Гарри вышел из кабинета в коридор, а за углом нырнул за рыцарские доспехи и устало опустился на постамент. Он сидел, доедая шоколадку, и жалел, что заговорил о Блэке, – Люпин явно не желал обсуждать эту тему. Потом Гарри снова подумал о маме с папой...

Он был совершенно выжат, опустошен, несмотря на съеденный шоколад. Невыносимо словно бы присутствовать при последних мгновениях жизни родителей, но ведь это единственная возможность вновь услышать их голоса... Однако, если он так и будет втихомолку мечтать их услышать, ему ни за что не вызвать нормального Заступника...

– Они мертвы, – сурово сказал он себе. – Они мертвы, и никакое эхо не вернет их тебе. Если хочешь квидишный кубок, возьми себя в руки.

Он встал, засыпал в рот шоколадные крошки и направился в гриффиндорскую башню.

«Вранзор» сыграл со «Слизерином» через неделю после начала семестра. Слизеринцы выиграли, хотя и с небольшим отрывом. По словам Древа, это была хорошая новость для «Гриффиндора», который теперь мог оказаться на втором месте, если тоже победит «Вранзор». И

Древ увеличил количество тренировок до пяти в неделю. А это означало, что – при учете занятий с профессором Люпином (каждое выматывало больше, чем шесть квидишных тренировок) – у Гарри оставался только один вечер в неделю на все домашние задания. И однако он уставал меньше Гермионы, – ее, похоже, задавил груз, который она на себя взвалила. Всякий вечер без исключения Гермиона сидела в уголке общей гостиной; вокруг нее сразу на нескольких столах валялись книги, таблицы по арифмантике, рунические словари, плакаты с изображениями муглов, поднимающих тяжести, увесистые стопки пространных конспектов... Гермиона почти ни с кем не разговаривала и огрызалась, когда к ней обращались.

– Как ей это удастся? – однажды прошептал Рон.

Гарри дописывал заданное Злеем жутко сложное сочинение про необнаружимые яды. Он поднял глаза. Гермиону было едва видно за шаткой башней из учебников.

– Что удастся?

– Везде успевать! – воскликнул Рон. – Я слышал, как она разговаривала с профессором Вектор – ну, этой, арифмантичкой. Обсуждали вчерашний урок. Но ведь Гермиона не могла там быть, она в это время с нами вместе была на уходе за магическими существами! И еще – Эрни Макмиллан говорил, что она не пропустила ни одного мугловедения, а половина этих уроков совпадает с прорицанием! Но ни одного прорицания она тоже не пропустила!

У Гарри совсем не было времени на разгадку мистической тайны Гермиониного расписания: сочинение для Злея надо было закончить кровь из носу. Впрочем, спустя две секунды его снова прервали – на этот раз Древ.

– Ужасные новости. Я только что ходил к профессору Макгонаголл насчет «Всполоха». Она буквально... ммм... *распсиховалась*. У меня, видите ли, неправильные приоритеты. Решила, кажется, что меня больше волнует кубок, чем твоя жизнь. Всего-навсего потому, что я сказал, мол, меня не интересует, скинет тебя метла или нет, лишь бы ты успел схватить Проныру. – Древ в полнейшем недоумении потряс головой. – Нет, правда, она так орала... можно подумать, я сказал что-то ужасное... Тогда я спросил, сколько еще они продержат «Всполох»... – Он скорчил рожу и передразнил профессора Макгонаголл: – «Сколько потребуется, Древ»... Пожалуй, тебе надо

заказать новую метлу, Гарри. В каталоге «Ваша новая метла» сзади есть бланк заказа... купи «Нимбус-2001», как у Малфоя.

– Что хорошо Малфою, для меня не годится, – буркнул Гарри.

Январь незаметно перетек в февраль, а погода как была отвратительной, так и осталась. Матч с «Вранзором» неуклонно приближался, но Гарри никак не мог заказать себе метлу. После каждого урока превращений он спрашивал профессора Макгонаголл о «Всполохе». Рон стоял рядом и тоже с надеждой ждал ответа, а Гермиона пробегала мимо, отводя глаза.

– Нет, Поттер, пока нельзя, – сказала профессор Макгонаголл на двенадцатый заход, не дожидаясь вопроса. – Мы проверили метлу на все обычные заговоры, но профессор Флитвик опасается сбросового сглаза. Как только мы закончим проверку, я *обязательно* вам сообщу. А пока, будьте любезны, перестаньте меня донимать.

В довершение несчастий с защитой от дементоров дела шли хуже, чем хотелось бы. Вот уже несколько занятий Гарри удавалось создать неотчетливую серебристую тень, но его Заступнику не хватало убедительности отогнать дементора. Полупрозрачное облако бессмысленно болталось в воздухе, и поддержание его существования выпивало из Гарри всю энергию. Гарри злился на себя и угрызался из-за неизбежного тайного желания снова услышать голоса родителей.

– Ты хочешь от себя слишком многого, – строго сказал профессор Люпин на четвертой неделе занятий. – Для тринадцатилетнего колдуна даже нечеткий Заступник – огромное достижение. Ты же больше не теряешь сознание, правда?

– Я думал, Заступник будет... повергать дементоров на пол, например, – потерянно отозвался Гарри. – Заставит их исчезнуть...

– Настоящий Заступник так и делает, – подтвердил Люпин. – И все равно, ты достиг очень многого очень быстро. Если дементоры придут на следующий матч, ты сможешь держать их на расстоянии и успеешь спуститься на землю.

– Вы говорили, это труднее, когда их много, – вспомнил Гарри.

– Я в тебе полностью уверен, – улыбнулся Люпин. – На... ты заслужил... это из «Трех метел». Ты такого еще не пробовал...

Он достал из портфеля две бутылки.

– Усладэль! – необдуманно возликовал Гарри. – Обожаю!

Люпин задрал бровь.

– Ну... мне Рон с Гермионой приносили из Хогсмед, – поспешно соврал Гарри.

– Понятно, – сказал Люпин, хотя глядел с некоторым подозрением. – Ну что? Выпьем за победу «Гриффиндора»! Мне, конечно, как педагогу не полагается иметь предпочтения... – торопливо добавил он.

Они в молчании пили усладэль, а потом Гарри задал вопрос, который давно его мучил:

– А что у дементоров под капюшоном?

Профессор Люпин в задумчивости опустил бутылку.

– Хммм... те, кто знает, вряд ли способны рассказать. Понимаешь, дементоры опускают капюшон только затем, чтобы воспользоваться своим последним и самым страшным оружием.

– Каким?

– Это называется «Поцелуй дементора», – ответил Люпин, кривовато улыбнувшись. – Так они уничтожают личность полностью. Наверное, под капюшоном нечто вроде рта, потому что они прижимают челюсти ко рту жертвы и... и высасывают душу.

Гарри от неожиданности поперхнулся.

– Что? Они убивают?..

– О нет, – сказал Люпин. – Гораздо хуже. Без души, знаешь ли, жить можно, если мозг и сердце работают. Но у тебя не остается *личности*... воспоминаний... ничего... И ни малейшего шанса восстановить. Ты просто... существуешь. Пустая оболочка. А душа исчезает навсегда... – Люпин глотнул усладэля и прибавил: – Это ожидает Сириуса Блэка. Сегодня утром в «Оракуле» напечатали. Министерство дало дементорам разрешение запечатлеть Поцелуй, как только Блэка найдут.

Гарри на миг потрясенно застыл, представив, каково это, когда у тебя изо рта высасывают душу. Но потом подумал о Блэке и выпалил:

– Он это заслужил.

– Думаешь? – спокойно спросил Люпин. – Ты правда думаешь, что такого кто-то заслуживает?

– Да, – вызывающе ответил Гарри. – За... некоторые вещи...

Ему хотелось рассказать Люпину о разговоре, подслушанном в «Трех метлах», о том, что Блэк предал его родителей, но тогда пришлось бы признаться и в незаконном посещении Хогсмед –

учитель не обрадуется. Поэтому Гарри допил усладэль, поблагодарил Люпина и вышел из кабинета истории магии.

Лучше бы не спрашивал, что у дементоров под капюшоном; ответ был кошмарен. Гарри погрузился в размышления о том, что творится с человеком, которого подвергают Поцелую, и, поднимаясь по лестнице, воткнулся прямо в профессора Макгонаголл.

– Смотрите, куда идете, Поттер!

– Извините, профессор...

– Я только что ходила за вами в общую гостиную. Хотела сказать, что мы провели все проверки, какие только смогли придумать. По всей видимости, ваша метла в полном порядке. Где-то у вас есть очень хороший друг, Поттер...

У Гарри отвисла челюсть. Профессор Макгонаголл протягивала ему «Всполох», прекрасный как прежде.

– И можно его взять? – У Гарри отказал голос. – Правда?

– Правда, – ответила профессор Макгонаголл. Она даже улыбалась. – Полагаю, вы бы хотели опробовать его до субботнего матча. И еще, Поттер, – постарайтесь выиграть, хорошо? А то мы окажемся за бортом вот уже восьмой раз подряд. Профессор Злей вчера вечером весьма любезно мне об этом напомнил...

Лишившись дара речи, Гарри понес «Всполох» в гриффиндорскую башню. Едва завернув за угол, он нос к носу столкнулся с Роном, улыбавшимся от уха до уха.

– Уже отдала? Отлично! Слушай, а можно все-таки мне полетать? Завтра?

– Да... сколько угодно... – ответил Гарри. На сердце стало легко – давно так не было. – Знаешь что? Надо помириться с Гермионой. Она ведь хотела как лучше...

– Да, точно, – согласился Рон. – Она в общей гостиной – делает уроки, для разнообразия...

В коридоре гриффиндорской башни они увидели Невилла Лонгботтома. Тот о чем-то молил сэра Кэдогана. Похоже, рыцарь отказывался его впустить.

– Я записал их на бумажке! – чуть не плакал Невилл. – Но, наверно, где-то обронил!

– Знаем мы эти сказки! – ревел сэр Кэдоган. Тут он заметил Гарри с Роном: – Добрейшего вам вечера, прекрасные молодые йомены! Я

призываю заковать в железо эту деревенщину! Ворваться хочет он в господские покои!

– Ой, заткнись, – отмахнулся Рон, приблизившись.

– Я потерял пароли! – поведал несчастный Невилл. – Я попросил его продиктовать все пароли, которые он назначит на этой неделе, он же вечно их меняет! И куда только я их задевал!

– «Психнаволикинс», – сказал Гарри сэру Кэдогану.

Тот в крайнем разочаровании неохотно задрался вверх вместе с картиной. Как только ребята вошли, все головы повернулись к ним, по гостинной пробежал взволнованный шепоток. Спустя миг Гарри окружили, и отовсюду понеслись возбужденные голоса:

– Где взял, Гарри?

– Дашь покататься?

– Ты уже на ней летал?

– Все, у «Вранзора» нет шансов, у них у всех «Чистые победы-7»!

– Можно просто *поддержать*, Гарри?

Прошло минут десять или около того – «Всполох» всё передавали из рук в руки, восторгаясь, поворачивая его и так и этак. Наконец толпа рассеялась, и Гарри с Роном увидели Гермиону – она одна вокруг них не суетилась. Девочка склонилась над работой и тщательно избегала смотреть на них обоих. Гарри с Роном подошли, и она подняла голову.

– Мне ее отдали. – Гарри с улыбкой предъявил Гермионе «Всполох».

– Видишь, Гермиона? И ничего с ней плохого не было! – сказал Рон.

– Но... *могло* быть! – ответила Гермиона. – Теперь ты, по крайней мере, знаешь точно.

– Да, конечно, – ответил Гарри. – Пойду отнесу ее наверх...

– Я отнесу! – пылко сказал Рон. – Мне все равно пора давать Струпику крысотоник.

Он взял «Всполох» и, держа его перед собой так, словно он стеклянный, понес в спальню мальчиков.

– Можно с тобой посидеть? – спросил Гарри у Гермионы.

– Почему же нет, – ответила та, сгребая с кресла большую стопку пергаментов.

Гарри оглядел захламленный стол: длинную работу по арифмантике, еще блестящую непросохшими чернилами; сочинение по мугловедению, еще длиннее («Зачем муглам электричество»); перевод древних рун, над которым корпела Гермиона.

– Когда ты все успеваешь? – спросил Гарри.

– Ну... просто много работаю, – сказала она. Вблизи было видно, что лицо у нее изможденное, как у Люпина.

– Может, отказаться хотя бы от пары предметов? – поинтересовался Гарри, глядя, как она ворочает тяжелые тома, разыскивая рунический словарь.

– Ни за что! – Видимо, самая мысль об этом Гермиону шокировала.

– Арифмантика, по-моему, просто жуть. – Гарри взял в руки ужасно сложную таблицу с числами.

– Да что ты! Она замечательная! Мой любимый предмет! Это...

Гарри не довелось узнать, что такого замечательного в арифмантике. В это самое мгновение из мальчишеской спальни раздался задушенный вопль. Все в гостиной испуганно замерли, все взгляды обратились к лестнице. Раздался быстрый топот, громче, громче – и на лестницу вылетел Рон. Он волок за собой простыню.

– ПОСМОТРИ! – загрохотал он, подбежав к Гермионе. – ПОСМОТРИ! – вопил он, потрясая простыней у нее перед носом.

– Рон, в чем?..

– СТРУПИК! ПОСМОТРИ! СТРУПИК!

Гермиона в глубоком недоумении отодвигалась. Гарри посмотрел на простыню. На простыне было что-то красное. Что-то красное, до ужаса напоминавшее...

– КРОВЬ! – выкрикнул Рон в зловещей тишине. – СТРУПИКА НЕТ! А НА ПОЛУ... ЗНАЕШЬ ЧТО?

– Н-нет, – пролепетала Гермиона.

Рон швырнул что-то на рунический перевод. Гермиона и Гарри склонились ближе. Поверх странных, острых закорючек лежало несколько длинных рыжих кошачьих волосков.

Глава тринадцатая

«Гриффиндор» ПРОТИВ «Вранзора»

Похоже, дружбе Рона и Гермионы пришел конец. Они страшно злились друг на друга – Гарри сомневался, что им удастся помириться.

Рон возмущался, что Гермиона никогда не принимала всерьез попытки Косолапсуса съесть Струпика, не следила как следует за своим котом и даже сейчас имела наглость делать вид, будто не верит в его виновность – о чем свидетельствовали ее советы поискать Струпика под кроватями. Гермиона, в свою очередь, яростно твердила, что обвинения Рона бездоказательны, что рыжая шерсть наверняка осталась в спальне с Рождества и что Рон невзлюбил Косолапсуса с той минуты, когда кот прыгнул ему на голову в «Заманчивом зверинце».

Гарри не сомневался, что Косолапсус сожрал Струпика, но когда попытался объяснить Гермионе, что все улики говорят в пользу этой версии, она набросилась и на Гарри.

– Если ты за Рона – пожалуйста! Ничего другого я от тебя и не ожидала! – звенящим голосом выкрикнула она. – Сначала «Всполох», теперь Струпик, и конечно же кругом виновата я! Оставь меня в покое, Гарри, у меня очень много дел!

Рон переживал потерю своего питомца очень тяжело.

– Перестань, Рон, ты же сам вечно жаловался, что он скучный! – попробовал приободрить брата Фред. – И вообще, он уже давным-давно плохо выглядел, он угасал. Может, так лучше, совсем не мучился, ам – и нету! Может, он даже ничего и не почувствовал!

– *Фред!* – вознегодовала Джинни.

– Ты сам говорил, Рон, что он только ест да спит, – сказал Джордж.

– Он однажды укусил Гойла! Он защищал нас! – возразил безутешный Рон. – Помнишь, Гарри?

– Да, это правда, – подтвердил Гарри.

– Звездный час Струпика. – Серьезное лицо Фреду никак не удавалось. – Так пусть же шрам на пальце негодяя останется покойному вечным мемориалом. Ну хватит уже, Рон! Сходи в Хогсмед, купи себе новую крысу. Что толку сидеть и стонать?

Не зная, чем бы развеселить Рона, Гарри пригласил его на последнюю тренировку перед матчем с «Вранзором» и пообещал, что в конце даст покататься на «Всполохе». Рона это и впрямь на время отвлекло от страданий («Здорово! А можно мне будет забить пару мячей?»), и мальчики вместе отправились на квидишное поле.

На мадам Самогони, которая по-прежнему приглядывала за Гарри на тренировках, «Всполох» тоже произвел сильное впечатление. Она бережно взяла метлу и поделилась с игроками своим профессиональным мнением.

– Вы только поглядите, какая балансировка! Вот у «Нимбусов» есть недостаток – легкий крен в хвостовой части, нередко через пару лет они начинают подволакивать зад. Смотрите-ка, и у рукояти изменили дизайн... чуть стройнее, чем у «Чистой победы»... напоминает «Серебряную стрелу» – жалко, их перестали выпускать. Я училась летать на «Серебряной стреле», и, доложу вам, прекрасная была модель!

Некоторое время она продолжала в том же духе, и наконец Древ робко перебил:

– Э-э-э... мадам Самогони? Ничего, если Гарри возьмет метлу? А то нам бы начать уже...

– А!.. Конечно. Прошу вас, Поттер, – очнулась мадам Самогони. – Я посижу тут с Уизли...

Они с Роном удалились на трибуны, а гриффиндорская команда собралась вокруг Древа, чтобы выслушать последние наставления перед завтрашним матчем.

– Гарри, я сейчас выяснил, кто у «Вранзора» Ловчий... Чо Чан. Учится в четвертом классе и неплохо летает... я вообще-то надеялся, что она играть не будет, у нее какая-то травма была... – Древ недовольно нахмурился – жалел, что Чо Чан выздоровела. Затем продолжил: – С другой стороны, у нее «Комета-260», по сравнению со «Всполохом» это просто смешно. – Он окинул метлу Гарри взором пылкого обожания и скомандовал: – Так, начинаем...

Настал долгожданный миг – Гарри оседлал «Всполох» и оттолкнулся от земли.

Оказалось прекраснее самых смелых его ожиданий. «Всполох» откликался на малейшее прикосновение; он как будто слушался мысли хозяина, а не движений; промчался над полем с такой скоростью, что стадион превратился в размытое серо-зеленое пятно... Гарри резко развернулся (Алисия Спиннет завизжала), ушел в стремительное пике... Все было под контролем; он ногами задел траву и вновь взмыл – на тридцать, сорок, пятьдесят футов...

– Гарри, я выпускаю Проныру! – крикнул Древ.

Гарри повернул и наперегонки с Нападалой ринулся к кольцам; без труда обогнал Нападалу, увидел, как из рук Древа вырвался Проныра, а через десять секунд уже сжимал трепещущий мячик в ладони.

Все заплодировали как ненормальные. Гарри выпустил Проныру, дал ему минутку форы, а потом кинулся вдогонку, ловко петляя между игроками; заметил золотой всплеск у колена Кэти Белл, небрежно ее обогнул и снова поймал мячик.

Не бывало тренировок лучше. Команда, воодушевленная «Всполохом», безупречно выполняла самые сложные приемы, и, когда все спустились на землю, Древ не сделал ни единого замечания, что, как сказал Джордж, случилось с ним впервые в жизни.

– Даже не знаю, что может нам завтра помешать! – воскликнул Древ. – Разве только... Гарри, ты решил свои проблемы с дементорами?

– Ага. – Гарри вспомнил слабосильного Заступника. Хотелось бы, конечно, чего-нибудь повнушительнее.

– Дементоры не придут, Оливер. А то Думбльдор взбесится, – уверенно заявил Фред.

– Надеюсь, что не придут, – отозвался Древ. – В любом случае все отлично поработали. Пошли в башню... надо лечь пораньше...

– Я еще останусь. Рон хотел полетать на «Всполохе», – сказал Гарри.

Остальные игроки направились в раздевалку, а он пошел к Рону. Тот перепрыгнул через ограждение и двинулся навстречу. Мадам Самогони спала на трибуне.

– Держи, – и Гарри протянул Рону «Всполох».

В безмерном восторге Рон сел на метлу и взмыл в темнеющее небо. Гарри, следя за ним, зашагал по краю поля. Вскоре наступила ночь. Мадам Самогони вздрогнула, проснулась, отругала Гарри с Роном за то, что не разбудили ее раньше, и велела им возвращаться в замок.

Гарри водрузил «Всполох» на плечо, и они с Роном вышли со стадиона, обсуждая безупречно ровный ход метлы, ее феноменальный разгон и идеально четкие развороты. На полпути к замку Гарри глянул влево, и внутри у него все перевернулось – он увидел два мерцающих в темноте глаза.

Он замер, сердце бешено забилося в груди.

– Что случилось? – встревожился Рон.

Гарри ткнул пальцем. Рон вытащил волшебную палочку и шепнул:

– Люмос!

Луч света озарил траву под ногами, уперся в подножие дерева, перебежал к кроне. В ветвях среди набухающих почек сидел Косолапсус.

– Пошел вон! – заорал Рон, нагнулся и схватил с земли камень, но кинуть не успел: Косолапсус исчез, вильнув рыжим хвостом. – Видал? – свирепо рявкнул Рон, отбросив камень. – А ей хоть бы что – выпускает его гулять, где ему вздумается! Наверное, решил после Струпики птичками закусить...

Гарри не ответил. Он глубоко и с облегчением вздохнул: ему-то померещились глаза Сгубита. Мальчики пошли дальше. Немного стыдясь своего испуга, Гарри ничего Рону не объяснил и всю дорогу до освещенного вестибюля не смотрел ни влево, ни вправо.

Утром Гарри провожали на завтрак все мальчики из его класса: видимо, считали, что «Всполох» заслуживает почетного эскорта. Когда Гарри шел по Большому залу, вслед метле поворачивались головы, отовсюду неся взволнованный шепот. С великим удовольствием Гарри отметил, как убита слизеринская команда.

– Видал эту рожу? – в восторге спросил Рон, поглядев на Малфоя. – Глазам не верит! Супер!

Древ тоже купался в отраженных лучах славы «Всполоха».

– Положим ее сюда, Гарри. – И Древ разместил метлу в центре стола, так, чтобы видно было название.

Вскоре стал подтягиваться народ от столов «Хуффльпуффа» и «Вранзора». Седрик Диггори поздравил Гарри с великолепной заменой

«Нимбусу», а подруга Перси, Пенелопа Диамант, благоговейно спросила, нельзя ли подержать «Всполох».

– Смотри, Пенни, без подрывной деятельности! – шутливо ворчал Перси, пока она внимательно изучала метлу. – Мы с Пенелопой заключили пари, чей колледж выиграет, – поведал он всей команде, – на десять гал леонов!

Пенелопа положила «Всполох» на место, поблагодарила Гарри и вернулась к своему столу.

– Гарри, ты уж постарайся выиграть, – лихорадочно зашептал Перси. – *А то где я возьму десять галлеонов?..* Иду, иду, Пенни! – И он бросился к даме сердца, чтобы вместе съесть гренки.

– Уверен, что справишься с такой метлой, Поттер? – раздался холодный тягучий голос.

С инспекцией прибыл Драко Малфой. За его спиной, как всегда, стояли Краббе и Гойл.

– Да, пожалуй, – небрежно бросил Гарри.

– У нее так много всяких специальных функций, – сказал Малфой, и его глаза угрожающе блеснули. – Жаль, парашют не предусмотрен – а то вдруг опять дементор...

Краббе с Гойлом заухмылялись.

– Жаль, к твоей метле руки не приделали, Малфой, – не остался в долгу Гарри. – Глядишь, она бы поймала Проныру...

Гриффиндорский стол взорвался хохотом. Бледные глаза Малфоя сузились, и он пошел прочь. Гриффиндорцы проводили его взглядами. Малфой вернулся к команде «Слизерина», и те сгрудились вокруг: без сомнения, интересовались, вправду ли новая метла Гарри – «Всполох».

Без четверти одиннадцать игроки «Гриффиндора» отправились в раздевалку. Погода разительно отличалась от той, что была во время матча с «Хуффльпуффом». День выдался ясный, прохладный, дул легчайший ветерок, никаких проблем с видимостью не намечалось. Гарри нервничал, но его уже захлестывало счастливое предыгровое волнение. Из-за стен раздевалки слышалось, как стадион заполняется публикой. Гарри снял черную школьную мантию, вынул из кармана волшебную палочку и сунул под футболку, а поверх натянул квидишную форму. Он, конечно, надеялся, что палочка не понадобится. Интересно, вдруг подумал он, здесь ли Люпин, будет ли смотреть игру.

– Вы и сами знаете, что должны делать, – сказал Древ на выходе из раздевалки. – Если проиграем этот матч – выбываем. Поэтому летайте, как вчера на тренировке, и все будет хорошо!

Команда вышла на поле под оглушительные овации. Вранзорцы в голубом уже выстроились в центре поля. Ловчая Чо Чан была единственной девочкой в команде, ниже Гарри примерно на голову и к тому же – никакие нервы не помешали ему это отметить – удивительно хорошенькая. Когда команды встали лицом друг к другу позади своих капитанов, Чо Чан улыбнулась Гарри, и в животе у него екнуло – хотя, кажется, волнение перед игрой тут было ни при чем.

– Древ, Дэйвис, обменяйтесь рукопожатиями, – живо велела мадам Самогони, и Древ пожал руку капитану «Вранзора». – По метлам... по моему свистку... три – два – один...

Гарри взмыл в воздух. «Всполох» летал быстрее и выше любой другой метлы. Гарри пронесся над стадионом и поискал глазами Проныру, между тем прислушиваясь к комментариям приятеля близнецов Ли Джордана.

– Они взлетели! В этой игре большим событием стал «Всполох», на котором за «Гриффиндор» играет Гарри Поттер! По информации каталога «Ваша новая метла», национальная квидишная сборная выбрала для игр мирового чемпионата именно «Всполох»...

– Джордан, будьте любезны все же сообщать изредка, что происходит в воздухе! – прервал панегирики «Всполоху» голос профессора Макгонаголл.

– Ну конечно, профессор, просто кое-какая необходимая информация для публики... Кстати, забыл сказать, «Всполох» оснащен встроенной автотормозной системой и...

– Джордан!

– Все, все, профессор! «Гриффиндор» владеет мячом, Кэти Белл летит к кольцам...

Гарри скользнул навстречу Кэти, зорко следя, не сверкнет ли где золотая искорка, и отметив, что Чо Чан следует за ним по пятам. Она, без всякого сомнения, прекрасно летала – и поминутно преграждала ему дорогу, заставляя сворачивать.

– Покажи ей свой разгон! – заорал Фред, просвистев мимо вдогонку за Нападалой, который целил в Алисию.

Гарри подтолкнул «Всполох», огибая кольца «Вранзора», и Чо осталась далеко позади. Кэти забила первый гол, гриффиндорские трибуны дико взревели, и тут Гарри увидел: Проныра трепыхал крылышками у самой земли возле ограждения.

Гарри нырнул. Чо заметила и рванулась за ним... В восторге Гарри набирал скорость: пике – его конек, еще каких-то десять футов...

Откуда ни возьмись прилетел один из Нападал, посланный Отбивалой «Вранзора». Гарри резко сменил курс, увернулся в дюйме от Нападалы, и за эти критические секунды Проныра исчез.

Болельщики «Гриффиндора» издали разочарованное «О-о-о-о-о!». Болельщики «Вранзора» приветствовали своего Отбивалу. Джордж Уизли в сердцах послал второго Нападалу прямо в того, кому так аплодировали, и бедняге пришлось перевернуться в воздухе, чтобы уклониться от мяча.

– «Гриффиндор» лидирует, восемьдесят – ноль, и вы только взгляните, как безупречно двигается «Всполох»! Смотрите, Поттер демонстрирует все, на что способна его метла, – «Комета» Чо «Всполоху» в подметки не годится, его идеальная балансировка особенно видна на таких вот длинных...

– ДЖОРДАН! ВАМ ЧТО, ПЛАТЯТ ЗА РЕКЛАМУ «ВСПОЛОХА»? ВЫ БУДЕТЕ КОММЕНТИРОВАТЬ МАТЧ ИЛИ НЕТ?

Команда «Вранзора» постепенно выравнивала позиции: они забили три мяча, так что «Гриффиндор» опережал всего на пятьдесят очков – если Чо поймает Проныру, «Вранзор» выиграет. Гарри нырнул ниже, чудом не столкнулся с Охотником «Вранзора» и лихорадочно огляделся. Вот! Золотой всплеск, трепыхание крошечных крылышек – Проныра кружил у колец «Гриффиндора»...

Не отрывая глаз от золотой точки, Гарри набрал скорость – но тут перед ним материализовалась Чо и преградила дорогу...

– ГАРРИ, НЕ ВРЕМЯ СТРОИТЬ ИЗ СЕБЯ ДЖЕНТЛЬМЕНА! – раздался рев Древа, когда Гарри круто свернул, чтобы избежать столкновения. – СКИНЬ ЕЕ С МЕТЛЫ, ЕСЛИ НАДО!

Гарри обернулся и мельком увидел лицо Чо. Та ухмылялась. Проныра опять исчез. Гарри направил «Всполох» в небо и завис в двадцати футах над игрой. Уголком глаза он видел, что Чо не отстает... Значит, решила следить за ним, а не за Пронырой... Ладно... Нравится быть хвостом – пусть отвечает за последствия...

Он снова нырнул. Чо, предположив, что показался Проныра, ухнула следом; Гарри неожиданно вышел из пике, а девочка по инерции полетела вниз; Гарри пулей взмыл над игрой и тогда увидел его в третий раз – Проныра лениво трепыхался на вранзорском конце поля.

Гарри набрал скорость; далеко внизу Чо поступила так же. Он опережал, с каждой секундой Проныра ближе – но тут...

– Ой! – крикнула Чо, показывая пальцем.

Гарри отвлекся и глянул вниз.

Три дементора, три высоченные черные фигуры, смотрели вверх из-под капюшонов.

Гарри не раздумывал. Он сунул руку за пазуху, выдернул палочку и закричал:

– Экспекто патронум!

Нечто бело-серебристое, огромное вырвалось из палочки. Гарри знал, что оно выстрелило прямо в дементоров, но не задержался посмотреть, чем кончится дело. Голова оставалась замечательно ясна, и Гарри сосредоточенно глядел вперед – он почти у цели. Он вытянул руку с палочкой и самыми кончиками пальцев схватил маленького сопротивляющегося Проныру.

Прозвучал свисток мадам Самогони. Гарри развернулся и увидел, что к нему летят шесть малиновых пятен; в следующую секунду вся команда обнимала его с такой силой, что чуть не стащила с метлы. Внизу восторженно ревели болельщики «Гриффиндора».

– Ай да молодец! – вопил Древ.

Алисия, Ангелина и Кэти целовали Гарри; Фред до того прочувствованно обнимал его за шею, что Гарри боялся, как бы у него не оторвалась голова. В полнейшей неразберихе команда все же умудрилась спуститься на землю. Гарри сошел с метлы и посмотрел туда, откуда на него неслись гриффиндорцы во главе с Роном. Не успел Гарри опомниться, его со всех сторон обступила ополоумевшая от радости толпа.

– Есть! – орал Рон, задирая Гарри руку. – Есть! Есть!

– Отлично сыграл, Гарри! – сказал счастливый Перси. – Мне причитаются десять галлеонов! Извини, мне надо найти Пенелопу...

– Молодчина, Гарри! – верещал Шеймас Финниган.

– Вот это я понимаю! – басил Огрид поверх скачущих голов.

– Заступник был что надо, – сказал голос у Гарри над ухом.

Гарри обернулся и увидел потрясенного, но довольного профессора Люпина.

– Дементоры на меня вообще не подействовали! – в упоении похвастался Гарри. – Я ничего не почувствовал!

– Это оттого, что они... э-э... не были дементорами, – ответил Люпин. – Подойди-ка...

Он вывел Гарри из толпы и кивнул на край поля:

– Ты здорово напугал Малфоя.

Гарри уставился туда, куда показывал Люпин. На земле беспомощной кучей валялись Малфой, Краббе, Гойл и капитан слизеринской команды Маркус Флинт. Они без особого успеха пытались выпутаться из длинных черных плащей с капюшонами. Судя по всему, до падения Малфой стоял у Гойла на плечах. Над копошащимися слизеринцами нависала профессор Макгонаголл в беспредельной ярости.

– Что за подлая шутка! – кричала она. – Низкая, трусливая попытка вывести из игры Ловчего «Гриффиндора»! Всем взыскание, и минус пятьдесят баллов со «Слизерина»! Я доложу обо всем профессору Думбльдору, можете не сомневаться! А, вот и он наконец!

Эта сцена внесла финальный штрих в блестящую картину гриффиндорской победы. Рон, с трудом пробравшийся к Гарри, от смеха согнулся пополам, глядя, как барахтается Малфой, не в силах выпутаться из плаща, где застряла голова Гойла.

– Пошли, Гарри! – позвал Джордж. – Пир! В гриффиндорской гостиной, сию минуту!

– Идет! – отозвался Гарри и, гораздо счастливее прежнего, вместе с командой, так и не снявшей малиновой формы, повел гриффиндорцев со стадиона к замку.

Можно было подумать, что они уже выиграли квидишный кубок; гулянка продолжалась весь день и плавно перетекла в ночь. Фред с Джорджем исчезли на пару часиков, а потом вернулись с кучей бутылок усладэля и тыквенной шипучки. Еще они принесли несколько мешков сладостей из «Рахатлукулла».

– Как вам это удалось? – взвизгнула Ангелина Джонсон, когда Джордж начал швырять в толпу мятными жабами.

– С небольшой помощью господ Луната, Червехвоста, Мягколапа и Рогалиса, – прошептал Фред Гарри на ухо.

Лишь один человек не принимал участия в празднике. Гермиона сидела в уголке и – невероятно! – читала громадную книгу под названием «Повседневная жизнь и общественные устои британских муглов». Гарри отошел от стола, за которым Фред с Джорджем принялись жонглировать бутылками усладэля, и приблизился к ней.

– Ты хоть на матче-то была?

– Разумеется, была, – не поднимая головы, довольно пронзительно ответила Гермиона. – Я очень рада, что мы выиграли, и ты был просто великолепен, но мне нужно прочитать это к понедельнику.

– Да ладно тебе, Гермиона, пойдем, съешь чего-нибудь, – предложил Гарри и оглянулся на Рона – может, тот развеселился и готов зарыть топор войны?

– Не могу. Мне нужно прочитать еще четыреста двадцать две страницы! – В ее голосе явственно слышалась истерика. – И к тому же... – она тоже взглянула на Рона, – *он* не хочет, чтобы я была с вами.

Трудно было поспорить – ровно в этот момент Рон громко объявил:

– Если бы Струпика *не сожрали*, он съел бы сейчас мармеладную муху... Он их так любил...

Гермиона расплакалась. Вмешаться Гарри не успел: она схватила под мышку громадный том, бросилась к лестнице и скрылась в спальне девочек.

– Может, хватит уже? – тихо укорил Гарри Рона.

– Нет! – отрезал тот. – Если б она хоть показала, что сожалеет... но она не умеет признаваться, что неправа. Ведет себя так, будто Струпик уехал на каникулы!

Вечеринка гриффиндорцев закончилась лишь в час ночи – явилась профессор Макгонаголл в клетчатом халате и с сеточкой на волосах и велела всем немедленно ложиться спать. Гарри с Роном вскарабкались по лестнице в спальню, обсуждая матч. Наконец Гарри, измотанный до предела, забрался в постель, дернул занавеси балдахина, чтобы не мешал лунный свет, лег и почти тотчас погрузился в сон...

Ему приснилось что-то очень странное. Он шел по лесу, со «Всполохом» на плече, следом за чем-то серебристо-белым. Оно петляло впереди меж деревьев, и Гарри лишь изредка видел отблески в листве. Отстать было нельзя, и Гарри ускорял шаг, но тогда ускорял

шаг и тот, кто шел впереди. Гарри бросился бежать – впереди все быстрее застучали копыта. Он полетел со всех ног – впереди кто-то поскакал галопом. Тут Гарри свернул на полянку и...

- A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A! HE-E-E-E-E-
E-E-E-E-E-E-E-E-T!

Гарри проснулся так внезапно, словно его ударили по лицу. Растерявшись в кромешной тьме, он сражался с занавесями – вокруг кто-то шевелился, а Шеймас Финниган крикнул из другого угла:

– Что такое?

Кажется, хлопнула дверь в спальню. Нашупав наконец щель в шторах, Гарри с силой их отдернул, и тут Дин Томас зажег лампу.

Смертельно напуганный Рон сидел в кровати – с одной стороны занавеси сорваны.

– Блэк! Сириус Блэк! С ножом!

– $\mathcal{U}_{mo}$?

– Прямо здесь! Только что! Прорезал занавеску! Разбудил меня!

– Тебе точно не приснилось? – спросил Дин.

— Посмотри на занавеску! Говорю вам, он был здесь!

Все повскакали. Гарри первым добежал до двери, и мальчики ринулись вниз по лестнице. За спиной открывались другие спальни, сонные голоса вопрошали:

– Кто кричал?

— Вы куда?

Общую гостиную освещал тусклый умирающий огонь в камине. Кругом валялся мусор, оставшийся после вечеринки. И ни души.

— Ты *уверен*, что тебе не приснилось, Рон?

— Да говорю же, своими глазами видел!

— Что за шум?

– Профессор Макгонаголл велела йдти спати!

Вниз, запахивая халаты и зевая, спускались девочки. Мальчики тоже спускались.

– Чего, продолжаем? – Фред Уизли радостно потер руки.

– Всем разойтись! – В гостиную вбежал Перси, на ходу прикалывая к пижаме значок «Старший староста».

– Перси! Сириус Блэк! – слабым голосом пожаловался Рон. – В нашей спальне! С ножом! Он меня разбудил!

В гостиной стало очень тихо.

– Чушь какая! – воскликнул испуганный Перси. – Ты переел на ночь, Рон, – тебе приснился кошмар...

– Да говорю тебе...

– Ну-ка хватит!

Вернулась профессор Макгонаголл. Она с шумом захлопнула за собой портрет и гневно оглядела собравшихся.

– Я тоже счастлива, что «Гриффиндор» выиграл матч, но это уже слишком! Перси, от вас я такого не ожидала!

– Я им ничего подобного не разрешал, профессор! – вознегодовал Перси. – Я как раз говорил, чтоб они возвращались в спальни! Моему брату Рону приснился кошмар...

– НИКАКОЙ НЕ КОШМАР! – заорал Рон. – ПРОФЕССОР, Я ПРОСНУЛСЯ, А НАДО МНОЙ СТОЯЛ СИРИУС БЛЭК С НОЖОМ!

Профессор Макгонаголл воззрилась на него:

– Не говорите глупостей, Уизли. Как, скажите на милость, Блэк мог пройти через портрет?

– Спросите у него! – Рон трясущимся пальцем указал в спину сэра Кэдогана. – Спросите, видел ли он...

С подозрением глянув на Рона, профессор Макгонаголл толкнула портрет и вышла. Все остальные слушали, затаив дыхание.

– Сэр Кэдоган, вы впускали в башню какого-нибудь мужчину? Только что?

– Разумеется, милостивая леди! – вскричал сэр Кэдоган.

Снаружи и внутри гостиной повисло потрясенное молчание.

– Впускали? – переспросила профессор Макгонаголл. – Но... пароль...

– У него были все пароли! – гордо отрапортовал сэр Кэдоган. – За целую неделю, миледи! Он зачитал их по бумажке!

Профессор Макгонаголл влезла обратно и оглядела ошеломленных детей. Она побелела как мел.

– Кто из вас, – дребезжащим голосом спросила она, – какой безмерно глупый человек записал пароли этой недели на бумажке, а потом бросил где попало?

В полнейшей тишине раздался тишайший сдавленный вскрик. Дрожа от макушки до пушистых помпонов на шлепанцах, медленно поднял руку Невилл Лонгботтом.

Глава четырнадцатая

Злей злится

Этой ночью в гриффиндорской башне не спал никто. Зная, что замок обыскивают, все сидели в общей гостиной и дожидались, когда поймут Блэка. Но на рассвете пришла профессор Макгонаголл и сообщила, что тому снова удалось улизнуть.

Целый день повсюду усиливали охрану; профессор Флитвик обучал входные двери узнавать Сириуса Блэка по большой фотографии; Филч носился туда-сюда по коридорам, баррикадируя все, от крошечных трещинок в стенах до мышиных нор. Сэра Кэдогана уволили. Его портрет сослали назад на пустынную лестничную площадку седьмого этажа. Вернулась Толстая Тетя. Ее весьма профессионально отреставрировали, но бедняжка все еще очень нервничала и согласилась взяться за работу лишь при условии, что ей самой дадут охрану. К ней приставили целую бригаду угрюмых троллей. Они грозно маршировали по коридору, обменивались рыками и мерялись дубинками.

Гарри не мог не обратить внимания, что у статуи одноглазой ведьмы на третьем этаже часовых нет. Видимо, Фред с Джорджем были правы: никто, кроме них – а теперь еще и Гарри с Роном и Гермионой, – не знал про потайной тоннель.

– Как думаешь, надо кому-то сказать? – спросил Гарри у Рона.

– Он ведь проник сюда не через «Рахатлукулл», – отмахнулся Рон. – Мы бы узнали про взлом в кондитерской.

Гарри порадовался такому ответу: если доступ к статуе одноглазой ведьмы тоже перекроют, он больше не сможет попасть в Хогсмед.

Рон мгновенно сделался знаменитостью. Впервые в жизни на него обращали больше внимания, чем на Гарри, и было видно, что Рону это очень даже нравится. Несмотря на ночное потрясение, он с удовольствием и в деталях рассказывал любому, кто спрашивал, что же все-таки случилось.

– ...Я спал и вдруг слышу треск, знаете, как рвут тряпку... Я подумал, это во сне, понимаете? А потом чувствую – сквозняк... и проснулся. Занавески содраны... переворачиваюсь... и вижу, что он стоит надо мной... как скелет... волосы грязные... а в руках огромный длинный нож, дюймов двенадцать... и смотрит на меня, а я на него... а потом я как заору, а он дал деру... Непонятно, кстати, почему, – вполголоса добавил Рон, когда отошли второклассницы, внимавшие этой леденящей душу истории. – Чего ему было убегать?

Гарри тоже не понимал. Что помешало перепутавшему кровати Блэку прикончить Рона, чтоб не орал, а потом уже отыскать Гарри? Двенадцать лет назад Блэк доказал, что ему не составляет труда убивать невинных, а на сей раз перед ним было всего-навсего пять невооруженных мальчишек, причем четверо крепко спали.

– Наверное, подумал, если ты кого-нибудь разбудишь своим криком, ему будет трудно выбраться из замка, – задумчиво произнес Гарри. – Ему бы пришлось весь колледж переубивать, чтоб выйти через дыру за портретом... а там еще и учителя...

Невилл впал в немилость. Профессор Макгонаголл от возмущения лишила его всех дальнейших походов в Хогсмед, назначила взыскание и запретила кому бы то ни было сообщать ему пароли. Теперь бедный Невилл каждый вечер топтался снаружи под воинственными взглядами троллей-охранников и ждал, пока кто-нибудь проведет его в башню. Но все эти кары не шли ни в какое сравнение с тем, что припасла для него родная бабушка. Через два дня после вторжения Блэка она прислала внуку худшее, что мог получить к завтраку ученик «Хогварца», – Вовпилер.

Утром совы, как обычно, могучим потоком хлынули в Большой зал. Невилл поперхнулся – перед ним приземлилась большая амбарная сова с красным конвертом в клюве. Гарри с Роном, сидевшие напротив, сразу узнали Вовпилер – в прошлом году Рон получил такой от матери.

– Беги, Невилл, – посоветовал Рон.

Невиллу не нужно было повторять дважды. Он схватил конверт и, держа его перед собой, как бомбу, огромными скачками понесся из зала. Слизеринцы покатывались со смеху. Было слышно, как Вовпилер взорвался в вестибюле, – стократ усиленный бабушкин голос поносил Невилла за позор, которым тот покрыл всю семью.

Гарри от большого сочувствия Невиллу не сразу заметил, что тоже получил письмо. Хедвига привлекла его внимание, больно ущипнув за запястье.

– Ой! А, спасибо, Хедвига.

Пока сова угощалась кукурузными хлопьями Невилла, Гарри вскрыл конверт. Внутри была записка:

Дорогие Гарри и Рон!

Как насчет попить со мной чаю сегодня после шести? Я приду за вами в замок. **ЖДИТЕ В ВЕСТИБЮЛЕ, ВАМ НЕЛЬЗЯ ВЫХОДИТЬ ОДНИМ.**

Пока,

Огрид

– Он, наверно, хочет узнать про Блэка! – догадался Рон.

И в шесть часов пополудни Гарри с Роном вышли из гриффиндорской башни, бегом миновали троллей-охранников и помчались в вестибюль.

Огрид их уже дожидался.

– Как жизнь, Огрид? – крикнул Рон. – Рассказать тебе про субботнюю ночь?

– Да я уж знаю, – отозвался Огрид, пропуская ребят на улицу впереди себя.

– А, – в некотором разочаровании сказал Рон.

В хижине они первым делом увидели Конькура – тот растянулся на кровати поверх лоскутного одеяла, плотно прижав к телу огромные крылья. Гиппогриф угощался дохлыми хорьками из большой миски. Гарри отвел взгляд от этого малоприятного зрелища и заметил на дверце шкафа невообразимого размера коричневый ворсистый костюм и чудовищный желто-оранжевый галстук.

– А это зачем, Огрид? – спросил Гарри.

– На слушанье дела Конькура в комитете по уничтожению опасных созданий, – ответил Огрид. – В пятницу. Едем с ним в Лондон. Заказали два места в «ГрандУлете»...

Гарри окатило ужасное чувство вины. Он совершенно забыл про суд над Конькуром. И Рон, судя по его лицу, забыл. Хуже того, обещание помочь собрать материалы для защиты они тоже не выполнили: «Всполох» стер у них из памяти все остальное.

Огрид налил чаю и предложил булочки с изюмом, но мальчики благоразумно отказались: они уже не раз сталкивались с кулинарными творениями Огрида.

– Хочу с вами кой-чего обсудить. – Необычайно посерьезнев, Огрид уселся между ними.

– Что? – спросил Гарри.

– Гермionу, – ответил Огрид.

– А что с ней? – спросил Рон.

– Плохо с ней, вот чего. С Рождества все ко мне ходит. Одиноко ей, тоскливо. То вы с ней из-за «Всполоха» не разговаривали, теперь – из-за того, что ейный кот...

– Сожрал Струпику! – сердито закончил Рон.

– ...повел себя, как нормальный кот, – упрямо продолжил Огрид. – Сколько она у меня тут слез пролила... Ей сейчас тяжело. Яс'дело, откусила больше, чем может проглотить, все эти уроки да задания... И ведь еще нашла время помогать мне с Конькуром, а? Отыскала всякие полезные вещи... говорит, у него теперь неплохой шанс...

– Огрид, мы тоже должны были помочь, прости... – неловко начал Гарри.

– Да я вас не виню! – отмахнулся Огрид. – У вас и так забот полон рот! Я ж видал, как ты в квидиш-то тренируешься, и днем, и ночью, каждый день без продыху, – только я вот чего хочу сказать: я думал, вы друзей-то цените поболее метел или там крыс. Вот и все.

Гарри с Роном смущенно переглянулись.

– Ужасно она переживала, когда Блэк тебя чуть не прикончил, Рон. У ней сердце-то на месте, у нашей Гермiony, а вы, оба два, с ней не разговариваете...

– Если она выкинет своего кота, я с ней заговорю прямо тут же! – яростно выпалил Рон. – Он же у нее маньяк, а она вцепилась в него и ничего слышать не хочет!

– Что ж, люди иногда глупят, ежели дело касается до ихних питомцев, – мудро изрек Огрид. У него за спиной Конькур выплюнул на подушку пару хорьковых косточек.

Остаток визита они втроем обсуждали повысившиеся шансы «Гриффиндора» на завоевание квидишного кубка. В девять часов Огрид отвел мальчиков обратно в замок.

У доски объявлений в общей гостиной собралась толпа.

– «В выходные – Хогсмед!» – прочитал Рон через головы. – Что скажешь? – тихо добавил он, когда они с Гарри отошли к креслам.

– Ну... Филч не тронул вход в потайной тоннель... – еще тише протянул в ответ Гарри.

– Гарри! – сказали ему в правое ухо. Гарри вздрогнул и оглянулся. Позади них за столиком сидела Гермиона – она расчищала проем в книжной стене, за которой ее прежде не было видно. – Гарри, если ты снова пойдешь в Хогсмед... я расскажу профессору Макгонаголл про карту!

– Кто-то что-то сказал или мне померещилось? – прорычал Рон, не глядя на Гермиону.

– Рон, как ты можешь его туда тащить? После того как Блэк тебя самого чуть не убил! Честное слово, я скажу...

– Значит, теперь ты хочешь, чтобы Гарри исключили! – рассвирепел Рон. – Мало тебе твоих подвигов?

Гермиона открыла было рот, но тут ей на колени, тихо зашипев, вспрыгнул Косолапсус. Гермиона испуганно посмотрела на Рона, забрала кота и поспешила к себе в спальню.

– Ну так что? – сказал Рон, словно никто их не прерывал. – Решайся, в прошлый раз ты толком ничего не видел! Даже у Зонко не был!

Гарри оглянулся – убедился, что Гермиона ушла.

– Ладно, – согласился он. – Только в этот раз я возьму плащ-невидимку.

В субботу утром Гарри упаковал плащ-невидимку в рюкзак, сунул в карман Карту Каверзника и вместе со всеми спустился к завтраку. За столом он старательно избегал подозрительных взглядов Гермионы и потом постарался, чтоб она заметила, как он поднялся по мраморной лестнице, когда остальные потянулись к выходу из замка.

– Пока! – крикнул Гарри Рону. – Придешь – увидимся!

Рон ухмыльнулся и подмигнул.

Гарри побежал на третий этаж, на ходу доставая карту из кармана. Присев на корточки за статуей одноглазой ведьмы, он разгладил пергамент. К нему приближалась крошечная точка. Микроскопическая надпись гласила: «Невилл Лонгботтом».

Гарри выхватил палочку, шепнул:

– Диссендиум! – и бросил рюкзак в статую, но сам пролезть не успел – из-за угла вышел Невилл.

– Гарри! Я и забыл, что ты тоже не ходишь в Хогсмед!

– Привет, Невилл. – Гарри поспешно отошел от статуи, запихивая карту в карман. – Ты что тут делаешь?

– Ничего, – пожал плечами Невилл. – Сыграем в карты-хлопушки?

– Э-э-э... не сейчас – я хотел в библиотеку, надо написать Люпину сочинение про вампиров...

– Я с тобой! – обрадовался Невилл. – Я тоже еще не написал!

– Э-э-э... погоди-ка... совсем забыл! Я же его закончил вчера вечером!

– Вот и хорошо, тогда помоги мне! – Круглолицый Невилл глядел просительно. – Я совсем не понимаю про чеснок – они что, должны его съесть или...

Он ахнул и осекся, глядя Гарри за спину.

Подошел Злей. Невилл быстро спрятался за Гарри.

– И что же мы тут делаем? – Злей остановился и переводил взгляд с одного мальчика на другого. – Странное место для встречи...

Черные глаза Злея, пробежав по ближним дверям, остановились на статуе. Гарри ужасно занервничал.

– Мы не назначали здесь встречу, – сказал он. – Мы просто... тут встретились.

– В самом деле? – поднял брови Злей. – У вас есть привычка, Поттер, появляться в самых неподходящих местах, и, как правило, не без причины... Советую вернуться в гриффиндорскую башню, где вам и надлежит находиться.

Гарри с Невиллом без единого возражения отправились в путь. Заворачивая за угол, Гарри оглянулся. Злей водил рукой по голове одноглазой ведьмы, внимательно ее изучая.

Гарри удалось избавиться от Невилла у портрета Толстой Тети: он сказал пароль, а затем притворился, что забыл сочинение про вампиров в библиотеке, и кинулся назад. Отойдя подальше от троллей-охранников, Гарри достал карту и поднес к носу.

Коридор на третьем этаже опустел. Гарри внимательно изучил карту и с огромным облегчением увидел, что крошечная точка с пометкой «Злотеус Злей» вернулась в свой кабинет.

Он помчался к одноглазой ведьме, открыл постамент, забрался внутрь и соскользнул на дно каменного желоба, где его дожидался рюкзак. Затем стер изображение с карты и побежал.

Гарри, целиком закутанный в плащ-невидимку, вышел из «Рахатлукулла» на яркий солнечный свет и ткнул Рона в спину.

– Это я, – шепнул он.

– Почему так долго? – просипел Рон.

– Там Злей слонялся...

Они двинулись по Высокой улице.

– Ты где? – Рон цедил слова, почти не открывая рта. – Ты еще здесь? Это все очень чудно...

Они зашли на почту, и, чтобы Гарри как следует осмотрелся, Рон притворился, будто интересуется ценой отправки совы в Египет Биллу. На полках, негромко ухая, сидели совы, штук триста как минимум; самые разные, от больших бородатых неясителей до совсем малюсеньких сплюшек («только местная доставка»), которые легко уместились бы у Гарри на ладони.

Ребята посетили «Хохмазин» Зонко, забитый школьниками до отказа. Гарри пришлось сильно постараться, чтобы ни на кого не наступить и не вызвать панику. В лавочке продавались всякие приколы, способные воплотить самые дикие фантазии даже Фреда с Джорджем; Гарри заказывал шепотом и передал Рону деньги из-под плаща. Когда они ушли от Зонко, их кошель сильно полегчали, зато карманы отяжелели от навозных бомб, леденцов-икунцов, мыла из лягушачьей икры и чашек-кусашек.

День был приятный, дул ветерок, и сидеть в четырех стенах не хотелось. Ребята прошли мимо «Трех метел» и взобрались по склону к Шумному Шалману – столько привидений, как здесь, не было по всей Британии. Шалман стоял в стороне от деревни и даже днем выглядел жутковато: окна заколочены, дикий сад буйно разросся.

– Сюда даже привидения из «Хогварца» боятся ходить, – сказал Рон. Облокотившись на заборчик, они рассматривали Шумной Шалман. – Я спрашивал у Почти Безголового Ника... он говорит, тут живут очень серьезные ребята. Внутрь никому хода нет. Фред с Джорджем, конечно, пробовали, но двери опечатаны...

Гарри, вспотев от подъема, хотел на пару минут снять плащ, но тут слышались голоса. Кто-то взбирался на холм с другой стороны.

Через минуту появился Малфой, разумеется, в сопровождении Краббе и Гойла. Малфой, как всегда, разглагольствовал:

– ...Папа с минуты на минуту пришлет сову. Пошел на слушание рассказать про мою руку... как я три месяца не мог ею пошевелить...

Краббе с Гойлом заухмылялись.

– Любопытно, как будет оправдываться наше волосатое чучело... «От его никому никакой беды, чес'слово...» Всё, этот гиппогриф уже покойник!

Малфой заметил Рона. Бледное лицо расплылось в зловредной улыбке.

– Ты что здесь делаешь, Уизли? – Малфой взглянул на полуразрушенный дом за спиной у Рона. – Был бы счастлив здесь пожить, а? Мечтаешь о собственной спальне? Говорят, вся ваша семейка спит в одной комнате – это правда?

Гарри удержал Рона за мантию, чтобы тот не бросился на Малфоя.

– Дай-ка я сам, – шепнул он на ухо другу.

Такую блестящую возможность грешно было упустить. Гарри осторожно прокрался Малфою за спину и зачерпнул с земли пригоршню грязи.

– Мы, кстати, обсуждали твоего дружка Огрида, – сказал Малфой Рону. – Всё думали, как он будет оправдываться перед комитетом по уничтожению опасных созданий. Небось заплачет, когда его любимому гиппогрифчику отрубят го...

ШМЯК!

Когда глина вцепилась в затылок, Малфой клюнул носом; с платиновых волос потекла грязь.

– Что та...?

Рон аж схватился за ограду, чтобы не упасть, – он хохотал как безумный. Малфой, Краббе и Гойл синхронно развернулись на месте и в панике заозирались. Малфой при этом пытался вытереть голову.

– Что это было? Кто это сделал?

– Привидений-то сегодня, – произнес Рон небрежно, будто о погоде.

Краббе и Гойл испугались. Против привидений их железные мускулы были бесполезны. Малфой судорожно вертел головой, осматривая пустынный ландшафт.

Гарри прокрался по дорожке к луже, затянутой какой-то вонючей зеленой мерзостью.

ШЛЕП!

На этот раз досталось Краббе с Гойлом. Гойл бешено запрыгал на месте, оттирая тупые глазки.

– Кинули вон оттуда! – крикнул Малфой, тоже вытирая лицо и глядя футов на шесть влево от Гарри.

Краббе вытянул длинные руки и слепо, как зомби, бросился вперед. Гарри увернулся, подобрал с земли палку, ткнул ею Краббе в спину и сложился пополам от немого хохота при виде пируэта, который Краббе проделал в воздухе, силясь понять, в чем дело. Краббе видел только Рона, а потому на Рона и бросился, но Гарри подставил ему подножку. Краббе пошатнулся – и гигантской лапищей наступил на подол плаща-невидимки. Плащ натянулся и соскользнул у Гарри с головы.

Какое-то мгновение Малфой только смотрел на него.

– А-А-А-А-А-А! – завопил он, показывая на висящую в воздухе голову Гарри. Затем развернулся и со всех ног помчался вниз по склону. Краббе и Гойл затопотали следом.

Гарри снова натянул плащ на голову, но катастрофа уже свершилась.

– Гарри! – Рон шагнул туда, где только что исчез Гарри, и беспомощно уставился в пустоту. – Бегом! Если Малфой наступит... давай-ка в замок, и чем раньше, тем лучше...

– Ладно, увидимся. – И Гарри без промедления рванул по тропинке к Хогсмеду.

Поверит ли Малфой в то, что видел? Поверит ли кто-нибудь Малфою? Про плащ-невидимку никто не знает, кроме Думбльдора. Гарри обмер: если Малфой все расскажет, Думбльдор сразу поймет!

Скорей назад, в «Рахатлукулл», по ступенькам в подвал, по каменному полу к люку – Гарри на бегу стянул плащ, перебросил его через руку и помчался по тоннелю, быстрее, быстрее... Малфой попадет в школу первым... сколько он будет искать какого-нибудь учителя? Задыхаясь, с колотьем в боку, Гарри не снижал скорости до самого каменного спуска. Придется оставить плащ-невидимку здесь. Если Малфой успел наябедничать, плащ – слишком очевидная улика; Гарри спрятал его в уголке и проворно полез наверх. Потные ладони соскальзывали с краев желоба. Он добрался до пьедестала, постучал

по нему палочкой, высунул голову и протиснулся наружу; пьедестал закрылся... Едва выскочив из-за статуи, Гарри услышал быстрые шаги.

Злей. Шелестя черной мантией, он стремительно подлетел к Гарри.

– Ну, – сказал он.

Злей еле сдерживал триумф. Гарри напустил на себя невинный вид, отчетливо понимая, что физиономия у него потная, а руки грязны. Но руки, по крайней мере, можно спрятать в карман.

– За мной, Поттер, – пригласил Злей.

Гарри направился за ним вниз по лестнице, незаметно вытирая ладони об изнанку мантии. Они спустились в подземелье и попали в кабинет Злея.

Гарри однажды был здесь – тогда он тоже попал в серьезный переплет. С тех пор Злей обзавелся еще несколькими банками с гадкими скользкими тварями. Все они стояли на полках за письменным столом, посверкивая в свете камина и немало добавляя к общей зловещей атмосфере.

– Садитесь, – велел Злей.

Гарри сел. Злей остался стоять.

– Ко мне только что приходил мистер Малфой. Он поведал очень странную историю, Поттер, – сообщил Злей.

Гарри промолчал.

– Он утверждает, что возле Шумного Шалмана столкнулся с Уизли. Тот был якобы один.

Гарри молчал.

– Мистер Малфой утверждает также, что, когда он разговаривал с Уизли, кто-то сзади кинул ему в голову жидкой грязью. Как, по-вашему, это могло произойти?

Гарри постарался изобразить легкое удивление:

– Не знаю, профессор.

Злей сверлил Гарри взором – глаза в глаза. Все равно что играть в гляделки с гиппогрифом. Мальчик изо всех сил старался не моргнуть.

– Затем мистеру Малфою явилось весьма нелепое привидение. Можете себе представить, что это было, Поттер?

– Нет, – ответил Гарри, теперь симулируя невинное любопытство.

– Он видел вашу голову, Поттер. Висящую в воздухе.

Наступило долгое молчание.

– Наверное, ему надо сходить к мадам Помфри, – сказал Гарри, – если он видит такое...

– Что делала ваша голова в Хогсমেде, Поттер? – вкрадчиво осведомился Злей. – Вашей голове запрещено появляться в Хогсмеде. А равно и любой другой части вашего тела.

– Я знаю. – Никак нельзя допустить, чтобы на лице отразилась вина или страх. – Наверное, у Малфоя галлюции...

– У Малфоя не бывает галлюцинаций, – свирепо отрезал Злей и склонился к Гарри, держась за подлокотники его кресла. Их лица разделял какой-то фут. – Если в Хогсмеде гуляла ваша голова, значит, там гуляли и вы целиком.

– Я был в гриффиндорской башне, – сказал Гарри. – Вы же сами велели...

– Кто-нибудь может это подтвердить?

Гарри промолчал. Злей изогнул губы в чудовищной улыбке.

– Стало быть, вот как, – проговорил он, выпрямляясь. – Все, начиная с самого министра магии, стараются защитить знаменитого Гарри Поттера от Сириуса Блэка. Но знаменитому Гарри Поттеру закон не писан. Пусть его безопасностью занимаются обыкновенные люди! Знаменитый Гарри Поттер будет ходить куда захочет, не тревожась о последствиях.

Гарри молчал. Злей провоцировал его на признание. Не на того напал. У Злея нет доказательств – пока.

– Удивительно, до чего вы похожи на своего отца, Поттер, – вдруг сказал Злей, сверкая глазами. – Тот тоже был чрезвычайно самоуверен. И тоже считал, что небольшие успехи на квидишном поле ставят его выше других. Дефилировал по замку со свитой друзей и поклонников... Сходство между вами поразительное.

– Мой отец не *дефилировал*, – не сдержался Гарри, – и я тоже.

– Ваш отец, как и вы, игнорировал установленные правила, – продолжал наступление Злей, и его худое лицо наполнилось злобой. – Правила – для простых смертных, не для квидишных чемпионов. Он до того зазнался...

– ЗАМОЛЧИТЕ!

Гарри не заметил, как вскочил. Такого гнева он не испытывал с памятного вечера на Бирючинной улице. И плевать, что лицо Злея окостенело от ярости, что черные глаза горят зловещим огнем.

– *Как вы сказали, Поттер?*

– А так! Не говорите гадостей о моем отце! – заорал Гарри. – Я знаю правду, ясно? Он спас вам жизнь! Думбльдор мне все рассказал! Вас бы тут вообще не было, если бы не мой отец!

Землистая кожа Злея стала цвета простокваши.

– А рассказал ли вам директор об обстоятельствах, при которых ваш отец спас мне жизнь? – страшным шепотом спросил он. – Или он счел подробности слишком неприятными для деликатных ушек драгоценного Поттера?

Гарри закусил губу. Он не знал подробностей, но не хотел признаваться – впрочем, Злей, похоже, и сам догадался.

– Я не могу допустить, чтобы у вас оставались ложные представления об отце, Поттер, – с чудовищной ухмылкой произнес Злей. – Вы, видимо, воображали себе некое героическое деяние? Тогда разрешите вас просветить: ваш святой папаша вместе с друзьями хотел сыграть со мной очень забавную шутку, которая непременно окончилась бы моей смертью, если бы ваш отец в последний момент не перетрусил. В том, что он сделал, не было ничего героического. Он спасал собственную шкуру – ну, и мою заодно. Если бы шутка удалась, его бы исключили из «Хогварца».

Злей оскалил неровные желтоватые зубы.

– Выверните карманы, Поттер! – неожиданно рявкнул он.

Гарри не пошевелился. В ушах стучало.

– Выверните карманы – или я отведу вас прямо к директору! Выверните!

От ужаса похолодев, Гарри медленно вытащил мешок с покупками от Зонко и Карту Каверзника.

Злей взял мешок.

– Это мне дал Рон, – сказал Гарри, молясь про себя, чтобы ему предоставился шанс намекнуть о своей лжи Рону раньше, чем до Рона доберется Злей. – Он... он принес это из Хогсмед в прошлый раз...

– В самом деле? И с тех пор вы с этим не расстаетесь? Как трогательно... А это что?

Злей взял карту. Гарри отчаянно пытался изобразить невозмутимость.

– Кусок пергамента, – пожал плечами он.

Злей повертел пергамент так и сяк, не сводя глаз с Гарри.

– И зачем же вам такой *старый* кусок пергамента? – спросил он. – Может, я его... выброшу?

Он потянулся к огню.

– Нет! – выкрикнул Гарри.

– Так! – Злей раздул ноздри. – Еще один памятный подарок от мистера Уизли? Или... что-то другое? Письмо, написанное невидимыми чернилами? А может быть... инструкции, как пробраться в Хогсмед, минуя дементоров?

Гарри моргнул. Злей блеснул глазами.

– Ну-ка, ну-ка, – забормотал он, доставая палочку и раскладывая карту на столе. – Открой свой секрет! – приказал он, коснувшись пергамента палочкой.

Ничего не произошло. Гарри сцепил пальцы, чтоб не тряслись.

– Покажись! – сказал Злей, с силой стукнув по карте.

Лист остался пустым. Гарри глубоко дышал, стараясь успокоиться.

– Профессор Злотеус Злей, преподаватель этой школы, приказывает тебе выдать информацию, которую ты скрываешь! – Злей хлестнул карту палочкой.

На гладкой поверхности пергамента стали появляться слова, будто их писала чья-то невидимая рука:

«Мистер Лунат шлет профессору Злею свои наилучшие пожелания и умоляет его не совать свой неприлично огромный нос в чужие дела».

Злей застыл. Гарри, совершенно ошарашенный, взирал на сообщение. Но карта еще не все сказала. Под первым сообщением появилось второе:

«Мистер Рогалис желает выразить свое согласие с мнением мистера Луната и хотел бы добавить, что профессор Злей – урод и мерзавец».

Все это было бы смешно, когда бы не было печально. А карта продолжала:

«Мистер Мяголап не может не поделиться своим изумлением, что подобный идиот вообще умудрился стать профессором».

Гарри в ужасе закрыл глаза. А когда открыл, карта дописала свои последние слова:

«Мистер Червехвост желает профессору Злею хорошего дня и настоятельно рекомендует ему вымыть голову».

Гарри приготовился к удару.

– Ну... – просипел Злей. – С этим мы разберемся...

Он прошел к камину, выхватил из банки на каминной полке пригоршню сверкающего порошка и швырнул его в огонь.

– Люпин! – позвал Злей. – На два слова!

Гарри в растерянности смотрел, как в языках пламени возникла и быстро завертелась чья-то фигура. Через пару секунд, отряхивая пепел с драной мантии, из камина вылез профессор Люпин.

– Звали, Злотеус? – любезно поинтересовался он.

– О да. – От ярости кривясь, Злей вернулся к столу. – Я только что велел Поттеру вывернуть карманы. И нашел вот это.

Злей показал пергамент, где все еще сияли заявления господ Луната, Червехвоста, Мягколапа и Рогалиса. У Люпина сделалось странное, замкнутое лицо.

– Что скажете? – спросил Злей.

Люпин молча смотрел на карту. У Гарри создалось впечатление, будто Люпин что-то очень быстро вычисляет про себя.

– Ну? – снова спросил Злей. – Очевидно, что этот пергамент полон черной магии. Это же ваша епархия, Люпин. Как думаете, где Поттер мог взять такую вещь?

Люпин мельком покосился на Гарри – мол, не вмешивайся.

– Полон черной магии? – мягко повторил он. – Правда, Злотеус? По-моему, это просто кусок пергамента, который оскорбляет всякого, кто захочет его прочитать. Ребячество, конечно, однако вряд ли опасно. Видимо, Гарри купил его в «Хохмазине»...

– Да что вы? – съязвил Злей. У него даже челюсти свело от гнева. – Думаете, такие вещи продаются в «Хохмазине»? А вам не кажется, что он получил это *прямо от производителей?*

Гарри не понял, о чем говорит Злей. Люпин, судя по всему, тоже.

– В смысле от Червехвоста и вот этих господ? – переспросил он. – Гарри, ты с ними знаком?

– Нет, – быстро ответил Гарри.

– Видите, Злотеус? – Люпин повернулся к Злею. – Мне кажется, эта вещь от Зонко...

И тут, как по заказу, в кабинет ворвался Рон. Страшно запыхавшись, он затормозил у самого стола Злея, хватаясь за сердце и еле-еле выговаривая слова.

– Это... все... дал... Гарри... я, – прохрипел он. – Купил... у... Зонко... сто... лет... назад...

– Вот видите! – воскликнул Люпин, хлопнув в ладоши и весело оглядывая присутствующих. – Все и прояснилось! Злотеус, я это возьму, хорошо? – Он сложил карту и сунул под мантию. – Гарри, Рон, пойдемте, я хочу вам кое-что сказать про сочинение о вампирах... извините нас, Злотеус...

Выходя из кабинета, Гарри не осмелился взглянуть на Злея. Они с Роном и Люпин поднялись в вестибюль, ни слова не говоря. Затем Гарри повернулся к Люпину:

– Профессор, я...

– Не нужно никаких объяснений, – прервал его Люпин. Он оглядел пустынный вестибюль и понизил голос: – Мне, так уж случилось, известно, что много лет назад эту карту конфисковал мистер Филч. Да-да, я в курсе, что это карта, – подтвердил он, глядя на удивленные лица мальчиков. – Я знать не хочу, как она попала к вам. Однако я *поражаюсь*, что вы не отдали ее преподавателям. Особенно после того, что случилось в прошлый раз, когда ученик потерял бумагу с ценной информацией. И вернуть тебе карту, Гарри, я не могу.

Гарри ожидал такого поворота событий, но хотел узнать подробности и не стал протестовать.

– Почему Злей подумал, что я получил ее от производителей?

– Потому что... – Люпин помедлил, – потому что они были бы рады выманить тебя из школы. Их бы это страшно позабавило.

– Вы их *знали*? – изумился Гарри.

– Мы встречались, – коротко ответил Люпин. Он смотрел на Гарри очень пристально. – Не жди, что я снова буду тебя покрывать. Я не могу заставить тебя всерьез принимать Сириуса Блэка. Но, казалось бы, то, что ты слышишь, когда приближаются дементоры, должно было подействовать на тебя сильнее. Твои родители, Гарри, отдали свои жизни в обмен на твою. Неблагодарно ставить на кон такую жертву против пары волшебных игрушек.

Он ушел, а Гарри стало еще хуже, чем было в кабинете у Злея. Они с Роном медленно взобрались по лестнице. Возле одноглазой ведьмы Гарри вспомнил, что оставил под ней плащ-невидимку, но не осмелился за ним спуститься.

– Это я виноват, – выпалил Рон. – Я уговорил тебя пойти. Люпин прав, это глупо, зря мы...

Он умолк. Они добрались до коридора, где дежурили тролли. Навстречу ребятам шла Гермиона. Гарри с первого взгляда понял, что она знает о случившемся. Сердце у него екнуло: неужели она сказала профессору Макгонаголл?

– Явилась позлорадствовать? – свирепо рыкнул Рон, когда Гермиона подошла. – Или уже настучала на нас?

– Нет, – ответила она. В руках у нее было письмо, губы дрожали. – Я просто подумала, что вы должны знать... Огрид проиграл дело. Конькура казнят.

Глава пятнадцатая

Квидишный финал

– Он... прислал вот это. – Гермиона протянула письмо.

Гарри взял у нее влажный пергамент. Чернила закапало слезами, и они так расплылись, что местами почти невозможно было разобрать слова.

Дорогая Гермиона!

Мы проиграли. Мне разрешили отвезти его назад в «Хогварц». День казни пока не назначен.

Коньке очень нравится в Лондоне.

Я никогда не забуду, сколько ты для нас сделала.

Огрид

– Они не могут так поступить, – сказал Гарри. – Не могут. Конькур не опасен.

– Отец Малфоя совсем запугал комитет. – Гермиона вытерла глаза. – Вы же его знаете. А комитет – кучка слабоумных старых дураков, их легко запугать. Конечно, будет апелляция, так всегда бывает... Но у меня, честно говоря, нет никаких надежд... Апелляция ничего не изменит.

– Нет, изменит, – яростно выпалил Рон. – Тебе не придется больше заниматься этим одной, Гермиона. Я помогу.

– Ой, Рон!

Гермиона бросилась ему на шею и разрыдалась, совершенно не владея собой. Рон в полном ужасе неловко похлопал ее по макушке. Наконец Гермиона отстранилась.

– Рон, мне правда очень-очень жалко Струпика... – всхлипывала она.

– А... ну... он был уже старый. – Рону сильно полегчало оттого, что его выпустили. – И вообще от него было мало проку. А потом, кто знает, может, мне теперь мама с папой купят сову.

Меры безопасности, введенные после второго вторжения Блэка, не давали ребятам навещать Огрида по вечерам. Поговорить с ним можно было только на уроке по уходу за магическими существами.

От потрясения Огрид как будто весь окоченел.

– Все я виноват. Прямо язык проглотил. Они сидят вокруг, в черных мантиях, все дела, а я... пергаменты роняю, даты забываю, ну, эти... которые ты для меня выписала, Гермiona. А потом встал Люциус Малфой, толкнул речь, а комитет так все и сделал, как он сказал...

– Можно же еще подать апелляцию! – выкрикнул Рон. – Погоди, не сдавайся, мы над этим работаем!

Вместе с классом они шли к замку. Впереди, рядом с Краббе и Гойлом, шагал Малфой. Он то и дело оглядывался и издевательски ржал.

– Все без толку, Рон, – печально вздохнул Огрид у парадной лестницы. – Комитет-то у Люциуса Малфоя в кармане. Мне одно осталось – скрасить Коньке последние деньки. Уж это я ему задолжал...

Огрид поспешно отвернулся и пошел к своей хижине, зарывшись лицом в носовой платок.

– Смотрите, как мы разнюнились!

Малфой, Краббе и Гойл подслушивали за дверями замка.

– Какое жалкое зрелище, – процедил Малфой. – И это называется учитель!

Гарри с Роном бросились было на Малфоя, но их опередила Гермiona и – ХРЯСЬ! – со всей силы врезала ему по физиономии. Малфой пошатнулся. Гарри, Рон, Краббе и Гойл застыли как громом пораженные. Гермiona замахнулась снова.

– *Не смей* называть Огрида жалким, ты... мерзкий... злобный...

– Гермiona! – пролепетал Рон и попытался удержать ее руку.

– *Уйди*, Рон!

Гермiona выхватила волшебную палочку. Малфой отпрянул. Краббе и Гойл парализованно ждали приказаний.

– Пошли отсюда, – буркнул Малфой, и все трое нырнули в коридор и исчезли в подземелье.

– *Гермiona!* – повторил Рон. В голосе его потрясение мешалось с восхищением.

– Гарри, пожалуйста, побей его в финале! – звенящим голосом попросила та. – Побей, умоляю тебя, я не перенесу, если «Слизерин» выиграет!

– Нам пора на заклинания. – Рон все еще таращил глаза на Гермиону. – Пошли.

Они спешно поднялись по мраморной лестнице к кабинету профессора Флитвика.

– Опаздываем, мальчики! – укорил профессор, когда Гарри открыл дверь. – Заходите быстрее, доставайте палочки, сегодня экспериментируем с хахачарами, мы уже разделились на пары...

Гарри с Роном торопливо прошли к дальнему столу и открыли рюкзаки. Рон оглянулся:

– А куда делась Гермиона?

Гарри тоже оглянулся. Гермиона не вошла с ними в класс, хотя Гарри был абсолютно уверен, что, когда открывал дверь, она стояла у него за спиной.

– Странно. – Гарри уставился на Рона. – Может... может, в туалет пошла... или еще куда?

Но Гермиона так и не появилась на уроке.

– А ей бы тоже не повредили хахачары, – сказал Рон, когда класс отправился на обед, все как один до ушей улыбаясь, – хахачары вселили в них безграничное довольство жизнью.

Гермиона не пришла и на обед. Когда Гарри с Роном доели яблочный пирог, действие чар уже потихоньку выветривалось и мальчики забеспокоились.

– Как думаешь, Малфой ничего с ней не сделал? – тревожно спросил Рон. Они бежали наверх в гриффиндорскую башню.

Миновав троллей-охранников и назвав Толстой Тете пароль («Врушка-болтушка»), они через дыру за портретом проникли в общую гостиную.

За столом, уронив голову на учебник арифмантики, крепко спала Гермиона. Мальчики подсели к ней. Гарри потыкал ее в бок.

– Ч-что такое? – Гермиона вскинула голову и дико огляделась. – Уже пора? А какой... какой сейчас урок?

– Прорицание, но оно еще через двадцать минут, – ответил Гарри. – Гермиона, ты почему не была на заклинаниях?

– Что?! Ой нет! – вскричала она. – Я забыла!

– Как ты могла забыть? – поразился Гарри. – Ты дошла с нами до дверей!

– Какой ужас! – застонала Гермиона. – Профессор Флитвик очень сердился? Это все Малфой, я думала о нем и перестала соображать!

– Знаешь что, – Рон поглядел на громадный учебник арифмантики, служивший Гермионе подушкой, – по-моему, ты надорвалась. Ты на себя слишком много взвалила.

– Ничего подобного! – Отбросив со лба волосы, девочка беспомощно озиралась в поисках своего рюкзака. – Просто я все перепутала! Пойду извинюсь перед профессором Флитвиком... Встретимся на прорицаниях!

Гермиона в крайнем волнении догнала их через двадцать минут у выдвижной лестницы под классом прорицаний.

– Как же я пропустила хахачары! Они ведь будут на экзамене, профессор Флитвик намекнул!

Все вскарабкались по лестнице в душный полумрак. На столиках, отливая загадочным светом, стояли хрустальные шары, наполненные перламутрово-белым дымом. Гарри, Рон и Гермиона сели за один шаткий столик.

– А я думал, хрустальные шары только в следующем триместре, – пробормотал Рон, осторожно оглядываясь – нет ли рядом профессора Трелони.

– Зато хиромантия кончилась, – шепнул в ответ Гарри. – А то я уже устал – она, как посмотрит на мою ладонь, всякий раз аж зажмуривается.

– Доброго вам всем дня! – изрек знакомый загадочный голос, за чем, как обычно, последовал театральный выход профессора Трелони из полумрака.

Парвати и Лаванда задрожали от восторга. Их лица подсвечивало молочное сияние хрустального шара.

– Я решила, что нам следует заняться хрустальными шарами раньше, чем мы планировали. – Профессор Трелони уселась спиной к огню и обвела глазами класс. – Парки уведомили меня, что эта тема будет у вас на экзамене в июне, и я хочу дать вам как можно больше практических занятий.

Гермиона фыркнула:

– Скажите, пожалуйста!.. «Парки уведомили ее»!.. А кто дает темы для экзаменов? Сама и дает! Потрясающее предсказание! – Гермиона даже не потрудилась понизить голос.

Трудно сказать, услышала ли профессор Трелони, – ее лицо скрывалось в тени. Однако она продолжила речь как ни в чем не бывало:

– Гадание на хрустальном шаре – особое, тонкое искусство. Я не ожидаю от вас, что с первого же взгляда в бесконечные глубины шара вы научитесь Видеть. Мы начнем с релаксации сознания и вашего наружного зрения (Рон неудержимо захихикал и был вынужден засунуть в рот кулак), дабы прояснить внутреннее зрение и подсознание. Если же нам повезет, некоторые из вас начнут Видеть уже на этом занятии.

И занятие началось. Гарри, дурак дураком, бессмысленно пялился в хрустальный шар, стараясь ни о чем не думать, а в голове между тем отчетливо проносилось: «Какая чушь!» Рон то и дело хихикал, а Гермиона цокала языком, и это мешало еще больше.

– Видите что-нибудь? – Гарри уже целых пятнадцать минут молча таращился в шар.

– Ага. В столе кто-то прожег дырку, – показал Рон. – Свечкой, наверно.

– Пустая трата времени, – прошипела Гермиона. – Лучше бы я занималась чем-нибудь полезным. Поучила бы хахачары, например...

Мимо прошелестела профессор Трелони.

– Кому-нибудь нужна помощь в интерпретации расплывчатых предзнаменований шара? – промурлыкала она под звяканье украшений.

– Мне помощь не нужна, – шепнул Рон, – и так все ясно. Сегодня вечером будет густой туман.

Гарри с Гермионой заржали. Все головы повернулись к ним. Парвати и Лаванда молча негодовали.

– Ну что такое, в самом деле! – воскликнула профессор Трелони. – Вы нарушаете вибрацию сигналов грядущего!

Она подошла к их столику и вгляделась в шар. У Гарри упало сердце. Легко догадаться, что сейчас будет...

– Здесь что-то есть! – шепотом воскликнула профессор Трелони, приблизила лицо к шару, и он дважды отразился в огромных очках. –

Что-то движется... но что?

«Готов держать пари на все, что у меня есть, включая “Всполох”, – подумал Гарри, – что бы там ни двигалось, вести прискорбные». И точно...

– Мой бедный... – выдохнула профессор Трелони. – Он здесь, отчетливее прежнего... Дитя, он к тебе подбирается, все ближе и ближе... Сгу...

– *Ради всего святого!* – громко оборвала ее Гермиона. – *Опять* этот идиотский Сгубит!

Профессор Трелони устремила на Гермиону огромные глаза. Парвати шепнула что-то Лаванде, и обе пронзили Гермиону гневными взглядами. Профессор Трелони явно сгорала от ярости.

– С сожалением вынуждена признать, что, с самого твоего появления на моих занятиях, *милочка*, было очевидно, что тебе не даровано то, чего требует благородное искусство предсказания судеб. В самом деле, у меня еще не бывало ученицы с таким приземленным мышлением.

Последовало минутное молчание. А затем...

– И очень хорошо! – Гермиона вскочила и запихнула «Растуманивание будущего» в рюкзак. – Отлично! – повторила она, забросила рюкзак на плечо и чуть не сшибла Рона с пуфика. – Я умываю руки! Я ухожу!

Под изумленными взглядами всего класса Гермиона прошагала к люку, открыла его ногой и слезла вниз.

Прошло несколько минут, прежде чем класс успокоился. Профессор Трелони совершенно позабыла о Сгубите. Она резко отвернулась от стола Гарри и Рона и, тяжело дыша, поплотнее укуталась в газовую шаль.

– О-о-о-о-о-о! – внезапно закричала Лаванда. Все вздрогнули. – О-о-о-о-о, профессор Трелони, я вспомнила! Вы же видели, как она уходит! Помните, профессор? *«В районе Пасхи один из нас покинет класс навсегда!»* Вы знали давным-давно, профессор!

Профессор Трелони, с влажными от благодарности глазами, одарила ее улыбкой:

– Да, моя дорогая, я знала, что мисс Грейнджер покинет нас. И однако же мы всегда надеемся, что могли неверно истолковать знаки... Порою Внутренний Взор – столь тяжкий крест...

Лаванда и Парвати благоговейно внимали. Они подвинулись, и профессор Трелони села к ним за столик.

– Ну и денек у Гермионы, да? – восхищенно пробормотал Рон.

– Да уж...

Гарри глядел в хрустальный шар. Ничего, помимо кружения белого дыма. Неужели профессор Трелони опять увидела Сгубита? И теперь он тоже увидит? Этого ему только не хватало – еще одного несчастного случая! Как раз перед квидишным финалом.

В пасхальные каникулы особо отдохнуть не удалось. Им еще никогда столько не задавали. Невилл Лонгботтом был близок к нервному срыву, да и не он один.

– И это называется каникулы! – взвыл как-то Шеймас Финниган. – Экзамены еще неизвестно когда! Что они с нами делают?!

Но никто не работал больше Гермионы. Даже без прорицания список ее предметов был длиннее всех. По вечерам она уходила из общей гостиной последней, а по утрам являлась в библиотеку первой; под глазами у нее залегли тени, как у Люпина, и она в любую минуту готова была разрыдаться.

Поиск информации для апелляции по делу Конькура взял на себя Рон. В свободное от домашних заданий время он просматривал толстенные книги – «Карманный справочник по психологии гиппогрифов», например, или «Птица или зверь: трактат о жестокости гиппогрифов». Рон так увлекся, что даже забывал гонять Косолапсуса.

А Гарри каждый день выкраивал время для домашних заданий в перерывах между тренировками и бесконечными обсуждениями тактики с Древом. Матч «Гриффиндор» – «Слизерин» был назначен на первую же субботу после пасхальных каникул. «Слизерин» лидировал в турнире со счетом двести очков ровно. А это означало (о чем неустанно напоминал Древ), что гриффиндорцам для получения кубка нужно выиграть матч, набрав более двухсот очков. Это также означало, что ответственность за выигрыш почти полностью ложилась на Гарри: поимка Проныры приносила сто пятьдесят очков.

– Не забудь, ты начинаешь ловить Проныру, *только* когда мы оторвемся больше чем на пятьдесят очков, – твердил Древ. – Только когда отрыв больше пятидесяти очков, Гарри, иначе мы выиграем матч, но не получим кубок. Ты понял меня, да? Лови Проныру, только когда...

– Я ПОНЯЛ, ОЛИВЕР! – заорал Гарри.

В «Гриффиндоре» все только о матче и думали. Колледж не завоевывал квидишного кубка со времен легендарного Чарли Уизли (второго по старшинству брата Рона). Но никто так страстно не желал выиграть, как сам Гарри. Его вражда с Малфоем достигла апогея. Малфой все не мог пережить унижения от того, что его забросали грязью в Хогсмеде, и был в ярости, что Гарри удалось увильнуть от наказания. Гарри, в свою очередь, не забыл, как Малфой пытался вывести его из игры на матче с «Вранзором». Впрочем, больше всего его решимость поквитаться с Малфоем на глазах у всей школы подогревала история с Конькуром.

Никогда еще в преддверии матча атмосфера так не накалялась. К концу каникул трения между игроками команд и их колледжами грозили взрывом. В коридорах вспыхивали мелкие ссоры. Кульминация наступила, когда четвероклассник из «Гриффиндора» и шестиклассник из «Слизерина» попали в лазарет с проросшими из ушей побегами лука-порей.

Гарри доставалось особенно. Едва он выходил из класса, какой-нибудь слизеринец подставлял ему подножку; Краббе и Гойл повсюду преследовали его, вырастая как из-под земли, и разочарованно удалялись, увидев, что он не один. Древ приказал никуда не отпускать Гарри без сопровождения – а то вдруг слизеринцы попытаются вывести его из строя. За это поручение с энтузиазмом взялся весь колледж, и Гарри нередко опаздывал на уроки, потому что вечно ходил в окружении громадной болтливой толпы. Сам он больше беспокоился о «Всполохе». В перерывах между тренировками он надежно запирал метлу в сундуке и на переменах часто прибегал проверить, на месте ли она.

Вечером накануне матча обычная жизнь в гриффиндорской башне замерла. Даже Гермiona отложила учебники.

– Не могу работать. Невозможно сосредоточиться, – пожаловалась она.

Кругом было очень шумно. Фред с Джорджем от напряжения буянили еще больше обычного. Оливер Древ сидел в уголке над макетом квидишного поля, волшебной палочкой передвигал по нему фигурки и бормотал себе под нос. Ангелина, Алисия и Кэти истерично хохотали над шуточками близнецов. Гарри сидел в сторонке с Роном и

Гермионой и старался не думать о завтрашнем дне – потому что когда думал, ему казалось, что его сейчас разорвет.

– Все будет хорошо, – успокаивала Гермиона, хотя сама явно была в ужасе.

– У тебя же «Всполох»! – убеждал Рон.

– Да... – отвечал Гарри, и внутренности у него выворачивались наизнанку.

Он вздохнул с облегчением, когда Древ внезапно поднялся и заорал:

– Команда! Спать!

Ночь выдалась тяжелой. Сначала Гарри снилось, что он проспал и Древ вопит: «Ты где был?! За тебя пришлось играть Невиллу!» Потом снилось, что Малфой и остальные слизеринцы прилетели играть на драконах. Гарри мчался как ветер, уворачиваясь от языков пламени из пасти Малфоева чудовища, и вдруг понял, что забыл взять «Всполох». Он начал падать и, вздрогнув, проснулся.

Лишь спустя несколько секунд он вспомнил, что матча еще не было, он сам благополучно лежит в постели, а слизеринской команде вряд ли разрешат летать на драконах. Ужасно хотелось пить. Как можно тише он слез с кровати и направился к столику у окна, где стоял серебряный кувшин с водой.

Во дворе было очень тихо. Ни малейшего дуновения; верхушки деревьев Запретного леса стояли не шелохнувшись; Дракучая ива безобидно уронила ветви. Похоже, условия для игры будут самые подходящие.

Гарри поставил на место чашу и собрался уже вернуться в постель, как вдруг уловил какое-то движение. По серебристому газону крался зверь.

Гарри метнулся к тумбочке, нацепил очки и бросился назад к окну. Только не Сгубит... только не сейчас... не перед самым матчем...

Он оглядел двор и, с минуту лихорадочно поискав, обнаружил животное. Оно уже приближалось к опушке Запретного леса... вовсе не Сгубит... это кот... Гарри с облегчением вцепился в подоконник, узнав бутылочный ершик хвоста. Это же просто Косолапсус...

Или нет? Гарри сощурился, прижавшись носом к стеклу. Косолапсус застыл. Гарри был уверен, что на фоне черных деревьев рядом с котом движется кто-то еще.

И тут он появился – гигантский и косматый черный пес. Он воровато крался по газону, а Косолапсус трусил следом. Гарри уставился на них в растерянности. Что бы это значило? Если Косолапсус тоже видит пса, как может пес быть знамением смерти Гарри?

– Рон! – зашептал Гарри. – Рон! Проснись!

– У?

– Скажи, ты вот это видишь?

– Темно же, Гарри, – спросонок тяжело ворочая языком, отозвался Рон. – О чем ты?

– Да вон же!..

Гарри снова выглянул в окно.

Ни Косолапсуса, ни собаки больше не было. Гарри вскарабкался на подоконник и всмотрелся в темноту под самыми стенами замка, но звери исчезли. Куда?

Раздался громкий храп – Рон опять заснул.

Настало утро, и Гарри вместе с командой под бурные аплодисменты вошел в Большой зал. Сообразив, что аплодисменты раздаются не только вокруг гриффиндорского стола, но и у столов «Хуффльпуффа» и «Вранзора», Гарри не смог сдержать широченной улыбки. Слизеринцы злобно шипели. Гарри заметил, что Малfoy сегодня гораздо бледнее обыкновенного.

За завтраком Древ понукал команду есть, но сам не проглотил ни кусочка. Потом, когда вся школа еще сидела за столами, он погнал ребят на поле, чтобы прикинуть обстановку. Гриффиндорская команда покинула Большой зал тоже под аплодисменты.

– Удачи, Гарри! – крикнула вслед Чо. Гарри неудержимо покраснел.

– Что ж! Ветра нет... солнце ярковато, могут быть проблемы с видимостью, имейте в виду... земля вроде твердая, это хорошо, быстрее взлетим...

Древ в сопровождении своих игроков расхаживал по полю и дотошно осматривался. Наконец вдалеке распахнулись двери замка, и оттуда потоком хлынули школьники.

– В раздевалку, – лаконично приказал Древ.

Переодеваясь в малиновые мантии, ребята молчали. Может, всем было не лучше, чем Гарри: может, все тоже как будто съели на завтрак

что-то чрезвычайно вертлявое. Не успели они и глазом моргнуть, как Древ сказал:

– Ну хорошо, время, выходим...

Они вышли на поле, и с трибун волной хлынули крики. Три четверти присутствующих надели на мантии малиновые розетки, размахивали алыми флагами с гриффиндорским львом и потрясали плакатами «ДАЕШЬ “ГРИФФИНДОР”!» и «КУБОК – ЛЬВАМ!». За слизеринскими кольцами, однако, сидело сотни две школьников в зеленом; у них на флагах сверкала серебром слизеринская змея. Профессор Злей восседал в переднем ряду, тоже в зеленом и с очень мрачной улыбкой на устах.

– Выходят гриффиндорцы! – завопил Ли Джордан, как обычно выступавший комментатором. – Поттер, Белл, Джонсон, Спиннет, Уизли, Уизли и Древ, в последние годы прочно закрепившие за собой репутацию лучшей команды «Хогварца»...

Комментарий Ли потонул в воплях «Фу-у-у!», понесшихся со слизеринских трибун.

– И вот выходят слизеринцы под предводительством капитана Флинта! Смотрите-ка, судя по составу команды, рост и широкие плечи Флинту важнее, чем профессионализм...

Опять «Фу-у-у!» от болельщиков «Слизерина». Гарри подумал, что Ли, похоже, прав: Малфой – самый маленький игрок в команде, остальные – гренадерского роста.

– Капитаны, пожмите друг другу руки! – сказала мадам Самогони.

Флинт и Древ сошлись и обменялись рукопожатиями; выглядело это так, будто они пытаются сломать друг другу пальцы.

– По метлам! – скомандовала мадам Самогони. – Три... два... один...

Свисток потерялся в реве толпы. Четырнадцать метел как одна взмыли в воздух. Ветер отбросил волосы со лба Гарри; волнение оставило его, сменившись восторгом полета; он огляделся, увидел Малфоя, севшего ему на хвост, и полетел искать Проныру.

– Мяч у «Гриффиндора», Алисия Спиннет ведет Кваффл прямо к слизеринским кольцам, отлично работает Алисия! О нет! Кваффл перехватывает Уоррингтон из команды «Слизерина», Уоррингтон проносится по полю – ШМЯК! – великолепную работу с Нападалой показал Джордж Уизли, Уоррингтон упускает Кваффл, мяч

подхватывает... Джонсон, «Гриффиндор» вновь владеет мячом, давай, Ангелина! – она красиво обходит Монтегю – *ниже голову, Ангелина, это же Нападала!* – ОНА ЗАБИВАЕТ ГОЛ! «ГРИФФИНДОР» ОТКРЫВАЕТ СЧЕТ, ДЕСЯТЬ – НОЛЬ!

На краю поля Ангелина гордо воздела кулак; алое море под ней исходило восторгом...

– ОЙ!

Ангелина чуть не свалилась с метлы – в нее врезался Маркус Флинт.

– Извиняюсь! – крикнул Флинт в ответ на недовольные вопли снизу. – Я ее не заметил!

Фред Уизли тут же стукнул Флинта битой по затылку. Флинт ткнулся носом в древко своей метлы. Из носа пошла кровь.

– Ну-ка хватит! – завопила мадам Самогони, врываясь между ними. – Пенальти «Слизерину» за непреднамеренное нападение на Охотника «Гриффиндора»! Пенальти «Гриффиндору» за преднамеренное нападение на Охотника «Слизерина»!

– Да бросьте вы, мисс! – взвыл Фред, но мадам Самогони дунула в свисток, и Алисия вылетела вперед для штрафного удара.

– Давай, Алисия! – заверещал Ли в тишине, повисшей над стадионом. – ЕСТЬ! ОНА ЗАБИЛА! ДВАДЦАТЬ – НОЛЬ В ПОЛЬЗУ «ГРИФФИНДОРА»!

Гарри резко развернул «Всполох», чтобы посмотреть на Флинта. Тот летел бить пенальти – кровь все еще текла у него из носа. Древ, сжав челюсти, завис перед кольцами «Гриффиндора».

– Конечно, Древ превосходный Охранник! – сообщил публике Ли Джордан, пока Флинт дожидался свистка мадам Самогони. – Превосходный! Его очень трудно обыграть – ужасно трудно – ЕСТЬ! – ГЕНИАЛЬНО! – ОН ВЗЯЛ МЯЧ!

Успокоившись, Гарри отлетел, не переставая искать глазами Проныру и внимательно прислушиваясь к комментариям Ли. Очень важно не подпускать Малфоя к Проныре, пока «Гриффиндор» не оторвется больше чем на пятьдесят очков...

– «Гриффиндор» владеет мячом, нет, «Слизерин» владеет мячом, нет, все-таки «Гриффиндор» владеет мячом, и это Кэти Белл, Кэти Белл ведет Кваффл, она пересекает поле... А ВОТ ЭТО БЫЛО ПРЕДНАМЕРЕННО!

Монтегю, слизеринский Охотник, внезапно появился перед Кэти и, вместо того чтобы схватить Кваффл, схватил девочку за голову. Кэти перевернулась, ухитрилась удержаться на метле, но Кваффл выпустила.

Снова прозвучал свисток мадам Самогони – она подлетела и заорала на Монтегю. Через минуту Кэти забила еще один пенальти.

– ТРИДЦАТЬ – НОЛЬ! ПОЛУЧИ, БЕСЧЕСТНЫЙ, ПОДЛЫЙ...

– Джордан, если вы не можете комментировать непредвзято...

– Я комментирую как есть, профессор!

Гарри окатило могучей волной восторга. Он увидел Проныру – тот мерцал золотом у подножия гриффиндорского кольца, но его еще нельзя ловить... А если увидит Малфой...

Якобы внезапно сосредоточившись, Гарри развернул метлу и рванул к слизеринскому краю поля. Трюк сработал. Малфой заспешил следом, явно поверив, что Гарри заметил Проныру...

ШШШУХ!

Возле правого уха у Гарри просвистел Нападала, посланный громадным Отбивалой «Слизерина», Дерриком. Потом снова...

ШШШУХ!

Второй Нападала задел Гарри по локтю. Приближался второй Отбивала, Боул.

Боковым зрением Гарри заметил, что и Боул, и Деррик, подняв биты, надвигаются с двух сторон...

В последнюю секунду он направил «Всполох» вверх, и Боул с Дерриком столкнулись со страшным треском.

– Ха-ха-а-а-а! – зашелся Ли Джордан, когда оба слизеринских Отбивалы отлетели друг от друга, держась за головы. – Не получилось, мальчики! Не зевай, если хочешь побить «Всполох»! Мяч снова у «Гриффиндора», Кваффл у Джонсон – Флинт не отстает – ткни его в глаз, Ангелина! – шутка, профессор, это шутка – ой нет! – Флинт перехватил мяч и направляется к кольцам «Гриффиндора», давай же, Древ, спасай!..

Но Флинт забил гол; со слизеринских трибун понеслись восторженные крики, а Ли так отчаянно ругнулся, что профессор Макгонаголл начала отнимать у него волшебный мегафон.

– Извините, профессор, извините! Больше не повторится! Итак, «Гриффиндор» ведет со счетом тридцать – десять; мяч у

«Гриффиндора»...

Гарри еще ни разу не участвовал в такой грязной игре. В ярости оттого, что «Гриффиндор» слишком быстро вырвался вперед, слизеринцы не брезговали ничем, лишь бы заполучить Кваффл. Боул ударил Алисию битой и объяснил, что принял ее за Нападалу. В отместку Джордж Уизли заехал ему локтем в лицо. Мадам Самогони назначила обеим командам пенальти, и Древ вновь очень красиво защитил кольца. Счет сделался сорок – десять в пользу «Гриффиндора».

Проныра тем временем пропал из виду. Малфой не отставал от Гарри, а тот парил над игрой, выглядывая золотой мячик, – как только «Гриффиндор» вырвется вперед на пятьдесят очков...

Кэти забила гол. Пятьдесят – десять. Фред и Джордж Уизли кружили возле нее с битами наготове – на случай, если слизеринцы захотят отомстить. Боул и Деррик воспользовались отсутствием близнецов и послали обоих Нападал в Древа; мячи, один за другим, ударили бедняге в живот, и он завертелся в воздухе, цепляясь за метлу и лоя ртом воздух.

Мадам Самогони вышла из себя.

– НЕЛЬЗЯ АТАКОВАТЬ ОХРАННИКА, ЕСЛИ КВАФФЛ ВНЕ ЗАЧЕТНОЙ ЗОНЫ! – иступленно кричала она Боулу с Дерриком. – Штрафной удар «Слизерину»!

И Ангелина забила еще один гол. Шестьдесят – десять. Через мгновение Фред Уизли запулил Нападалой в Уоррингтона и вышиб Кваффл у него из рук; Алисия подхватила мяч и отправила в слизеринское кольцо: семьдесят – десять.

Гриффиндорские болельщики охрипли от крика: «Гриффиндор» опережает на шестьдесят очков, и если Гарри сейчас поймает Проныру, кубок взят! Гарри, пролетая высоко над полем, физически ощущал на себе взгляды сотен глаз. Малфой не отставал.

И вот Гарри увидел: Проныра сверкнул футах в двадцати над головой.

Гарри поднажал – ветер сильнее засвистел в ушах – он протянул руку... И вдруг «Всполох» замедлил ход...

Гарри в панике оглянулся. Малфой схватил «Всполох» за хвост и тащил его на себя.

– Ты!..

Гарри был так зол, что с радостью треснул бы Малфоя, но не мог достать. Малфой пыхтел от усилий, но его глаза лучились злобной радостью. Ему удалось достичь цели – Проныра испарился.

– Пенальти! Пенальти «Слизерину»! Что это за тактика! – завизжала мадам Самогони, в мгновение ока подлетев к Малфоя, который съехал назад по своему «Нимбусу-2001».

– АХ ТЫ ПАРШИВЫЙ МОШЕННИК! – выл в мегафон Ли Джордан, ловко уворачиваясь от профессора Макгонаголл. – АХ ТЫ ДРЯННАЯ, ГНУСНАЯ СВО...

Профессор Макгонаголл даже не потрудились его отчитать. Она грозила кулаком Малфоя, шляпа у нее слетела, и она тоже вопила от возмущения.

Алисия пробила пенальти, но от ярости промахнулась на несколько футов. Гриффиндорская команда теряла бдительность, а слизеринцы, в восторге от трюка Малфоя, рвались к высотам.

– «Слизерин» владеет мячом – «Слизерин» ведет мяч к кольцам – Монтегю забивает гол... – простонал Ли. – Семьдесят – двадцать в пользу «Гриффиндора»...

Гарри не отставал от Малфоя, и они периодически стукались коленками. Гарри не собирался подпускать Малфоя к Проныре...

– Отстань, Поттер! – в бессильной злобе выкрикнул Малфой, когда Гарри не дал ему развернуться.

– Ангелина Джонсон ведет Кваффл, давай же, Ангелина, давай!

Гарри огляделся. Не считая Малфоя, все игроки «Слизерина», даже Охранник, стекались к Ангелине – хотят ее заблокировать...

Гарри развернул «Всполох» на сто восемьдесят градусов, распластался по древку и прищипорил метлу. Как снаряд, он полетел к слизеринцам.

– А-А-А-А-А-А-А-А!

Слизеринский узел развалился; путь Ангелины был свободен.

– ОНА ЗАБИВАЕТ ГОЛ! ОНА ЗАБИВАЕТ ГОЛ! Счет восемьдесят – двадцать в пользу «Гриффиндора»!

Чуть не врезавшись головой в трибуны, Гарри резко затормозил, развернулся и ринулся к центру поля.

И тогда его глазам предстало зрелище, от которого буквально остановилось сердце. Малфой с торжествующей гримасой летел вниз

— под ним, в нескольких футах над зеленой травой, мерцающе золотилось что-то крошечное.

Гарри устремил «Всполох» к земле, но Малфой был слишком далеко впереди...

— Давай! Давай! Давай! — понукал Гарри метлу.

Он догонял Малфоя — Боул запустил Нападалой, и Гарри прильнул к древку — вот он уже у лодыжек Малфоя — вот они вровень...

Гарри рванулся вперед, оторвав обе руки от древка. Оттолкнул руку Малфоя и...

— ЕСТЬ!

Он вышел из пике, высоко воздев руку. Стадион взорвался овациями. Гарри парил над толпой, и в ушах у него странно звенело. Золотой мячик надежно сидел в кулаке, отчаянно трепеща крылышками.

Подлетел полуослепший от слез Дрив, обхватил Гарри за шею и безудержно разрыдался у него на плече. Два глухих удара по спине — Фред с Джорджем выразили свое восхищение; голоса Ангелины, Алисии и Кэти: «Кубок наш! Кубок наш!» Соединенная в многоруком объятии, команда «Гриффиндора» спускалась на землю, хрипло вопя.

Волна за волной алые болельщики через ограждение выплескивались на поле. По спинам игроков одобрительно молотил ливень ударов. Все смешалось в кричащий водоворот тел. Затем Гарри, вместе с остальной командой, подняли на плечи. Очутившись над толпой, он увидел Огрида, улепленного малиновыми розетками:

— Ты сделал их, Гарри! Ты их сделал! Вот Конькур узнает!

Перси прыгал вверх-вниз как маньяк, позабыв про достоинство. Профессор Макгонаголл рыдала сильнее Древа, утирая глаза огромным гриффиндорским флагом. Гермiona и Рон, свирепо работая локтями, пробирались к Гарри. У них не было слов. Они лишь смотрели, лучась от счастья, как Гарри несут к трибунам, где с громадным квидишным кубком в руках стоял Думбльдор.

Если бы только на поле появился дементор... Получив из рук плачущего Древа награду, Гарри поднял кубок над головой и почувствовал, что сейчас мог бы вызвать лучшего в мире Заступника.

Глава шестнадцатая

Предсказание профессора Трелони

После долгожданного завоевания квидишного кубка Гарри пребывал в эйфории по меньшей мере неделю. Казалось, даже погода празднует победу; приближался июнь, стояла безоблачная жара, и никто не хотел ничем заниматься. Разгуливать бы по двору да валяться в траве, потягивая тыквенный сок со льдом, играть в побрякуши да наблюдать за озером, где изредка мечтательно курсирует гигантский кальмар.

Увы, бездельничать нельзя. Экзамены были на носу, а потому школьники сидели в замке и усиленно напрягали мозги. Сосредоточиться не удавалось: ветерок то и дело приносил в окна влекущий аромат лета. И все же в эти дни даже Фреда с Джорджем видели за учебниками: обоим предстояли экзамены на С.О.В.У. (Совершенно Обычный Волшебный Уровень). Перси ожидал П.А.У.К. (Претруднейшая Аттестация Умений Колдуна) – высшая квалификация, которую мог получить ученик «Хогварца». Перси хотел пойти работать в министерство магии, а для этого требовались высшие баллы. Он сделался чрезвычайно раздражителен и назначал суровейшие наказания тем, кто по вечерам нарушал тишину в общей гостиной. Больше Перси, пожалуй, волновалась из-за экзаменов только Гермиона.

Гарри с Роном давно уже не спрашивали, как ей удастся посещать несколько занятий одновременно, однако не сдержались, увидев ее расписание экзаменов. В первой колонке значилось:

ПОНЕДЕЛЬНИК

9:00 Арифмантика

9:00 Превращения

Обед

13:00 Заклинания

13:00 Древние руны

– Гермиона? – сказал Рон очень осторожно, потому что в последние дни она взрывалась, когда ей мешали. – Э-э-э... Ты уверена, что правильно списала время?

– Что? – огрызнулась Гермиона. Она забрала у него расписание и внимательно перечла. – Да, конечно, уверена.

– Имеет ли смысл спрашивать, как ты попадешь на два экзамена одновременно? – полюбопытствовал Гарри.

– Не имеет, – отрезала Гермиона. – Вы не видели мою «Нумерологию и грамматику»?

– А как же! Я взял ее почитать перед сном, – буркнул Рон очень и очень тихо.

Гермиона стала переключать на столе кипы пергамента. Тут в окне что-то зашелестело, и влетела Хедвига с запиской в клюве.

– Это от Огрида, – сказал Гарри, открыв послание. – Апелляция по делу Конькура назначена на шестое.

– Это день, когда заканчиваются экзамены. – Гермиона все искала учебник арифмантики.

– Они приедут и будут разбирать дело здесь, – продолжал читать Гарри. – Кто-то из министерства и... и палач.

Испуганная Гермиона подняла глаза:

– Они привезут на апелляцию палача? Такое впечатление, что они уже все решили!

– Да, вот именно, – медленно проговорил Гарри.

– Так же нельзя! – застонал Рон. – Я пятьсот часов угрохал на эти книжки, и все коту под хвост?

Но Гарри сильно подозревал, что за комитет по уничтожению опасных созданий давно уже все решил мистер Малфой: к Драко, сильно подавленному со дня триумфа «Гриффиндора» в финальном квидишном матче, в последнее время вернулось былое нахальство. Из презрительных замечаний, которые довелось подслушать Гарри, напрашивался вывод, что Малфой не сомневается – Конькура казнят – и очень счастлив, что стал тому причиной. Гарри страшно хотелось повторить подвиг Гермионы и надавать Драко по роже; он с трудом удерживался. А хуже всего, не было ни времени, ни возможности навестить Огрида – меры безопасности оставались строги, и Гарри даже не решался извлечь плащ-невидимку из-под одноглазой ведьмы.

Началась экзаменационная неделя, и в замке воцарилась неестественная тишина. В понедельник к полудню третьеклассники вышли из кабинета превращений измотанные и побледневшие. Они сверяли результаты и жаловались на безумно сложное задание – нужно было превратить заварочный чайник в черепаху. Гермиона доконала всех шумными переживаниями, что ее черепаха оказалась какая-то чересчур морская – вот уж о чем не тревожились все остальные.

– У моей вообще вместо хвоста носик остался, кошмар...

– А черепахи *в принципе* дышат паром?

– А у моей с панциря не сошла нарисованная ива! Как думаете, за это снимут баллы?

Ребята наспех пообедали, а потом сразу же возвратились наверх, на экзамен по заклинаниям. Гермиона оказалась права: профессор Флитвик в самом деле дал задание по хахачарам. Гарри от волнения немного перестарался, и Рон, который работал с ним в паре, так зашелся в припадке истерического хохота, что его пришлось увести в пустой кабинет, где он отсиживался целый час, прежде чем смог приступить к хахачарам сам. После ужина школьники поскорее вернулись в общую гостиную, но не отдыхать, а готовиться к экзаменам по уходу за магическими существами, зельеделию и астрономии.

На следующее утро Огрид председательствовал на экзамене с самым отсутствующим видом: мыслями он витал где-то очень далеко. Он принес в кабинет большой чан только что накопанных скучечервей и объявил, что для успешной сдачи экзамена необходимо, чтобы по прошествии часа скучечерви остались живы. Поскольку скучечерви развивались наилучшим образом, если их предоставить самим себе, проще экзамена еще не бывало, а кроме того, Гарри, Рон и Гермиона смогли как следует поговорить с Огридом.

– Конька затосковал, – поведал он, склонившись возле Гарри якобы за тем, чтобы проверить, жив ли еще его скучечервь. – Слишком долго взаперти... Зато... послезавтра узнаем, как дело повернется... так или иначе...

После обеда было зельеделие – не экзамен, а сплошное несчастье. Как Гарри ни старался, его замешательное зелье так и не загустело, и Злей с мстительным удовлетворением нацарапал в своем блокнотике нечто подозрительно похожее на ноль.

В полночь была астрономия на вершине самой высокой башни; в среду утром – история магии, где Гарри пришлось припомнить все, что рассказывал ему о средневековых сожжениях ведьм Флорин Фортескью, и пожалеть, что сейчас, в этой душной комнате, никто не подаст ему шоколадно-орехового мороженого. В среду после обеда их ждала гербология – в теплице под жарко припекающим солнцем, – а потом, с обожженными шеями, все вернулись в гостиную – мечтать, как завтра в это же время все закончится.

Предпоследним экзаменом, в четверг утром, была защита от сил зла. Профессор Люпин придумал весьма необычный способ проверить их знания: он устроил во дворе на солнышке нечто вроде полосы препятствий. Требовалось пройти через прудик, где прятался загрыбаст, одолеть окопы с красношапами, прочапать по болоту, игнорируя отвлекающие маневры финтиплюхов, а потом залезть в старый сундук и сразиться с вризраком.

– Отлично, Гарри, – пробормотал Люпин, когда сияющий Гарри вылез из сундука. – Высший балл.

Окрыленный успехом Гарри слонялся вокруг и смотрел, как сдают экзамен Рон и Гермиона. Рон проходил препятствия очень удачно, но потом ему заморочил голову финтиплюх, и Рон провалился по пояс в трясину. Гермиона тоже все делала блестяще, пока не дошла до вризрака. Проведя в сундуке минуту, она с криком выскочила наружу.

– Гермиона! – воскликнул пораженный Люпин. – Что случилось?

– П-п-профессор Макгонаголл! – задыхаясь, прошептала она, тыча пальцем в сундук. – Она говорит... я провалила все экзамены!

Ее насилу успокоили. Когда она наконец взяла себя в руки, друзья втроем отправились обратно в замок. Рон несколько посмеивался над вризраком Гермионы, но шуточки прекратились, когда ребята подошли к парадной лестнице.

Там стоял Корнелиус Фудж и обозревал окрестности. Он слегка вспотел в своем полосатом плаще. При виде Гарри министр вздрогнул.

– Привет, Гарри! – воскликнул он. – Только что с экзамена, как я понимаю? Почти закончили?

– Да, – ответил Гарри. Гермиона и Рон, не бывшие накоротке с министром магии, неловко застыли поодаль.

– Приятный день, – Фудж бросил взгляд на озеро. – Жаль... жаль...

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Гарри:

– Я здесь по неприятному делу. Комитет по уничтожению опасных созданий требует, чтобы при казни взбесившегося гиппогрифа присутствовал свидетель. Мне так и так нужно было в «Хогварц», проверить, какова ситуация с Блэком, вот меня и попросили.

– Это что же, значит, апелляция уже состоялась? – вмешался в разговор Рон, шагнув вперед.

– Нет-нет, она будет сегодня после обеда, – сказал Фудж, с любопытством на него глядя.

– Тогда, может, вам и не придется присутствовать при казни! – решительно заявил Рон. – Может, гиппогрифа оправдают!

Не успел Фудж ответить, из замка вышли два колдуна. Один был такой древний, что, казалось, сморщивался прямо на глазах; другой – рослый и крепкий, с тонкими черными усиками. Видимо, представители комитета по уничтожению опасных созданий, решил Гарри.

Древний колдун прищурился на хижину Огрида и немощно проскрипел:

– Святое небо, я для такого уже слишком стар... В два часа, да, Фудж?

Черноусый трогал что-то на поясе. Гарри пригляделся и увидел, что колдун водит широким большим пальцем по сверкающему лезвию топора. Рон открыл было рот, но Гермиона крепко ткнула его под ребра и подбородком показала на двери в замок.

– Чего ты не дала мне сказать? – сердито спросил Рон, когда они пришли на обед в Большой зал. – Ты их видела? Уже и топор приготовили! Тоже мне правосудие!

– Рон, твой папа работает в министерстве, тебе нельзя разговаривать с его начальником в таком тоне! – сказала Гермиона. Она тоже была ужасно расстроена. – Если Огрид на этот раз не растеряется и выступит нормально, не может быть, чтоб Конькура казнили...

Однако Гарри видел, что она и сама в это не верит. Вокруг шумели школьники, радостно предвкушавшие скорое окончание экзаменов, но Гарри, Рон и Гермиона, вне себя от беспокойства за Огрида и Конькура, не могли разделить их радость.

У Гарри и Рона последним экзаменом было прорицание, у Гермионы – мугловедение. Они вместе взошли по мраморной лестнице. Гермиона свернула на первом этаже, а Гарри с Роном

поднялись на седьмой, где многие их одноклассники уже сидели на ступеньках винтовой лестницы под кабинетом профессора Трелони и пытались в последнюю минуту выучить весь учебник.

– Она вызывает по одному, – проинформировал Невилл, когда Гарри с Роном сели рядом. На коленях у него лежало «Растуманивание будущего», открытое на страницах про гадание на хрустальном шаре. – Вы хоть раз видели в шаре *хоть что-нибудь*? – жалобно спросил он.

– Не-а, – беспечно ответил Рон. Он то и дело поглядывал на часы. Гарри знал, что Рон отсчитывает минуты до апелляции.

Очередь перед кабинетом уменьшалась очень медленно. Когда из люка по серебристой лестнице спускались те, кто уже отстрелялся, остальные шепотом галдели:

– Что она спрашивала? Как прошло?

Но те отказывались отвечать.

– Она сказала, что видела в хрустальном шаре: если я вам скажу, со мной произойдет ужасное несчастье! – всхлипнул Невилл, неуклюже слезая вниз к Гарри и Рону, которые наконец подоברались к самому люку.

– Какое удобное провидение, – фыркнул Рон. – Знаешь, я уже думаю, что Гермиона права, *эта тетя*, – он большим пальцем ткнул вверх, – просто мошенница старая.

– Ага, – отозвался Гарри и тоже поглядел на часы. Уже два. – Поторопилась бы она, что ли...

Вышла Парвати, раздуваясь от гордости.

– Она сказала, что у меня все задатки Провидицы, – сообщила она Гарри с Роном. – Я столько понаразглядела... Ну, удачи!

И она поспешила по винтовой лестнице вслед за Лавандой.

– Рональд Уизли, – раздался с потолка загадочный голос. Рон скривился и полез наверх.

Гарри остался один. Он сел на пол, привалился к стене и стал слушать, как муха бьется в залитое солнцем окно. Мыслями он был с Огридом.

Прошло двадцать минут, и наконец в люке показались большие ноги Рона.

– Ну как? – спросил Гарри, вставая.

– Ерунда, – ответил Рон. – Ничегошеньки не увидел, зато напридумывал кучу всего. Вряд ли она поверила, конечно...

– Встретимся в гостиной, – пробормотал Гарри – голос профессора Трелони уже позвал:

– Гарри Поттер!

В круглой комнате было жарче прежнего; шторы опущены, в камине огонь, а от приторного запаха Гарри закашлялся. Он пробрался между столами и стульями к профессору Трелони и большому хрустальному шару.

– Добрый день, милый, – тихо сказала она. – Загляни в шар, будь любезен... Не спеши, не торопись... и скажи мне, что видишь...

Гарри склонился над хрустальным шаром и вгляделся, вгляделся изо всех сил, умоляя шар показать хоть что-нибудь помимо клубов белого тумана, но ничего не вышло.

– Ну что? – деликатно спросила профессор Трелони. – Что там?

Жара лишала сил, в носу щипало от душистого дыма из камина. Гарри вспомнил, что сказал Рон, и тоже решил притвориться.

– Э-э-э... – сказал он. – Темная фигура... хм...

– На что она похожа? – подсказала профессор Трелони. – Подумай как следует...

Гарри наспех пораскинул мозгами и вспомнил о Конькуре.

– На гиппогрифа, – решительно объявил он.

– В самом деле! – прошептала профессор Трелони и рьяно что-то нацарапала, держа пергамент на колене. – Мой мальчик, скорее всего, ты Видишь исход дела бедного Огрида, его тяжбы с министерством магии... Взгляни пристальнее... Как тебе кажется, у гиппогрифа есть... голова?

– Да, – твердо сказал Гарри.

– Ты уверен? – настаивала профессор Трелони. – Ты вполне уверен? Быть может, он корчится на земле, а призрачная фигура заносит над ним топор?

– Нет! – Гарри слегка затошнило.

– Никакой крови? Плачущего Огрида?

– Нет! – повторил Гарри. Отчаянно хотелось сбежать из этой комнаты, из этой изнурительной жары. – Нормальный гиппогриф, он... улетает...

Профессор Трелони вздохнула:

– Что ж, дорогой, полагаю, достаточно... Я немного разочарована... но ты, конечно, сделал все что мог.

Возрадовавшись, Гарри встал, взял рюкзак и направился было к люку, но тут за спиной раздался громкий, хриплый голос:

– *Это случится сегодня вечером.*

Он резко обернулся. Профессор Трелони закаменела в кресле; глаза вперились в никуда, челюсть отвисла.

– П-простите? – переспросил Гарри.

Но профессор Трелони его не слышала. Глаза у нее закатились. Гарри в панике замер. Кажется, у нее сейчас случится припадок. Он помялся – может, в лазарет сбегать? Но тут профессор Трелони заговорила снова, голосом хриплым и чужим:

– *Черный Лорд лежит в одиночестве, всеми забытый, покинутый друзьями и последователями. Двенадцать лет верный слуга его был в заточении. Сегодня, до полуночи, слуга вырвется на свободу и отправится искать своего господина. При споспешествовании слуги Черный Лорд восстанет вновь, могущественнее и ужаснее прежнего. Сегодня... до полуночи... слуга... отправится... искать... своего господина...*

Профессор Трелони уронила голову на грудь. Не то всхрипнула, не то всхрюкнула. И вдруг вскинула голову снова.

– О, прости меня, дитя, – сонно произнесла она, – такая жара сегодня... я на минуточку задремала...

Гарри зачарованно смотрел на нее.

– Что-то не так, дорогой?

– Вы... вы сейчас мне сказали, что... Черный Лорд восстанет вновь... и к нему вернется его верный слуга...

Профессор Трелони страшно перепугалась:

– Черный Лорд? Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут? Мой славный мальчик, такими вещами не шутят... Восстанет вновь, это надо же!...

– Но вы сами сказали! Только что! Вы сказали, что Черный Лорд...

– Ты, наверное, тоже задремал, деточка! – отрезала профессор Трелони. – Я никоим образом не взялась бы делать столь *несообразные* предсказания!

Вниз по серебристой лестнице, а потом по винтовой Гарри спускался в полном недоумении... Он что, услышал настоящее предсказание? Или профессор Трелони считает, что так эффектнее завершать экзамены?

Через пять минут он уже стремглав неся мимо троллей-охранников. Слова профессора Трелони грохотали в голове. Навстречу Гарри – во двор, вкусить долгожданной свободы – пробежали смеющиеся гриффиндорцы. Когда он добрался до общей гостиной, там уже почти никого не было. Но в углу сидели Рон с Гермионой.

– Профессор Трелони, – задыхаясь, выпалил Гарри, – сейчас сказала...

И осекся, увидев их лица.

– Конькура осудили, – пролепетал Рон. – Вот, Огрид прислал.

На сей раз пергамент был сух, ни следа слез, но, видимо, рука у Огрида ужасно тряслась: слова почти невозможно было разобрать.

Апелляцию проиграли. Казнь на закате. Вы ничем не поможете. Не приходите. Не хочу, чтоб вы видели.

Огрид

– Надо идти, – тотчас сказал Гарри. – Что ему, в одиночестве сидеть там и палача ждать?

– Но на закате, – отозвался Рон, остекленело уставившись в окно. – Нам не разрешат... особенно тебе, Гарри...

Гарри обхватил лицо ладонями и задумался.

– Будь у нас плащ-невидимка...

– А где он? – спросила Гермиона.

Гарри рассказал, как случилось, что плащ остался в секретном тоннеле под одноглазой ведьмой.

– ...и если Злей снова меня там увидит, мне крышка, – закончил он.

– Это правда, – согласилась Гермиона и встала. – Если он увидит *тебя*... Как, ты говоришь, открывается постамент?

– Надо... надо постучать по нему и сказать: «Диссендиум», – ответил Гарри, – но...

Гермиона не дослушала; она решительно прошагала по комнате, толкнула портрет Толстой Тети и скрылась.

– Неужели за плащом пошла? – Рон глядел ей вслед.

Да, именно за плащом. Через пятнадцать минут Гермиона вернулась – под мантией прятался аккуратно свернутый серебристый плащ.

– Я прямо не знаю, Гермиона, что на тебя нашло! – воскликнул пораженный Рон. – То ты с Малфоем дерешься, то у профессора

Трелони дверью хлопаешь...

Кажется, Гермионе это польстило.

Они отправились на ужин вместе со всеми, но в гриффиндорскую башню не вернулись. Гарри спрятал плащ под мантию, и пришлось сидеть, сложив руки на животе, чтобы никто не заметил выпуклости. Потом они притаились в пустой комнатухе у вестибюля и подождали, пока тот опустеет. Наконец прошла последняя припозднившаяся с ужином парочка; хлопнула дверь. Гермиона высунула голову в вестибюль.

– Порядок, – прошептала она, – никого... надеваем плащ...

Тесно прижавшись друг к другу, чтоб никто не заметил, они на цыпочках прокрались по вестибюлю и по каменным ступеням спустились во двор. Солнце уже садилось за Запретным лесом, золотя верхушки деревьев.

Ребята добрались до хижины Огрида и постучали. Прошла минута; потом он открыл и стал озираться. Он был бледен и трясся с головы до ног.

– Это мы, – прошептал Гарри. – Мы в плаще-невидимке. Впусти, мы тогда его снимем.

– Зря пришли! – зашептал Огрид в ответ, но посторонился, и они переступили порог. Огрид быстро захлопнул дверь, и Гарри снял плащ.

Огрид не плакал, не бросался им на шею. Он как будто не понимал, где он и что надо делать. Эта беспомощность убивала их почище слез.

– Чаю хотите? – спросил он и дрожащей рукой потянулся к чайнику.

– А где Конькур? – нерешительно спросила Гермиона.

– Я... я его во двор вывел, – ответил Огрид и, переливая молоко в кувшин, затопил весь стол. – Он на привязи в огороде, где тыквы. Думаю, пускай посмотрит на... деревья... свежим воздухом подышит... пока...

Руки у него затряслись так, что кувшин выскользнул; осколки разлетелись по полу.

– Дай я сама. – Гермиона подбежала собрать осколки.

– В буфете другой есть. – Огрид сел и вытер лоб рукавом.

Гарри глянул на Рона – тот совсем растерялся.

– Вдруг что-то еще можно сделать? – яростно спросил Гарри и подсел к Огриду. – Думбльдор...

– Он пытался, – ответил Огрид. – Нет у него власти идти против комитета. Он говорил, что Конькур неопасный, а им страшно... Вы ж Люциуса Малфоя знаете... запугал их, я так понимаю... палач, Макнейр, он Малфоев кореш с давних времен... но это все быстро... и я с ним буду...

Огрид сглотнул. Взгляд его метался по хижине, словно ища хоть лучик надежды или утешения.

– Думбльдор тоже придет на... процедуру. Написал мне утром. Говорит, хочет быть... со мной. Великий человек Думбльдор...

Гермиона, роясь в буфете в поисках кувшина, коротко, задавленно всхлипнула. Потом выпрямилась, сжимая новый кувшин, храбро борясь со слезами.

– Мы тоже с тобой останемся, – начала она, но Огрид покачал кудлатой головой:

– Вы в замок валяйте. Говорю же, нечего вам на такое глядеть. И вообще, вам здесь и быть не след... Ежели Фудж с Думбльдором увидят, что Гарри без разрешения пришел, ему не поздоровится.

Гермиона беззвучно проливала слезы. Чтобы Огрид не заметил, она захлопотала над чайником. Взяла кувшин, занесла над ним молочную бутылку и вдруг взвизгнула.

– Рон! Ты... ты только посмотри – это же *Струпик!*

Рон вытаращил глаза:

– Чего?

Гермиона подошла к нему и перевернула кувшин. С диким писком, царапая коготками в бесплодных попытках залезть обратно, на стол выскользнула крыса Струпик.

– Струпик! – потерянно сказал Рон. – Ты-то здесь откуда?

Он сгреб крысу и поднес к свету. Струпик извивался; выглядел он ужасно. Совсем отощал, шерсть повылезала клоками – остались проплешины. И он отчаянно вырывался.

– Уймись, Струпик! – уговаривал Рон. – Тут нету кошек! Никто тебя не обидит!

Неподвижно глядя в окно, Огрид внезапно поднялся. Румяное лицо стало пергаментным.

– Идут...

Гарри, Рон и Гермиона развернулись. Вдали по ступеням из замка спускались люди. Впереди шел Альбус Думбльдор, и под закатным

солнцем его серебряная борода отсвечивала золотом. Рядом трусил Корнелиус Фудж. Следом шагали дряхлый представитель комитета и палач Макнейр.

– Уходите скорей, – заторопился Огрид. Его колотило. – Не хватало, чтоб вас тут увидели... Валяйте...

Рон запихал Струпика в карман, а Гермиона взяла плащ.

– На зады вас выпущу, – сказал Огрид.

Они вышли за Огридом на задний двор. Все было какое-то нереальное – так казалось Гарри, особенно когда поблизости он заметил Конькура, привязанного к дереву за тыквенной грядкой. Наверное, Конькур понимал, что дела нехороши. Он свирепо мотал башкой и беспокойно рыл землю.

– Все путем, Конька, – еле слышно успокоил Огрид, – все путем... – И повернулся к ребятам: – Ну, давайте. Идите уже.

Но они не пошевелились.

– Огрид, мы не можем...

– Мы расскажем, как все было...

– Ну как можно его убить?..

– Идите! – рявкнул Огрид. – И так все плохо, не хватало еще вам в беду попасть!

Выбора не оставалось. Гермиона набросила плащ на Рона и Гарри. На переднем крыльце раздались голоса. Огрид посмотрел туда, где только что исчезли ребята.

– Быстро, – просипел он. – И не слушайте...

В переднюю дверь постучали, и Огрид зашагал назад в хижину.

Словно в трансе Гарри, Рон и Гермиона медленно и тихо обогнули дом. Когда оказались у двери, она с грохотом захлопнулась.

– Пожалуйста, пойдете скорее, – зашептала Гермиона. – Я не могу, я не вынесу...

Они направились вверх по склону к замку. Солнце быстро катилось за горизонт; прозрачное небо посерело и отсвечивало пурпуром, но на западе полыхало рубиновое сияние.

Рон остановился как вкопанный.

– Рон, ну пожалуйста, – начала Гермиона.

– Да Струпик... не хочет... сидеть на месте...

Рон согнулся пополам, засовывая крысу в карман, но Струпик окончательно обезумел – визжал как ненормальный, извивался,

молотил лапками и норовил вонзить зубки Рону в руку.

– Струпик, дурень ты этакий, это же я, – зашептал Рон.

Позади них отворилась дверь. Раздались мужские голоса.

– Ой, Рон, пожалуйста, пошли скорее, они уже начинают! – выдохнула Гермиона.

– Ладно... Струпик, *тихо!*

Они пошли дальше. Гарри, как и Гермиона, старался не прислушиваться. Рон опять остановился.

– Не могу его удержать! Струпик, да тихо ты, услышат же...

Крыса верещала как бешеная, но они все равно уловили, что творится в огороде за домом Огрида: невнятные голоса, молчание, а затем вдруг – свист, который ни с чем не спутаешь, и стук топора.

Гермиона покачнулась.

– Уже! – прошептала она, обращаясь к Гарри. – Это не... немисливо... они его казнили!

Глава семнадцатая

Кот, пес и крыса

В голове у Гарри помутилось. Все трое застыли от ужаса под плащом. Последние лучи заходящего солнца бросали кровавый отсвет на разлинованную длинными тенями землю. Сзади раздался звериный вой.

– Огрид, – прошептал Гарри. Ничего не соображая, он хотел уже броситься назад, но Рон с Гермионой схватили его за руки.

– Нельзя. – Рон побелел как бумага. – Ему совсем канты, если узнают, что мы приходили...

Гермиона дышала часто и неровно.

– Как... они... могли? – задыхалась она. – *Как могли?*

– Пошли отсюда. – У Рона стучали зубы.

Они вновь направились к замку – медленно, чтоб не высовываться из-под плаща. День стремительно угасал. Когда они ступили на газон, тьма сгустилась как по волшебству.

– Струпик, сиди тихо, – шепотом прикрикнул Рон, прихлопнув его ладонью. Крыса бешено извивалась. Рон резко затормозил и попытался запихнуть Струпика поглубже в карман. – Да что с тобой такое, тупое животное? Сиди тихо... ОЙ! Он меня укусил!

– Рон, не кричи! – горячо зашептала Гермиона. – Фудж вот-вот выйдет...

– Он... не... хочет... сидеть... смирно...

Струпик был вне себя от страха. Он вертелся изо всех сил, вырываясь из кулака.

– Да что с ним такое?

Но тут Гарри увидел: низко припав к земле, светя в темноте желтыми глазами, к ним подкрадывался Косолапсус. Непонятно, видел он их или шел на визг Струпика.

– Косолапсус! – простонала Гермиона. – Нет! Иди отсюда, Косолапсус! Брысь!

Но кот надвигался...

– Струпик, НЕТ!

Слишком поздно – крыса выскользнула из пальцев, плюхнулась на землю и шмыгнула прочь. Одним прыжком Косолапсус рванул следом. Гарри с Гермионой не успели помешать: Рон сбросил плащ и скрылся в темноте.

– Рон! – снова застонала Гермиона.

Они с Гарри переглянулись и кинулись за Роном. Под плащом бегать трудно, они сдернули его, и он развевался позади флагом. Они неслись на топот Рона и дикие крики:

– Отстань от него! Пошел прочь! Струпик, *ко мне...*

Что-то упало.

– *Попался!* Пошел отсюда, гнусный кот!..

Гарри с Гермионой чуть не рухнули на Рона, однако в последний миг затормозили. Рон растянулся на земле, зато Струпик был у него в кармане; карман трепетал, и Рон держался за него обеими руками.

– Рон... вставай... под плащ, – пропыхтела Гермиона. – Думбльдор... министр... вот-вот...

Но они не успели спрятаться, не успели даже перевести дыхание – послышался глухой стук гигантских лап... Что-то мчалось на них из темноты – огромная, светлоглазая, угольно-черная собака.

Гарри потянулся за палочкой, но слишком поздно – собака прыгнула, и две громадные лапы толкнули его в грудь; в шерстяной сумятице Гарри упал на спину – в лицо дохнуло жаром, мелькнули дюймовые зубы...

Но сила прыжка увлекла пса дальше – он перекатился через Гарри. В ошеломлении, опасаясь, что сломаны ребра, Гарри попытался встать; пес развернулся и зарычал, изготавливаясь к новой атаке.

Рон уже вскочил. Когда собака прыгнула, он оттолкнул Гарри, и зубы сомкнулись на руке Рона. Гарри бросился на отвратительное чудовище, вцепился ему в шерсть, но оно с легкостью поволокло Рона, как тряпичную куклу...

И вдруг что-то ударило Гарри по лицу, снова сбив с ног. Он услышал, как завизжала от боли и упала Гермиона.

Смаргивая кровь, Гарри нашарил свою палочку.

– Люмос! – прошептал он.

Лучик осветил толстый ствол; в погоне за Струпиком они оказались под Дракучей ивой. Ветви скрипели, будто на сильном ветру,

и хлестали по земле, не подпуская ребят.

А под деревом пес тащил Рона головой вперед в большую нору меж корней. Рон отчаянно сражался, но его голова и грудь уже исчезали из виду...

— Рон! — закричал Гарри и кинулся следом, но тяжелая ветвь страшно рассекла воздух и пришлось отскочить.

Теперь была видна лишь нога Рона — он зацепился за корень, чтоб собака не утащила его дальше. Раздался жуткий хруст; нога сломалась и исчезла в норе.

— Гарри, надо звать на помощь! — крикнула Гермиона; она тоже была в крови — Дракучая ива попала ей по плечу.

— Нет! Это чудище успеет его сожрать — у нас нет времени...

— Гарри, мы сами туда ни за что не проберемся...

Стиснув прутьи в кулак, рядом опять хлестнула ветвь.

— Если пес пробрался, то и мы сможем, — прохрипел Гарри. Он метался туда-сюда, в обход грозных ветвей, но не мог подойти ни на дюйм ближе.

— Ой, помогите, помогите, — лихорадочно шептала Гермиона, неуверенно приплясывая, — пожалуйста...

Косолапсус рванулся вперед. Он змеей проскользнул меж озверевших ветвей к стволу и лапами нажал на узловатый нарост.

И дерево замерло, словно обратившись в мрамор. Даже листья застыли.

— Косолапсус! — не веря своим глазам, прошептала Гермиона. Она больно стиснула Гарри руку. — Как он догадался?..

— Он дружит с этой собакой, — мрачно объяснил Гарри. — Я видел их вместе. Пошли — и держи палочку наготове...

Они мигом очутились у дерева, но не успели подойти к норе, как туда, мелькнув буты-лочным ершиком хвоста, нырнул Косолапсус. Гарри полез следом: вполз головой вперед и по земляному склону соскользнул в очень низкий тоннель. Косолапсус уже двигался дальше — его глаза сверкнули в свете волшебной палочки. За спиной у Гарри на землю шлепнулась Гермиона.

— Где Рон? — испуганно прошептала она.

— Там, — сказал Гарри и, согнувшись в три погибели, направился за Косолапсусом.

— Куда ведет тоннель? — задыхаясь, спросила Гермиона.

– Не знаю... Он помечен на Карте Каверзника, но Фред с Джорджем говорили, что сюда никто никогда не заходил... Он уводит куда-то за карту – похоже, в Хогсмед...

Они торопились как могли в полусогнутом состоянии; впереди мелькал кошачий хвост. Тоннелю не было конца – явно не короче того, что вел в «Рахатлукулл»... Гарри думал о Роне – о том, что с ним сделает страшный пес... Болезненно глотая воздух, они бежали почти что на корточках...

Но вот тоннель начал подниматься, а затем резко свернул. Косолапсус исчез. Там, где только что был рыжий хвост, Гарри разглядел отверстие и пятно сумеречного света.

Они с Гермионой притормозили, переводя дыхание, и осторожно подкрались ближе. Оба подняли горящие волшебные палочки.

Тоннель вывел их в комнату – сплошь беспорядок и пыль. Обои висят лохмотьями; весь пол заляпан; вся мебель разломана, будто кто-то нарочно ее крушил. Окна заколочены.

Гарри посмотрел на Гермиону. Та была ужасно перепугана, однако кивнула.

Гарри выбрался из тоннеля и осмотрелся. В комнате никого, но справа распахнута дверь в темный коридор. Гермиона опять схватила Гарри за руку. Ее расширенные глаза перебегали от окна к окну.

– Гарри, – прошептала она, – мне кажется, мы в Шумном Шалмане.

Гарри огляделся. Заметил деревянный стул – планки вырваны, ножка отломана.

– Это не привидения сделали, – заметил он.

Откуда-то сверху раздался скрип. Ребята уставились в потолок. Гермиона так крепко стискивала Гарри руку, что он уже почти не чувствовал пальцев. Покосился на нее, задрал брови; она кивнула и отпустила.

Очень-очень тихо они прокрались в коридор и вверх по шаткой лестнице. Всё кругом толстым слоем покрывала пыль, но на полу сиял широкий след – здесь что-то тащили наверх волоком.

Они взошли на темную верхнюю площадку.

– Нокс, – прошептали они хором, и свет волшебных палочек потух. На втором этаже была открыта лишь одна дверь. Подкравшись, ребята уловили внутри движение; тихий стон, затем низкое и громкое урчание. Напоследок переглянулись, кивнули друг другу.

Стискивая палочку, Гарри пнул дверь.

На роскошной постели под пыльным балдахином лежал Косолапсус. Увидев своих, он громко замурлыкал. На полу у кровати, схватившись за ногу, торчавшую под странным углом, лежал Рон.

Гарри с Гермионой бросились к нему.

– Рон, ты как?

– Где пес?

– Не пес, – застонал Рон, от боли скрипя зубами. – Гарри, это ловушка...

– Что?..

– *Он и есть пес... он анимаг...*

Рон смотрел Гарри за спину. Тот развернулся. Из теней выступила чья-то фигура, с грохотом захлопнула дверь.

Копна грязных свалявшихся волос свисала до самых локтей. Если бы не глаза, блиставшие в глубоких черных глазницах, он вполне сошел бы за труп. Восковая кожа туго обтягивала лицо – оно походило на череп. Желтые зубы оскалены в ухмылке. Перед ними стоял Сириус Блэк.

– Экспеллиармус! – хрипло гаркнул он, тыча палочкой Рона.

Волшебные палочки вылетели из рук у Гарри и Гермионы и перелетели в руки Блэку. Он шагнул вперед, не отрывая глаз от Гарри.

– Я так и думал, что ты захочешь помочь другу, – хрипло сказал он. Похоже, Блэк позабыл, как пользоваться голосом. – Твой отец сделал бы то же самое для меня. А ты храбрец, за учителем не побежал. Спасибо... так намного проще...

Напоминание об отце зазвенело у Гарри в ушах, словно Блэк орал во всю глотку. Кипящая ненависть поднялась в груди, не оставив места для страха. Первый раз в жизни Гарри жаждал получить назад свою палочку не для защиты, а для нападения... чтобы убить. Он сам не понял, как ринулся на врага... но мелькнули руки, потащили его назад...

– Нет, Гарри! – в ужасе шепнула в ухо Гермиона.

А Рон заговорил с Блэком.

– Если хотите убить Гарри, вам придется убить и нас! – яростно заявил он и с трудом встал; кровь совсем отлила от лица, и Рон покачнулся.

Что-то сверкнуло в запавших глазах Блэка.

– Ложись, – тихо сказал он Рону. – А то повредишь ногу еще больше.

– Вы меня слышали? – пролепетал Рон, цепляясь за Гарри, чтобы не упасть. – Вам придется убить всех троих!

– Сегодня здесь произойдет только одно убийство, – ответил Блэк и ухмыльнулся шире.

– Это еще почему? – презрительно бросил Гарри, вырываясь из хватки Рона и Гермионы. – В прошлый-то раз вы не благородничали. Поубивали толпу муглов, лишь бы добраться до Петтигрю... Что это с вами? В Азкабана добрели?

– Гарри! – хныкнула Гермиона. – Помолчи!

– ОН УБИЛ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ! – заорал Гарри, рванулся изо всех сил и бросился на Блэка...

Он напрочь забыл о магии, забыл, что ему тринадцать лет, что он невысок и худощав, а Блэк, напротив, взрослый, крупный мужчина, – он только знал, что должен сделать Блэку как можно больнее и плевать, будет ли больно ему самому.

Видимо, в шоке от такой глупости Блэк не успел поднять волшебные палочки – Гарри одной рукой вцепился ему в запястье, отводя их прочь, кулаком заехал преступнику в висок, и они оба влетели в стену.

Гермиона визжала; Рон вопил; палочки в руке у Блэка выстрелили потоком искр, который чудом не коснулся Гарри; худая рука бешено выворачивалась в его хватке, но он не разжимал пальцев и свободной рукой молотил Блэка всюду, куда мог достать.

Но тут Блэк обхватил Гарри за горло.

– Нет уж, – прошипел он, – я слишком долго ждал...

Пальцы сжались, Гарри задохнулся, очки съехали набок.

Потом размахнулась нога Гермионы. Блэк вскрикнул и отпустил Гарри. Рон всем телом навалился Блэку на руку, которая сжимала палочки, и что-то упало на пол...

Гарри выбрался из-под клубка тел и увидел, как по полу катится его волшебная палочка; он рванулся к ней, но...

– Ай! Косолапус!

Тот вступил в сражение – запустил когти Гарри в руку. Гарри его отшвырнул, но Косолапус бросился к палочке...

– НУ УЖ НЕТ! – взревел Гарри и пнул его; кот зашипел и отпрыгнул; Гарри схватил палочку, повернулся... – С дороги! – крикнул он Рону с Гермионой.

Повторять дважды не понадобилось. Задыхающаяся Гермиона с рассеченной губой отползла, подняв по дороге палочки, и свою, и Рона. Рон добрался до кровати и рухнул на нее, тяжело переводя дух. Его бледное лицо слегка позеленело, и он обеими руками держался за сломанную ногу.

Блэк распростерся у стены. Худые ребра ходили ходуном. Он смотрел, как Гарри, наставив палочку ему прямо в сердце, подступает все ближе.

– Хочешь меня убить? – прошептал Блэк.

Гарри навис над ним, целя палочкой в грудь. Левый глаз у Блэка наливался лиловым синяком, из носа шла кровь.

– Ты убил моих родителей. – Голос у Гарри дрожал, но рука была тверда.

Блэк уставился на него глубоко запавшими глазами.

– Не отрицаю, – очень тихо произнес он. – Но если бы ты знал всё...

– Всё? – повторил Гарри. В ушах бешено стучала кровь. – Ты продал их Волдеморту. Больше мне ничего знать не нужно.

– Выслушай меня, – сказал Блэк уже настойчивее. – Ты будешь жалеть, если не выслушаешь... Ты не понимаешь...

– Я понимаю гораздо лучше, чем ты думаешь, – ответил Гарри, и его голос задрожал сильнее. – Ты не слышал, как она кричала, нет? Моя мама... когда умоляла Волдеморта не убивать меня... и это все ты... все ты...

Они больше не успели сказать ни слова – нечто рыжее промелькнуло мимо Гарри; Косолапсус прыгнул Блэку на грудь и уютно свернулся клубком прямо над сердцем. Блэк заморгал и скосил глаза на кота.

– Иди-ка отсюда, – пробормотал он, спихивая Косолапсуса.

Но Косолапсус вонзил когти ему в мантию и не двинулся. Он повернул уродливую приплюснутую морду к Гарри, вперил в него желтые глазищи. Где-то справа без слез всхлипнула Гермиона.

Гарри смотрел на Блэка с Косолапсусом и все крепче стискивал волшебную палочку. Допустим, придется убить и кота – что с того?

Кот заодно с Блэком... Если он готов умереть, защищая Блэка, Гарри это не касается... А если Блэк хочет спасти кота, значит, Косолапсус ему дороже, чем родители Гарри...

Гарри поднял палочку. Настал решительный миг. Миг отмщения. Сейчас он убьет Блэка. Он должен убить Блэка. Это его шанс...

Мгновения тянулись. Гарри стоял, подняв палочку. Косолапсус лежал у Блэка на груди, Блэк не отрывал взгляда от Гарри. На кровати прерывисто хрипел Рон. Гермиона замерла.

И тогда они услышали...

Эхо приглушенных шагов внизу – там кто-то был.

– МЫ ЗДЕСЬ! – внезапно завопила Гермиона. – МЫ ЗДЕСЬ, НАВЕРХУ – СИРИУС БЛЭК – *СКОРЕЕ!*

Блэк дернулся, Косолапсус чуть не свалился. Гарри конвульсивно вцепился в палочку. «Сейчас же, давай!» – приказал голос в голове, но шаги с грохотом надвигались, а Гарри так ничего и не сделал.

В фонтане красных искр распахнулась дверь. Гарри развернулся и увидел, как в комнату ворвался смертельно бледный профессор Люпин с палочкой на изготовку. Он оглядел лежащего Рона, съезжившуюся у двери Гермиону, Гарри, который целил палочкой в Блэка, и самого Блэка – окровавленную грудку у ног Гарри.

– Экспеллиармус! – выкрикнул Люпин.

Палочка опять вылетела у Гарри из рук; то же самое сделали и две палочки Гермионы. Люпин ловко поймал все три и приблизился к Блэку. На груди у Блэка, защищая его, по-прежнему лежал Косолапсус.

Гарри вдруг затопила пустота. Он не смог убить. Не хватило храбрости. Теперь Блэка отдадут дементорам.

А потом Люпин заговорил – голос его был странен и напряженно вибрировал:

– Где он, Сириус?

Гарри глянул на Люпина. О чем речь? Про кого Люпин спрашивает? Гарри снова посмотрел на Блэка.

У того на лице не отражалось ровным счетом ничего. Несколько секунд он вообще не шевелился. Затем очень медленно поднял руку и показал на Рона. Озадаченный Гарри тоже туда посмотрел. Рон совершенно растерялся.

– Но тогда... – пробормотал Люпин, пристально глядя на Блэка, словно пытался прочесть его мысли, – ...почему он не появился

раньше? Если только, – глаза у Люпина вдруг расширились, будто он увидел что-то незримое сквозь Блэка, – если только это не *он*... если вы не передумали... а мне не сказали?

Очень-очень медленно, не отводя запавших глаз от Люпина, Блэк кивнул.

– Профессор, – громко перебил Гарри, – что вообще?..

Но он не успел договорить – от того, что он увидел, язык прилип к нёбу. Люпин опустил палочку. Подошел к Блэку, схватил его за руку и вздернул на ноги. Косолапсус свалился на пол. Люпин обнял Блэка, как брата.

У Гарри словно земля разверзлась под ногами.

– ЧТО?! – закричала Гермиона.

Люпин отпустил Блэка и обернулся. Гермиона вскочила и с диким видом тыкала пальцем в Люпина:

– Вы... вы...

– Гермиона...

– ... вы и он!

– Гермиона, успокойся!

– Я никому не говорила! – завопила она. – Я вас покрывала...

– Гермиона, послушай меня, пожалуйста! – закричал Люпин. – Я все объясню!..

Гарри затрясся, но не от страха – с новой силой накатил гнев.

– Я вам доверял! – закричал он, и голос его сорвался. – А вы все это время были ему другом!

– Ты ошибаешься, – возразил Люпин. – Я не был ему другом двенадцать лет, но сейчас – да, я его друг... Дай мне объяснить...

– НЕТ! – завизжала Гермиона. – Гарри, не верь ему, это он помогал Блэку попасть в замок, он тоже хочет тебя убить – *он оборотень!*

Воцарилась звенящая тишина. Все взгляды обратились к Люпину – тот сохранял замечательное спокойствие, хотя и побледнел.

– Совсем не в твоём духе, Гермиона, – сказал он. – Боюсь, всего одно попадание из трех. Я не помогал Сириусу попасть в замок и безусловно не хочу убивать Гарри... – Странная дрожь пробежала по его лицу. – Не стану отрицать, однако, что я оборотень.

Рон предпринял доблестную попытку подняться, но снова упал, вскрикнув от боли. Люпин в тревоге шагнул было к нему, но Рон выдохнул:

– *Отвали, оборотень!*

Люпин застыл. Затем, явно через силу, спросил у Гермионы:

– Давно ты знаешь?

– Сто лет, – шепотом ответила она. – С тех пор как написала сочинение для профессора Злея...

– Он был бы в восторге, – холодно заметил Люпин. – Он и задал его в надежде, что вы разгадаете мои симптомы... Ты, видимо, сверилась с картой луны и поняла, что я всегда болен в полнолуние? Или сообразила, что взизрак при виде меня превратился в луну?

– И то и другое, – тихо произнесла Гермиона.

Люпин выдавил смешок.

– Ты самая умная ведьма среди своих сверстниц.

– Ничего подобного, – прошептала Гермиона. – Будь я чуточку умнее, я бы всем рассказала, кто вы такой!

– Но все и так знают, – сказал Люпин. – По крайней мере, учителя.

– Думбльдор взял вас на работу, зная, что вы – оборотень? – задохнулся Рон. – Он что, псих?

– Некоторые считают, что да, – ответил Люпин. – Ему пришлось немало потрудиться, пока все убедились, что мне можно доверять...

– И ЭТО ОН ЗРЯ! – заорал Гарри. – ВЫ С САМОГО НАЧАЛА ПОМОГАЛИ ЕМУ! – И он показал на Блэка.

Тот шагнул к кровати и сел, закрыв лицо трясущейся рукой. Косолапсус вспрыгнул на кровать, перешел к нему на колени и громко заурчал. Рон, подволакивая ногу, отодвинулся от них обоих.

– Я *не* помогал Сириусу, – возразил Люпин. – Если позволите, я все объясню. Возьмите...

И он бросил ребятам их палочки. Гарри в изумлении поймал свою.

– Вот так. – Люпин сунул собственную палочку за пояс. – Вы вооружены, а мы нет. Теперь вы меня выслушаете?

Гарри не знал, что и думать. Это отвлекающий маневр?

– Если вы ему не помогали, – он гневно покосился на Блэка, – как вы тогда узнали, что он здесь?

– По карте, – ответил Люпин. – Карте Каверзника. Я рассматривал ее у себя в кабинете...

– Вы знаете, как с ней обращаться? – подозрительно спросил Гарри.

– Конечно, я знаю, как с ней обращаться, – нетерпеливо отмахнулся Люпин. – Я помогал ее рисовать. Я – Лунат, это моя школьная кличка.

– Вы помогали?..

– Важно другое: я сегодня смотрел на нее очень внимательно. Подозревал, что вы трое перед казнью гиппогрифа тайком проберетесь к Огриду. И я не ошибся, да?

Он заходил взад-вперед по комнате, не сводя глаз с ребят. Под ногами у него взлетали пыльные фонтанчики.

– Я предполагал, что ты возьмешь отцовский плащ, Гарри...

– Откуда вы знаете про плащ?

– Я столько раз видел, как Джеймс под ним исчезает... – Люпин снова в нетерпении махнул рукой. – Суть в том, что даже в плаще ты все равно виден на Карте Каверзника. Я видел, как вы втроем прошли по двору в хижину Огрида. Через двадцать минут вы вышли и направились к замку. Только вас уже было четверо.

– Что? – переспросил Гарри. – Ничего подобного!

– Я глазам своим не поверил, – продолжал Люпин, не обратив внимания на Гарри и продолжая расхаживать по комнате. – Думал, карта испортилась. Как мог он быть с вами?

– Да никого с нами не было! – сказал Гарри.

– Потом я увидел еще одну точку, она мчалась к вам... и была помечена «Сириус Блэк»... Я видел, как он столкнулся с вами и утащил двоих под Дракучую иву...

– Одного он утащил! – сердито выпалил Рон.

– Нет, Рон, – возразил Люпин, – двоих.

Он остановился, посмотрел на Рона и невозмутимо сказал:

– Позволишь мне взглянуть на крысу?

– Что? – поразился Рон. – А Струпик-то тут при чем?

– При всем, – ответил Люпин. – Можно взглянуть?

Рон замялся. Потом запустил руку под мантию и извлек обезумевшего Струпика; чтоб тот не удрал, Рон схватил его за длинный голый хвост. Косолапус на коленях у Блэка вскочил и тихо зашипел.

Люпин подошел ближе. Рассматривая Струпика, он даже дыхание затаил.

– Что? – снова спросил Рон, в испуге прижимая Струпика к себе. – Что вам надо от моей крысы?

- Это не крыса, – вдруг каркнул Блэк.
- Что вы несете!.. Еще какая крыса...
- Нет, не крыса, – тихо сказал Люпин. – Это колдун.
- Анимаг, – прибавил Блэк, – по имени Питер Петтигрю.

Глава восемнадцатая

Лунат, Червехвост, Мягколап и Рогалис

Вся абсурдность этого заявления дошла до ребят отнюдь не сразу. Потом Рон высказал вслух то, что подумал Гарри:

– Да вы оба рехнулись.

– Бред какой-то! – промямлила Гермиона.

– Питер Петтигрю погиб! – сказал Гарри. – Двенадцать лет назад его убил этот... – И он показал на Блэка, чье лицо конвульсивно дернулось.

– Хотел убить, – прорычал он в ответ, обнажая желтые зубы, – но малыш Питер меня обставил... Теперь не выйдет!

И Косолапсус скатился на пол – Блэк кинулся на Струпику. Рон заорал от боли, когда Блэк всем телом упал на сломанную ногу.

– Сириус, СТОЙ! – крикнул Люпин, оттаскивая Блэка. – СТОЙ! Так нельзя! Они должны понять... надо объяснить...

– Потом объясним! – огрызнулся Блэк, вырываясь и одной рукой хватая воздух, пытаясь дотянуться до крысы. Струпик визжал как резаный и рвался прочь, расцарапывая Рону лицо и шею.

– Они – имеют – право – знать – все – как – есть! – пропыхтел Люпин, держа Блэка. – Он был питомцем Рона! А кое-чего я и сам не понимаю! И потом, Гарри... Ты обязан рассказать ему всю правду, Сириус!

Блэк бросил сопротивляться, но не отрывал ввалившихся глаз от Струпику, крепко зажатого в покусанных, исцарапанных и кровоточащих пальцах Рона.

– Ну хорошо, – согласился Блэк. – Рассказывай им, что сочтешь нужным. Только быстрее, Рем. Я хочу совершить убийство, за которое меня посадили...

– Вы психи, вы оба, – беспомощно произнес Рон, оглядываясь на Гарри с Гермионой. – С меня хватит. Я пошел.

Он хотел встать на здоровую ногу, но Люпин поднял палочку и наставил ее на Струпика.

– Ты меня выслушаешь, Рон, – невозмутимо сказал он. – И, пожалуйста, держи Питера крепче.

– ЭТО НЕ ПИТЕР, ЭТО СТРУПИК! – взвизгнул Рон и попытался запихнуть крысу в нагрудный карман, но та слишком сопротивлялась. Рон покачнулся, потерял равновесие, Гарри подхватил его и усадил на кровать. Потом, не глядя на Блэка, повернулся к Люпину:

– А как же свидетели гибели Петтигрю? Целая улица...

– Они видели совсем не то, что было! – кровожадно выпалил Блэк, наблюдая, как извивается Струпик.

– Все думали, что Сириус убил Питера, – кивнул Люпин. – Я и сам так думал... пока не увидел сегодня карту. Карта Каверзника никогда не врет... Питер жив. Он у Рона в руках, Гарри.

Гарри с Роном переглянулись и молча согласились друг с другом: и Люпин, и Блэк – оба сбрендили. Это все полнейшая ахинея. Как может Струпик быть Питером Петтигрю? Блэк, видимо, сдвинулся в Азкабане... Но почему Люпин ему подыгрывает?

Тут раздался голос Гермионы – дрожащий, псевдоспокойный, будто она пыталась привести Люпина в чувство:

– Но, профессор Люпин... Струпик никак не может быть Петтигрю... это невозможно, вы же понимаете...

– Почему невозможно? – преспокойно спросил Люпин, будто они сидели на уроке и Гермиона подметила неточность в очередном опыте с загрыбастом.

– Потому что... потому что если Питер Петтигрю – анимаг, люди бы знали. Мы проходили анимагов с профессором Макгонаголл. И я читала про них, когда делала домашнее задание, – в министерстве магии хранятся данные на всех колдунов и ведьм, которые умеют превращаться в животных; на каждого досье, и там все написано: в какое животное превращаются, каковы особые приметы, все-все... Я специально ходила посмотреть профессора Макгонаголл в списке. В этом веке всего семь анимагов, а Петтигрю в списке не было...

Гарри едва успел подивиться, как серьезно Гермиона относится к домашним заданиям, и тут профессор Люпин расхохотался.

– Ты, как всегда, права! – согласился он. – Но в министерство не поступало сведений о том, что в «Хогварце» окопались три

незарегистрированных анимага.

– Если хочешь им все рассказать, поторопись, Рем, – рявкнул Блэк, неотрывно следя за отчаянной борьбой Струпики. – Я ждал двенадцать лет и больше ждать не собираюсь.

– Хорошо, хорошо... только помоги мне, Сириус, – сказал Люпин. – Я-то знаю только начало...

Люпин вдруг умолк. За его спиной раздался громкий скрип. Дверь сама собой отворилась. Все пятеро уставились на нее. Люпин подошел и выглянул на лестницу.

– Никого...

– Привидение! – крикнул Рон.

– Ничего подобного, – отозвался Люпин, озадаченно глядя за дверь. – В Шумном Шалмане никогда не было привидений... Выл и вопил здесь я.

Он отбросил со лба седые волосы, помолчал и приступил:

– Пожалуй, с этого все и начинается – с того, что я стал оборотнем. Ничего бы не случилось, если бы меня не покусали... и если бы не мое безрассудство...

Он был серьезен и явно очень устал. Рон хотел было его перебить, но Гермиона шикнула. Она пристально глядела на Люпина.

– Когда меня укусили, я был совсем маленьким. Родители перепробовали все средства, но в те времена это не лечилось. Зелье, которое готовит мне профессор Злей, изобрели совсем недавно. С этим зельем я безопасен. Принимаю его неделю до полнолуния и сохраняю способность мыслить... сворачиваюсь клубком у себя в кабинете и жду, пока луна пойдет на убыль. Этаким безобидный волк... А вот до изобретения аконитного зелья я раз в месяц становился настоящим чудовищем. Об учебе в «Хогварце» нечего было и мечтать. Никто из родителей не согласился бы подвергать своих детей такой угрозе... Но как раз тогда директором стал Думбльдор, и он мне посочувствовал. Сказал, что не возражает против моего обучения, если мы будем соблюдать меры предосторожности... – Люпин вздохнул и посмотрел Гарри в глаза: – Я тебе как-то говорил, что Дракучую иву посадили в год моего поступления в «Хогварц». На самом же деле ее посадили *из-за того*, что я поступил в «Хогварц». Этот дом, – Люпин тоскливо обвел глазами комнату, – и тоннель построили для меня. Раз в месяц

меня тайком переводили из замка сюда. Здесь я превращался. А Дракучая ива никого не подпускала ко мне, пока я был опасен.

Гарри не понимал, к чему им вся эта история, но слушал очень внимательно. Помимо голоса Люпина в комнате раздавался лишь испуганный писк Струпики.

– В те дни мои... *преобразования* были попросту ужасны. Превращаться в волка очень больно. От людей меня изолировали, а потому я кусал и царапал сам себя. Жители деревни слышали мои вопли и завывания и думали, что тут завелись особо свирепые привидения. Думбльдор раздувал эти слухи... даже сейчас в доме уже который год не раздается ни звука, а жители не решаются к нему приблизиться... Но если не считать мучительных превращений, я был счастлив. Впервые в жизни у меня появились друзья. Трое близких друзей. Сириус Блэк... Питер Петтигрю... и, разумеется, твой отец, Гарри, – Джеймс Поттер... Друзья не могли не заметить, что раз в месяц я куда-то исчезаю. Я придумывал разные истории. Врал, что моя мать больна и надо ее навещать... Я боялся, что они отвернутся от меня, если узнают. Конечно, они, как и ты, Гермиона, быстро обо всем догадались... но не отвернулись от меня. Напротив, ради меня они сделали такое, что не просто облегчило мои страдания, но превратило эти периоды в лучшие дни моей жизни. Мои друзья стали анимагами.

– И мой папа тоже? – поразился Гарри.

– Конечно, – сказал Люпин. – Разбирались почти три года. Твой отец и Сириус были в школе самыми умными – и это большая удача, потому что анимаги страшно рискуют: оттого, помимо прочего, в министерстве за ними так тщательно и следят. Питеру нужна была помощь, Джеймс и Сириус старались для него как могли. Наконец в пятом классе они научились превращаться в зверей – каждый в своего.

– А вам это чем помогло? – недоуменно спросила Гермиона.

– Люди не могли составить мне компанию, зато могли звери, – пояснил Люпин. – Обратни опасны только для людей. Каждый месяц мои друзья выбирались из замка под плащом-невидимкой Джеймса. Превращались в животных... Питер был самый маленький – он шмыгал под Дракучую иву и нажимал на узел, который ее обездвиживает. И они приходили ко мне по тоннелю. С ними я был не так опасен. Тело мое было волчьим, но сознание, когда они были рядом, – нет.

– Поторопись, Рем, – прорычал Блэк, с жуткой голодной гримасой глядя на Струпику.

– Я подхожу к делу, Сириус, уже скоро... Итак, перед нами открылись необыкновенные возможности. Вскоре мы стали покидать Шумной Шалман, бродили ночами по окрестностям, по деревне. Сириус и Джеймс превращались в крупных зверей и справились бы с оборотнем, если надо. Вряд ли кто-нибудь еще в «Хогварце» лучше нас знал территорию школы и Хогсмед... Так мы нарисовали Карту Каверзника и подписали ее нашими прозвищами. Сириус – это Мягколап. Питер – Червехвост. Джеймс – Рогалис.

– А какой зверь?.. – начал Гарри, но его перебила Гермиона:

– Но ведь это же все равно очень опасно! Выпускать оборотня по ночам! А если б за вами не уследили и вы покусали бы кого-нибудь?

– Это мысль мучает меня до сих пор, – угрюмо ответил Люпин. – Были случаи, и немало, когда мы выкручивались чудом... Мы потом смеялись. Мы были молоды, легкомысленны... опьянены своим хитроумием... Иногда мне бывало стыдно, что я предал доверие Думбльдора... Он принял меня в школу, чего не сделал бы ни один директор, и не подозревал, что я нарушаю правила, которые защищают и меня, и остальных. Он не знал, что по моей вине трое моих друзей нелегально стали анимагами. Но всякий раз, когда мы садились планировать очередные похождения, стыд испарялся... И ничего с тех пор не изменилось... – Лицо Люпина закаменело, в голосе зазвучало презрение к себе: – Весь год я боролся с собой, все раздумывал, сказать ли Думбльдору, что Сириус – анимаг. Так и не сказал. Почему? Потому что трус. Потому что тогда надо признаваться, что я обманывал его доверие, когда учился в школе, что и других подбил... а без доверия Думбльдора мне не жить. Он помог мне, когда я был мальчиком, и снова помог, когда я стал взрослым, – он дал мне работу, когда все избегали меня. Я внушил себе, что Сириус проникает в замок, потому что научился у Волдеморта черной магии, а не потому, что умеет превращаться в зверя... словом, в определенном смысле Злей всю дорогу был прав.

– Злей? – хрипло переспросил Блэк, впервые отводя взгляд от Струпики. – При чем тут Злей?

– Он тоже в школе, Сириус, – мрачно пояснил Люпин. – Тоже преподает. – Он посмотрел на Гарри, Рона и Гермиону: – Профессор

Злей учился вместе с нами. Он сильно возражал против моего назначения преподавателем защиты от сил зла. Весь год предостерегает Думбльдора, что мне нельзя доверять. Тому есть причины... Понимаете, Сириус сыграл с ним злую шутку, и Злей чуть не погиб. А шутка касалась меня...

Блэк насмешливо хмыкнул.

– Так ему и надо, – ухмыльнулся он. – Нечего было лезть куда не просят... все выведывал, чем это мы занимаемся... надеялся, что нас исключат...

– Злотеуса очень интересовало, куда я пропадаю каждый месяц, – сказал Люпин ребятам. – Мы были одноклассники и... ммм... друг друга недолюбливали. Особенно Злей и Джеймс. По-моему, Злей завидовал успехам Джеймса в квиддише... В общем, однажды вечером Злей увидел, как мы с мадам Помфри идем по двору – она вела меня к Дракучей иве перед самым превращением. Сириус решил, что будет, скажем так, *забавно* намекнуть Злею, что нужно лишь надавить длинной палкой на узел на стволе – и он пройдет за мной следом. Злей, конечно, попытался – если б он добрался сюда, встретил бы тут полноценного оборотня, – но твой отец узнал, что сделал Сириус, и вытащил Злея, с большим риском для жизни... Впрочем, Злей краем глаза видел меня в конце тоннеля. Думбльдор запретил ему даже заикаться об этом, но с тех пор Злей знает, кто я такой...

– Так вот почему Злей вас не любит, – протянул Гарри. – Он думает, вы тоже его разыгрывали?

– Совершенно верно, – с ухмылкой произнес ледяной презрительный голос у Люпина за спиной.

Злотеус Злей стаскивал плащ-невидимку, нацелив палочку на оборотня.

Глава девятнадцатая

Слуга Лорда Вольдеморта

Гермиона завизжала. Блэк вскочил. Гарри словно ударило мощным разрядом электрического тока.

– Я нашел это под Дракучей ивой, – сказал Злей и отбросил плащ, целя волшебной палочкой прямо в грудь Люпину. – Очень полезная вещь, Поттер, благодарю...

Злей немного запыхался, но откровенно торжествовал.

– Вам, должно быть, интересно, как я догадался, что вы здесь? – осведомился он, сверкая глазами. – Я только что был в вашем кабинете, Люпин. Вы забыли принять вечернюю порцию зелья, и я прихватил для вас кубок. Очень удачно... для меня. На столе у вас лежала небезызвестная карта. Один взгляд на нее дал ответы на все мои вопросы. Я увидел, как вы пробежали сюда по тоннелю и скрылись.

– Злотеус... – начал Люпин, но Злей повысил голос:

– Я столько раз говорил директору, что это вы пускали Блэка в замок! И вот доказательство. Но я даже предположить не мог, что вы осмелитесь укрыться в прежнем своем убежище...

– Злотеус, вы ошибаетесь, – не отступал Люпин. – Вы не знаете всего. Я могу объяснить: Сириус здесь не за тем, чтобы убить Гарри...

– Азкабан сегодня получит сразу двух узников. – Глаза у Злея горели отчаянным фанатизмом. – Любопытно, что скажет Думбльдор, когда узнает... А ведь он был так уверен, что вы безопасны, Люпин... *ручной* оборотень...

– Глупец, – тихо произнес Люпин. – Неужто детская обида стоит того, чтобы заточить невинного в Азкабан?

БАМ! Тонкие веревки змеями выстрелили из волшебной палочки Злея и обмотали Люпину рот, запястья и щиколотки; он потерял равновесие и упал, не в силах пошевелиться. С яростным рыком Блэк кинулся на Злея, но тот нацелил палочку ему между глаз и прошептал:

– Только дай мне повод... Дай повод – я им воспользуюсь, я тебе клянусь.

Блэк замер. По лицам не поймешь, кто из них кого ненавидел сильнее.

Гарри парализовало. Он не знал, что делать, кому верить. Он оглянулся на Рона с Гермионой. Рон пребывал в таком же замешательстве и машинально сражался с вырывающимся Струпилом. Гермиона, однако, неуверенно шагнула к Злею и пролепетала еле слышно:

– Профессор Злей... но... можно ведь выслушать, что они хотят сказать... м-можно?

– Мисс Грейнджер, вам и так грозит отстранение от учебы, – отрезал Злей. – Вы, Поттер и Уизли находитесь в неподобающем месте в обществе оборотня и человека, осужденного за убийство. Хотя бы раз в жизни – *придержите язык*.

– Но... что, если... если это ошибка...

– ЗАМОЛЧИТЕ, БЕССМЫСЛЕННАЯ ВЫ ДЕВИЦА! – заорал Злей. У него сделался вид умалишенного. – НЕ ГОВОРИТЕ О ТОМ, ЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТЕ!

Из острия палочки, нацеленной в лицо Блэку, вырвались искры. Гермиона умолкла.

– Месть сладка, – выдохнул Злей, обращаясь к Блэку. – Я так надеялся, что именно мне посчастливится тебя поймать...

– И ты снова в дураках, Злотеус, – огрызнулся Блэк. – Если этот парень отнесет свою крысу в замок, – он мотнул головой на Рона, – я пойду без разговоров...

– В замок? – вкрадчиво переспросил Злей. – Зачем же ходить так далеко? Мы выйдем из-под ивы, и я просто позову дементоров. Они будут счастливы тебя видеть, Блэк... так счастливы, что, осмелюсь предположить, даже расцелуют...

Лицо Блэка, и без того лишенное красок, совсем побелело.

– Ты... ты должен меня выслушать, – хрипло каркнул он. – Эта крыса... посмотри на крысу...

Но глаза у Злея горели безумным огнем, какого Гарри еще не видал. Похоже, до него уже не достучаться.

– Пойдемте, вы все. – Он щелкнул пальцами, и концы веревок, связавших Люпина, скакнули ему в руки. – Я потащу оборотня.

Возможно, дементоры и его захотят поцеловать...

Сам не понимая, что делает, Гарри в три прыжка пересек комнату и загородил дверь.

– Прочь с дороги, Поттер, тебе что, мало? – рявкнул Злей. – Если б я не появился и не спас твою драгоценную шкуру...

– За этот год профессор Люпин мог убить меня сто раз, – сказал Гарри. – Я бывал с ним наедине, он занимался со мной защитой от дементоров. Если он помогал Блэку, почему не прикончил меня?

– Не собираюсь разбираться в тонкостях психологии оборотней, – прошипел Злей. – Прочь с дороги, Поттер.

– ДА ВЫ ПРОСТО ЖАЛКИ! – выкрикнул Гарри. – ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ПОДШУТИЛИ НАД ВАМИ В ШКОЛЕ, ВЫ НЕ ХОТИТЕ ДАЖЕ ВЫСЛУШАТЬ...

– МОЛЧАТЬ! НЕ СМЕТЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СО МНОЙ В ТАКОМ ТОНЕ! – завопил Злей, совершенно ополоумев. – Яблочко от яблоньки! Я только что спас твою шкуру – тебе бы на коленях меня благодарить! Сдох бы, хороший был бы урок! Умер бы, как отец! Тот тоже был самый умный! Тоже не верил, что может ошибаться в Блэке! А теперь отойди *или я заставлю!* ПРОЧЬ С ДОРОГИ, ПОТТЕР!

Гарри решился за долю секунды. Злей не успел сделать ни шагу – Гарри поднял волшебную палочку.

– Экспеллиармус! – крикнул он.

Но не он один. Раздался взрыв, и дверь чуть не соскочила с петель; Злея вздернуло в воздух и впечатало в стену; он сполз на пол, и из-под волос потекла струйка крови. Он отключился.

Гарри оглянулся. Одновременно с ним обезоружить Злея решили и Рон с Гермионой. Злеева палочка высокой дугой пролетела по комнате и приземлилась на кровать рядом с Косолапсусом.

– Это вы зря, – сказал Блэк, взглянув на Гарри. – Надо было предоставить его мне...

Гарри избегал смотреть ему в глаза. Он и сейчас сомневался, что поступил правильно.

– Мы пошли против учителя... против учителя... – причитала Гермиона, испуганно глядя на безжизненное тело. – Что теперь с нами будет...

Люпин возился на полу, пытаясь выпутаться. Блэк поспешно нагнулся и его развязал. Люпин встал, потирая руки там, куда

врезались веревки.

– Спасибо, Гарри, – сказал он.

– Я не говорю, что вам поверил, – огрызнулся Гарри.

– Значит, пришло время представить доказательства, – сказал Блэк. – Так, ты – давай сюда Питера. Сию секунду.

Рон крепче прижал Струпика к груди.

– Бросьте, – бессильно проговорил он. – Вы что хотите сказать – Блэк сбежал из Азкабана, только чтобы достать *Струпика*? То есть... – Он взглянул на Гарри и Гермиону, ища поддержки. – Ну, хорошо, допустим, Петтигрю умел превращаться в крысу – так крыс кругом миллионы, откуда Блэку в своем Азкабанае знать, какая ему нужна?

– Знаешь, Сириус, а ведь это резонный вопрос. – Люпин повернулся к Блэку, слегка нахмурившись. – Как ты узнал, где его искать?

Блэк запустил руку-клешню под мантию, извлек мятую газетную бумагу, разгладил и протянул остальным.

Это была фотография Рона с семьей, появившаяся в «Оракуле» прошлым летом. На плече у Рона сидел Струпик.

– Где ты это взял? – изумился Люпин.

– Фудж, – ответил Блэк. – В прошлом году приезжал с инспекцией в Азкабан, я попросил у него газету. А на первой полосе – Питер... на плече у этого паренька... Я его сразу узнал... столько раз видел, как он превращается... И там говорилось, что мальчик, его хозяин, осенью возвращается в «Хогварц»... где Гарри...

– Бог ты мой, – тихо сказал Люпин, переводя глаза с фотографии на Струпика и обратно. – Передняя лапа...

– Что лапа? – вызывающе спросил Рон.

– У него нет пальца, – объяснил Блэк.

– Ну конечно... – выдохнул Люпин. – Так просто... так гениально... он сам отрезал?

– Прямо перед тем, как превратиться, – ответил Блэк. – Я загнал его в угол, а он заорал на всю улицу, чтобы все слышали, – мол, я предал Лили и Джеймса. А потом, не успел я его проклясть, он отвел палочку за спину, взорвал пол-улицы, убил всех в радиусе двадцати футов – и слинял в водосток к другим крысам...

– Ты не знал, Рон? – спросил Люпин. – От Питера остался один палец.

– Ну и что?! Может, Струпик подрался с другой крысой! Он у нас уже давным-давно...

– Двенадцать лет, если быть точным, – заметил Люпин. – Тебя не удивляет, что он так долго живет?

– Мы... хорошо о нем заботились! – сказал Рон.

– Сейчас, однако, он выглядит не ахти, – сказал Люпин. – Надо думать, тощает с тех пор, как узнал, что Сириус на свободе...

– Он боялся этого психованного кота! – Рон кивнул на Косолапсуса, который знай себе мурлыкал на кровати.

Это не так, вдруг подумалось Гарри... Струпик плохо выглядел и до встречи с Косолапсусом... с возвращения Рона из Египта... с побега Блэка...

– Это вовсе не психованный кот, – хрипло вмешался Блэк. Он костлявой рукой погладил пушистую голову Косолапсуса. – Я не встречал котов умнее. Он сразу догадался, что Струпик не тот, за кого себя выдает. И про меня сразу понял, что я не настоящая собака. Он нескоро начал мне доверять... Но в конце концов мне удалось объяснить, чего я добиваюсь, и он стал помогать...

– То есть? – еле слышно спросила Гермиона.

– Он пытался принести Питера ко мне, но не вышло... потом он украл для меня гриффиндорские пароли... насколько я понял, взял их с тумбочки у какого-то мальчика...

Мозг у Гарри словно прогнулся под абсурдностью услышанного. Какой бред... и все же...

– Но Питер догадался, что происходит, и сбежал... Ваш кот – как его, Косолапсус? – сказал, что Питер оставил на простыне пятно крови... Наверное, сам себя укусил... Что ж, один раз ему уже удалось инсценировать свою смерть...

Эти слова вернули Гарри в чувство.

– А вы забыли, зачем ему нужно было инсценировать свою смерть? – яростно выкрикнул он. – Затем, что он знал: вы хотите убить его, как убили моих родителей!

– Вовсе нет, – перебил Люпин, – Гарри...

– А теперь заявились сюда, чтобы его прикончить!

– Совершенно верно, – сказал Блэк, сверля Струпика зловещим взглядом.

– Значит, зря я остановил Злея! – закричал Гарри.

– Гарри, – торопливо заговорил Люпин, – как ты не понимаешь? Мы-то думали, что Сириус предал твоих родителей, а Питер выследил его, – но на самом деле все ведь наоборот. *Питер* предал твоих маму и папу, а *Сириус* выследил Питера...

– НЕПРАВДА! – вопил Гарри. – ОН БЫЛ У НИХ ХРАНИТЕЛЕМ ТАЙНЫ! ОН САМ СКАЗАЛ, КОГДА ВЫ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛИ! ОН СКАЗАЛ, ЧТО УБИЛ ИХ!

Он тыкал пальцем в Блэка, а тот медленно мотал головой; запавшие глаза вдруг очень ярко заблестели.

– Гарри... я... все равно что их убил, – выдавил он. – В последний момент я уговорил Лили и Джеймса обратиться к Питеру, убедил их, что лучше назначить Хранителем Тайны его, а не меня... Я виноват и признаю... Так вышло, что в ночь, когда они погибли, я отправился проверить, все ли у Питера хорошо. Когда прибыл туда, где он прятался, его уже не было. Но и никаких следов борьбы. Очень было странно, я испугался. Помчался к твоим родителям. И когда увидел разрушенный дом, их тела... я понял, что сделал Питер... что я сам наделал... – Его голос прервался. Он отвернулся.

– Довольно разговоров, – сказал Люпин, и в голосе зазвенела сталь – Гарри никогда не слышал у него такого тона. – Есть только один способ узнать, как же обстояло дело. Рон, *дай сюда крысу*.

– А если я дам, что вы с ним сделаете? – сдавленно спросил Рон.

– Заставлю его показаться, – ответил Люпин. – Если он настоящая крыса, ему ничего не будет.

Рон колебался и наконец протянул Струпику Люпину. Струпик надрывно верещал, извиваясь и изворачиваясь. Черные глазки лезли из орбит.

– Готов, Сириус? – спросил Люпин.

Блэк уже держал палочку Злея. Он шагнул ближе, и его влажные глаза внезапно зажглись страшным огнем.

– Вместе? – шепнул он.

– Пожалуй, – отозвался Люпин. Одной рукой он держал Струпику, другой поднял палочку. – На счет «три». Раз – два – ТРИ!

Сине-белый свет ударил из обеих палочек; на миг Струпик завис в воздухе, и его тельце бешено завертелось. Рон закричал. Крыса ударилась об пол. Еще одна ослепительная вспышка и...

Это походило на рост дерева в ускоренной съемке. Над полом появилась голова; и вот уже ноги; очень скоро на месте Струпика возник человек. Он ломал руки. С кровати зашипел-зарычал Косолапсус, шерсть у него встала дыбом.

Питер был очень маленький, едва ли выше Гарри или Гермионы. Его тонкие, бесцветные волосы растрепались, на макушке блестела обширная лысина. Кожа обвисла, как у всех толстяков, похудевших слишком быстро. Он был неопрятен, почти как облезлый Струпик, и что-то крысиное оставалось в лице, в остреньком носике и слезящихся глазках. Он часто и прерывисто дышал; зрачки бегали. Гарри заметил, что он украдкой посматривает на дверь.

– Ну здравствуй, Питер, – приветливо поздоровался Люпин, будто не было ничего естественнее превращения крысы в старого школьного приятеля. – Сколько лет, сколько зим.

– С-сириус... Р-рем... – Даже голос у Петтигрю был крысиный. Глаза снова метнулись к двери. – Дорогие друзья... мои дорогие друзья...

Блэк поднял было палочку, но Люпин перехватил его руку, взглядом предостерег и снова непринужденно обратился к Петтигрю:

– Мы тут как раз говорили, Питер, о той ночи, когда погибли Джеймс и Лили. Ты, возможно, пропустил некоторые интересные подробности, пока визжал там, на кровати...

– Рем... – задохнулся Петтигрю, и Гарри увидел, как по землистому лицу катятся крупные бусины пота. – Ты ведь ему не поверил? Нет? Он хотел убить меня, Рем...

– Слыхали, – уже холоднее сказал Люпин, – но мне хотелось бы, чтобы ты прояснил нам кое-какие моменты, Питер, уж будь так...

– Он пришел убить меня! – вдруг громко заверещал Петтигрю, тыча в Блэка средним пальцем, заметил Гарри, указательный отсутствует. – Он убил Лили с Джеймсом, а теперь хочет убить меня... Помогите мне, Рем...

Блэк, мертвец мертвецом, уставил на Петтигрю бездонные глаза.

– Никто не будет тебя убивать до выяснения всех обстоятельств, – заверил Люпин.

– Обстоятельств? – завизжал Петтигрю, дико вертя головой, озираясь на заколоченные окна и снова на единственную дверь. – Я

знал, что он придет за мной! Я знал, что он вернется! Я ждал этого двенадцать лет!

– Ты знал, что Сириус сбежит из Азкабана? – Люпин наморщил лоб. – Хотя раньше это никому не удавалось?

– Ему известны такие секреты черной магии, какие нам и не снились! – пронзительно вскричал Петтигрю. – А как иначе он оттуда выбрался?! Небось Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут научил его всяким штучкам!

Блэк разразился жутким, безрадостным смехом, затопившим всю комнату.

– Вольдемор? Меня? Штучкам? – выговорил он.

Петтигрю вздрогнул, точно Блэк замахнулся на него хлыстом.

– Что, боишься имени своего бывшего господина? – презрительно бросил Блэк. – Я тебя не виню, Питер. Его приспешники не слишком тобой довольны, а?

– Не понимаю, о чем ты, Сириус, – пробормотал Петтигрю. Он задышал чаще, лицо от пота лоснилось.

– Все эти двенадцать лет ты скрывался не от *меня*, – продолжал Блэк. – Ты скрывался от сторонников Вольдеморта. Я много чего наслушался в Азкабана, Питер... Они все уверены, что ты мертв, иначе ты бы перед ними ответил... Я слышал, что они кричали во сне. Представляешь, им не нравится, когда крысы крысятничают! Вольдемор отправился к Поттерам по твоей наводке... и встретил там свою гибель. И ведь не все бывшие сторонники Вольдеморта оказались в Азкабана. Очень многие на свободе, выжидают, делают вид, что осознали свои ошибки... Если до них дойдет, что ты жив, Питер...

– Не понимаю... о чем ты... – еще пронзительнее ответил Петтигрю. Он утер лицо рукавом и посмотрел на Люпина: – Ты же не веришь в это... в это безумие, Рем...

– Должен признать, Питер, мне трудно понять, зачем невинному человеку двенадцать лет прикидываться крысой, – безмятежно откликнулся Люпин.

– Невинному, но напуганному! – взвизгнул Петтигрю. – Приспешники Вольдеморта охотились за мной потому, что из-за меня оказался в Азкабана один из их лучших людей – шпион, Сириус Блэк!

Лицо Блэка исказилось.

– Да как ты смеешь? – взревел он, и вдруг стало вполне очевидно, что совсем недавно он был собакой размером с медведя. – Я – шпион Вольдеморта?! Это когда же я увивался вокруг сильных и облеченных властью? А вот ты, Питер!.. Непонятно, как я сразу не догадался, что ты шпион? Ты же всегда любил, чтоб у тебя были покровители, чтоб они о тебе заботились! Сначала мы... мы с Ремом... и Джеймс...

Петтигрю снова вытер лицо; он ловил ртом воздух.

– Я – шпион?.. совсем с ума сошел... никогда... не понимаю, как ты можешь говорить такие...

– Лили с Джеймсом назначили тебя Хранителем Тайны, потому что я посоветовал, – прошипел Блэк так злобно, что Петтигрю попятился. – Я думал, что это безупречный план... блеф... Вольдеморт охотился бы за мной, ему бы и в голову не пришло, что они выберут тебя, слабака и бездарность... Надо думать, то была лучшая минута в твоей жизни, когда ты сообщил Вольдеморту, что можешь сдать ему Поттеров.

Петтигрю бормотал что-то невразумительное; Гарри уловил «это уж слишком» и «безумие», однако обратил внимание, каким пепельно-серым сделалось лицо Петтигрю и как отчаянно он шнырял глазами от окон к двери.

– Профессор Люпин? – робко позвала Гермиона. – А можно... можно мне сказать?

– Пожалуйста, Гермиона, – любезно ответил Люпин.

– Понимаете... Струпик... то есть этот... этот человек... он спал в одной комнате с Гарри целых три года. Если он работал на Сами-Знаете-Кого, почему же он за все это время ничего Гарри не сделал?

– Вот именно! – звонко вскричал Петтигрю, указывая на Гермиону изувеченной рукой. – Спасибо! Что скажешь, Рем? Я и волоса на его голове не тронул! Да и с какой стати?

– Я тебе объясню, – отозвался Блэк. – Ты вообще никогда никому ничего не делал, если не видел от этого пользы для себя. Вольдеморт скрывается уже двенадцать лет – говорят, он все равно что мертвый. Зачем совершать убийство под носом у Думбльдора ради какого-то калеки, растерявшего колдовскую силу? Прежде чем возвращаться к нему, тебе надо было удостовериться, что он первый парень на деревне – самый сильный, самый страшный, правда? А иначе зачем бы тебе селиться в колдовской семье? Чтобы держать нос по ветру! На случай,

если твой бывший покровитель вновь обретет силу и будет безопасно к нему вернуться...

Петтигрю несколько раз открыл и закрыл рот. Видимо, у него пропал голос.

– Э-э-э... мистер Блэк... Сириус? – окликнула Гермиона.

От подобного обращения Блэк подпрыгнул и уставился на Гермиону, будто начисто позабыл, что такое вежливые люди.

– Извините, что спрашиваю, но... как вам удалось сбежать из Азкабана без черной магии?

– Спасибо! – выдохнул Петтигрю, яростно кивая Гермионе. – Именно! Я как раз собирался...

Люпин взглядом заставил его замолчать. Блэк глядел на Гермиону и слегка хмурился, но не от раздражения. Он обдумывал ответ.

– Я не знаю, как мне это удалось, – задумчиво протянул он. – По-моему, я не сошел с ума лишь потому, что был уверен в своей невиновности. Это была совсем не счастливая мысль, и дементоры не могли ее из меня выпить... но она держала меня на плаву, и я не забывал, кто я такой... она помогла мне сохранить колдовскую силу... И когда стало... непереносимо... я прямо в камере сумел превратиться в собаку. Дементоры – они, знаете, ничего не видят... – Блэк сглотнул. – Они отыскивают людей, потому что чувствуют эмоции... Они понимали, что мои чувства стали... проще, менее человеческими... оттого, что я был собакой... но они, разумеется, решили, что я схожу с ума, как и все остальные, и не всполошились. Но я был слаб, очень слаб, а без волшебной палочки их не отогнать... Потом я увидел Питера на фотографии... понял, что он в «Хогварце», с Гарри... идеальная позиция, чтобы нанести удар, едва до его ушей дойдут слухи, что зло вновь набирает силу...

Петтигрю тряс головой и беззвучно шевелил губами, но не сводил глаз с Блэка как загипнотизированный.

– ...он был готов атаковать в любой момент, едва удостоверится, что у него есть союзники... был готов выдать последнего из Поттеров. Он выдаст Гарри – и кто тогда посмеет утверждать, что Питер предал Вольдеморта? Нет, его примут с распростертыми объятиями... В общем, сами понимаете, надо было что-то предпринять. Я один знал, что Питер жив...

Гарри вспомнил слова мистера Уизли: «Стражники утверждают, что Блэк давно уже разговаривал во сне. И всегда одно и то же: “Он в “Хогварце”...»

– В мозгу у меня словно зажегся свет, и дементоры не могли его погасить... это опять-таки не была счастливая мысль... это была навязчивая идея... но она давала мне силы, проясняла сознание. Однажды вечером мне принесли еду, и я выскользнул в дверь... собакой... Им гораздо труднее улавливать эмоции животных... они растерялись. Я был тощий, ужасно тощий... такой тощий, что пролез между прутьями решетки... Потом собакой же доплыл до большой земли... отправился на север... собакой проник на территорию «Хогварца». С тех пор живу в лесу. Вышел только раз, посмотреть матч. Ты летаешь не хуже отца, Гарри...

Он посмотрел на Гарри, и тот не отвел взгляда.

– Верь мне, – надтреснутым голосом попросил Блэк. – Верь мне, Гарри. Я не предавал Лили и Джеймса. Я бы скорее умер.

И тут наконец Гарри поверил. У него перехватило дыхание, заговорить он не смог, но кивнул.

– Нет!

Петтигрю упал на колени, словно этот кивок означал для него смертный приговор. Не вставая, он пополз вперед, пресмыкаясь, молитвенно сложив ладони.

– Сириус... это же я... Питер... твой друг... ты же не станешь...

Блэк брыкнул ногой, и Петтигрю отшатнулся.

– Не трогай мою мантию, она и без того грязная, – бросил Блэк.

– Рем! – запищал Петтигрю, в мольбе извиваясь перед Люпином. – Ты же в это не веришь... Разве Сириус не сказал бы тебе, что они изменили план?

– Не сказал бы, если бы подозревал, что я шпион, – ответил Люпин. – Ты ведь поэтому не говорил мне, Сириус? – как бы между прочим спросил он поверх головы Петтигрю.

– Прости, Рем, – повинился Блэк.

– Не извиняйся, Мягколап, дружище. – И Люпин начал закатывать рукава. – И сам прости меня за то, что я считал шпионом тебя.

– О чем речь. – Тень, даже не тень, а призрак улыбки скользнул по изможденному лицу Блэка. Он тоже стал закатывать рукава. – Убьем его вместе?

– Да, пожалуй, – сурово отозвался Люпин.

– Вы не сможете... не можете... – задохнулся от ужаса Петтигрю. И метнулся к Рону: – Рон... я ведь был хорошим другом... хорошим питомцем? Ты же меня защитишь? Ты ведь на моей стороне?

Но Рон взирал на Петтигрю с непередаваемым отвращением.

– И я еще разрешал тебе спать *в моей кровати!* – воскликнул он.

– Добрый мальчик... добрый хозяин... – Петтигрю пополз к Рону, – ты им не позволишь... я был твоей крысой... я был хорошим питомцем...

– Вряд ли есть чем хвастаться, если человек из тебя хуже крысы, – жестко заметил Блэк.

Рон, от боли побледнев еще сильнее, отдернул сломанную ногу от Петтигрю. Тот развернулся на коленях, споро проковылял к Гермионе и вцепился в ее подол:

– Добрая девочка... умная девочка... ты... ты им не позволишь... Помоги мне...

Гермиона вырвала подол из цепких ручек Петтигрю и в ужасе попятилась к стене.

Петтигрю, дрожа всем телом, медленно обернулся к Гарри:

– Гарри... Гарри... ты так похож на папу... так похож...

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ ОБРАЩАТЬСЯ К ГАРРИ? – взревел Блэк. – КАК ТЫ СМЕЕШЬ СМОТРЕТЬ ЕМУ В ГЛАЗА? КАК СМЕЕШЬ ПРИ НЕМ ПОМИНАТЬ ДЖЕЙМСА?

– Гарри, – прошептал Петтигрю и пополз к мальчику, протягивая руки, – Гарри, Джеймс не хотел бы моей смерти... Джеймс понял бы меня... Он был бы милосерден...

Блэк и Люпин схватили Петтигрю за плечи и швырнули на пол. Он сидел, от страха вздрагивая, умоляюще поднимая на них глаза.

– Ты продал Лили с Джеймсом Вольдеморту, – сказал Блэк. Он тоже дрожал всем телом. – Ты не отрицаешь этого?

Петтигрю разразился слезами. Кошмарное зрелище – как будто на полу корчился огромный лысеющий младенец.

– Сириус, Сириус, а что мне оставалось? Черный Лорд... ты даже не представляешь... у него есть методы – я тебе описать не могу... Я испугался, Сириус, я никогда не был храбрецом, как ты, или Рем, или Джеймс. Я не хотел, чтобы так вышло... Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут заставил меня...

– НЕ ЛГИ! – прогрохотал голос Блэка. – ТЫ СНАБЖАЛ ЕГО ИНФОРМАЦИЕЙ ЦЕЛЫЙ ГОД ДО ГИБЕЛИ ДЖЕЙМСА И ЛИЛИ! ТЫ БЫЛ ЕГО АГЕНТОМ!

– Он... он побеждал повсюду! – задохнулся Петтигрю. – Что толку было отказываться?

– Что толку было бороться с самым страшным злодеем в истории? – Лицо Блэка горело жестокой яростью. – Ты бы спас невинные жизни, Питер!

– Ты не понимаешь! – заскулил Петтигрю. – Он бы меня убил!

– ЗНАЧИТ, НАДО БЫЛО УМЕРЕТЬ! – закричал Блэк. – УМЕРЕТЬ, А НЕ ПРЕДАВАТЬ ДРУЗЕЙ! СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО МЫ БЫ СДЕЛАЛИ РАДИ ТЕБЯ!

Блэк и Люпин стояли плечом к плечу, подняв палочки.

– Ты ведь должен был понимать, – тихо сказал Люпин, – если тебя не убьет Вольдеморт, убьем мы. Прощай, Питер.

Гермиона закрыла лицо руками и отвернулась к стене.

– НЕТ! – заорал Гарри. Он выбежал вперед и загородил собой Петтигрю, глядя прямо на нацеленные палочки. – Нельзя его убивать, – сказал он еле дыша. – Нельзя.

И Блэк, и Люпин воззрились на него в ошеломлении.

– Гарри, из-за этого жалкого червя у тебя нет родителей! – рявкнул Блэк. – Этот кусок дерьма спокойно смотрел бы, как ты умираешь, и пальцем бы не пошевелил. Ты же его слышал. Его вонючая шкура ему дороже всей твоей семьи.

– Я знаю. – Гарри задыхался от волнения. – Отведем его в замок. Отдадим дементорам... Пускай его посадят в Азкабан... только не убивайте его.

– Гарри! – Петтигрю обвил руками колени мальчика. – Ты... спасибо тебе... я не заслуживаю такой милости... спасибо...

– Уйди! – Гарри с отвращением оторвал от себя его руки. – Я это не для тебя делаю. Я это делаю потому... потому что мой папа вряд ли захотел бы, чтоб его друзья стали убийцами... из-за крысы.

Никто не пошевелился и не издал ни звука – только Петтигрю хрипел, хватаясь за сердце. Блэк с Люпином переглянулись. Затем разом опустили волшебные палочки.

– Твое слово здесь первое, Гарри, – сказал Блэк. – Но подумай... подумай, что он натворил...

– Пусть его посадят в Азкабан, – повторил Гарри. – Вот уж кто заслуживает...

Петтигрю все хрипел.

– Ну хорошо, – произнес наконец Люпин. – Посторонись, Гарри.

Гарри замер в нерешительности.

– Я его свяжу, – объяснил Люпин. – Больше ничего, клянусь.

Гарри отошел. Из кончика волшебной палочки Люпина вылетели веревки, и в следующий миг Петтигрю уже извивался на полу, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту.

– Только попробуй превратиться, Питер, – прорычал Блэк, держа Петтигрю на прище-е волшебной палочки, – и мы тебя все-таки *убьем*. Согласен, Гарри?

Гарри глянул на жалкого Петтигрю и кивнул, чтобы тот видел.

– Теперь вот что, – очень по-деловому сказал Люпин. – Рон, я лечу кости отнюдь не так блестяще, как мадам Помфри, поэтому, мне кажется, разумнее всего пока наложить шину.

Он подошел к Рону, склонился над ним, постучал по сломанной ноге палочкой и пробормотал:

– Ферула.

Бинты обвили ногу Рона, накрепко привязав ее к шине. Люпин помог ему подняться. Рон осторожно ступил на больную ногу и даже не поморщился.

– Гораздо лучше, – сказал он. – Спасибо.

– А как быть с профессором Злеем? – тихонько спросила Гермиона, глядя на распростертую фигуру.

– С ним ничего серьезного. – Люпин склонился над Злеем и пощупал пульс. – Просто вы немножко... перестарались. Он еще без сознания. Э-э... наверное, лучше пока не приводить его в чувство. Прямо так и понесем. – И он проговорил: – Мобиликорпус.

Злей встал вертикально, будто невидимые веревки вздернули его за шею, запястья и колени. Голова неприятно болталась, как у огромной марионетки. Он висел в нескольких дюймах над землей, безжизненно болтая ногами. Люпин подобрал плащ-невидимку и запихнул в карман.

– И двоим надо приковаться к вот этому вот, – Блэк пихнул Петтигрю носком ботинка. – Чтоб наверняка.

– Я, – сказал Люпин.

– И я, – свирепо рявкнул Рон и прихрамал ближе.

Блэк соорудил из воздуха тяжелые наручники; вскоре Петтигрю уже стоял – левая рука прикована к правой руке Люпина, правая – к левой руке Рона. Рон набычился. Судя по всему, правду о Струпике он считал личным оскорблением. Косолапсус легко спрыгнул с кровати и, гордо задрав бутылочный ерш хвоста, первым вышел из комнаты.

Глава двадцатая

Поцелуй дементора

Гарри никогда не доводилось участвовать в столь безумном шествии. Первым по лестнице спустился Косолапсус; за ним, точно состязаясь в беге на шести ногах, следовали Люпин, Петтигрю и Рон. Далее, задевая ногами за каждую ступеньку, зловеще плыл Злей. Сириус держал его вертикально с помощью его же волшебной палочки. Гарри с Гермионой тащились в арьергарде.

Забраться в тоннель оказалось нелегко. Люпину, Петтигрю и Рону пришлось развернуться боком; Люпин по-прежнему ни на мгновение не отводил палочку от Петтигрю. Гарри смотрел, как они друг за другом неуклюже протискивались вперед. Косолапсус по-прежнему возглавлял процессию. Гарри полез сразу вслед за Блэком, который управлял плывущим впереди Злеем. Голова Злея болталась и то и дело билась о низкий потолок. Похоже, Блэк даже не пытался это предотвратить.

– Знаешь, что это означает? – отрывисто спросил Сириус у Гарри посреди тоннеля. – Что мы сдадим Петтигрю властям?

– Вы свободны, – ответил Гарри.

– Да, – кивнул Сириус. – Но не только... я ведь, кроме всего прочего... не знаю, говорили тебе или нет... я твой крестный.

– Да, я знаю.

– В общем... Лили и Джеймс назначили меня твоим опекуном, – сухо продолжил Сириус, – если с ними что-нибудь случится...

Гарри подождал, что Сириус скажет дальше. Неужели Гарри угадал?

– Я, конечно, пойму, если ты не захочешь уезжать от дяди с тетей, – неуверенно проговорил Сириус. – Но... ну... может, ты хотя бы подумаешь... Как только с меня снимут обвинение... вдруг ты захочешь... жить в другом месте...

Внутри у Гарри точно взорвалась бомба.

– Что? Жить с вами? – Он треснулся головой о каменный выступ на потолке. – Уехать от Дурслеев?

– Я так и думал, что ты не захочешь, – быстро сказал Сириус. – Я понимаю, я просто хотел... я...

– Вы с ума сошли? – Гарри засипел не хуже Сириуса. – Само собой, я хочу уехать от Дурслеев! А у вас есть дом? Когда мне можно переехать?

Сириус круто развернулся и уставился на него. Злей заскреб макушкой по потолку, но Сириусу, видно, было наплевать.

– Ты хочешь? – переспросил он. – Ты серьезно?

– Еще как серьезно! – воскликнул Гарри.

И в первый раз увидел на этом измученном лице настоящую улыбку. Лицо переменилось мгновенно и неправдоподобно. Сквозь неподвижную маску вдруг проглянул человек на десять лет моложе – теперь он походил на весельчака со свадебной фотографии.

Больше они не произнесли ни слова до самого выхода из тоннеля. Косолапсус первым шмыгнул наружу; видимо, он нажал на узел у основания ствола, потому что, когда вылезли Люпин, Петтигрю и Рон, ветки больше не хлестали.

Блэк вывел Злея и отступил к стене, пропуская вперед Гарри и Гермиону. Наконец из тоннеля вышли все.

Уже было очень темно; светились только далекие окна замка. Процессия молча двинулась дальше. Петтигрю по-прежнему хрипел и временами поскуливал. У Гарри в голове все гудело. Он уедет от Дурслеев!.. Он будет жить с Сириусом Блэком, лучшим другом родителей!.. Просто с ума сойти... Интересно, что будет с Дурслеями, когда он скажет, что уезжает жить к опасному преступнику, которого они видели по телевизору?

– Одно неверное движение, Питер... – предостерег впереди голос Люпина. Он по-прежнему целил палочкой вправо, в грудь Петтигрю.

Они безмолвно следовали по двору. Чем ближе к замку, тем светлее становилось. Злей чудно плыл впереди, то и дело стучаясь подбородком о грудь. А затем...

Облако чуть сместилось. На земле вдруг появились смутные тени. Шествие залил лунный свет.

Злей ткнулся в Люпина, Петтигрю и Рона – те резко остановились. Блэк замер. Выкинул руку, придерживая Гарри и Гермиону.

Гарри посмотрел на силуэт Люпина. Тот весь окостенел. А потом мелко задрожал.

– Ой, ма... – задохнулась Гермиона. – Он сегодня не выпил зелье! Он опасен!

– Бегите, – шепотом приказал Блэк. – Бегите! Быстро!

Но Гарри не мог убежать – к Петтигрю и Люпину был прикован Рон. Гарри бросился к нему, но Сириус обхватил его поперек туловища и оттащил.

– Я сам! БЕГИТЕ!

Раздался ужасающий рык. Голова Люпина удлинялась. Тело тоже. Плечи сгорбились. На лице и на руках прорастала шерсть, ладони скрючились в когтистые лапы. Рыжая шерсть у Косолапсуса вновь встопорщилась, кот попятился...

Оборотень встал на дыбы и защелкал зубами. А Сириус, стоявший подле Гарри, пропал. Вместо него возник пес, огромный, как медведь. Бросившись на оборотня, который уже успел вывернуться из наручников, пес схватил его за горло и потащил прочь от Рона и Петтигрю. Звери сцепились намертво, нос к носу, и драли друг друга когтями...

Гарри застыл как замороженный; он так пристально следил за схваткой, что не замечал ничего вокруг. Из оцепенения его вывел вопль Гермионы...

Петтигрю нырнул рыбкой и сцапал упавшую палочку Люпина. Рон со своей забинтованной ногой не удержался и упал на траву. Прогремел гром, вспыхнул свет – Рон затих без движения. Снова грохот – Косолапсус взмыл в воздух и мешком повалился вниз.

– Экспеллиармус! – заорал Гарри, тыча палочкой в Петтигрю; палочка Люпина улетела высоко в небо и исчезла из виду. – Стой, где стоишь! – выкрикнул Гарри и побежал.

Но поздно. Петтигрю уже превратился. Лысый хвост ускользнул сквозь наручник на запястье Рона. Зашуршала трава.

Вой и рокочущий рык сотрясли воздух. Гарри обернулся и увидел, как оборотень стремглав удирает в Запретный лес...

– Сириус, Петтигрю сбежал, он превратился! – крикнул Гарри.

Блэк был весь в крови, морда и спина разодраны, но, услышав слова Гарри, он с трудом поднялся, и спустя мгновение стремительный топот замер в отдалении.

Гарри и Гермиона бросились к Рону.

– Что он с ним сделал? – прошептала Гермиона.

Глаза у Рона были полуприкрыты, челюсть отвисла; он явно был жив, они слышали дыхание, но их он не узнавал.

– Не знаю...

Гарри беспомощно озирался. Ни Блэка, ни Люпина... один Злей, да и тот без сознания, бессмысленно болтается в воздухе.

– Надо доставить их в замок и позвать кого-нибудь, – сказал Гарри, откидывая со лба волосы и стараясь мыслить здраво. – Пошли...

И тут издалека донесся жалобный вопль: собака завывала от боли...

– Сириус, – пролепетал Гарри, вглядываясь в темноту.

На миг он растерялся. Однако Рону сейчас ничем не помочь, а Блэк явно в беде...

Гарри бросился бежать, Гермиона за ним. Выли возле озера, и ребята помчались туда. Гарри несся со всех ног и, когда опустился холод, не сразу осознал, что это значит...

Вой оборвался. На берегу они поняли почему – Сириус снова превратился в человека. Он стоял на четвереньках, закрыв голову руками.

– *Не-е-е-ет*, – стонал он. – *Не-е-е-ет... умоляю вас...*

И тогда Гарри увидел: скользя по берегам, отовсюду черной массой стекались дементоры, не меньше сотни. Гарри развернулся. Знакомый леденящий холод пропитывал тело, туман заволакивал зрение; дементоры надвигались со всех сторон; кольцо вот-вот сомкнется...

– Гермиона, быстро вспоминай что-нибудь очень счастливое! – завопил Гарри, взмахивая палочкой. Он отчаянно моргал, чтобы прояснилось зрение, тряс головой, чтобы заглушить слабые крики...

Я буду жить со своим крестным отцом. Я уеду от Дурслеев.

Заставляя себя думать о Сириусе – и только о Сириусе, – он твердил заклинание:

– Экспекто патронум! Экспекто патронум!

Блэк содрогнулся, перекатился на спину и застыл на земле, бледный как смерть.

Все будет хорошо. И я буду жить с ним.

– Экспекто патронум! Гермиона, помогай! Экспекто патронум!

– Экспекто... – залопотала Гермиона. – Экспекто... экспекто...

Но у нее не получалось. Дементоры надвигались – осталось футов десять. Непроницаемой стеной они окружали Гарри и Гермиону, все ближе...

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! – орал Гарри, стараясь отключиться от крика в ушах. – ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Бледное серебристое облачко, пыхнув, повисло в воздухе. В тот же миг Гарри почувствовал, как Гермиона упала в обморок. Он один... совсем один...

– Экспекто... экспекто патронум...

Гарри рухнул на колени в холодную траву. Туман застилал глаза. С огромным трудом он заставил себя вспомнить: Сириус невиновен – невиновен – *с нами все будет нормально – я буду жить с ним...*

– Экспекто патронум! – выдохнул он из последних сил.

В тусклом свете бесформенного Заступника он увидел, как подплыл и остановился дементор. Он не мог пройти сквозь серебристую дымку. Мертвая скользкая рука выползла из-под плаща. Дементор отмахнулся, будто хотел разогнать облачко.

– Нет... *нет...* – задышался Гарри. – Он невиновен... экспекто... экспекто патронум...

Он чувствовал их взгляды, слышал жестокий ветер хриплого дыхания. Ближайший дементор помедлил, рассматривая Гарри. Затем поднял обе руки – и снял капюшон.

Вместо глаз лишь тонкая, серая, покрытая струпьями кожа затягивала пустые, слепые глазницы. Зато рот... разверстая бесформенная щель, что со смертным хрипом всасывала воздух...

Ужас парализовал Гарри – невозможно двинуться, никак не заговорить. Заступник помигал и исчез.

Белый туман ослеплял мальчика. Надо бороться... экспекто патронум... ничего не видно... далеко-далеко знакомый крик... экспекто патронум... где Сириус? Гарри беспомощно похлопал ладонью по земле и нашарил его локоть... им до него не добраться...

Две сильные, холодные и липкие руки вдруг обхватили Гарри за шею. Ему задирали голову... Он чувствовал дыхание... Хотят сначала избавиться от него... Какое зловоние... Как кричит мама... Ее голос – последнее, что он услышит в своей жизни...

Но тут сквозь заволакивающий туман пробился серебристый свет, все ярче и ярче... Гарри упал лицом в траву...

Лежа ничком, не в силах шевельнуться, насквозь больной и дрожащий, он открыл глаза. Ослепительное сияние заливало траву вокруг... Крики прекратились, холод отступал...

Что-то отгоняло дементоров... Носилось вокруг Гарри, Сириуса и Гермионы... Прерывистый хрип затихал... Они уходят... Снова потеплело...

Из последних остатков сил Гарри приподнял голову и увидел какого-то сияющего зверя... Зверь галопом неся по поверхности озера... Глаза заливал пот, не разглядишь, кто это... Ослепительное, как единорог... Цепляясь за остатки сознания, Гарри посмотрел, как оно остановилось на другом берегу. В этом сиянии на миг показалась чья-то фигура... Кто-то ждал его... протянул руку, погладить... Странно знакомый человек... но не может же это быть...

Гарри ничего не понимал. Не мог больше думать. Силы оставили его, и он ткнулся головой в землю, потеряв сознание.

Глава двадцать первая

Секрет Гермионы

– Кошмарное происшествие... Кошмарное... Просто чудо, что никто не погиб... Неслыханно... Разрази меня гром – какое счастье, что вы там оказались, Злей...

– Благодарю вас, министр.

– Орден Мерлина второй степени, я так думаю. А если удастся пропихнуть – даже первой!

– Чрезвычайно признателен, министр.

– Какой у вас жуткий порез... Блэк постарался?

– Вообще-то нет – это работа Поттера, Уизли и Грейнджер, министр...

– Не может быть!

– Блэк их околдовал, я сразу понял. Заморочное заклятие, судя по их поведению. Им казалось, что Блэк невиновен. Они не отвечали за свои действия. Впрочем, из-за их вмешательства Блэк мог и сбежать... Очевидно, они полагали, будто способны изловить его самостоятельно. До сего дня им многое сходило с рук... Боюсь, это вселило в них излишнюю самоуверенность... И конечно, Поттер всегда был у директора на особом, исключительном даже, положении...

– Ах, Злей! Вы же понимаете... Гарри Поттер... Когда речь о нем, все мы отчасти смотрим сквозь пальцы.

– Тем не менее – разве особое отношение пошло ему на пользу? Лично я всегда старался относиться к нему, как и к любому другому учащемуся. А любой другой учащийся был бы как минимум временно отстранен от занятий за то, что подверг ужасному риску жизни своих товарищей. Вы вдумайтесь, министр, – нарушить все мыслимые и немыслимые школьные правила! Вопреки всем мерам предосторожности, которые установили ради его же безопасности! Вне школы, ночью, вместе с оборотнем и беглым преступником...

Кроме того, у меня есть основания полагать, что ранее он нелегально посещал Хогсмед...

– Да-да... Посмотрим, Злей, посмотрим... Мальчик, вне всякого сомнения, сглупил...

Гарри лежал и слушал, крепко зажмурившись. Он был как пьяный. Слова доходили от ушей до сознания чрезвычайно медленно, и он почти ничего не понимал... Руки и ноги налиты свинцом; нет сил разлепить отяжелевшие веки... Хорошо бы лежать здесь, на этой удобной кровати, вечно...

– Но больше всего меня поражает поведение дементоров... Вы и правда не знаете, Злей, почему они отступили?

– Представления не имею, министр... Когда я пришел в себя, они уже направлялись к своим постам у входа на территорию...

– Удивительно. И все же Блэк, и Гарри, и эта девочка...

– Когда я подошел, они были без сознания. Разумеется, я связал Блэка, вставил кляп, наколдовал носилки и незамедлительно доставил всех в замок.

Возникла пауза. Мозги у Гарри заработали чуть быстрее, и в животе тут же разверзлась гложащая пустота.

Он открыл глаза.

Все кругом размыто. Кто-то снял с него очки. Гарри лежал в темной больничной палате. В дальнем углу смутно виднелась спина мадам Помфри. Она склонялась над чьей-то койкой. Гарри прищурился. Под рукой мадам Помфри рыжела шевелюра Рона.

Гарри сдвинул голову на подушке. Справа, на залитой лунным светом койке, тоже с открытыми глазами, лежала Гермиона – и она словно окаменела. Заметив, что Гарри очнулся, она приложила палец к губам и показала на приоткрытую дверь. Голоса Фуджа и Злея доносились из коридора.

К койке Гарри стремительно приближалась мадам Помфри. Он повернулся к ней. Мадам Помфри несла шоколад. Таких кусищ Гарри в жизни не видел – не шоколад, а небольшой валун.

– Очнулся! – радостно воскликнула фельдшерица, положила шоколад на тумбочку и принялась разбивать его на части молоточком.

– Как Рон? – хором спросили Гарри с Гермионой.

– Жить будет, – сурово ответила мадам Помфри. – А вот вы двое... вы останетесь здесь, пока я не буду уверена, что вы... Поттер, что это

ты такое делаешь?

Гарри сел, надел очки и взял палочку.

– Мне надо к директору, – заявил он.

– Поттер, – успокоительно произнесла мадам Помфри, – все в порядке. Блэка схватили. Он заперт наверху. Дементоры вот-вот запечатлеют Поцелуй...

– ЧТО?!

Гарри выпрыгнул из кровати. Гермиона тоже. Однако вопль Гарри услышали в коридоре; через секунду в палату влетели Фудж и Злей.

– Гарри, Гарри, в чем дело? – засуетился Фудж. – Ты должен лежать... Ему дали шоколад? – встревоженно спросил он у мадам Помфри.

– Господин министр! Послушайте! – сказал Гарри. – Сириус Блэк невиновен! Питер Петтигрю инсценировал свою смерть! Мы видели его сегодня! Не пускайте дементоров к Блэку, он...

Фудж выслушал бред больного с ласковой улыбкой.

– Гарри, Гарри, ты совсем запутался, тебе столько пришлось пережить... Ложись скорее, будь умницей, у нас все под контролем...

– НИЧЕГО ПОДОБНОГО! – заорал Гарри. – ВЫ НЕ ТОГО ВЗЯЛИ!

– Господин министр, пожалуйста, послушайте. – Гермиона подбежала к Гарри и умоляюще заглядывала Фуджу в лицо. – Я тоже его видела. Это крыса Рона, он анимаг, то есть Петтигрю, и...

– Видите, министр? – вмешался Злей. – Заморожены, оба... Блэк над ними славно поработал...

– МЫ НЕ ЗАМОРОЧЕНЫ! – рявкнул Гарри.

– Министр! Профессор! – сердито вмешалась мадам Помфри. – Я настаиваю, чтобы вы ушли. Поттер – мой пациент, его нельзя беспокоить!

– Я не беспокоюсь! Я хочу рассказать, как было дело! – в бешенстве выкрикнул Гарри. – Если б только они послушали...

Но мадам Помфри ловко заткнула ему рот куском шоколада. Гарри подавился, и фельдшерица воспользовалась преимуществом, чтобы уложить его в постель.

– А теперь, министр, *прошу вас* – детям нужен покой. Пожалуйста, уходите.

Дверь в палату отворилась. Вошел Думбльдор. С огромным трудом проглотив шоколад, Гарри снова вскочил.

– Профессор Думбльдор, Сириус Блэк...

– *Да что же это такое!* – в истерике закричала мадам Помфри. – Здесь лазарет или проходной двор?! Директор, я настаиваю...

– Приношу свои извинения, Поппи, но мне необходимо переговорить с мистером Поттером и мисс Грейнджер, – спокойно сказал Думбльдор. – Я только что беседовал с Сириусом Блэком...

– И он, конечно, рассказал вам ту же сказочку, которой задурил голову Поттеру? – огрызнулся Злей. – Про крысу, про то, что Петтигрю жив...

– Да, такова версия Блэка. – И Думбльдор окинул Злея пристальным взглядом из-за очков-полумесяцев.

– А мое свидетельство для вас ничего не значит? – взревел тот. – Питера Петтигрю не было в Шумном Шалмане, не видел я его и на территории школы.

– Это потому, что вы были без сознания, профессор! – серьезно объяснила Гермиона. – Вы пришли позже и не слышали...

– Мисс Грейнджер, ПРИДЕРЖИТЕ ЯЗЫК!

– Да что вы, Злей, – оторопел Фудж, – юная леди нездорова, нужно сделать скидку...

– Я бы хотел побеседовать с Гарри и Гермионой наедине, – резко оборвал его Думбльдор. – Корнелиус, Злотеус, Поппи, пожалуйста, оставьте нас.

– Директор! – всполошилась мадам Помфри. – Им необходимо лечение, им нужен покой!..

– Это не может ждать, – отрезал Думбльдор, – и я вынужден настаивать.

Мадам Помфри поджала губы, прошла в свой кабинет в дальнем углу и хлопнула дверь. Фудж сверился с большими золотыми карманными часами, свисавшими из жилетного кармана.

– Должно быть, дементоры уже прибыли, – объявил он. – Я должен их встретить. Думбльдор, жду вас наверху.

Он прошел к двери, открыл ее и подождал Злея, но тот не двинулся с места.

– Вы ведь не поверили сказочке Блэка? – прошептал он, не сводя застывшего взгляда с лица Думбльдора.

– Я хотел бы побеседовать с Гарри и Гермионой наедине, – повторил Думбльдор.

Злей шагнул к нему.

– Сириус Блэк был способен на убийство в шестнадцать лет, – выдохнул он. – Вы не забыли, директор? Не забыли, что однажды он хотел убить и *меня*?

– С памятью у меня все в порядке, Злотеус, – невозмутимо ответил Думбльдор.

Злей развернулся и вылетел за дверь, которую все еще придерживал Фудж. Дверь за ними закрылась, и Думбльдор повернулся к Гарри и Гермионе. Те заговорили одновременно и вздохнули:

– Профессор, Блэк говорит правду – мы *видели* Петтигрю...

– ...он сбежал, когда профессор Люпин превратился в волка...

– ...он был крысой...

– ...передняя лапа Петтигрю, то есть палец – он его себе отрезал...

– ...на Рона напал Петтигрю, а вовсе не Сириус...

Думбльдор поднял руку, чтобы остановить эту лавину.

– Теперь ваша очередь слушать, и я прошу вас не перебивать, у нас очень мало времени, – тихо сказал он. – Нет никаких доказательств правдивости показаний Блэка, кроме ваших слов, а слова двух тринадцатилетних мало кого убедят. Целая улица свидетелей клялась, что Сириус убил Петтигрю. Я лично свидетельствовал перед министерством, что Сириус был Хранителем Тайны Поттеров.

– Профессор Люпин может рассказать вам... – начал Гарри, не в силах молчать.

– В настоящее время профессор Люпин пребывает в лесной чаще и никому ничего рассказать не может. Когда он вновь обретет человеческий облик, будет слишком поздно, Сириус станет хуже чем мертвый. И должен прибавить, что большинство наших с вами сородичей до того не доверяют оборотням, что показания Люпина будут стоить очень немного. А тот факт, что они с Сириусом старые друзья...

– Но...

– Послушай, Гарри. Слишком поздно, ты слышишь меня? Наверняка ты сам понимаешь, что версия профессора Злея куда убедительнее твоей.

– Он ненавидит Сириуса, – в отчаянии сказала Гермиона. – И все потому, что Сириус сыграл с ним глупую шутку...

– Сириус вел себя вовсе не как невиновный человек. Он напал на Толстую Тетю, – ворвался в гриффиндорскую башню, угрожая ножом... Без Петтигрю, живого или мертвого, у нас нет ни малейшего шанса изменить приговор Сириуса.

– *Но вы же нам верите.*

– Да, верю, – спокойно подтвердил Думбльдор. – Но я лишен власти заставить прозреть другого человека или отменить решение министра магии...

Гарри поднял глаза на суровое лицо директора и почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он уже привык, что Думбльдор умеет найти выход из любой ситуации. Вот и сейчас он ждал, что директор достанет из воздуха какое-нибудь поразительное решение. Однако... последняя надежда пропала.

– Нам с вами, – неторопливо произнес Думбльдор и перевел голубые глаза с Гарри на Гермиону, – нужно *время*.

– Но... – начала Гермиона. И вдруг ее глаза округлились. – ОЙ!

– Вот что, слушайте внимательно. – Думбльдор говорил очень медленно и очень отчетливо. – Сириус заперт в кабинете профессора Флитвика на седьмом этаже. Тринадцатое окно справа от Западной башни. Если все пройдет благополучно, вам сегодня удастся спасти не одну невинную жизнь. Но запомните, оба. *Вас не должны видеть*. Мисс Грейнджер, вам известен закон – вы знаете, что поставлено на карту... *Вас – не – должны – видеть*.

Гарри совершенно не понимал, что происходит. Думбльдор зашагал прочь и оглянулся только у двери.

– Я вас запру. Сейчас, – он поглядел на часы, – без пяти минут полночь. Мисс Грейнджер, трех оборотов будет достаточно. Удачи.

– Удачи? – повторил Гарри, когда за Думбльдором закрылась дверь. – Трех оборотов? О чем он? Что мы должны сделать?

Гермиона, не отвечая, потерела ворот и вытащила из-под него очень длинную, очень тонкую золотую цепочку.

– Гарри, – лихорадочно позвала она. – *Быстрее!*

Гарри в полнейшем замешательстве придвинулся к ней. На цепочке висели крохотные блестящие песочные часы.

– Вот...

Она надела цепочку и ему на шею.

– Готов? – спросила она еле дыша.

– Что это такое? – Гарри совершенно растерялся.

Гермиона трижды повернула песочные часы.

Темная палата растворилась. Гарри почудилось, будто он с огромной скоростью летит спиной вперед. Мимо неслись размытые цветовые пятна и предметы непонятных форм, в ушах стучало, он хотел закричать, но не слышал собственного голоса...

А потом под ногами оказалась твердая почва – и все пришло в норму.

Они стояли в пустом вестибюле. Из открытых парадных дверей на мощеный пол лился поток золотого солнечного света. Гарри дико воззрился на Гермиону. Цепочка врезалась ему в шею.

– Гермиона, что?..

– Быстро сюда! – Она схватила Гарри за руку и потащила через вестибюль к чулану для метел. Открыла, втокнула Гарри внутрь меж ведер и швабр и захлопнула за собой дверцу.

– Что?.. Как?.. Гермиона, что творится?

– Мы переместились во времени, – прошептала Гермиона в темноте, снимая цепочку с шеи Гарри. – На три часа назад...

Гарри нащупал собственную ногу и с силой ущипнул. Стало очень больно. Значит, видимо, придется вычеркнуть версию «я сплю и вижу чудовищно странный сон».

– Но...

– Ш-ш-ш! Тихо! Кто-то идет! Наверно... мне кажется... это мы!

Гермиона прижала ухо к дверце.

– Шаги... Кто-то идет по вестибюлю... Да, я думаю, это мы идем к Огриду!

– Ты хочешь сказать, – прошептал Гарри, – что здесь в чулане мы и там тоже мы?

– Да. – Гермиона не отлипала от дверцы. – Я уверена, что это мы. По звуку не больше трех человек... и мы идем медленно, потому что в плаще-невидимке...

Она замолчала, прислушиваясь.

– Мы спускаемся во двор...

В отчаянной тревоге она села на перевернутое ведро. Но у Гарри все-таки были вопросы.

– Откуда у тебя эти... часы?

– Это называется времяворот, – прошептала Гермиона, – мне дала профессор Макгонаголл в самый первый день учебного года. Я им пользовалась весь год, чтобы успевать на все занятия. Профессор Макгонаголл взяла с меня клятву, что я никому не скажу. Ей пришлось слать в министерство всякие прошения, чтобы мне разрешили. Она клялась, что я образцовая ученица и никогда ни за что не буду перемещаться во времени ни для чего, кроме учебы... Я поворачивала его назад, чтобы прожить прошедшие часы заново... Так мне удавалось бывать на нескольких уроках одновременно. Но... Гарри, *я не понимаю, чего от нас хочет Думбльдор*. Что мы должны сделать? Почему он сказал вернуться на три часа назад? Как это поможет Сириусу?

Гарри взглянул на ее лицо в темноте.

– Значит, в это время что-то случилось и он хочет, чтобы мы это изменили, – проговорил он. – Но что? Три часа назад мы пошли к Огриду...

– *Сейчас* три часа назад, и мы идем к Огриду, – уточнила Гермиона, – мы только что слышали, как мы ушли...

Гарри наморщил лоб – мозги от напряжения как будто скукоживались.

– Думбльдор сказал... сказал, что мы можем спасти не одну невинную жизнь... – И тут он понял. – Гермиона, мы должны спасти Конькура!

– Но... как это поможет Сириусу?

– Думбльдор говорил... говорил, где находится окно – окно кабинета Флитвика! Где заперт Сириус! Мы подлетим к окну на Конькуре и спасем Сириуса! А потом Сириус улетит на Конькуре – они спасутся вместе!

Насколько разглядел Гарри, Гермиона пришла в ужас.

– Если нам это удастся так, чтобы нас никто не заметил, это будет чудо!

– Надо постараться, что еще делать. – Гарри встал и прижал ухо к дверце. – Вроде никого... Пошли...

Он толкнул дверцу. В вестибюле было пусто. Быстро и бесшумно они выбрались из чулана и сбежали вниз по каменным ступеням. Тени уже удлинились, заходящее солнце снова позолотило верхушки деревьев Запретного леса.

– Если кто-нибудь выглянет сейчас из окна... – пискнула Гермиона, беспомощно оглядываясь на замок.

– А мы бегом, – решительно сказал Гарри. – Прямо в лес, ладно? Спрячемся за деревом и посмотрим...

– Ладно, только давай через теплицы! – задыхаясь, произнесла Гермиона. – Нам нужно подальше от передней двери в хижину, а то мы нас увидим! Мы уже туда почти дошли!

Еще соображая, что именно она сейчас сказала, Гарри пустился бежать, Гермиона поспевала следом. Они промчались по огороду к теплицам, переждали, а потом, обогнув Дракучую иву, бросились дальше, под лесную сень...

Укрывшись в тени густых крон, Гарри оглянулся; вскоре подбежала запыхавшаяся Гермиона.

– Отлично, – выдохнула она. – Теперь к дому Огрида... Держись незаметно, Гарри...

Они медленно пробирались меж деревьев по самой опушке. Когда показался фасад хижины, до них донесся стук в дверь. Оба спрятались за толстым стволом дуба и осторожно выглянули с двух сторон. Огрид, белый и трясущийся, появился на пороге и заозирался – кто стучал. Тогда Гарри услышал собственный голос:

– Это мы. Мы в плаще-невидимке. Впусти, мы тогда его снимем.

– Зря пришли! – зашептал Огрид. Он посторонился, потом быстро захлопнул дверь.

– Ничего чуднее нам делать не доводилось! – с жаром сказал Гарри.

– Давай немного передвинемся, – шепотом сказала Гермиона. – Нам надо поближе к Конькуру.

Они крались между деревьями, пока не увидели нервного гиппогрифа, привязанного возле тыквенных грядок.

– Сейчас? – еле слышно спросил Гарри.

– Нет! – возразила Гермиона. – Если мы уведем его сейчас, в комитете подумают, что это Огрид его отпустил! Надо подождать, пусть они убедятся, что Конькур привязан во дворе!

– Тогда у нас на все про все будет примерно секунд шестьдесят, – заметил Гарри. Задача уже казалась невыполнимой.

Из хижины донесся звон фарфора.

– Это Огрид разбил кувшин, – прошептала Гермиона. – Сейчас я найду Струпика...

И действительно, вскоре послышался удивленный крик.

– Гермиона, – вдруг сообразил Гарри, – а что, если мы... что, если мы вбежим и схватим Петтигрю...

– Нет! – тихонько ужаснулась Гермиона. – Ты что, не понимаешь? Мы и так нарушаем один из самых главных колдовских законов! Никому никогда нельзя менять ход истории, никому! Ты же слышал, что сказал Думбльдор. Если нас увидят...

– Нас увидит Огрид и мы сами – и все!

– Гарри, вот что бы ты сделал, если бы увидел, как ты сам врываешься к Огриду?

– Я бы... я бы решил, что сошел с ума, – ответил Гарри, – или это черная магия...

– Совершенно верно! Ты бы ничего не понял и мог бы даже напасть сам на себя! Ты что, не понимаешь? Профессор Макгонаголл рассказывала, какие жуткие вещи случались с колдунами, которые играли со временем... Сплошь и рядом заканчивалось тем, что они по ошибке убивали самих себя в прошлом или в будущем!

– Ну, все, все, – сказал Гарри. – Я просто предложил... я подумал...

Но Гермиона молча ткнула его в бок и показала на замок. Гарри слегка сдвинул голову, чтобы лучше видеть парадные двери. По ступенькам уже спускались Думбльдор, Фудж, престарелый представитель комитета и палач Макнейр.

– Сейчас выйдем мы! – еле слышно выдохнула Гермиона.

И правда, задняя дверь хижины отворилась, и Гарри увидел, как оттуда выходят Рон, Гермиона, Огрид и он сам. Из-за дерева он смотрел на себя же у тыквенных грядок – ничего страннее с ним в жизни не случилось.

– Все путем, Конька, все путем, – сказал Огрид Конькуру. Затем повернулся к ребятам: – Ну, давайте. Идите уже.

– Огрид, мы не можем...

– Мы расскажем, как все было...

– Ну как можно его убить?..

– Идите! И так все плохо, не хватало еще вам в беду попасть!

Гарри увидел, как на огороде Гермиона набрасывает плащ на голову ему и Рону.

– Быстро. И не слушайте...

В переднюю дверь хижины постучали. Прибыли исполнители приговора. Огрид вернулся в хижину, не закрыв дверь. Гарри увидел, как возле хижины под тремя парами ног полегает трава. Он, Рон и Гермиона ушли... А тот Гарри и та Гермиона, что прятались за деревом, слышали через заднюю дверь, что происходит в хижине.

– Где тварь? – процедил ледяной голос Макнейра.

– Т-там... снаружи, – хрипло выговорил Огрид.

В окне появилось лицо Макнейра, и Гарри спрятал голову за дерево. Затем раздался голос Фуджа:

– Мы... э-э-э... должны зачитать тебе официальный приказ, Огрид. Я быстро. А потом вам с Макнейром надо его подписать. Макнейр, вы тоже должны слушать, такова процедура...

Лицо Макнейра исчезло из окна. Сейчас или никогда.

– Подожди здесь, – шепнул Гарри Гермионе. – Я сам.

Фудж начал читать, а Гарри выскочил из-за дерева, перелетел заборчик, огораживающий тыквенные грядки, и приблизился к Конькуру.

– *«Согласно решению комитета по уничтожению опасных созданий, гиппогриф Конькур, в дальнейшем именуемый осужденный, сегодня, шестого июня, на закате подлежит...»*

Стараясь не моргать, Гарри снова посмотрел в свирепые оранжевые глаза Конькура и поклонился. Конькур преклонил шершавые колени, затем поднялся. Гарри задержал узел на его веревках.

– *«...казни через декапитацию. По указанию комитета приговор будет приведен в исполнение Уолденом Макнейром, палачом...»*

– Давай, Конькур, – прошептал Гарри, – сейчас мы тебя спасем. Только тихо... тихо...

– *«...в чем и подписуемся...»* Огрид, подпишись вот здесь...

Гарри изо всех сил потянул веревку, но Конькур уперся передними ногами.

– Давайте уже покончим с этим, – задребезжал в хижине голос представителя комитета. – Огрид, тебе, наверное, лучше не выходить...

– Нет, мне... я хочу быть с ним... не хочу, чтоб он один...

В хижине эхом отдавались шаги.

– *Конькур, да шевелись же!* – зашипел Гарри.

Он еще сильнее потянул за веревку. Конькур неохотно зашагал, раздраженно шурша крыльями. До леса еще футов десять – их обоих отлично видно из задней двери.

– Одну минуту, Макнейр, – произнес голос Думбльдора. – Вы тоже должны подписаться.

Шаги замерли. Гарри дернул за веревку. Конькур грозно щелкнул клювом и пошел быстрее.

Из-за дерева высывалось белое лицо Гермионы.

– Гарри, горим! Скорее! – одними губами воскликнула она.

Думбльдор всё говорил. Гарри опять дернул за веревку. Конькур недовольно перешел на рысь. Они добрались до опушки...

– Скорее! Скорее! – простонала Гермиона, выскочила из-за дерева и тоже изо всех сил потянула за веревку, понукая Конькура шевелиться. Гарри оглянулся через плечо: их уже не было видно и им не был виден задний двор Огрида.

– Стоп! – шепотом приказал он. – А то услышат...

Задняя дверь хижины с грохотом распахнулась настежь. Гарри, Гермиона и Конькур стояли очень тихо; казалось, даже гиппогриф внимательно прислушивается.

Тишина... а затем...

– Где оно? – продребезжал старческий голос. – Где животное?

– Он был привязан здесь! – рывкнул палач. – Я сам видел! Прямо здесь!

– Как это удивительно! – проговорил Думбльдор. Кажется, он забавлялся.

– Конька! – сипло позвал Огрид.

Прозвучал свист и удар лезвия. Палач, видимо, от ярости всадил топор в изгородь. А затем раздался вой, и на сей раз ребята сквозь рыдания разобрали слова:

– Убег! Убег! Святое небо, храни его маленький клювик! Выпутался и *убег!* Ай да Конька, ай да молодец!

Конькур натянул веревку – он рвался к Огриду. Гарри и Гермиона держали изо всех сил, врывшись ногами в землю.

– Кто-то его отвязал! – громыхал голос палача. – Надо обыскать территорию и лес тоже...

– Макнейр, если Конькура и в самом деле украли, неужели вы думаете, что вор увел его по земле? – весело сказал Думбльдор. –

Тогда уж обыщите небеса, если угодно... Огрид, я бы не отказался от чая. Или даже от бренди. Большой стакан, пожалуйста.

– Ко... ко... конечно, профессор. – Огрид, похоже, от счастья совсем обессилел. – Входите, входите...

Гарри с Гермионой внимательно вслушивались. Шаги, тихая ругань палача, хлопок двери – а затем снова тишина.

– И что теперь? – шепотом спросил Гарри, озираясь.

– Придется тут прятаться, – ответила потрясенная Гермиона. – Пока они не уйдут обратно в замок. А потом дождемся безопасного момента, чтобы подлететь к окну Сириуса. Он там окажется только через пару часов... Все это будет ужасно трудно...

Она нервно глянула через плечо в лес. Солнце садилось.

– Надо передвинуться. – Гарри напряженно размышлял. – Надо, чтобы было видно Дракучую иву, а то мы не поймем, что происходит.

– Верно, – согласилась Гермиона, перехватывая веревку покрепче, – но нельзя, чтобы нас увидели, Гарри, пожалуйста, не забывай...

В сгущающейся тьме они пошли по опушке и наконец укрылись за перелеском, сквозь который различались очертания Дракучей ивы.

– Вон Рон! – вдруг воскликнул Гарри.

Черная фигурка со всех ног неслась по газону, и ее крики далеко разносились в неподвижном ночном воздухе.

– Отстань от него! Пошел прочь! Струпик, *ко мне*...

И тогда стало видно, как из ниоткуда материализовались еще две фигуры. Гарри наблюдал, как он сам и Гермиона гонятся за Роном. Потом Рон нырнул.

– *Попался!* Пошел отсюда, гнусный кот!..

– А вот и Сириус, – сказал Гарри.

Из-под Дракучей ивы вырос силуэт гигантской собаки. Они видели, как пес повалил Гарри, схватил Рона...

– Отсюда еще страшнее, да? – заметил Гарри, глядя, как пес утаскивает Рона под дерево. – Ой! Как она меня шибанула! – и тебя тоже – как это *странно*...

Дракучая ива скрипела и хлестала нижними ветвями; ребята видели, как они сами мечутся под деревом, стараясь пробраться к стволу. Затем ива замерла.

– Это Косолапсус нажал на узел, – отметила Гермиона.

– Так, мы забираемся внутрь, – пробормотал в ответ Гарри. – Все, мы ушли.

Едва они скрылись из виду, дерево снова зашевелилось. Спустя считанные секунды неподалеку раздались шаги. Думбльдор, Макнейр, Фудж и старикашка шагали назад в замок.

– Мы только-только вошли в тоннель! – тихонько воскликнула Гермиона. – Если бы Думбльдор пошел с нами...

– То и Макнейр с Фуджем пошли бы, – горько отозвался Гарри. – Клянусь чем угодно, Фудж приказал бы Макнейру убить Сириуса на месте...

Они проследили, как четыре человека поднялись по ступенькам и скрылись в замке. Несколько минут вокруг было пусто. Затем...

– Люпин идет! – объявил Гарри.

Еще один человек слетел по ступеням и бросился к Дракучей иве. Гарри глянул в небо. Облака полностью затянули луну.

Люпин схватил с земли палку и потыкал в узел на стволе. Дерево прекратило буянить, и Люпин тоже скрылся в норе между корнями.

– Нет бы ему плащ взять, – бросил Гарри, – вон же он лежит... – Он повернулся к Гермионе: – Если сейчас быстренько его забрать, Злей не попадет в Шалман и...

– Гарри, *нельзя, чтобы нас видели!*

– Как ты можешь это выносить? – яростно спросил Гарри. – Стоять тут и спокойно смотреть? – Он поразмыслил. – Я пойду за плащом!

– Гарри, *нельзя!*

Гермиона еле успела схватить его сзади за мантию. Поблизости кто-то разразился громкой песней. Огрид, слегка покачиваясь на ходу, шагал в замок и распевал во всю глотку. В руке у него была большая бутылка.

– *Видишь?* – зашептала Гермиона. – *Видишь, что могло бы случиться?* Нельзя, чтобы нас увидели! *Конькур, стой!*

Гиппогриф снова отчаянно рвался к Огриду. Гарри тоже потянул за веревку. Они вдвоем проводили глазами Огрида – тот на нетвердых ногах взобрался по ступенькам и скрылся в замке. Конькур перестал тянуть и грустно повесил голову.

Не прошло и двух минут, двери замка вновь распахнулись, оттуда выскочил Злей и ринулся к иве.

Гарри сжал кулаки: Злей резко затормозил у дерева и огляделся. Затем схватил плащ и поднес к глазам.

– Убери свои грязные лапы, – тихо зарычал Гарри.

– Ш-ш-ш!

Злей схватил ту же палку, которой воспользовался Люпин, ткнул в узел, надел плащ и исчез.

– Ну и все, – тихо подытожила Гермиона. – Теперь мы все там... осталось подождать, пока мы выйдем...

Она надежно привязала веревку к ближайшему дереву и села на сухую землю, обхватив руками колени.

– Гарри, я кое-чего не понимаю... Почему дементоры не смогли взять Сириуса? Я только помню, как они надвигались... а потом, наверное, я потеряла сознание... их так много было...

Гарри сел рядом. Он рассказал то, что видел; как, едва ближайший дементор нацелился его поцеловать, что-то большое и серебристое галопом проскакало по озеру и заставило дементоров отступить.

Под конец рассказа Гермиона сидела с полуоткрытым ртом.

– Но что это было?

– Раз оно отогнало дементоров, это могло быть только одно, – проговорил Гарри. – Настоящий Заступник. Сильный.

– Но кто его вызвал?

Гарри промолчал. Он вспоминал человека на другом берегу озера. Тогда он подумал, что это... Но как это *возможно*?

– Ты помнишь, как он выглядел? – с жаром допрашивала Гермиона. – Учитель какой-то?

– Нет, – покачал головой Гарри, – не учитель.

– Но ведь это должен быть по-настоящему сильный колдун, раз он сумел отогнать столько дементоров... Ты говоришь, Заступник сиял ярко, – он этого человека не осветил? Ты не увидел?..

– Увидел, – задумчиво произнес Гарри. – Но... может, мне показалось... я же был не в себе... я потом сразу потерял сознание...

– Ну так кого ты видел?

– По-моему... – Гарри сглотнул, понимая, как нелепо прозвучат его слова, – по-моему, я видел папу.

Гарри поднял глаза на Гермиону и увидел, что она открыла рот совсем. Во взгляде ее тревога мешалась с жалостью.

– Гарри, твой папа... ну... умер, – тихо сказала она.

– Я знаю, – быстро отозвался Гарри.

– Думаешь, ты видел привидение?

– Не знаю... нет... он был... непрозрачный...

– Но тогда...

– Может, просто глюки, – предположил Гарри, – но... насколько я разглядел, это был он... у меня есть фотографии...

Гермиона смотрела так, словно опасалась за его рассудок.

– Я понимаю, что это звучит странно, – сухо добавил Гарри. Он отвернулся к Конькуру – тот рыл клювом землю и, похоже, искал червяков. Но Гарри смотрел сквозь Конькура.

Он думал об отце и трех его лучших друзьях... Лунат, Червехвост, Мягколап и Рогалис... Неужто сегодня здесь побывали все четверо? В этот вечер объявился Червехвост, которого все считали погибшим, – почему с отцом Гарри не могло случиться нечто подобное? Или все-таки там, за озером, возникло видение? Человек стоял слишком далеко, толком не разглядишь... Но какой-то миг, пока Гарри не потерял сознание, он был так уверен...

Легчайший ветерок шевелил листву над головой. Луна то выплывала из-за облаков, то снова пряталась. Гермиона сидела лицом к иве и ждала.

Прошло больше часа. Наконец...

– Вот и мы! – прошептала Гермиона.

Оба вскочили. Конькур встрепнулся. Из норы неуклюже выбрались Люпин, Рон и Петтигрю. Потом по-дурацки выплыл Злей в обмороке. Следом выбрались Гермиона, Гарри и Блэк. Все зашагали к замку.

Сердце у Гарри бешено забилося. Он посмотрел на небо и приготовился: сейчас луна выглянет из-за облака...

– Гарри, – тихонько предупредила Гермиона, словно читала его мысли, – нам надо сидеть здесь. Нас не должны увидеть. Мы ничего не можем сделать...

– Значит, Петтигрю опять от нас сбежит... – прошептал Гарри.

– А ты собираешься в темноте ловить крысу? – огрызнулась Гермиона. – Мы тут бессильны! Мы вернулись назад во времени, чтобы помочь Сириусу; больше нам ничего нельзя!

– *Хорошо, хорошо!*

Луна выскользнула из-за облака. Фигурки на газоне остановились. Началась возня...

– Это Люпин, – шепнула Гермиона, – он превращается...

– Гермиона! – вдруг сказал Гарри. – Бежим!

– Нельзя вмешиваться, я же тебе говорю...

– Да не вмешиваться! Люпин кинется в лес, прямо на нас!

Гермиона охнула.

– Скорей! – застонала она, бросаясь отвязывать Конькура. – Скорей! Куда же нам? Где спрятаться? Дементоры вот-вот придут...

– Давай к Огриду! – решил Гарри. – Там сейчас никого – рванули!

И они рванули со всех ног. Конькур трусил следом. За спиной был оборотень...

Вот и хижина. Гарри подскочил к двери и распахнул ее рывком. Гермиона и Конькур влетели внутрь; Гарри запрыгнул следом и задвинул засов. Немецкий дог Клык громко залаял.

– Ш-ш-ш, Клык, это мы! – Гермиона почесала пса за ушами. – Еще бы чуть-чуть, и привет! – заметила она.

– Да уж...

Гарри посмотрел в окно. Изнутри было гораздо труднее понять, что происходит снаружи. Конькур был счастлив – он снова у Огрида. Гиппогриф лег перед камином, довольно сложил крылья и приготовился хорошенько вздремнуть.

– Знаешь, я лучше выйду на улицу, – неуверенно заговорил Гарри. – Отсюда не видно, что там творится, мы не поймем, когда пора...

Гермиона посмотрела на него с подозрением.

– Я не буду вмешиваться, – торопливо пообещал Гарри. – Просто надо же знать, что происходит, а то как мы поймем, что пора лететь за Сириусом?

– Да... Ну ладно... Тогда я подожду здесь, с Конькуром... Только, Гарри... осторожнее – все-таки оборотень... и дементоры...

Гарри вышел во двор и обогнул хижину. Вдалеке заскулила собака. Значит, дементоры уже окружают Сириуса... Сейчас они с Гермионой побегут к нему...

Гарри поглядел на озеро. Сердце отбивало барабанную дробь... Тот, кто послал Заступника, появится с минуты на минуту...

Он нерешительно потоптался у двери в хижину. *Вас не должны видеть.* Но он и не хотел, чтоб его видели. Он хотел увидеть сам... Он должен знать...

Появились дементоры. Они возникали из темноты, отовсюду, скользили вдоль озера... Они удалялись от Гарри, направлялись на другой берег... даже не нужно к ним приближаться...

Гарри побежал. В голове не было ничего – только мысль об отце... Если это он... если это и вправду он... Гарри должен знать, должен выяснить...

Озеро все ближе, но пока никого не видно. На том берегу вспыхивали бледные серебристые искры – его собственные жалкие Заступники...

У самой воды рос куст. Гарри прыгнул за него, в отчаянии поглядел сквозь листву. Серебристые вспышки внезапно погасли. Страх и возбуждение сотрясали его – вот-вот, уже сейчас...

– Давай же! – бормотал он, озираясь. – Ну где же ты? Папа, давай...

Но никто не появлялся. Гарри посмотрел на другой берег, на кольцо дементоров. Один уже снимал капюшон. Спасителю пора быть здесь – но на сей раз что-то никого...

И тут до него наконец дошло – он все понял. Он видел не отца – он видел *себя*...

Гарри молниеносно вылетел из-за куста и выдернул палочку.

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! – заорал он.

И тогда из кончика волшебной палочки вырвалось... нет, не бесформенное туманное облачко, но ослепительно сияющее серебристое животное. Гарри прищурился. Похоже на коня. Он бесшумным галопом поскакал по черной глади озера прочь от Гарри. Тот увидел, как конь наклонил голову и налетел на дементоров, кишащих будто черви... потом заскакал кругами, защищая неподвижные черные силуэты на земле, и дементоры отступили, рассеялись, исчезли в темноте... и вот их уже нет.

Заступник обернулся и легким галопом поскакал к Гарри по гладкой воде. Нет, не конь. И не единорог. Олень. Он ярко сиял, как луна в небесах... он возвращался к Гарри.

Олень остановился на берегу. Его копыта не оставляли следов на влажной земле. Он посмотрел на Гарри огромными серебристыми

глазами. Очень медленно склонил рогатую голову. И тогда Гарри понял...

– *Рогалис*, – прошептал он.

Но когда он потянулся трясущимися пальцами к прекрасному созданию, оно исчезло.

Гарри так и стоял, протягивая руки. Затем сердце екнуло – за спиной застучали копыта. Он стремительно обернулся – и увидел Гермиону: она мчалась к нему, таща за собой Конькура.

– *Что ты наделал?* – гневно кричала она. – Ты же собирался только смотреть!

– Я всего-навсего спас нам всем жизнь, – ответил Гарри. – Иди сюда – сюда, за куст, – я объясню.

И снова Гермиона слушала его с разинутым ртом.

– Тебя кто-нибудь видел?

– *Да!* Ты что, не слушаешь? Меня видел я, но подумал, что я – это папа! Все нормально!

– Гарри, мне прямо не верится... Ты вызвал Заступника, который отогнал столько дементоров! Это же абсолютно высшая магия!..

– Сейчас я был уверен, что смогу, – объяснил Гарри, – потому что я это уже сделал... Понимаешь?

– Не знаю... Гарри, смотри – Злей!

Из-за куста они поглядели на тот берег. Злей очухался. Он наколдовал носилки и погрузил на них безжизненные тела Гарри, Гермионы и Блэка. Четвертые носилки, на которых, вне всякого сомнения, лежал Рон, уже плавали сбоку. Выставив перед собой палочку, Злей погнал носилки в замок.

– Ну что, почти пора, – нервно сказала Гермиона, посмотрев на часы. – У нас примерно сорок пять минут до того, как Думбльдор запрет дверь. Нужно спасти Сириуса и вернуться в палату, пока никто не понял, что нас нет...

Они ждали, наблюдая за текучим отражением облаков в озерной глади. Соседний куст шелестел на ветру. Конькур заскучал и снова принялся искать червяков.

– Как думаешь, он уже там? – Гарри сверился с часами. Потом стал отсчитывать окна справа от Западной башни.

– Смотри! – шепнула Гермиона. – Это кто? Кто-то вышел!

Гарри уставился в темноту. Из замка к воротам по двору торопливо шагал человек. На поясе у него что-то блеснуло.

– Макнейр! – сказал Гарри. – Палач! Он идет за дементорами! Пора, Гермиона.

Гермиона положила руки на спину Конькуру, и Гарри ее подсадил. Затем оттолкнулся от нижней ветки куста и сел впереди. Перекинул веревку вокруг шеи гиппогрифа и привязал к ошейнику, соорудив поводья.

– Готова? – шепотом спросил он Гермиону. – Держись за меня.

И он пятками пришпорил Конькура.

Конькур взмыл в черное небо. Почувствовав, как под ним мощно раскрылись огромные крылья, Гарри коленками обхватил бока гиппогрифа. Гермиона крепко обнимала Гарри за талию; было слышно, как она бормочет:

– Ой, мамочки... кошмар какой... какой кошмар...

Гарри погонял Конькура. Они плавно скользили вверх вдоль стены... Гарри рванул за веревку слева, и Конькур повернул. Окна мелькали, Гарри пытался считать...

– Тпру! – крикнул он, изо всех сил натянув поводья.

Конькур притормозил и замер, но подпрыгивал то и дело на несколько футов, взмахивая огромными крыльями, чтобы остаться в воздухе.

– Вон он! – на взлете Гарри заметил в окне Сириуса. Когда Конькур опустил крылья, Гарри стукнул в стекло.

Блэк выглянул. У него отвалилась челюсть. Он вскочил со стула, подбежал к окну и попытался открыть, но рамы были заперты.

– Отойди! – крикнула Гермиона и вытащила палочку, левой рукой цепляясь за мантию Гарри. – Алохомора!

Окно распахнулось.

– Как?.. *Как?*.. – лепетал Блэк, таращась на гиппогрифа.

– Залезай – времени мало. – Гарри крепко вцепился в гладкую шею Конькура, пытаясь удержать его на месте. – Тебе надо выбирать: дементоры на подходе – Макнейр за ними отправился.

Блэк двумя руками взялся за раму и протолкнул вперед голову и плечи. Хорошо, что он был такой худой. Затем он перекинул ногу на спину Конькуру, перелез и сел позади Гермионы.

– Давай, Конькур, вверх! – приказал Гарри, тряхнув веревкой. – Вверх на башню – давай!

Один мощный взмах крыльев – и они взмыли к вершине Западной башни. Конькур с грохотом приземлился на зубчатую стену, и Гарри с Гермионой тут же соскочили.

– Сириус, поторопись, – выговорил запыхавшийся Гарри. – Они вот-вот войдут в кабинет Флитвика и увидят, что тебя нет.

Конькур бил ногами и мотал остроклювой башкой.

– А что с тем мальчиком? С Роном? – живо спросил Сириус.

– Оклемается. Пока без сознания, но мадам Помфри говорит, что все вылечит. Быстро – лети...

Но Блэк смотрел на Гарри.

– Как мне отблагодарить...

– ЛЕТИ! – хором закричали Гарри и Гермиона.

Блэк развернул Конькура головой в открытое небо.

– Еще увидимся, – сказал он. – Ты... настоящий сын своего отца, Гарри...

Он пришпорил Конькура. Гигантские крылья снова распахнулись, и Гарри с Гермионой отпрыгнули подальше... Конькур взлетел... Гарри провожал его взглядом: гиппогриф и его седок становились меньше, меньше... Луну заволокло облако... Все, нету.

Глава двадцать вторая

Снова совиная почта

– Гарри! – Гермиона тянула его за рукав, глядя на часы. – У нас ровно десять минут – вернуться в палату, и чтоб никто не увидел, – а потом Думбльдор запрет дверь...

– Да-да, – сказал Гарри, неохотно отводя взгляд от неба, – пошли...

Они проскользнули в дверцу и закружили вниз по узкой каменной винтовой лестнице. А спустившись, уловили голоса. Оба распластались по стенке и прислушались. Говорили Фудж и Злей – они быстро шагали по коридору.

– ...Надеюсь, Думбльдор не станет усложнять, – говорил Злей. – Поцелуй запечатлеют незамедлительно?

– Как только Макнейр приведет дементоров. Вообще, вся эта история с Блэком в высшей степени неудобная. Не могу вам передать, как я мечтаю сообщить в «Оракул», что мы наконец-то его взяли... Надо полагать, Злей, они попросят у вас интервью... И когда малыш Гарри придет в себя, он, видимо, тоже захочет рассказать репортерам, как вы его спасли...

Гарри стиснул зубы. Промелькнула ухмылка Злея – они с Фуджем миновали убежище Гарри и Гермионы. Те для верности подождали еще, а потом помчались туда, откуда пришли учитель и министр. Вниз по лестнице, потом по другой лестнице, потом еще один коридор, а потом послышалось гадкое хихиканье.

– *Дрюзг!* – пробормотал Гарри, хватая Гермиону за запястье. – Быстро отсюда!

Они метнулись влево, в пустой класс, – и вовремя. Дрюзг в разрушительном настроении проскакал мимо по воздуху, радостно хохоча.

– Вот урод, – шепотом сказала Гермиона, прижимаясь ухом к двери. – И ведь это он такой довольный, потому что дементоры вот-вот прикончат Сириуса... – Она сверилась с часами. – Гарри, три минуты!

Они подождали, пока торжествующий голос Дрюзга замер в отдалении, выскользнули из класса и снова помчались.

– Гермиона... а что будет... если мы не попадем в палату... до того как Думбльдор запрет дверь? – задыхаясь на бегу, спросил Гарри.

– Не хочу даже думать! – простонала Гермиона, опять поглядев на часы. – Одна минута!

Они влетели в коридор, ведущий в лазарет.

– Так, я слышу Думбльдора, – сдавленно произнесла она. – Пошли!

Они побежали по коридору на цыпочках. Дверь отворилась. Появилась спина Думбльдора.

– Я вас запрю, – раздался его голос, – сейчас без пяти минут полночь. Мисс Грейнджер, трех оборотов будет достаточно. Удачи.

Думбльдор, пятясь, вышел из палаты, прикрыл дверь и вытащил волшебную палочку. Гарри и Гермиона в панике бросились к нему. Думбльдор поднял глаза, и под длинными серебристыми усами появилась широкая улыбка.

– Ну что? – почти беззвучно спросил он.

– Получилось! – ответил Гарри, совершенно задохнувшись. – Сириус улетел, на Конькуре...

Думбльдор просиял.

– Молодцы. Кажется... – Он напряженно прислушался. – Да, кажется, вас тоже уже нет. Заходите – я вас запрю...

Оба проскользнули внутрь. В палате было пусто, только Рон неподвижно лежал у стены. Щелкнул замок, и ребята прокрались к своим койкам. Гермиона спрятала под мантию времяворот. И тут же из своего кабинета решительно выступила мадам Помфри.

– Директор ушел? Я могу наконец приступить к своим обязанностям?

Она была раздражена до крайности. Гарри и Гермиона почли за лучшее съесть шоколад без возражений. Мадам Помфри, нависнув над ними, следила, чтоб они не филонили. Но Гарри кусок в горло не лез. Они с Гермионой лежали, прислушивались, и нервы у них были на пределе... Наконец, когда мадам Помфри вручила им по четвертому куску, откуда-то сверху, издалека, донесся яростный рев...

– Это еще что? – всполошилась мадам Помфри.

Теперь раздавались сердитые голоса – все громче и громче. Мадам Помфри уставилась на дверь.

– Что за безобразие – они мне всех перебудят! С ума они посходили, что ли?

Гарри пытался разобрать, о чем говорят за дверью. Голоса надвигались...

– Он, наверное, дезаппарировал, Злотеус. Надо было кого-то при нем оставить. Когда об этом узнают...

– ОН НЕ ДЕЗАППАРИРОВАЛ! – почти совсем рядом проревел голос Злея. – ЗДЕСЬ НЕЛЬЗЯ НИ АППАРИРОВАТЬ, НИ ДЕЗАППАРИРОВАТЬ! НЕТ! ТУТ ЗАМЕШАН ПОТТЕР!

– Злотеус, помилуйте, Гарри был заперт...

БАМ!

Распахнулась дверь.

В палату ворвались Фудж, Злей и Думбльдор. Один только директор сохранял невозмутимость и, в сущности, выглядел очень довольным. Фудж был рассержен. А Злей – вне себя от ярости.

– ПРИЗНАВАЙСЯ, ПОТТЕР! – завопил он. – ЧТО ЕЩЕ ТЫ ВЫТВОРИЛ?

– Профессор Злей! – заверещала мадам Помфри. – Держите себя в руках!

– Послушайте, Злей, проявите благоразумие, – вмешался Фудж. – Дверь же заперта, мы сами только что видели...

– ОНИ ПОМОГЛИ ЕМУ СБЕЖАТЬ, Я УВЕРЕН! – взвыл Злей, тыча пальцем в Гарри и Гермиону. Его лицо исказилось; изо рта летела слюна.

– Придите в себя! – гаркнул Фудж. – Перестаньте молоть чепуху!

– ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ ПОТТЕРА! – визжал Злей. – ЭТО ОН, Я ЗНАЮ, ЭТО ОН!

– Довольно, Злотеус, – спокойно осадил его Думбльдор. – Подумайте, что вы говорите! Эта дверь была закрыта – я сам ее запер десять минут назад. Мадам Помфри, ваши пациенты вставали с кроватей?

– Разумеется, нет! – ошетинилась мадам Помфри. – Я бы услышала!

– Вот видите, Злотеус, – невозмутимо продолжил Думбльдор. – Если вы не подозреваете Гарри и Гермиону в том, что они способны быть в двух местах одновременно, боюсь, я не вижу оснований и дальше их беспокоить.

Злей постоял, кипя, переводя взгляд с Фуджа, глубоко шокированного таким его поведением, на Думбльдора, чьи глаза невинно поблескивали за стеклами очков. Затем развернулся, шумно колыхнув мантией, и умчался из палаты.

– А парень-то совсем того, – сказал Фудж, глядя ему вслед. – На вашем месте, Думбльдор, я бы за ним последил.

– Да нет, он в здравом уме, – тихо ответил Думбльдор. – Просто он пережил страшное разочарование.

– Не он один! – пропыхтел Фудж. – У «Оракула» случится праздник! Блэк был у нас в руках, а мы опять его упустили! Осталось только, чтобы вышла наружу история с гиппогрифом! Вот тогда я точно стану посмешищем! Что ж... надо бы уведомить министерство...

– А дементоры? – напомнил Думбльдор. – Надеюсь, их отошлют?

– Ну конечно, мы их уберем. – Фудж рассеянно взлохматил себе волосы. – Я и вообразить не мог, что у них хватит наглости попытаться запечатлеть Поцелуй на невинном ребенке... Как с цепи сорвались... Сегодня же отправлю их назад в Азкабан... Может, поставить у ворот драконов?..

– Огрид будет в восторге. – Думбльдор мельком улыбнулся Гарри и Гермионе.

Они с Фуджем вышли из палаты, и мадам Помфри поспешила запереть дверь. Затем, досадливо бормоча себе под нос, удалилась в свой кабинет.

Из угла донесся тихий хнык. Рон очнулся. Сел, потер голову, осмотрелся.

– Что?.. Что произошло? – простонал он. – Гарри? Почему мы здесь? Где Сириус? Где Люпин? Что вообще творится?

Гарри и Гермиона переглянулись.

– Объясни ты, – сказал Гарри, набрасываясь на шоколад.

Назавтра в полдень Гарри, Рон и Гермиона вышли из лазарета и обнаружили, что замок опустел. Экзамены кончились, жара стояла изнуряющая – естественно, все учащиеся воспользовались шансом и отправились в Хогсмед. Однако ни Рона, ни Гермиону туда не тянуло, и они вместе с Гарри слонялись по окрестностям замка, обсуждая события прошлой ночи и гадая, где сейчас Сириус и Конькур. На берегу озера, наблюдая, как гигантский кальмар лениво машет

щупальцами над водой, Гарри взглянул на другой берег и потерял нить разговора. Только вчера оттуда к нему прискакал олень...

Над ними нависла тень. Подняв глаза, ребята увидели Огрида – глаза мутные, лицо потное, в руках носовой платок размером со скатерть и улыбается до ушей.

– Яс'дело, не след мне радоваться после всего, чего ночью было, – сказал он. – В смысле Блэк опять ушел и все такое... Только знаете чего?

– Чего? – Они изобразили любопытство.

– Конька! Улетел! На свободу! Я всю ночь отмечал!

– Это же здорово! – воскликнула Гермиона, метнув укоризненный взгляд на Рона, который готов был расхохотаться.

– Ага... Видать, некрепко я его привязал. – Огрид восторженно поглядел вдаль. – Правда, с утра-то пришлось побеспокоиться... я подумал, вдруг он профессору Люпину попался... но Люпин говорит, он вчера никого не ел...

– Что? – быстро спросил Гарри.

– Батюшки, да неужто вы не слыхали? – Улыбка Огрида слегка полиняла. – Э-э-э... Злей уж раззвонил своим слизеринцам... Теперь уж, поди, всем известно... Профессор Люпин-то... оборотень! А вчера ночью бегал по двору на свободе... Ну, он уж, верно, и вещи собрал...

– Как вещи собрал? – встревожился Гарри. – Зачем?

– Так уезжает же ж, – удивился Огрид. – Прямо с утра подал заявление. Говорит, рисковать больше нельзя.

Гарри вскочил.

– Я пойду к нему, – сказал он Рону и Гермионе.

– Но раз он увольняется...

– Мы тут ничем не поможем...

– Мне все равно. Я хочу его видеть. Я потом вернусь.

Дверь в кабинет была нараспашку. Люпин уже почти все упаковал. Рядом с потертым сундуком, открытым и заполненным доверху, стоял пустой аквариум, где раньше жил загрыбаст. Люпин сосредоточенно склонился над столом и поднял голову, лишь когда Гарри постучал.

– Я видел, что ты ко мне идешь, – улыбнулся Люпин и показал на пергамент. Он, оказывается, смотрел в Карту Каверзника.

– Огрид говорит, вы уволились. Это ведь неправда?

– Боюсь, что правда, – ответил Люпин. Он принялся выдвигать и опустошать ящики стола.

– Но почему? – спросил Гарри. – В министерстве магии ведь не считают, что вы помогали Сириусу?

Люпин плотно прикрыл дверь.

– Нет. Профессору Думбльдору удалось убедить Фуджа, что я спасал вас. – Он вздохнул. – Но для Злотеуса это оказалось последней каплей. Думаю, его подкосила потеря ордена Мерлина. Поэтому он... ммм... *случайно* обронил за завтраком, что я оборотень.

– Вы не можете уволиться только из-за этого! – выпалил Гарри.

Люпин криво усмехнулся:

– Завтра в это же время слетятся совы от встревоженных родителей... Гарри, никто не захочет, чтобы его ребенка учил оборотень. И после этой ночи я согласен. Я мог укусить любого... Такое не должно повториться.

– У нас не было учителя защиты от сил зла лучше! – сказал Гарри. – Не уходите!

Люпин покачал головой и промолчал, опустошая ящики. Гарри пытался придумать аргумент, который убедит Люпина остаться в школе. После паузы тот сказал:

– По словам директора, тебе ночью удалось спасти не одну жизнь. Вот этим я горжусь – тем, чему ты уже научился. Расскажи про твоего Заступника.

– Откуда вы знаете? – Гарри отвлекся от своих мыслей.

– А что еще могло отогнать дементоров?

Гарри подробно рассказал обо всем Люпину. Когда закончил, Люпин снова улыбнулся.

– Да, твой отец превращался в оленя, – подтвердил он. – Ты верно догадался... Мы поэтому и звали его Рогалис.

Люпин кинул в сундук последние книжки, задвинул ящики и посмотрел на Гарри.

– Держи – я взял вчера в Шумном Шалмане. – И он протянул мальчику плащ-невидимку. – И еще... – Люпин колебался, а затем отдал и Карту Каверзника. – Я больше не учитель и не буду угрызаться, что вернул тебе и это. Мне она вряд ли понадобится, а вы с Роном и Гермионой, надо думать, найдете ей применение.

Гарри взял карту и улыбнулся:

– Вы как-то сказали, что Лунат, Червехвост, Мягколап и Рогалис были бы рады выманить меня из школы... вы сказали, это бы их позабавило.

– Нас бы это позабавило еще как. – Люпин закрыл сундук. – Ни секунды не сомневаюсь, что Джеймс был бы крайне разочарован, если б его сын не нашел ни одного секретного выхода из замка.

В дверь постучали. Гарри торопливо запихал карту и плащ в карман.

Вошел профессор Думбльдор. Увидев Гарри, он не удивился.

– Карета у ворот, Рем, – сказал он.

– Спасибо, директор.

Люпин подхватил старый сундук и пустой аквариум.

– Что ж... до свидания, Гарри, – улыбнулся он. – Мне было очень приятно тебя учить. Я уверен, что мы еще непременно встретимся. Директор, вам необязательно провожать меня до ворот, я сам...

Гарри показалось, что Люпин хочет уйти поскорее.

– Тогда до свидания, Рем, – серьезно произнес Думбльдор.

Люпин слегка сдвинул аквариум под мышкой и пожал руку Думбльдору. А затем, последний раз кивнув Гарри и быстро улыбнувшись, вышел из кабинета.

Гарри сел на пустой учительский стул и мрачно уставился в пол. Он услышал, как закрывается дверь, и поднял голову. Думбльдор не ушел.

– Ты почему такой грустный, Гарри? – тихо спросил он. – После вчерашнего ты должен гордиться собой.

– А что толку? – с горечью спросил Гарри. – Петтигрю сбежал.

– То есть как – что толку? – переспросил Думбльдор. – Очень даже много толку. Ты помог раскрыть правду. Ты спас невинного человека от ужасной судьбы.

Ужасной. Слово что-то всколыхнуло в памяти. *Могущественнее и ужаснее прежнего...* Предсказание профессора Трелони!

– Профессор Думбльдор! Вчера на экзамене по предсказаниям профессор Трелони стала вдруг какая-то... какая-то странная.

– В самом деле? – сказал Думбльдор. – Э-э-э... Больше, чем обычно?

– Да... У нее сделался такой низкий голос, и глаза закатились, и она сказала... она сказала, что до полуночи слуга Вольдеморта

отправится искать своего господина... И еще сказала, что этот слуга поможет ему вернуться к власти. – Гарри поглядел на Думбльдора. – А потом стала как бы уже нормальная и не помнила, что говорила. Это что – настоящее предсказание?

На Думбльдора эта история произвела некоторое впечатление.

– Ты знаешь, не исключено, – задумчиво произнес он. – Кто бы мог подумать? Теперь число ее настоящих предсказаний равняется двум. Надо повысить ей зарплату...

– Но... – Гарри воззрился на директора в ужасе. Чего это Думбльдор такой невозмутимый? – Это же я не дал Сириусу и профессору Люпину убить Петтигрю! Я буду виноват, если Вольдемоорт вернется!

– Отнюдь нет, – бесстрастно ответил Думбльдор. – Неужели времяворот ничему тебя не научил? Последствия наших поступков так сложны, так противоречивы, что предсказывать будущее невероятно трудно... Профессор Трелони, благослови ее небо, – живое тому подтверждение... Ты совершил очень благородный поступок, когда спас жизнь Петтигрю.

– А если он поможет Вольдемоорту обрести власть?

– Петтигрю обязан тебе жизнью. Ты отправил к Вольдемоорту посланника, который перед тобой в неоплатном долгу... Когда один колдун спасает жизнь другому, между ними возникает особая связь... И как-то я сомневаюсь, что Вольдемоорту нужен слуга, жизнью обязанный Гарри Поттеру.

– Я не хочу связи с Петтигрю! – заявил Гарри. – Он предал моих родителей!

– Таковы глубинные, самые непостижимые законы волшебства. Поверь мне... придет время, и ты будешь рад, что спас жизнь Петтигрю.

Гарри что-то не верилось. Думбльдор как будто прочел его мысли.

– Я очень хорошо знал твоего отца, Гарри, и в «Хогварце», и потом, – мягко проговорил он. – Он бы тоже спас Петтигрю, у меня нет сомнений.

Гарри поднял глаза. Думбльдор не станет смеяться – ему можно сказать...

– Я подумал, что это папа вызвал моего Заступника. В смысле когда я увидел сам себя на другом берегу... я подумал, что вижу его.

– Весьма простительная ошибка, – тихо отозвался Думбльдор. – Вероятно, тебе уже надоело это слышать, но ты и впрямь *невероятно* похож на Джеймса. Вот только глаза... у тебя глаза твоей матери.

Гарри потряс головой.

– Глупо, что я так подумал, – пробормотал он. – Я же знал, что он умер.

– А ты считаешь, мертвые, которых мы любили, взаправду покидают нас? Не о них ли яснее всего мы вспоминаем в тяжелые минуты? Твой отец живет в тебе, Гарри, и показывается, когда ты в нем нуждаешься. А как иначе ты смог бы вызвать вот *такого* Заступника? Прошлой ночью Рогалис снова ступал по этой земле.

До Гарри не сразу дошло.

– Вчера Сириус мне рассказал, как они все стали анимагами, – улыбнулся директор. – Необыкновенное достижение – в том числе то, что им удалось скрыть это от меня. А потом я вспомнил, сколь необычно выглядел твой Заступник, который повалил мистера Малфоя на квидишном матче с «Вранзором». Так что вчера ночью ты и впрямь видел отца... Ты нашел его внутри себя.

И Думбльдор отбыл, оставив Гарри наедине с его непростыми мыслями.

Кроме Гарри, Рона, Гермионы и профессора Думбльдора, никто в «Хогварце» не знал доподлинно, что случилось в ту ночь, когда исчезли Сириус, Конькур и Петтигрю. До конца семестра Гарри довелось услышать много версий, но ни одна и близко не подошла к истине.

Малфой исходил яростью из-за Конькура. Он был убежден, что Огрид придумал способ тайно переправить гиппогрифа в безопасное место, и больше всего злобился оттого, что их с отцом обдурил какой-то лесник.

Перси Уизли между тем много чего имел сказать о побеге Сириуса.

– Если меня возьмут в министерство, я внесу много новых предложений по усилению мер магической безопасности! – говорил он единственному человеку, который его слушал, – Пенелопе Диамант.

Несмотря на великолепную погоду, несмотря на всеобщее воодушевление, несмотря даже на то, что им удалось совершить невозможное и помочь Сириусу сбежать, Гарри еще ни разу не заканчивал учебный год в таком унынии.

Конечно, не он один переживал увольнение профессора Люпина. Весь класс был безутешен.

– Интересно, кто у нас будет на следующий год? – мрачно поинтересовался Шеймас Финниган.

– Может, вампир? – оптимистически предположил Дин Томас.

Но не только уход Люпина тяжким грузом висел на душе. Гарри не мог забыть о предсказании профессора Трелони. Он только и делал, что гадал, где-то теперь Петтигрю, нашел ли он уже прибежище у Вольдеморта. А больше всего его угнетало возвращение к Дурслеям. Особенно после того, как целых полчаса, счастливейшие полчаса, он верил, что отныне будет жить с Сириусом, лучшим другом родителей... Ничего прекраснее и выдумать нельзя – не считая, конечно, возвращения самих родителей. И хотя отсутствие новостей о Сириусе было хорошей новостью само по себе, так как означало, что тому удалось благополучно скрыться, Гарри поневоле горько сожалел о доме, который мог бы быть, но теперь ему заказан...

Результаты экзаменов объявили в последний день. Гарри, Рон и Гермиона благополучно сдали все предметы. К изумлению Гарри, ему удалось одолеть зельеделие. Он сильно подозревал, что вмешался Думбльдор – иначе Злей провалил бы Гарри нарочно. Последнюю неделю Злей попросту его пугал. Гарри и не думал, что неприязни Злея есть куда расти, однако она возросла. При виде Гарри тонкогубый рот у Злея неприятно подергивался, а пальцы сжимались, будто он жаждал сдавить мальчику горло.

Перси благополучно достался высший П.А.У.К.; Фред с Джорджем вполне удовлетворительно сдали на С.О.В.У. Гриффиндорский колледж, в основном благодаря великолепной квидишной победе, выиграл кубок школы вот уже третий год подряд. Поэтому пир в честь окончания учебного года проходил в ало-золотых декорациях, и гриффиндорский стол был самым шумным и веселился больше всех. Даже Гарри на время позабыл о возвращении к Дурслеям и ел, пил, болтал и смеялся вместе со всеми.

Следующим утром, когда «Хогварц-экспресс» отъезжал от станции, Гермиона поделилась с Гарри и Роном неожиданной новостью:

– Утром, до завтрака, я была у профессора Макгонаглл. Я решила бросить муглове дение.

– Как же так, ты же сдала экзамен на триста двадцать процентов! – воскликнул Рон.

– Да, – вздохнула Гермиона, – но я просто не переживу еще один такой год. Этот времяворот, он меня чуть с ума не свел. Я его сдала. А без прорицания и мугловедения у меня снова будет нормальное расписание.

– Я все-таки *не понимаю*, как ты даже нам ничего не рассказала, – проворчал Рон. – Мы же твои *друзья*.

– Я обещала, что не расскажу *никому*, – сурово отрезала Гермиона.

Она обернулась к Гарри – тот смотрел, как скрывается за горой «Хогварц». До возвращения еще целых два месяца...

– Гарри, пожалуйста, развеселись! – грустно попросила Гермиона.

– Да я ничего, – быстро ответил он. – Просто подумал про каникулы.

– Я вот тоже про них подумал, – сказал Рон. – Гарри, давай ты приедешь к нам. Я договорюсь с предками и позвоню. Я теперь умею по фелитону...

– По *телефону*, Рон, – поправила Гермиона. – Вот уж кому не помешало бы мугловедение...

Рон пропустил ее слова мимо ушей.

– Этим летом – чемпионат мира по квидишу! Здорово, скажи, Гарри? Давай к нам – вместе поедem! Папа обычно достает билеты на работе.

Предложение Рона подействовало: Гарри сильно взбодрился.

– Постараюсь... Дурслеи наверняка будут рады от меня отделаться... особенно после тети Марджи...

Гарри существенно полегчало; он поиграл с друзьями в карты-хлопушки, а когда приехала тележка с едой, купил себе весьма солидный обед – где, впрочем, не было ни крошки шоколада.

Но настоящее счастье случилось уже под вечер...

– Гарри, – спросила вдруг Гермиона, глядя ему за плечо, – это что там такое?

Гарри обернулся и посмотрел в окно. За стеклом прыгало что-то очень маленькое и серенькое. Гарри привстал, чтобы рассмотреть получше: за окном мелькал крошечный совенок с громадным письмом. Совенок кувыркался и временами пропадал – он был такой маленький, что его сносило воздушным потоком. Гарри распахнул окно и поймал

птичку. Как будто очень пушистый Проныра. Он осторожно втянул руку внутрь. Совенок уронил письмо на сиденье Гарри и заметался по купе, до крайности довольный, что удачно справился с доставкой. Хедвига с видом оскорбленной добродетели щелкнула клювом. Косолапсус подобрался, следя за совенком огромными желтыми глазами. Рон, заметив это, отловил совенка и спрятал от греха подальше.

Гарри взял письмо. Адресовано ему. Он разорвал конверт и завопил:

– Это от Сириуса!

– Что?! – возбужденно закричали Рон с Гермионой. – Читай вслух!

Дорогой Гарри,

Надеюсь, ты получишь мое письмо до приезда к дяде с тетей. Не знаю, как они относятся к совиной почте.

Мы с Конькуром скрываемся – не буду говорить где, на случай, если этот совенок попадет в чужие руки. Уж не знаю, надежен ли он, но ничего лучше я не нашел, а он горел желанием получить работу.

Кажется, дементоры продолжают меня искать, но здесь не найдут. Я покажусь на глаза паре-тройке муглов подальше от «Хогварца», чтобы с замка сняли охрану.

Кое-что я не сумел тебе сказать во время нашей короткой встречи. Это я прислал тебе «Всполох»...

– Ха! – воскликнула Гермиона с видом триумфатора. – Видите? Я же *говорила*, что это от него!

– Да, но он не был заговорен! – ехидно отозвался Рон. – Ой! – Крошечный совенок, радостно ухавший у Рона в кулаке, цапнул его за палец, считая, видимо, что так полагается нежничать.

Косолапсус отнес мой заказ на почту. Я назвался твоим именем, но велел взять деньги из моего сейфа 711 в «Гринготтсе». Считай это подарком на дни рождения за все тринадцать лет, что прошли без крестного.

Я бы хотел извиниться за то, что, кажется, напугал тебя в прошлом году, когда ты сбежал из дома. Я только хотел взглянуть на тебя перед тем, как двинуться на север, но, наверное, смотрелся я страшно.

Прилагаю еще кое-что – мне кажется, следующий год в «Хогварце» будет повеселее.

Если понадобится, пришли весточку. Твоя сова меня найдет.

Скоро напишу еще.

Сириус

Гарри с нетерпением заглянул в конверт. Там лежал еще один листок пергамента. Он пробежал текст глазами, и счастливое тепло разлилось по телу, будто он залпом выпил целую бутылку горячего усадэля.

Я, Сириус Блэк, крестный отец Гарри Поттера, настоящим разрешаю ему посещать Хогсмед по выходным.

– Думбльдору этого будет достаточно! – сказал довольный Гарри. Он снова посмотрел на письмо. – Погодите-ка, тут еще постскриптум...

Может быть, твой друг Рон захочет оставить себе этого совенка – это же моя вина, что он лишился крысы.

Рон вытаращил глаза. Микроскопическая птичка восторженно ухала.

– Оставить? – неуверенно повторил он.

Он внимательно посмотрел на совенка, а затем, к величайшему удивлению Гарри и Гермионы, сунул его под нос Косолапсусу.

– Ты как считаешь? – спросил Рон у кота. – Настоящий?

Косолапсус заурчал.

– А этого достаточно для меня, – радостно сказал Рон. – Беру.

Всю дорогу до Кингз-Кросс Гарри читал и перечитывал письмо Сириуса. Он сжимал его в руке, даже когда они с Роном и Гермионой прошли через барьер на платформе 9¾. Дядю Вернона Гарри увидел сразу. Тот стоял как можно дальше от мистера и миссис Уизли и подозрительно на них посматривал. Когда миссис Уизли обняла Гарри, худшие дядины опасения оправдались.

– Я позвоню насчет чемпионата! – заорал Рон вслед Гарри.

Тот уже простился с ним и с Гермионой и катил тележку с сундуком и Хедвигой к дяде Вернону, который поздоровался с племянником в своей обычной манере.

– А это еще что? – рыкнул он, глянув на конверт у Гарри в руке. – Если еще какое-нибудь разрешение, чтобы я подписал, то заруби себе...

– Это не разрешение, – весело ответил Гарри, – это письмо от моего крестного.

– Крестного? – фыркнул дядя Вернон. – Нет у тебя никакого крестного!

– А вот и есть, – задорно отозвался Гарри. – Он был лучшим другом моих родителей. Он, правда, осужден за убийство, но удрал из колдовской тюрьмы и теперь в бегах. И он все равно мне пишет... интересуется, как я живу... всем ли доволен...

На дядиной физиономии нарисовался ужас, а Гарри широко ухмыльнулся и, грохоча совиной клеткой, направился к выходу с вокзала, навстречу лету, которое будет гораздо счастливее предыдущего.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Прочтите первую главу следующей книги из серии о Гарри Поттере...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и кубок огня

ГАРРИ ПОТТЕР

И КУБОК ОГНЯ

4

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Глава первая

Дом Реддлей

В деревне Малый Висельтон этот особняк по старинке называли «домом Реддлей», хотя семья Реддлей давно уже здесь не жила. Особняк высился на холме над деревней. Окна тут и там были заколочены, с крыши постепенно осыпалась черепица, а по фасаду буйно и беспрепятственно расплзался плющ. Когда-то прекрасный, все в округе затмевавший величием, дом Реддлей стоял теперь замшелый, заброшенный и необитаемый.

Малые висельтонцы сходились во мнении, что старый дом – «жутъ, да и только». Полвека назад в нем случилось нечто странное и ужасное, нечто такое, о чем старожилы до сих пор любили посудачить, когда иссякали другие темы для сплетен. От бесконечных пересказов история обросла цветистыми подробностями, и никто уже не знал, где правда, а где нет, но все версии начинались одинаково: с прекрасного летнего утра пятьдесят лет назад, когда солидный дом Реддлей еще блистал своей лощеной красотой. В тот день на рассвете служанка вошла в гостиную и обнаружила всех троих обитателей дома мертвыми.

Служанка заголосила и помчалась с холма, поднимая деревню:

– Лежат! Холодные как лед! А глаза-то открытые! Как были – в вечерней одеже!

Вызвали полицию. В Малом Висельтоне бурлило потрясенное любопытство и плохо скрываемое возбуждение. Никто особо и не пытался притвориться, что жалеет Реддлей – их не любили. Эти богачи, старый мистер Реддль с женой, только и умели, что нос задирать да на всех гавкать, а их взрослый сын Том и подавно. Жителей деревни волновало одно: кто убийца? Ясно же, что три вроде бы вполне здоровых человека не могут дружно помереть своею смертью в одну ночь.

В тот вечер в «Висельчаке», деревенском пабе, не успевали принимать заказы; народ пришел обсуждать убийство. И люди не пожалели, что покинули родные очаги: явилась кухарка Реддлей и

драматически объявила притихшему собранию, что арестовали Фрэнка Брайса.

– Фрэнка?! – вскричало сразу несколько человек. – Не может быть!

Фрэнк Брайс работал у Реддлей садовником и жил при особняке в полуразвалившемся домике. Он, как вернулся после войны с искалеченной ногой и огромной неприязнью к шуму и толпам, так и поступил к Реддлям.

Кухарку поспешили угостить стаканчиком, ибо жаждали услышать подробности.

– А я всегда говорила, дурковатый он! – сообщила она напряженно внимающей толпе после четвертого хереса. – Смурной какой-то вечно. Я ж к нему и с чайком, и так и этак, посидим-де, потолкуем, а он – бирюк бирюком!

– Бросьте, – вмешалась женщина у стойки, – как-никак человек прошел войну. Фрэнк любит покой. С какой стати...

– А у кого ж еще был ключ от задней двери? – бухнула кухарка. – Сколько себя помню, всегда у садовника запасной ключ висел! Дверь-то не взломана! Окна не разбиты! Фрэнку всего-то и надо было, пробраться в большой дом, пока все спят...

Народ мрачно переглянулся.

– Мне он никогда не нравился, вот хоть режь, – проворчал мужик у стойки.

– Это он на войне сделался такой странный, – сказал хозяин заведения.

– Помнишь, я же говорила, что Фрэнку под горячую руку не попадайся, помнишь, Дот? – жарко заговорила женщина в углу.

– Ужасный характер, – рьяно закивала Дот. – Помню, когда он был еще пацаненком...

К утру никто уж и не сомневался, что Реддлей прикончил Фрэнк Брайс.

Однако неподалеку, в соседнем городке Большой Висельтон, в сумрачном и грязном полицейском участке Фрэнк упрямо твердил, что не виноват, а возле дома в день убийства видел разве только незнакомого паренька, бледного и темноволосого. Больше никто в деревне никакого паренька не приметил, и в полиции были уверены, что Фрэнк его выдумал.

Над головой бедного Фрэнка сгустились тучи, но тут прибыл рапорт о вскрытии – и ситуация совершенно переменялась.

Полицейским никогда еще не попадался рапорт необычнее. Патологоанатомы всесторонне исследовали тела и пришли к заключению, что ни один из Реддлей не был отравлен, зарезан, застрелен, задушен, не задохнулся сам и (насколько можно судить) вообще не пострадал. Собственно говоря, сообщалось в рапорте с явным изумлением, все Реддли отменно здоровы – правда, мертвы. Доктора, впрочем, не преминули указать (как бы пытаясь отыскать хоть что-нибудь несообразное), что на лицах у покойных застыло выражение смертельного ужаса – но слыхано ли, разочарованно заметили полицейские, чтобы людей, троих разом, взяли и *запугали* до смерти?

Поскольку доказательств, что Реддлей убили, не нашлось, Фрэнка отпустили. Реддлей похоронили при маловисельтонской церкви, и одно время их могилы сильно привлекали любопытных. Фрэнк Брайс, ко всеобщему удивлению и несмотря на косые взгляды, вернулся в свой домик в поместье Реддлей.

– А я вам говорю, это он их порешил, и мало ли чего там считает полиция, – заявила Дот в «Висельчаке». – Была б у него совесть, он бы здесь не остался, коль уж мы все знаем, что он убийца.

Но Фрэнк не уехал. Он остался и ухаживал за садом для следующего семейства, поселившегося в доме Реддлей, а потом и для следующего – долго в особняке никто не задерживался. Из-за Фрэнка или еще почему всякий новый владелец объявлял атмосферу в доме неприятной, и так, в отсутствие обитателей, особняк приходил в упадок.

Нынешний состоятельный владелец не жил в доме Реддлей и вообще им не пользовался; в деревне говорили, что он купил дом «по налоговым соображениям», но не умели толком объяснить, что это значит. Состоятельный владелец тем не менее продолжал платить Фрэнку за садовничество. Фрэнк готовился отметить свое семидесятисемилетие. Он почти оглох, хромал сильнее прежнего, но в хорошую погоду исправно тыкал совком в клумбы, хотя сорняки уже грозили прорасти сквозь него самого.

Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки взяли дурную манеру бросаться камнями в окна особняка. Они гоняли на велосипедах прямо по газонам, за которыми Фрэнк так старательно ухаживал. Пару раз хулиганы вломились в старый дом на слабó. Они знали, что старик Фрэнк будет до последнего защищать дом и двор, и потешались, глядя, как он ковыляет на хромо́й ноге, угрожающе размахивает палкой и, ворона вороной, выкрикивает проклятия. А по убеждению Фрэнка, мальчишки издевались, потому что, как и их родители, и дедушки с бабушками, считали его убийцей. И однажды августовской ночью, проснувшись и заметив, что в доме творится что-то очень и очень подозрительное, он решил, что мучители всего-навсего опять пытаются его доконать.

Фрэнка разбудила боль в ноге; в старости она его совсем затерзала. Он поднялся с постели и, хромя, спустился в кухню, думая подлить горячей воды в грелку, которая одна могла унять ноющее колено. Стоя перед раковиной и дожидаясь, пока наполнится чайник, он взглянул на дом Реддлей и в верхних окнах увидел мерцающий свет. Фрэнк мигом догадался, в чем дело. Опять мальчишки! Вломились в дом и к тому же – судя по отблескам – развели там костер!

Телефона у Фрэнка не было, да и в любом случае после своего ареста он сильно не доверял полиции. Он отставил чайник, поспешил наверх, насколько позволяла больная нога, оделся, вскоре вернулся в кухню и снял с крючка у двери ржавый запасной ключ. Захватил свою палку, что стояла у стены, и вышел во тьму.

Передняя дверь дома Реддлей не взломана. Окна тоже в порядке. Фрэнк похромал вокруг дома к задней двери, почти заросшей плющом, вставил ключ в замочную скважину и бесшумно отворил.

Он прошел в гулкую кухню. Не заходил сюда вот уже много лет, однако вспомнил, какая дверь ведет в холл, и ощупью направился туда. Ноздри наполнил запах тлена и разрушения, слух обострился до предела в ожидании малейшего отзвука шагов или голосов. Он вышел в холл, где было чуть светлее – по обеим сторонам парадной двери высокие окна, – и начал карабкаться вверх по лестнице. Хорошо, что толстый слой пыли на каменных ступенях заглушает стук подошв и палки.

На площадке Фрэнк повернул вправо и сразу понял, где хулиганы: дверь в самом конце коридора была приоткрыта, и в щели неярко мерцал свет, длинной золотой полосой ложась на черный пол. Фрэнк, крепко ухватившись за палку, потихоньку продвигался ближе. В нескольких футах от порога за дверью стала видна часть комнаты.

Огонь, как выяснилось, разожгли в очаге. Это удивило Фрэнка. Он замер и внимательно прислушался: из комнаты доносился мужской голос, робкий и даже испуганный:

– В бутылке кое-что осталось, милорд, если вы еще голодны.

– Позже, – раздался второй голос. Он тоже принадлежал мужчине, но звучал странно: пронзительно и холодно, как внезапный порыв ледяного ветра. Почему-то от этого голоса редкие волосы у Фрэнка на затылке встали дыбом. – Придвинь меня к огню, Червехвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Звякнула бутылка, поставленная на что-то твердое, ножки кресла тяжело и глухо проскребили по полу. В проеме спиной к Фрэнку промелькнул человечек: он толкал кресло к камину. Длинный черный плащ, на затылке плешь. Потом человечек вновь исчез из виду.

– Где Нагини? – спросил ледяной голос.

– Не... не знаю, милорд, – нервно задрожал в ответ первый голос. – Осматривает дом, по-моему...

– Ты подоишь ее перед тем, как мы отправимся спать, Червехвост, – приказал второй голос. – Ночью мне понадобится питание. Путешествие крайне утомило меня.

Нахмутив брови, Фрэнк наклонил слышащее ухо еще ближе к двери. После паузы человек по прозвищу Червехвост снова заговорил:

– Милорд? Позвольте спросить, долго мы здесь пробудем?

– Неделью, – ответил ледяной голос. – Или дольше. Здесь достаточно удобно, а дальнейшее развитие плана пока невозможно. Глупо действовать, пока не кончится чемпионат мира по квидишу.

Фрэнк сунул в ухо шишковатый палец и повертел. Видимо, опять сера скопилась – иначе откуда бы такое непонятное слово «квидиш»? Да и не слово это никакое.

– Чем... чемпионат по квидишу, милорд? – переспросил Червехвост. (Фрэнк сильнее повертел пальцем в ухе.) – Простите, но... я не понимаю... зачем нам ждать окончания чемпионата?

– Затем, идиот, что сейчас в страну прибывают колдуны со всего мира и болваны из министерства магии уже начеку и по любому поводу проверяют и перепроверяют удостоверения личности. Они же помешаны на безопасности – а то ведь муглы, не приведи небо, заметят! Уж лучше мы подождем.

Фрэнк оставил попытки прочистить ухо. Он явственно расслышал слова «министерство магии», «колдуны» и «муглы». Без сомнения, эти выражения что-то обозначают – это шифр. Фрэнк знал лишь два типа людей, употребляющих шифры, – стало быть, тут у нас либо шпионы, либо преступники. Фрэнк покрепче уперся в пол палкой и стал слушать еще внимательнее.

– Значит, ваша светлость, вы полны решимости? – тихонько спросил Червехвост.

– Разумеется, я полон решимости, Червехвост. – В ледяном голосе засквозила злоба.

Еле уловимая пауза – а затем Червехвост заговорил. Слова посыпались из него кувырком, точно он спешил высказаться прежде, чем потеряет кураж.

– Это можно сделать и без Гарри Поттера, милорд.

Снова пауза, длиннее.

– Без Гарри Поттера? – еле слышно выдохнул второй голос. – Понятно...

– Милорд, я говорю это не потому, что забочусь о мальчишке! – взвизгнул Червехвост. – Мальчишка для меня ничего не значит, совсем ничего! Но с другим колдуном или ведьмой – любым другим колдуном или ведьмой! – дело бы сладилось гораздо быстрее! Если бы вы согласились отпустить меня ненадолго – вы же знаете, я умею превосходно маскироваться, – я бы вернулся с подходящим человеком уже через пару дней...

– Я мог бы использовать другого колдуна, – тихо сказал второй голос, – это правда...

– Милорд, это ведь разумно, – в голосе Червехвоста слышалось огромное облегчение, – потому что достать Гарри Поттера так сложно, его так тщательно охраняют...

– И ты готов привести замену? Интересно... быть может, тебе, Червехвост, стало утомительно выкармливать меня? Быть может, твое

предложение изменить первоначальный план не что иное, как попытка сбежать от меня?

– Милорд! Я вовсе не хочу покидать вас, у меня нет ни малейшего...

– Не смей мне лгать! – зашипел второй голос. – Я всегда знаю, когда ты лжешь, Червехвост! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я тебе отвратителен. Я же вижу, как ты кривишься, когда смотришь на меня, вижу, как ты содрогаешься, прикасаясь ко мне...

– Нет! Моя преданность вашей светлости...

– Твоя преданность – от трусости. Ты пришел, потому что больше некуда было идти. Как я выживу без тебя, если меня необходимо кормить каждые несколько часов? Кто будет доить Нагини?

– Но вы так окрепли, милорд...

– Лжец, – выдохнул второй голос. – Я вовсе не окреп, а за несколько дней в одиночестве могу лишиться и того весьма сомнительного здоровья, которое обрел благодаря твоей неуклюжей заботе. *Тихо!*

Червехвост, безостановочно бормотавший что-то невразумительное, мгновенно умолк. Несколько секунд Фрэнк слышал только, как в камине потрескивает огонь. Затем второй человек снова зашептал – будто змея зашипела:

– У меня свои причины использовать мальчишку, как я тебе уже объяснял, и никто другой мне не подходит. Я ждал тринадцать лет. Подожду и еще несколько месяцев. Что касается его охраны, я уверен, мой план сработает. А от тебя, Червехвост, требуется лишь немного отваги – и ты найдешь ее в себе, если не хочешь познать всю полноту гнева Лорда Вольдеморта...

– Милорд, позвольте сказать! – в панике закричал Червехвост. – Все наше путешествие я снова и снова обдумывал ваш план – милорд, исчезновение Берты Джоркинс не останется незамеченным надолго, и если мы продолжим, если я наложу проклятие на...

– Если? – ужасным шепотом переспросил второй голос. – *Если?* Если ты будешь действовать по плану, Червехвост, в министерстве никогда не догадаются, что исчез кто-то еще. Ты все сделаешь тихо, без суеты; я лишь жалею, что не могу сам, но... в моем нынешнем положении... Ну полно, Червехвост! Осталось устранить всего одно препятствие – и путь к Гарри Поттеру свободен! Я не требую, чтобы

ты работал в одиночку. Нет, к тому времени к нам присоединится мой верный слуга...

– Я ваш верный слуга, – сказал Червехвост с еле заметной обидой.

– Червехвост, мне нужен тот, у кого есть мозги, кто ни на минуту не дрогнул в своей преданности, а ты, к несчастью, моим требованиям не удовлетворяешь.

– Это я вас нашел, – обида Червехвоста проступила явственно, – я! И привел к вам Берту Джоркинс.

– Это правда, – отозвался второй, слегка развеселившись. – Проблеск гения, которого я, признаться, не ожидал от тебя, Червехвост, – хотя, если уж начистоту, ты ведь не сознавал, сколь полезна она окажется, правда?

– Я... я сразу подумал, что она может пригодиться, милорд...

– Лжец, – заявил второй человек, уже откровенно и жестоко веселясь. – При этом, не отрицаю, ее информация была бесценна! Без нее мой план попросту провалился бы. Ты будешь вознагражден, Червехвост. Я позволю тебе исполнить для меня чрезвычайно важное дело – многие из моих последователей охотно отдали бы за это правую руку...

– Н-н-неужели, милорд? Какое же?... – Червехвост опять пришел в ужас.

– Ах, Червехвост, зачем портить сюрприз? Твой выход в самом конце спектакля... Но обещаю, тебе будет предоставлена честь внести столь же важную лепту, как и Берта Джоркинс.

– Вы... вы... – Червехвост вдруг охрип, словно у него совершенно пересохло во рту. – Вы... убьете... и меня тоже?

– Червехвост, Червехвост, – укорил ледяной голос, – ну зачем мне тебя убивать? Берту убить пришлось, после допроса от нее уже решительно не было проку. Да и в любом случае, представь, какие вопросы ей стали бы задавать, вернись она в министерство с известием, что на каникулах повстречала тебя. Псевдопокойным личностям не след встречаться с министерскими ведьмами в придорожных гостиницах...

Червехвост забормотал так тихо, что Фрэнк не расслышал, но второй человек расхохотался – и этот смех, ледяной, как и его голос, лишен был всякой радости.

– *Модифицировать ее память?* Но заклятия забвения так легко снимаются умелыми колдунами – что я сам доказал, когда ее допрашивал. Кроме того, было бы оскорблением ее *памяти* не использовать информацию, которую я извлек.

Фрэнк внезапно заметил, что рука, стиснувшая палку, стала скользкой от пота. Человек с ледяным голосом убил женщину. И говорит об этом без тени сожаления – ему *весело*. Он опасен – маньяк. И планирует новое убийство – мальчик, Гарри Поттер какой-то, в опасности...

Фрэнк знал, что делать. Вот сейчас-то ему прямая дорога в полицию. Он выберется из дома и направится в деревню, к телефонной будке... но ледяной голос зазвучал опять, и Фрэнк застыл на месте, ловя каждое слово.

– Еще только одно проклятие... мой верный слуга в «Хогварце»... и Гарри Поттер – мой! Решено. Больше никаких споров. Но тихо... кажется, я слышу Нагини...

Его голос переменялся. Таких звуков Фрэнк никогда раньше не слышивал; не переводя дыхания, человек шипел и брызгал слюной. Наверное, припадок, решил Фрэнк.

И вдруг сзади, в коридоре, что-то шевельнулось. Фрэнк обернулся – и от страха его парализовало.

По полу скользило нечто, и, когда оно оказалось в полосе света от камина, он в ужасе разглядел, что это гигантская змея – футов двенадцать по меньшей мере. Пораженный, онемевший, Фрэнк смотрел, как ее тело волнами прорезает в пыли широкую дугу и подползает все ближе, ближе... Что делать? Спрятаться можно только в комнате, где эти двое планируют убийство, но, если остаться здесь, змея, скорее всего, убьет его...

Не успел он ничего сообразить, как змея поравнялась с ним, а затем – непостижимо, просто чудо какое-то! – проползла мимо, влекомая шипением и фырканием человека с ледяным голосом. Мгновение – и ее узорчатый, в ромбах, хвост исчез за дверью.

Фрэнка прошиб пот, рука с палкой задрожала. Из комнаты несло шипение, и старика посетила странная, невозможная мысль... *Этот человек умеет говорить по-змеиному.*

Да что ж тут происходит? Больше всего на свете Фрэнк хотел очутиться в своей постели со своей грелкой. Только вот беда – ноги не

двигаются. Пока он трясся и старался совладать с собой, ледяной голос вдруг вновь заговорил на нормальном английском языке.

– Нагини принесла интересное известие, Червехвост, – сказал он.

– В с-с-самом д-деле, м-милорд? – отозвался тот.

– В самом деле, – подтвердил голос. – По словам Нагини, за дверью стоит старый мугл и слушает наш разговор.

Фрэнк никак не успел бы спрятаться. Раздались шаги, и дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял низкорослый сидящий мужчина с острым носом и маленькими водянистыми глазками, и на лице его страх мешался с тревогой.

– Пригласи его войти, Червехвост. Что у тебя за воспитание?

Ледяной голос доносился из старинного кресла, повернутого к огню. Кто говорит, Фрэнк не видел. Но видел, что на полусгнившем коврик у камина свернулась змея – жуткая пародия на комнатную собачку.

Червехвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на потрясение, старик посильнее ухватился за палку и, прихрамывая, переступил порог.

Камин был единственным источником света в комнате; он отбрасывал на стены длинные паукообразные тени. Фрэнк смотрел на задник кресла; человек, сидевший в нем, видимо, был еще меньше, чем его слуга, – даже макушка не показывается.

– Ты все слышал, мугл? – прозвучал ледяной голос.

– Как это вы меня назвали? – спросил Фрэнк с вызовом. Теперь, когда пришло время действовать, он расхрабрился; вот и на войне всегда так бывало.

– Я назвал тебя муглом, – невозмутимо объяснил голос. – Это означает, что ты не колдун.

– Не знаю, что еще за «колдун» такой, – голос Фрэнка окреп, – знаю только, что наслушался довольно и полиция вами заинтересуется, уж будьте уверены. Вы совершили убийство и затеваете новое! И вот еще что, – добавил он по наитию, – моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь...

– У тебя нет никакой жены, – очень спокойно оборвал голос. – Никто не знает, где ты. Ты никому не говорил, что идешь сюда. Бесполезно лгать Лорду Вольдеморту, ибо он видит... он все видит...

– Ах вот как? – выпалил Фрэнк. – Лорд, стало быть? Ну и манеры же у вас, дорогой *лорд*. Повернулись бы лицом, как подобает человеку!

– Но я не человек, мугл, – еле слышный за потрескиванием поленьев, молвил голос. – Я гораздо, гораздо больше, чем просто человек... Однако... почему бы и нет? Я покажу тебе свое лицо... Червехвост, будь любезен, разверни кресло.

Слуга заскулил.

– Ты слышал меня, Червехвост.

Медленно-медленно, гадливо сморщившись, будто готов на что угодно, лишь бы не приближаться к своему господину и коврику со змеей, человечек подошел и начал разворачивать кресло. Змея подняла отвратительную треугольную голову и легонько зашипела, когда ножки кресла задели коврик.

И вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что там. Палка со стуком упала на пол. Фрэнк распахнул рот и завопил. Он вопил так громко, что не услышал тех слов, которые, подняв палочку, произнес сидевший в кресле. Ослепительно полыхнуло зеленым, что-то просвистело в воздухе, и Фрэнк Брайс упал как подкошенный. Он умер, еще не коснувшись пола.

В двухстах милях от особняка мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

Pottermore

from J.K. Rowling

Pottermore

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Prisoner of Azkaban

Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2017 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2014 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 1999

Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited

Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-190-2